Герритсен Тесс

Тот, кто умрет последним

Моей матери Руби Жуй Цзюн Дон

Мы называли его Икар.

Конечно, это не было его настоящим именем. Детство, проведенное на ферме, научило меня, что не стоит давать имя животному, предназначенному на убой. Вместо этого ты называешь его Свинья Номер Один или Свинья Номер Два, и всегда избегаешь смотреть ему в глаза, чтобы оградить себя от любого проблеска самосознания, индивидуальности или привязанности. Когда зверь доверяет тебе, требуется гораздо больше решимости, чтобы перерезать ему горло.

С Икаром у нас таких проблем не было, он не доверял нам и вообще абсолютно не подозревал о том, кем мы были. Но мы знали о нем многое. Знали, что он живет за высокими стенами в вилле на холме, расположенной на окраине Рима. Знали, что у него и его жены Лучии было два сына, восьми и десяти лет. Что, несмотря на огромное состояние, он предпочитал простую еду, и его любимым рестораном был «Ла Нонна»[1]*, где он обедал почти каждый четверг.*

И то, что он был чудовищем. Именно по этой причине мы и оказались этим летом в Италии.

Охота на монстров не для слабонервных. Не для тех, кто связан банальными принципами вроде закона или национальных границ. Чудовища, в конце концов, не играют по правилам, поэтому и мы не можем. Не можем, если надеемся победить их.

Но когда вы отказываетесь от общепринятых стандартов поведения, то рискуете сами стать чудовищем. Что и произошло в Риме этим летом. Я не увидел этого вовремя, никто из нас.

Пока не стало слишком поздно.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В ту ночь, когда тринадцатилетняя Клэр Уорд должна была умереть, она стояла на подоконнике своей итакской[2] спальни, пытаясь решить, стоит ли прыгать. Двадцатью футами[3] ниже располагались редкие кусты форсайтии[4] с давно осыпавшимися цветами. Они наверняка смягчат падение, но, скорее всего, без переломанных костей не обойдется. Клэр посмотрела на клен, задержав взгляд на толстой ветке, от которой ее

отделяли лишь несколько футов. Прежде она ни разу не пыталась совершить подобный прыжок, поскольку в этом не было необходимости. До сегодняшней ночи ей удавалось ускользать через входную дверь, оставаясь незамеченной. Но те ночи легких побегов закончились, потому что Скучный Боб обо всем догадался. «*С этого момента, юная леди, ты остаешься дома! Отныне ты прекращаешь шататься по городу после наступления темноты, словно дикая кошка!*»

«Если в прыжке я сверну себе шею, — подумала она, — это будет виной Боба».

Да, та кленовая ветка определенно находилась в пределах досягаемости. У Клэр было куда пойти, были люди, которых она хотела видеть, и она не могла вечно тут торчать, прикидывая свои шансы.

Девочка присела, готовясь к прыжку, но внезапно замерла, увидев на углу улицы приближающийся свет автомобильных фар. Внедорожник проплыл под ее окном, словно черная акула и продолжал медленно двигаться по тихой улочке, будто разыскивая конкретный дом. «Это точно не к нам», — подумала она; никто интересный никогда не появлялся в жилище ее приемных родителей — Скучного Боба и Столь Же Скучной Барбары Бакли. Даже их имена были скучными, не говоря уж о разговорах за ужином. «*Как у тебя прошел день, дорогой? А у тебя? Погода налаживается, верно? Не передашь мне картофель?*»

В их домашнем, педантичном мире Клэр была чужачкой, диким ребенком, которого они никогда не понимали, хотя и пытались. Они и в самом деле пытались. Ей следовало бы жить среди художников, артистов или музыкантов — людей, которые не спят всю ночь напролет и знают толк в развлечениях. Людей *ее* склада.

Черный внедорожник скрылся из виду. Сейчас или никогда.

Клэр глубоко вдохнула и прыгнула, ощутив свист ночного воздуха в своих длинных волосах, пока летела сквозь тьму. Она приземлилась, изящно словно кошка, и ветка завибрировала под ее весом. Проще простого. Клэр спустилась на нижнюю ветвь и уже собиралась спрыгнуть, когда вернулся тот черный внедорожник. Он вновь проплыл мимо, урча двигателем. Она наблюдала за ним, пока тот не исчез за углом, а затем рухнула в мокрую траву.

Оглянувшись на дом, Клэр ожидала увидеть Боба, который распахивает входную дверь и кричит: «*Немедленно вернись внутрь, юная леди!*» Но крыльцо по-прежнему оставалось темным.

Итак, ночь началась.

Она застегнула молнию на своей кофте с капюшоном и направилась к городскому пустырю, где кипела жизнь, если можно так выразиться. В столь поздний час улица была тихой, большинство окон темнели. Это был образцовый район — прекрасные дома с пышной отделкой; улица, населенная профессорами колледжей и сидящими на клейковине веганскими мамашками[5], состоящими в книжных клубах. *Десять квадратных миль, оторванных от реального мира,* как ласково Боб описывал городок, но он и Барбара были его частью.

Клэр же не знала, частью чего была она.

Она зашагала по улице, расшвыривая опавшие листья своими потертыми ботинками. Впереди нее у многоэтажки трое подростков — два парня и девушка, стояли с сигаретами в пятне света, отбрасываемом уличным фонарем.

— Привет, — крикнула им Клэр.

Парень повыше помахал рукой.

— Привет, Клэр-Медвежонок. Слышал, ты снова угодила под домашний арест.

— Секунд на тридцать.

Она взяла протянутую тлеющую сигарету, набрала полные легкие дыма и выдохнула его со счастливым видом.

— Ну и какие планы у нас на сегодня? Чем займемся?

— Я слышал о вечеринке у водопада. Но нам нужно найти тачку.

— Как насчет твоей сестры? Она могла бы отвезти нас.

— Неа, отец забрал у нее ключи от машины. Давайте просто поторчим здесь и посмотрим, кто еще появится.

Парень замолчал и бросил хмурый взгляд через ее плечо.

— Ну и ну. Посмотрите, кто приехал.

Клэр обернулась и простонала, когда темно-синий «Сааб» остановился на обочине подле нее. Окно со стороны пассажира опустилось, и Барбара Бакли произнесла:

— Клэр, садись в машину.

— Я всего лишь тусуюсь со своими друзьями.

— Уже почти полночь, а завтра тебе в школу.

— Я не сделала ничего противозаконного.

С водительского сиденья Боб Бакли приказал:

— *Немедленно* садись в машину, юная леди!

— Вы не мои родители!

— Но *мы* несем за тебя ответственность. Наше дело — вырастить тебя правильно, что мы и пытаемся сделать. Если ты сейчас же не поедешь с нами домой, тогда будут… тогда будут, ну, последствия!

«Ага, я так боюсь, что аж трясусь от страха». Она было засмеялась, но внезапно заметила, что на Барбаре надет халат, а волосы Боба с одной стороны головы торчат дыбом. Они так спешили догнать ее, что даже не успели одеться. Оба выглядели старше и изможденнее обычного — помятая пожилая пара, которую подняли из кровати и которая из-за нее завтра проснется разбитой.

Барбара устало вздохнула.

— Я знаю, что мы не твои родители, Клэр. Знаю, что тебе ненавистно жить с нами, но пытаемся сделать как лучше. Поэтому, пожалуйста, сядь в машину. Находиться здесь небезопасно.

Клэр бросила раздосадованный взгляд на своих друзей, затем уселась на заднее сиденье «Сааба» и захлопнула дверь.

— Достаточно? — сказала она. — Довольны?

Боб повернулся к ней.

— Это не ради нас. Это ради тебя. Мы поклялись твоим родителям, что всегда будем заботиться о тебе. Если бы Изабель была жива, ее сердце бы разбилось, увидь она тебя сейчас. Неконтролируемая, вечно недовольная. Клэр, ты получила второй шанс, и это дар. Пожалуйста, не разбрасывайся им. А теперь пристегнись, хорошо?

Если бы он был зол, если бы кричал на нее, она смогла бы справиться с этим. Но взгляд, которым он смотрел на нее, был таким скорбным, что она почувствовала себя виноватой. Виноватой в том, что была идиоткой, что отплатила бунтарством за их доброту. Бакли не были виноваты в том, что ее родители мертвы. Это ее жизнь была разрушена.

Пока они ехали, Клэр сидела на заднем сиденье, обхватив себя руками и мучаясь от угрызений совести, но слишком гордая, чтобы извиниться. «Завтра я стану вести себя лучше по отношению к ним, — подумала она. — Помогу Барбаре накрыть на стол, может, даже помою автомобиль Боба. Потому что, черт возьми, эта машина нуждается в мойке».

— Боб, — произнесла Барбара. — Что вытворяет этот автомобиль?

Двигатель взревел. Свет фар мчался прямо на них.

Барбара закричала:

— *Боб!*

От удара Клэр отбросило назад ремнем безопасности, а ночь взорвалась ужасными звуками. Бьющееся стекло. Скрежет сминающейся стали.

И кто-то плакал, всхлипывая. Открыв глаза, она увидела, что мир перевернулся вверх ногами, и поняла, что всхлипы были ее собственными.

— Барбара? — прошептала она.

Она услышала приглушенный *хлопок*, затем другой. Пахло бензином. Клэр висела, удерживаемая ремнем безопасности, и тот врезался так глубоко под ребра, что она едва могла дышать. Девочка нащупала карабин. Тот со щелчком открылся, и ее голова ударилась о крышу, боль прострелила шею. Каким-то чудом Клэр удалось перевернуться на живот и увидеть разбитое окно. Запах бензина стал сильнее. Она поползла к окну, думая о языках пламени, обжигающем огне и плоти, поджаривающейся на ее костях. *Прочь, прочь. Хотя есть еще немного времени, чтобы спасти Боба и Барбару!* Она выбила наружу последние осколки битого стекла, которые с грохотом вывалились на асфальт.

Две ноги появились в поле зрения и остановились перед ней. Клэр уставилась на человека, который перекрыл ей путь к бегству. Она не могла разглядеть лица, лишь силуэт. И его оружие.

Взревели шины — к ним направлялся еще один автомобиль.

Она юркнула назад в «Сааб», словно черепаха, скрывающаяся в безопасности своего панциря. Отодвинувшись от окна, Клэр закрыла лицо руками и задалась вопросом, почувствует ли она боль от пули. Ощутит ли, как та взорвется в ее черепе. Она так туго свернулась в клубок, что слышала лишь звук своего дыхания и стук собственного пульса.

Она едва расслышала голос, который звал ее по имени.

— Клэр Уорд?

Это была женщина.

«Должно быть, я мертва. А это ангел, говорящий со мной».

— Он уехал. Сейчас можно безопасно уйти, — сказал ангел. — Но ты должна поспешить.

Клэр открыла глаза и увидела сквозь пальцы лицо, которое смотрело на нее по другую сторону окна. Изящная рука потянулась к ней, и Клэр попятилась.

— Он вернется, — произнесла женщина. — Так что поторопись.

Клэр ухватилась за протянутую руку, и женщина вытащила ее наружу. Разбитое стекло громыхнуло проливным дождем, когда Клэр выкатилась на асфальт. Она слишком быстро села, и ночь зашаталась вокруг. Девочка бросила один расплывающийся взгляд на перевернувшийся «Сааб» и снова уронила голову на грудь.

— Встать сможешь?

Клэр медленно подняла голову. Женщина была полностью одета в черное. Волосы собраны в конский хвост, в блестящих светлых прядях отражается слабый свет уличного фонаря.

— Кто Вы? — прошептала Клэр.

— Мое имя не имеет значения.

— Боб… Барбара… — Клэр посмотрела на перевернутый «Сааб». — Мы должны вытащить их из машины! Помогите мне.

Она подползла к дверце со стороны водителя и распахнула ее.

Боб Бакли вывалился на тротуар, его глаза были открытыми и невидящими. Клэр уставилась на отверстие от пули в его виске.

— Боб, — простонала она, — *Боб!*

— Ему уже не помочь.

— А Барбара… что насчет Барбары?

— Слишком поздно, — женщина схватила ее за плечи и как следует встряхнула. — Они мертвы, ты понимаешь? Они оба мертвы.

Клэр покачала головой, все еще не сводя глаз с Боба. Лужица крови уже растекалась темным ореолом вокруг его головы.

— Этого не может быть, — прошептала она. — Только не снова.

— Пойдем, Клэр, — женщина схватила ее за руку и подняла на ноги. — Пойдем со мной. Если хочешь жить.

ГЛАВА ВТОРАЯ

В ту ночь, когда четырнадцатилетний Уилл Яблонски должен был умереть, он стоял в темном поле Нью-Гемпшира[6], разыскивая пришельцев.

Он собрал все необходимое оборудование для охоты. Здесь было его десятидюймовое зеркало Добсона[7], которое Уилл отшлифовал собственными руками три года назад, когда ему было всего одиннадцать. На это ушло два месяца, он начал с грубой шлифовальной бумаги с зернистостью восемьдесят[8] и продолжал все более и более тонкой наждачкой править, полировать и шлифовать стекло. При помощи своего отца он построил собственную альт-азимутальную монтировку[9]. Двадцатипятимиллиметровый окуляр Плессла[10] был подарком дяди Брайана, который помог Уиллу притащить все это оборудование в поле после обеда, пока небо было ясным. Но дядя Брайан был «жаворонком», а не «совой», десять вечера он всегда называл ночью и отправлялся спать.

Поэтому Уилл в одиночестве стоял в поле за фермерским домом своих дяди и тети, как и в большинство таких же ночей, когда небеса были ясными, а луна не сияла, и высматривал в небе падающие шары пришельцев, также известные как кометы. Если он когда-нибудь обнаружит новую комету, то точно знает, как ее назвать: *Комета Нила Яблонски*, в честь своего покойного отца. Астрономы-любители постоянно открывали новые кометы, почему бы и четырнадцатилетнему подростку не обнаружить одну? Отец однажды сказал, что для этого необходимы лишь стремление, наметанный глаз и удача. *Это как охота за сокровищами, Уилл. Вселенная похожа на пляж, а звезды — песчинки, скрывающие то, что ты ищешь.*

Уиллу охота за сокровищами никогда не надоедала. Он по-прежнему ощущал волнение, когда вместе с дядей Брайаном вытаскивал оборудование из дома и настраивал его под темнеющими небесами; по-прежнему ждал, что, возможно, именно *этой* ночью обнаружит комету Нила Яблонски. И тогда все усилия будут того стоить, стоить всех бесчисленных ночных бдений, подкрепляемых горячим шоколадом и конфетами. Стоить даже оскорблений, которым он подвергался со стороны бывших одноклассников в Мэриленде[11]: *Толстячок. Зефирный человечек*[12].

Охота за кометой была не тем хобби, что делает тебя загорелым и подтянутым.

Сегодня вечером, как обычно, он приступил к своим поискам сразу после наступления темноты, потому что кометы лучше всего видны сразу после заката или перед восходом. Но солнце уже час как зашло, а он до сих пор не заметил никаких падающих шаров. Уилл видел несколько пролетающих спутников и промелькнувший яркий метеор, но больше ничего такого, чего бы он не наблюдал прежде в этом участке неба. Он направил телескоп на другую точку, и в поле зрения оказалась нижняя звезда из созвездия Гончих Псов. Охотничьи собаки. Он вспомнил ночь, когда отец сказал ему, как называется это созвездие. Холодную ночь, когда они оба не спали до самого утра, периодически отхлебывая из термоса и перекусывая…

Внезапно он выпрямился и обернулся. Что это за шум? Животное или просто ветер в деревьях? Он по-прежнему стоял, вслушиваясь в каждый звук, но ночь была неестественно тиха, настолько, что его дыхание участилось. Дядя Брайан уверял его, что в этих лесах не было ничего опасного, но один на один с темнотой Уиллу мерещились все виды существ с зубами. Черные медведи. Волки. Пумы.

Встревоженный, он вернулся к своему телескопу и сменил точку наблюдения. Падающий шар внезапно появился прямо в окуляре. «*Я нашел ее! Комету Нила Яблонски!*»

«Нет, нет, тупица, это была не комета». Он разочарованно вздохнул, когда понял, что смотрит на шаровое скопление М3[13]. То, о котором знает любой приличный астроном. Слава Богу, он не разбудил дядю Брайана, чтобы тот посмотрел на это, вышло бы неловко.

Хруст ветки снова заставил его обернуться. В лесу что-то двигалось. Там определенно кто-то был.

Взрыв отбросил его вперед. Он шлепнулся лицом вниз на мягкую от дерна землю, где и лежал, оглушенный ударом. В колышущемся и ярком

свете он поднял голову и увидел, что ветви деревьев озаряет оранжевое свечение. Уилл ощутил тепло на задней части шеи, похожее на дыхание чудовища. Он обернулся.

Домик был охвачен огнем, языки пламени вздымались словно пальцы, царапающие небо.

— Дядя Брайан! — закричал Уилл. — Тетя Линн!

Он побежал к дому, но стена огня преградила путь, и жар заставил его отступить, жар столь сильный, что обжигал горло. Мальчик отшатнулся, задыхаясь, и почуял запах своих опаленных волос.

Надо найти помощь! Соседи! Он повернул на дорогу и сделал всего пару шагов, прежде чем остановился.

К нему шла женщина. Женщина, одетая во все черное и гибкая точно пантера. Ее светлые волосы были собраны в хвост, а отблески пожара освещали резкие черты лица.

— Помогите мне! — закричал он. — Мои дядя и тетя… они в доме!

Она взглянула на жилище, уже полностью объятое пламенем.

— Мне жаль. Но для них уже слишком поздно.

— Ничего *не* поздно. Мы должны спасти их!

Она печально покачала головой.

— Я не могу помочь им, Уилл. Но я могу спасти *тебя*.

Она протянула ему руку.

— Пойдем со мной. Если хочешь жить.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Некоторым девушкам идет розовый цвет. Некоторые девушки могли надеть банты, кружева, шуршащую шелковую тафту и выглядеть при этом очаровательно и женственно.

Джейн Риццоли не была одной из этих девушек.

Она стояла в спальне своей матери перед большим зеркалом, смотрела на свое отражение и думала: «Просто пристрелите меня. Пристрелите меня немедленно».

Платье-колокол цвета розовой жвачки с вырезом, на котором было столько кружевных лент, что тот напоминал клоунский воротник. Пышная юбка с гротескными оборками, на которых было еще больше кружевных лент. Пояс вокруг талии, завязанный сзади в огромнейший розовый бант. Даже Скарлетт О`Хара[14] пришла бы в ужас.

— О, Джейни, взгляни на себя! — воскликнула Анджела Риццоли, захлопав в ладоши от восторга. — Ты так красива, что все будут смотреть только на тебя. Разве это не здорово?

Джейн заморгала, слишком ошеломленная, чтобы вымолвить хотя бы слово.

— Разумеется, тебе придется надеть высокие каблуки для полного комплекта. Думаю, атласные туфли на шпильке подойдут. И букет из розовых роз и гипсофил[15]. Или это слишком старомодно? Думаешь, мне надо выбрать что-то посовременнее, каллы или что-то в этом роде?

— Мам…

— Я прикреплю его на твою талию. Почему ты похудела? Ты плохо питаешься?

— Серьезно? Ты и впрямь хочешь надеть на меня *это*?

— А в чем дело?

— Оно… *розовое*.

— И ты прекрасно в нем выглядишь.

— Ты *хоть раз* видела, чтобы я носила розовое?

— Я сошью такое же маленькое платье для Реджины. Вы будете так мило смотреться вместе! Мама и дочка в одинаковых платьях!

— Реджина мило. А я определенно нет.

Губы Анджелы задрожали. Это был знак — неуловимо зловещий, как первое предупреждающее подергивание стрелки на шкале ядерного реактора.

— Я работала над этим платьем все выходные. Своими руками сделала каждый стежок, каждую оборочку. И ты не желаешь надеть его даже ради моей свадьбы?

Джейн сглотнула.

— Я так не говорила. Не совсем так.

— Я увидела это по твоему лицу. Ты ненавидишь его.

— Нет, мама, это отличное платье. «*Для чертовой Барби, если только*».

Анджела опустилась на кровать и издала вздох, достойный умирающей героини.

— Знаешь, может, мне и Винсу надо было просто пожениться втайне. Это бы сделало всех счастливее, верно? Тогда бы мне не пришлось иметь дело с Фрэнки. Не пришлось бы переживать, кого включить в список гостей, а кого нет. А тебе бы не пришлось надевать платье, которое ты ненавидишь.

Джейн присела на кровать рядом с ней, и тафта вздулась на коленях, словно большой шар сахарной ваты. Она примяла ее рукой.

— Мам, ты еще даже не развелась. У тебя куча времени, чтобы все спланировать. Эти свадебные хлопоты приятны, тебе так не кажется? Не стоит бросаться необдуманными словами, — она обернулась на звук дверного звонка. — Винсу не терпится. Знаешь, что он сказал мне? Он хочет просить руки своей невесты, разве это не мило? Прямо песня Мадонны. Снова как девственница[16].

Джейн поднялась.

— Я открою дверь.

— Мы просто обязаны пожениться в Майами, — прокричала Анджела, когда Джейн вышла из спальни. — Так будет намного проще. И дешевле, потому что не придется кормить всех родственников!

Этим воскресным утром ей меньше всего хотелось бы видеть двух мужчин, стоявших на крыльце.

Ее брат Фрэнки расхохотался, входя в дом:

— Что это за уродское платье?

Ее отец, Фрэнк-старший вошел следом и заявил:

— Я здесь, чтобы поговорить с твоей матерью.

— Папа, сейчас не самое удачное время, — сказала Джейн.

— Я же здесь. Значит, время удачное. Где она? — спросил он, оглядывая гостиную.

— Не думаю, что ей захочется с тобой разговаривать.

— Она обязана поговорить со мной. Мы должны положить конец этому безумию.

— Безумию? — произнесла Анджела, выходя из спальни. — Посмотрите-ка, кто заговорил о безумии.

— Фрэнки рассказал, через что ты собираешься пройти, — заявил отец Джейн. — Ты и в самом деле намерена выйти замуж за этого человека?

— Винс сделал мне предложение. И я ответила «да».

— А как насчет того, что *мы* все еще женаты?

— Осталось только подписать бумаги о разводе.

— Я не собираюсь их подписывать.

— Что?

— Я сказал, что не намерен подписывать бумаги. И ты не выйдешь замуж за этого человека.

Анджела недоверчиво рассмеялась:

— Это *ты* ушел от меня.

— Я не знал, что ты тут же соберешься замуж!

— А что я, по-твоему, должна была делать, сидеть и тосковать после того, как ты бросил меня ради *нее*? Я еще молодая женщина, Фрэнк! Мужчины хотят меня. Они хотят спать со мной!

Фрэнки застонал:

— Иисусе, мам.

— И знаешь что? — добавила Анджела. — У меня прежде не было секса лучше!

Джейн услышала, как в спальне зазвонил ее сотовый. Она проигнорировала звонок и схватила отца за руку.

— Думаю, тебе лучше уйти, папа. Пойдем, я провожу тебя.

— Я *рада*, что ты бросил меня, Фрэнк, — сказала Анджела. — Теперь я вернула свою жизнь и узнала, каково это, когда тебя ценят.

— Ты моя жена. Ты по-прежнему принадлежишь мне.

Мобильный Джейн ненадолго умолк и так настойчиво зазвонил вновь, что теперь его невозможно было игнорировать.

— Фрэнки, — взмолилась она, — Бога ради, помоги мне с этим! Выведи его из дома.

— Давай, пап, — сказал Фрэнки и похлопал отца по спине. — Пойдем, выпьем пива.

— Я еще здесь не закончил.

— Нет, закончил, — произнесла Анджела.

Джейн побежала в спальню и выудила из своей сумки мобильный телефон. Пытаясь игнорировать голоса, спорящие в коридоре, она ответила:

— Риццоли.

— Ты нужна нам здесь. Как скоро сможешь приехать? — заявил детектив Даррен Кроу. Ни тебе вежливой преамбулы, ни *пожалуйста* или *будь так любезна*, лишь Кроу со своими обычными обворожительными манерами.

— Я не на дежурстве, — так же резко ответила она.

— Здесь трое из команды Маркетта. Я веду расследование. Фрост тоже тут, но мы хотели бы привлечь и женщину.

— Я точно правильно тебя услышала? Ты и впрямь сказал, что вам *нужна* помощь женщины?

— Наш свидетель находится в шоковом состоянии, поэтому почти ничего не рассказал. Мур уже пытался поговорить с ребенком, но считает, что тебе это лучше удастся.

Ребенок. Это слово заставило Джейн замереть.

— Ваш свидетель ребенок?

— Примерно тринадцати-четырнадцати лет. Он единственный выживший.

— Что случилось?

В трубке она могла слышать другие голоса на заднем плане, частичный диалог криминалистов и эхо множества шагов, перемещающихся по помещению с твердым покрытием. Джейн представила Кроу, с важным видом стоящего посередине с выпяченной грудью, расправленными плечами и голливудской стрижкой.

— Здесь гребаная кровавая баня, — сказал он. — Пять жертв, в том числе трое детей. Самому младшему не было и восьми.

«Я не желаю смотреть на это, — подумала она. — Не сегодня. Ни в какой другой день».

Но вместо этого Джейн спросила:

— Где вы?

— Дом находится на площади Луисберг. Чертовы фургоны новостных служб все здесь заполонили, поэтому, скорее всего, тебе придется припарковаться в квартале или двух отсюда.

Она удивленно заморгала:

— Это произошло на Бикон-Хилл[17]?

— Ага. Богачей тоже убивают.

— И кто жертвы?

— Бернард и Сесилия Акерман, пятьдесят и сорок восемь лет. И три их приемных дочери.

— А выживший? Один из их детей?

— Нет. Его зовут Тедди Клок. Он жил у Акерманов последнюю пару лет.

— Жил у них? Родственник?

— Нет, — сказал Кроу. — Они собирались его усыновить.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Войдя на площадь Луисберг, Джейн сразу увидела знакомый черный «Лексус», припаркованный среди полицейских машин Департамента Полиции Бостона, и поняла, что Маура Айлз уже прибыла на место преступления. Судя по количеству фургонов новостных служб, сюда

заявился каждый телеканал Бостона, и неудивительно: изо всех благополучных районов города мало кто мог тягаться с этой площадью, ее декоративным парком и деревьями с пышными кронами. Особняки в неогреческом стиле[18] с видом на парк служили домом для старых и новых богачей, корпоративных магнатов, «Бостонских браминов»[19] и бывших сенаторов Соединенных Штатов. Но даже в этом районе насилие не было редкостью. *Богачей тоже убивают*, как сказал детектив Кроу, но когда это происходит с ними, то привлекает всеобщее внимание. За пределами полицейской ленты собралась толпа, чтобы лучше все разглядеть. Бикон-Хилл был популярным местом для туристических групп, и сегодня эти туристы были уверены, что их деньги потрачены не зря.

— Эй, взгляните! Это же детектив Риццоли.

Джейн заметила тележурналистку и оператора, направляющихся к ней, и выставила перед собой руку, предотвращая любые вопросы. Разумеется, те проигнорировали этот жест и продолжали преследовать ее.

— Детектив, мы слышали, есть свидетель!

Джейн проталкивалась сквозь толпу, бормоча:

— Полиция. Дайте пройти.

— Правда, что система безопасности была отключена? И ничего не было украдено?

Чертовы репортеры знали больше нее. Она поднырнула под полицейскую ленту и назвала свое имя и номер значка патрульному, охраняющему вход. Это была простая формальность, тот прекрасно знал Джейн и уже поставил галочку напротив ее имени в своем блокноте.

— Должен заметить, детектив Фрост примчался во весь опор, — со смехом добавил патрульный. — Он выглядел точно перепуганный кролик.

— Фрост внутри?

— Вместе с лейтенантом Маркеттом. Комиссар уже в пути, и я жду-не дождусь, когда появится Его Величество.

Джейн оглядела потрясающий четырехэтажный дом из красного кирпича и прошептала:

— Ничего себе.

— Думаю, он стоит миллионов пятнадцать-двадцать.

«Но это было до того, как здесь появились призраки», — подумала она, рассматривая красивые оконные рамы и искусно вырезанный фронтон над входной дверью. За этой дверью скрывались ужасы, от которых у нее сводило живот. Трое мертвых детей. Это было проклятье родительства — в лице каждого погибшего ребенка видеть отражение своего. Пока Джейн натягивала перчатки и бахилы, она заодно нацепила и эмоциональную защиту. Словно строитель, надевающий каску, она облачилась в свои доспехи и вошла внутрь.

Джейн увидела лестничный пролет, откуда четыре этажа поднимались вверх к стеклянной куполообразной крыше, через которую золотым дождем струился солнечный свет. Множество голосов, преимущественно мужских, эхом разносились по лестнице с верхних этажей. Она вытянула шею, но все равно не смогла разобрать из фойе, кому принадлежат эти голоса, разносящиеся словно призрачный рокот по дому, который более чем за век мог стать пристанищем для многих душ.

— Изучаешь, как живут люди побогаче? — произнес мужской голос.

Она обернулась и увидела детектива Кроу, который стоял в дверном проеме.

— И умирают, — добавила Джейн.

— Мы отвели мальчика к соседке. Она была настолько любезна, что позволила подождать в своем доме. Ребенок ее знает, и мы подумали, что там он будет чувствовать себя комфортнее во время допроса.

— Сначала я должна узнать, что произошло в *этом* доме.

— Мы все еще пытаемся это выяснить.

— Зачем вызвали высшее руководство? Слышала, сюда едет комиссар.

— Просто оглянись вокруг. Деньги решают все, даже когда ты мертв.

— Откуда деньги у этой семьи?

— Бернард Акерман — инвестиционный банкир в отставке. Два поколения его семьи владели этим домом. Выдающийся общественный деятель. Если кто-то называет тебя меценатом, то, вероятно, ты делал ему пожертвования.

— Как пройти на место преступления?

— Почему бы тебе просто не взять экскурсию? — она поманил ее в комнату, из которой только что вышел. — Скажи, что *ты* думаешь об этом.

Вряд ли ее мнение имело большое значение для Даррена Кроу. Когда она только поступила в убойный отдел, их стычки были ожесточенными, а его презрение слишком очевидным. Джейн до сих пор ощущала намеки на это в его смехе, тоне его голоса. Независимо от уважения, которое она заработала в отделе, в его глазах она оставалась стажером, и сейчас представилась еще одна возможность испытать ее.

Она проследовала за ним через гостиную, где двадцатифутовый потолок был богато украшен херувимами, виноградной лозой и золоченым орнаментом. Шанса полюбоваться на этот потолок или картины не представилось, потому что Кроу направился прямо в библиотеку, где Джейн увидела лейтенанта Маркетта и доктора Мауру Айлз. В этот теплый июньский день Маура надела блузку персикового цвета — непривычно веселая расцветка для той, что обычно предпочитает безрадостные черные и серые тона. Со своей стильной геометрической стрижкой и изящными чертами лица, Маура была похожа на женщину, которая и вправду могла бы жить в особняке вроде этого, среди картин и персидских ковров.

Они стояли в окружении книг, расставленных на полках из красного дерева, тянущихся от пола до потолка. Некоторые томики попадали на пол там, где лицом вниз лежал седовласый мужчина, протянув одну руку к книжному шкафу, словно пытаясь достать книгу даже будучи мертвым. На нем были пижама и тапочки. Пуля пробила руку и лоб, и выше на полке кожаные переплеты были забрызганы кровью. Жертва подняла руки, чтобы закрыться от пули, подумала Джейн. Он видел, что происходит. Знал, что умрет.

— Моя оценка времени смерти сходится с тем, что назвал свидетель, — сказала Маркетту Маура.

— Тогда это поздняя ночь. Чуть позже полуночи.

— Да.

Джейн присела на корточки возле тела и изучила входное отверстие.

— Девятимиллиметровый?

— Или, возможно тридцатипятимиллиметровый, — сказала Маура.

— Ты не знаешь? У нас нет гильз?

— Ни единой во всем доме.

Джейн выглядела удивленной.

— Ого, он аккуратный убийца. Прибирает за собой.

— Аккуратен во всех отношениях, — сказала Маура, задумчиво разглядывая покойного Бернарда Акермана. — Это было быстрое и умелое убийство. Минимум беспорядка. Так же, как и наверху.

«Наверху, — подумала Джейн. — Дети».

— Остальные члены семьи, — произнесла Джейн безразличным голосом, пытаясь скрыть волнение, — они умерли примерно в то же время, что и мистер Акерман? Был ли какой-то интервал?

— Моя оценка является приблизительной. Чтобы сказать точнее, нужно получить больше информации от свидетеля.

— Которую для нас выяснит детектив Риццоли, — заявил Кроу.

— С чего ты взял, что у меня с мальчиком получится лучше, чем у остальных? — спросила Джейн. — Я не волшебница.

— Мы рассчитываем на тебя, потому что почти ничего не обнаружили. Всего лишь несколько отпечатков пальцев на кухонной дверной ручке. Никаких признаков взлома. И система безопасности была отключена.

— Отключена? — Джейн бросила взгляд на тело. — Похоже, мистер Акерман знал своего убийцу.

— Или просто забыл включить сигнализацию. Затем он услышал шум и спустился вниз, чтобы проверить.

— Ограбление? Разве что-то пропало?

— Шкатулка с драгоценностями миссис Акерман наверху выглядит нетронутой, — сказал Кроу. — Его бумажник и ее кошелек остались лежать в комоде спальни.

— Убийца заходил в их спальню?

— О, да. Он побывал в спальне. Он побывал во всех спальнях.

Джейн услышала зловещую нотку в голосе Кроу. Она знала — то, что ждало наверху, было намного хуже, чем эта забрызганная кровью библиотека.

Маура негромко произнесла:

— Я провожу тебя наверх, Джейн.

Джейн проследовала за ней в фойе, обе молчали, словно это испытание лучше было проходить в тишине. Когда они поднимались по главной лестнице, то куда бы ни падал взгляд Джейн, он повсюду натыкался на сокровища. Антикварные часы. Картина женщины в красном. Она автоматически подмечала эти детали, даже пока собиралась с духом, чтобы увидеть то, что поджидало на верхних этажах. В спальнях.

Наверху лестницы Мауры повернула направо и подошла к комнате в конце коридора. Через открытую дверь Джейн увидела своего напарника детектива Барри Фроста, на чьих руках красовались перчатки кричащего фиолетового цвета из латекса. Он стоял на коленях, наклонившись набок — положение, которое инстинктивно принимает каждый полицейский на месте преступления, чтобы не допустить перекрестного загрязнения[20]. Он увидел Джейн и угрюмо кивнул ей, словно говоря: *Это не то место, где мне хотелось бы находиться в столь прекрасный день*.

Джейн вошла в комнату, и на мгновение ее ослепил солнечный свет, льющийся из огромных окон во всю стену. Этой спальне не нужны были шторы, чтобы укрыться от чужих глаз — окна выходили на стену внутреннего дворика, где багровой листвой полыхал японский клен и пышно цвели розы. Но внимание Джейн привлекло тело женщины. Сесилия Акерман в бежевой ночной рубашке лежала на спине в собственной кровати, до плеч укрытая одеялом. Она выглядела моложе своих сорока восьми лет, в волосах блестели искусно осветленные пряди. Глаза Сесилии были закрыты, а лицо казалось абсолютно безмятежным. Пуля вошла в голову над левой бровью, и колечко пороха на коже говорило о том, что убийца прислонил ствол к ее лбу и нажал на спусковой крючок. «Ты спала, когда он спустил курок, — подумала Джейн. — Ты не кричала и не сопротивлялась, не ощущала никакой угрозы. Однако киллер вошел в эту комнату, приблизился к кровати и выпустил тебе пулю в голову».

— Это еще цветочки, — сказал Фрост.

Она взглянула на своего напарника, выглядевшего измученным в ярком утреннем свете. В его глазах она заметила больше, чем усталость — увиденное потрясло его.

— Спальни детей на третьем этаже, — произнесла Маура таким безразличным голосом, словно была риэлтором, рассказывающим об особенностях этого роскошного дома. Джейн услышала шум над головой — шаги других членов команды, которые ходили по комнатам над ними, и внезапно вспомнила тот год, когда она помогала в организации школьного дома ужасов для Хэллоуина. Они разлили вокруг фальшивую кровь и установили вызывающе жуткие декорации, гораздо страшнее увиденного в этой спальне, где тихо покоилась жертва. Реальная жизнь требует немного крови, чтобы вызвать испуг.

Маура направилась к выходу, намекая на то, что они уже увидели все важное, находившееся в этой комнате, и пора идти дальше. Джейн проследовала за ней обратно к лестнице. Золотистый свет лился вниз сквозь купол на ступени, придавая им сходство с небесной лестницей, но эти ступеньки вели совсем в другое место. Туда, куда Джейн идти не хотелось. Неуместная летняя блузка Мауры выглядела здесь вызывающе неподходящей, все равно, что надеть ядовито-розовый на похороны. Это была незначительная мелочь, но она мешала Джейн и даже раздражала — изо всех дней, когда Маура решила нарядиться в подобные веселенькие цвета, это непременно должно было оказаться утро, в которое умерли трое детей.

Они добрались до третьего этажа, и Маура сделала изящный шаг в сторону, ловко обогнув туфелькой в бахиле какое-то препятствие на лестничной площадке. Только когда Джейн поднялась на верхнюю ступеньку, она увидела душераздирающе маленькую фигурку, укрытую пластиковой пленкой. Присев на корточки, Маура подняла край савана.

Девочка лежала на боку в позе эмбриона, словно пытаясь укрыться в безопасности материнской утробы. Ее кожа имела кофейный оттенок, черные волосы заплетены в косички и украшены яркими бусинками. В отличие от белых жертв внизу, этот ребенок был афроамериканцем.

— Жертва номер три — Кимми Акерман, восемь лет, — сказала Маура ровным бесстрастным голосом, и чем дольше Джейн смотрела на ребенка на лестничном пролете, тем больше ее раздражал этот голос. Всего лишь ребенок. Малышка, которая носила розовую пижамку с маленькими танцующими пони. На полу возле тела был нечеткий отпечаток босой ноги. Кто-то наступил в кровь этого ребенка и оставил след, убегая из дома. Слишком маленький отпечаток для мужчины. *Тедди.*

— Пуля прошла через затылочную кость девочки и застряла там. Угол позволяет утверждать, что стрелок был выше ростом и выстрелил жертве в спину.

— Она двигалась, — тихо проговорила Джейн. — Пыталась убежать.

— Судя по положению тела, похоже, она бежала к одной из спален на третьем этаже, когда ее застрелили.

— В затылок?

— Да.

— Кто, черт побери, так поступает? Убивает ребенка?

Маура вернула пленку на место и встала.

— Она могла увидеть что-то внизу. Лицо убийцы. Это могло послужить мотивом.

— Не грузи меня всей этой логикой. Тот, кто это сделал, вошел в дом, будучи готовым убить ребенка. Уничтожить целую семью.

— Я не знаю причины.

— Только причину смерти.

— Предположительно преднамеренное убийство.

— Ты *думаешь*?

Маура нахмурилась:

— Почему ты на меня злишься?

— А почему тебя, похоже, это не волнует?

— Ты считаешь, что меня это не волнует? Думаешь, я гляжу на эту малышку и не чувствую того же, что и ты?

С мгновение они смотрели друг на друга и на детский трупик, лежащий между ними. Он был еще одним напоминанием о той пропасти, которая с недавних пор разделяла их дружбу после того, как свидетельские показания Мауры отправили в тюрьму бостонского полицейского. Несмотря на то, что предательство «тонкой голубой линии»[21] еще не стерлось из памяти, Джейн твердо намеревалась положить конец этому разладу. Но извинения были делом нелегким, и прошло слишком много недель, за которые их разлад только упрочился.

— Просто..., — Джейн вздохнула. — Ненавижу, когда это дети. Мне сразу хочется кого-нибудь придушить.

— И ты в этом не одинока.

Хотя слова были произнесены тихо, Джейн увидела, как блеснула сталь в глазах Мауры. Да, в них была ярость, но тщательно замаскированная и жестко контролируемая, как и почти все остальное в жизни Мауры.

— Риццоли, — позвал детектив Томас Мур из дверного проема. Как и Фрост, он выглядел понурым, словно события этого дня прибавили ему с десяток лет. — Ты уже поговорила с мальчиком?

— Еще нет. Сначала я хотела увидеть, с чем мы имеем дело.

— Я провел с ним целый час. Он не сказал мне почти ни слова. Миссис Лаймен, живущая в соседнем доме, сообщила, что с момента, когда мальчик появился в ее доме около восьми утра, тот практически не шелохнулся.

— Похоже, ему и впрямь нужен психоаналитик.

— Мы позвонили доктору Цукеру и социальному работнику, которые уже едут сюда. Но я подумал, возможно, Тедди захочет поговорить с тобой. С кем-то, кто сама является матерью.

— Что видел мальчик? Ты знаешь?

Мур помотал головой:

— Я лишь надеюсь, что он не видел эту комнату.

Подобного предупреждения стало достаточно, чтобы пальцы Джейн в перчатках из латекса похолодели. Мур был высоким мужчиной, его плечи закрывали ей обзор, словно он пытался уберечь Джейн от того, что скрывалось в спальне. Молча, он шагнул в сторону, давая ей пройти.

Два криминалиста на корточках сидели в углу и обернулись, когда вошла Джейн. Обе были молодыми девушками, частью новой волны женских криминалистов, которых сейчас было большинство. Ни одна из них не выглядела достаточно взрослой, чтобы иметь детей и знать, каково это — беспокойно покрывать поцелуями горящую от температуры щечку и впадать в панику при виде открытого окна или пустой кроватки. С материнством приходит целый ряд ночных кошмаров. В этой комнате один из таких кошмаров стал реальностью.

— Мы полагаем, жертвы — дочери Акерманов, десятилетняя Кассандра и девятилетняя Сара. Обеих удочерили, — пояснила Маура. — Исходя из того, что они не были в кроватях, их что-то разбудило.

— Выстрелы? — негромко предположила Джейн.

— Никто из соседей не сообщал о стрельбе, — сказал Мур. — Скорее всего, убийца использовал глушитель.

— Но этих девочек что-то встревожило, — возразила Маура. — То, что заставило их выбраться из постели.

Джейн стояла у двери и не шевелилась. Все молчали, и она поняла, что они ждут, когда она подойдет к трупам, чтобы сделать свою работу. Она заставила себя приблизиться к лежащим телам и опустилась на колени. *Они умерли, держась друг за друга.*

— Судя по положению их тел, — сказала Маура, — Кассандра пыталась закрыть собой младшую сестру. Две пули прошли через тело Кассандры и пробили тело Сары. Пара одиночных смертельных выстрелов была выпущена в голову каждой девочки. Их одежда не повреждена, поэтому я не вижу очевидных доказательств сексуального насилия, но мне нужно сделать вскрытие, чтобы подтвердить это. Я произведу его во второй половине дня, если тебе захочется присутствовать, Джейн.

— Нет, мне бы *не* хотелось присутствовать. Я даже не должна была сегодня здесь находиться.

Внезапно Джейн развернулась и вышла из комнаты, шурша бумажными бахилами и отгоняя от себя картину обнявшихся мертвых девочек. Но когда она подошла к лестнице, то снова увидела тело младшего ребенка. Восьмилетнюю Кимми. «Куда бы я ни посмотрела в этом доме, — подумала Джейн, — кругом горе».

— Джейн, ты в порядке? — спросила Маура.

— Помимо того, что хочу отрывать этому ублюдку конечность за конечностью?

— Я чувствую то же самое.

«Тогда у тебя лучше получается это скрывать». Джейн уставилась на завернутое тело.

— Я смотрю на это дитя, — мягко сказала она, — и вижу свою дочь.

— Естественно, ты же мама. Кроу и Мур будут присутствовать на вскрытии. Тебе не обязательно быть там. — Она взглянула на часы. — День будет долгим. А я еще даже не сложила вещи.

— Ты едешь навестить Джулиана в школе на этой неделе?

— Как бы то ни было, завтра я уезжаю в Мэн. Две недели с подростком и его собакой. Понятия не имею, чего ожидать.

У Мауры не было собственных детей, откуда ей было знать? Она и шестнадцатилетний Джулиан Перкинс не имели ничего общего, кроме того, что прошлой зимой в лесах Вайоминга вместе боролись за выживание. Маура была обязана мальчику своей жизнью, и сейчас она решила заменить мать, которую тот потерял.

— Давай-ка подумаем, что я могу рассказать тебе о мальчиках-подростках? — произнесла Джейн, стараясь помочь. — У моих братьев были вонючие ботинки. Они спали до полудня. И ели раз двенадцать за день.

— Подростковый обмен веществ у мальчишек. С этим ничего не поделаешь.

— Вау. Ты и *впрямь* превратилась в мамочку.

Маура улыбнулась.

— На самом деле, это очень приятное чувство.

Но материнство поставляется в комплекте с кошмарами, напомнила себе Джейн, пока отворачивалась от тела Кимми. Она была рада спуститься вниз по лестнице и вырваться из этого дома с ужасами. Когда, наконец, Джейн вышла наружу, то глубоко вдохнула, словно вымывая запах смерти из своих легких. Орда СМИ стала еще гуще, телевизионные камеры, будто тараканы, выстроились по периметру вокруг места преступления. Кроу стоял в центре лицом к телевизионщикам — Детектив Голливуд играет перед своей аудиторией. Никто не заметил, как Джейн проскользнула мимо и направилась к соседнему дому.

Патрульный, охраняющий крыльцо, ухмылялся, наблюдая как Кроу выступает перед камерами.

— Как думаешь, кто сыграет его в кино? — спросил он. — Брэд Питт достаточно симпатичный?

— Все недостаточно красивы, чтобы сыграть Кроу, — фыркнула она. — Мне нужно поговорить с мальчиком. Он внутри?

— С офицером Васкез.

— Мы еще ожидаем приезда психоаналитика. Поэтому, если доктор Цукер появится, отправляй его сюда.

— Так точно, мэм.

Джейн вдруг вспомнила, что на ней по-прежнему надеты перчатки и бахилы с места преступления. Она стянула их, засунула в карман и нажала на звонок. Через минуту в дверях появилась красивая седовласая женщина.

— Миссис Лаймен? — уточнила Джейн. — Я детектив Риццоли.

Женщина кивнула и сделала приглашающий жест рукой.

— Входите быстрее. Я не хочу, чтобы эти отвратительные телекамеры нас заметили. Это ведь вторжение в частную жизнь.

Джейн вошла в дом, и женщина поспешно закрыла дверь.

— Они велели мне дожидаться Вас. Хотя я и не уверена, что Вам удастся разговорить Тедди. Этот милый детектив Фрост был с ним так терпелив.

— Где Тедди?

— Он в зимнем саду. Бедный мальчик едва смог вымолвить пару слов. Просто появился сегодня утром у моей входной двери в одной пижаме. Я только взглянула на него и сразу поняла, что случилось нечто ужасное, — она обернулась. — Так и вышло.

Джейн проследовала за миссис Лаймен в холл и увидела лестницу, которая была зеркальным отражением жилища Акерманов. И так же, как у Акерманов, этот дом был изысканным и дорого выглядящим произведением искусства.

— Что он вам сказал? — спросила Джейн.

— Он сказал: «Они мертвы. Они все мертвы». И это было все, что он смог из себя выдавить. Я заметила кровь на его босой ноге и сразу же вызвала полицию.

Женщина остановилась возле входа в оранжерею.

— Они были *хорошими* людьми, Сесилия и Бернард. И она была так счастлива, потому что, наконец, получила все, чего хотела — дом, полный детей. Они уже запустили процесс усыновления Тедди. А сейчас он остался совсем один. — Она помолчала. — Знаете, я не против того, чтобы он остался здесь. Он знаком со мной и знает этот дом. Это то, чего хотела бы Сесилия.

— Это щедрое предложение, миссис Лаймен. Но у социальных служб есть приемные семьи, которые специально обучены заниматься травмированными детьми.

— Вот как. Ну, я просто предложила. Тем более, я уже знаю его.

— Тогда Вы могли бы рассказать о нем побольше. Есть что-нибудь, способное помочь мне наладить контакт с Тедди? Чем он интересуется?

— Он очень тихий. Любит книги. Каждый раз, когда я заходила в гости, Тедди торчал в библиотеке Бернарда, обложившись книгами по истории Древнего Рима. Можете попробовать растопить лед, поговорив на эту тему.

«Римская история. Ага, как раз моя специализация».

— А чем он еще увлекается?

— Садоводством. Ему нравятся экзотические растения в моей оранжерее.

— А как насчет спорта? Мы можем поговорить о «Брюинз»[22]? О «Патриотах»[23]?

— О, его это не интересует. Он слишком утонченный.

«И точно сочтет меня троглодитом».

Миссис Лаймен уже собиралась открыть дверь в зимний сад, когда Джейн спросила:

— А что Вы знаете о его настоящей семье? Как он вообще попал к Акерманам?

Миссис Лаймен повернулась к Джейн.

— Вы не в курсе?

— Мне лишь сказали, что он сирота и живых родственников не осталось.

— Вот почему это и стало таким шоком, особенно для Тедди. Сесилии так хотелось дать ему новый старт в жизни с реальным шансом на счастье. Не думаю, что теперь у него появится этот шанс. Не после того, как это случилось снова.

— Снова?

— Два года назад Тедди и его семья находились на борту своей яхты, пришвартованной у берегов Сент-Томас[24]. Ночью, когда семья заснула, кто-то пробрался на борт. Родителей Тедди и его сестер убили. Застрелили.

В последовавшей за этим паузе Джейн внезапно осознала, насколько тихо было в доме. Так тихо, что следующий вопрос она задала почти шепотом:

— А Тедди? Как ему удалось выжить?

— Сесилия рассказала мне, что его нашли в воде, плавающим в спасательном жилете. И он не помнил, как там оказался.

Миссис Лаймен бросила взгляд на закрытую дверь оранжереи.

— Теперь Вы понимаете, почему для него это настолько ужасно. Страшно потерять свою семью один раз. Но пережить это снова? — она покачала головой. — Это гораздо больше, чем сможет вынести любой ребенок.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Они не смогли бы найти более умиротворяющего места для ребенка, пережившего шок, чем зимний сад миссис Лаймен. Застекленная оранжерея представляла собой уединенный садик, обнесенный стеной. Утреннее солнце лилось сквозь стены на влажные побеги виноградной лозы, папоротники и деревья в кадках. Среди этих пышных зарослей Джейн не смогла разглядеть мальчика, заметив лишь женщину-полицейского, которая поспешно поднялась из плетеного садового кресла.

— Детектив Риццоли? Я офицер Васкез, — представилась женщина.

— Как Тедди? — спросила Джейн.

Васкез бросила быстрый взгляд в угол, где виноградная лоза разрослась настолько, что образовала густой навес, и прошептала:

— Он не сказал мне ни слова. Забился в угол и стонет.

Только сейчас Джейн заметила тонкую фигурку, скорчившуюся под козырьком из лозы. Хотя ей сообщили, что мальчику четырнадцать, тот выглядел гораздо младше, на нем была бирюзовая пижама, а лицо скрывала каштановая челка.

Джейн опустилась на колени и поползла к ребенку, уворачиваясь от веток, и все глубже пробираясь сквозь густые заросли виноградной лозы. Мальчик не шелохнулся, когда она присела рядом в его укрытии.

— Тедди, — проговорила она, — меня зовут Джейн. Я здесь, чтобы помочь тебе.

Он не поднял головы и не ответил.

— Ты уже долго здесь сидишь, верно? Должно быть, проголодался.

Она только что увидела кивок головы? Или всего лишь судорогу, вызванную извержением боли, разлившейся по этому хрупкому тельцу?

— Что думаешь насчет шоколадного молока? Или, может, мороженого? Бьюсь об заклад, у миссис Лаймен в холодильнике кое-что припрятано.

Мальчик, казалось, еще глубже ушел в себя, сжавшись в такой тугой клубок, что Джейн начала опасаться, смогут ли они когда-нибудь распутать эти конечности. Она взглянула вверх сквозь заросли на офицера Васкез, которая внимательно за ними наблюдала.

— Вы можете оставить нас наедине? — спросила Джейн. — Я думаю на данный момент здесь достаточно и меня.

Васкез вышла из оранжереи, закрыв за собой дверь. За следующие десять-пятнадцать минут Джейн не произнесла ни слова и даже не взглянула на мальчика. Они сидели бок о бок, эдакие молчаливые соседи, и единственным звуком был тихий плеск воды в мраморном фонтане. Откинувшись назад, она рассматривала изогнутые ветви над головой. В этом Эдемском саду[25], защищенном от холодов, даже цвели банановые и апельсиновые деревья, и Джейн представила себя прогуливающейся по этой оранжерее и вдыхающей запах теплой земли и зеленых растений в зимний день, когда снаружи идет снег. «Вот что можно купить за деньги, — подумалось ей. — Вечную весну». Пока ее взгляд был прикован к солнечному свету над головой, она прислушивалась к дыханию мальчика. Оно стало размереннее и спокойнее, чем несколько минут назад. Джейн услышала шорох листьев, когда он поерзал, но устояла перед соблазном взглянуть на мальчика. Она подумала об оглушительной истерике, которую ее двухлетняя дочь закатила на прошлой неделе, когда малышка Реджина орала вновь и вновь: *«Перестаньте на меня смотреть! Хватит смотреть!»* Джейн и ее муж Габриэль смеялись, чем еще больше разжигали Реджинину ярость. Даже двухлетке не нравится, когда на нее таращатся и нарушают личное пространство. Поэтому она старалась не вторгаться в пространство Тедди Клока, а просто разделяла с ним его пещеру из

листьев. Даже когда Джейн услышала вздох мальчика, ее внимание оставалось сосредоточенным на пятне солнечного света над ветвями.

— Кто Вы?

Слова были едва различимым шепотом. Она заставила себя немного помолчать, чтобы не разрушить хрупкое перемирие между ними.

— Я Джейн, — наконец еле слышно ответила она.

— Но кто Вы?

— Я друг.

— Неправда. Я даже Вас не знаю.

Она обдумала его слова и признала, что они были справедливы. Она не была его другом. Она была копом, которому от него кое-что нужно, а узнав это, она передаст мальчика социальному работнику.

— Ты прав, Тедди, — призналась она. — Я действительно не друг. Я детектив. Но я хочу помочь тебе.

— Никто не может мне помочь.

— Я могу. Я помогу.

— Тогда Вы тоже умрете.

От этого заявления, произнесенного столь уверенно, у нее по спине пробежал холодок. *Вы тоже умрете*. Джейн обернулась и взглянула на мальчика. Тот не смотрел на нее, мрачно уставившись перед собой, словно вглядываясь в беспросветное будущее. Его глаза были настолько светло-голубыми, что казались потусторонними. Светлые волосы тонкие, как пух, отброшенная набок вьющаяся челка обнажает бледный выпуклый лоб. Ноги мальчика были босыми, и пока тот раскачивался взад-вперед, Джейн заметила пятна засохшей крови на его правой ноге и сразу вспомнила следы, отходящие от тела восьмилетней Кимми. Тедди пришлось наступить в ее кровь, убегая из дома.

— Вы на самом деле мне поможете? — спросил он.

— Да. Я обещаю.

— Я ничего не вижу. Я обронил их, а сейчас боюсь вернуться и поискать.

— Поискать что, Тедди?

— Мои очки. Думаю, они в моей комнате. Должно быть, я оставил их в своей комнате, но я не помню…

— Я найду их.

— Вот почему я не могу рассказать Вам, как он выглядел. Потому что я не смог его увидеть.

Джейн замерла, боясь прервать его. Боясь, что любое сказанное слово или шаг заставят его вернуться в свою скорлупу. Она ждала, но слышала лишь журчание воды в фонтане.

— О ком ты говоришь? — наконец спросила она.

Тедди взглянул на нее, и, казалось, его глаза вспыхнули голубым огнем.

— О человеке, который убил их.

Его голос сломался, слова застряли в горле, срываясь на плач.

— Я хотел бы помочь Вам, но я не могу. Я не могу, не могу…

Материнский инстинкт неожиданно заставил ее распахнуть руки, и ребенок упал ей на грудь, прижавшись лицом к плечу. Она обнимала его, пока тот трясся и вздрагивал настолько сильно, словно его тело вот-вот распадется, и лишь она удерживала эти трясущееся суставы вместе. Может, он и не был ее ребенком, но в этот момент, когда мальчик прижимался к Джейн, заливая слезами ее блузку, она точно чувствовала себя его матерью, готовой защищать его от всех чудищ мира.

— Он никогда не остановится.

Слова мальчика, которые он прошептал, уткнувшись ей в блузку, были настолько тихими, что Джейн едва их расслышала.

— В следующий раз он найдет меня.

— Не найдет.

Она взяла ребенка за плечи и мягко отстранила от себя, чтобы видеть его лицо. Длинные ресницы отбрасывали тень на его мертвенно-бледные щеки.

— Он не найдет тебя.

— Он вернется.

Тедди обхватил себя руками, словно погружаясь в далекое безопасное место, где никто не сможет до него добраться.

— Он всегда возвращается.

— Тедди, есть только один способ поймать и остановить его — если ты нам поможешь. Если расскажешь мне, что случилось прошлой ночью.

Она увидела, как его худенькая грудь приподнялась, и последующий вздох прозвучал слишком устало и безнадежно для кого-то столь юного.

— Я был в своей комнате, — прошептал он. — Читал одну из книг Бернарда.

— И что случилось потом? — спросила Джейн.

Тедди перевел свой затравленный взгляд на нее.

— А потом началось это.

К тому времени, как Джейн вернулась в дом Акерманов, последнее тело вывозили на каталке — одного из детей. Джейн остановилась в фойе, когда носилки проезжали мимо нее, скрипя колесиками по блестящему паркетному полу, и не смогла блокировать внезапно возникший в голове образ собственной дочери Реджины, накрытой саваном. Вздрогнув, она развернулась и увидела Мура, который спускался по лестнице.

— Мальчик поговорил с тобой?

— Достаточно, чтобы рассказать, что не видел ничего, способного нам помочь.

— Тогда ты продвинулась с ним намного дальше меня. Я чувствовал, что тебе удастся до него достучаться.

— Я не такая уж белая и пушистая.

— Но он с тобой поговорил. Кроу хочет, чтобы ты стала основным контактным лицом мальчика.

— Теперь я официальная нянька?

Он примирительно пожал плечами.

— Кроу здесь главный.

Джейн взглянула на ступеньки, ведущие на верхние этажи и казавшиеся теперь до странного тихими.

— Что здесь происходит? Где все?

— Они отправились к экономке, Марии Салазар. У нее были ключи и пароль от системы безопасности.

— Вы считаете, что в этом замешана экономка?

— Выяснилось, что у нее есть парень, которому стоит задать несколько вопросов.

— Кто он?

— Нелегальный иммигрант по имени Андрес Сапата. У него были приводы в полицию в Колумбии. Кража со взломом. Контрабанда наркотиков.

— Случаи насилия?

— О них нам неизвестно. Но мало ли.

Джейн посмотрела на старинные часы, висящие на стене — предмет, мимо которого не прошел бы ни один уважающий себя вор. Она припомнила, что кошелек Сесилии и бумажник Бернарда обнаружили в спальне, а шкатулка с драгоценностями была нетронута.

— Если это была кража со взломом, — произнесла она, — что же он взял?

— В доме такого размера, да с подобным количеством ценностей на любой вкус? — Мур покачал головой. — Только один человек может сказать нам, что пропало, и это экономка.

Которая сейчас числится подозреваемой.

— Я пойду наверх, взгляну на комнату Тедди, — сказала Джейн, направляясь к лестнице.

Мур не пошел за ней. Когда она достигла третьего этажа, то обнаружила, что осталась одна, даже команда криминалистов уже уехала. Прежде она только мельком видела дверь, сейчас же Джейн вошла внутрь и внимательно рассмотрела комнату Тедди, где царил образцовый порядок. На столе у окна лежала стопка книг, многие были старыми и явно любимыми. Она изучила названия: *«Античные методы ведения войны»*. *«Введение в этноботанику»*. *«Справочник по криптозоологии»*. *«Александр в Египте»*. Явно не тот род чтения,

который ожидаешь от четырнадцатилетки, но Тедди отличался от всех мальчиков, с которыми она сталкивалась. Джейн не увидела телевизора, лишь открытый ноутбук по соседству с книгами. Она нажала на клавишу, и экран ожил, открыв последний сайт, который просматривал Тедди. Это была страничка поисковика «Гугл», на которой он набрал: *Был ли Александр Македонский убит?*

Судя по порядку на столе и аккуратно сложенной стопке книг, Тедди был приучен к чистоте. Карандаши в ящике его стола были остро отточены, словно копья, готовые к битве, скрепки и степлер лежали каждый в своем отделении. Всего четырнадцать, а уже безнадежное ОКР[26]. Вот где он сидел прошлой ночью, рассказал ей Тедди, когда услышал негромкие хлопки, а затем крики Кимми, бежавшей вверх по лестнице. Его склонность к порядку заставила мальчика сначала закрыть книгу «Александр в Египте», хотя тот и был в ужасе. Он знал, что означают эти хлопки и крики.

То же самое произошло в прошлый раз. Такие же звуки я слышал на яхте. Знал, что это выстрелы.

Здесь не было окна, чтобы выбраться наружу: непросто сбежать из спальни на третьем этаже.

Поэтому он погасил свет. Он услышал крики девочек, затем еще хлопки и спрятался туда, куда в первую очередь забирается любой испуганный ребенок: под кровать.

Джейн развернулась и посмотрела на идеально гладкое пуховое одеяло, заправленное ровно, как на солдатской койке. Распространялась ли обсессивно-компульсивная аккуратность Тедди на это идеально заправленное постельное белье? Если да, то, возможно, она спасла ему жизнь. Как только Тедди забился под кровать, убийца включил свет и вошел в комнату.

Черные ботинки. Это все, что я видел. У него были черные ботинки, и он стоял прямо у моей кровати.

Кровати, на которой в полночь никто не спал. Должно быть, злоумышленник решил, что ребенок, живущий в этой комнате, в ту ночь находится далеко отсюда.

Убийца в черных ботинках ушел. Прошло несколько часов, но Тедди оставался под кроватью, съеживаясь от каждого скрипа. Ему казалось, он слышал, как шаги возвращаются, тихо, незаметно, что убийца все еще был в доме и ждал.

Тедди не представлял, сколько было времени, когда он заснул. Мальчик лишь знал, что когда проснулся, уже светило солнце. Только тогда он, наконец, выполз из своего укрытия; тело затекло и болело после того, как он полночи пролежал на полу. Из окна он увидел миссис Лаймен, которая работала в своем саду. Соседний дом был безопасным, соседний дом означал кого-то, к кому можно убежать.

Так он и сделал.

Джейн опустилась на колени и заглянула под кровать. Под пружинным матрасом был такой крохотный просвет, что она никогда бы не смогла протиснуться туда. Но испуганный мальчик влез в это пространство, размером меньше гроба. Она заметила что-то, лежащее глубоко в темноте, и ей пришлось лечь на живот, чтобы понять, что это за предмет.

Это были пропавшие очки Тедди.

Она поднялась на ноги и в последний раз оглядела комнату. Хотя из окна светило яркое солнце, а снаружи было лето и +24 °C, в этих четырех стенах она ощутила холод и вздрогнула. Было странно, что она не почувствовала холода в комнатах, где умерли члены семьи Акерман. Нет, лишь здесь, казалось, все еще оставался ужас произошедшего вчерашней ночью.

Здесь, в комнате мальчика, который выжил.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

— Тедди Клок, — произнес детектив Мур, — должно быть, самый невезучий мальчишка на планете. Если подсчитать все, что с ним приключилось, неудивительно, что у него появились серьезные эмоциональные проблемы.

— Не похоже, что он был нормальным и до того, как все началось, — парировал Даррен Кроу. — Очевидно, что ребенок со странностями.

— В каком смысле со странностями?

— Ему четырнадцать, и он не занимается спортом? Не смотрит телевизор? Он проводит каждую ночь и все выходные, сгорбившись над своим компьютером и кучей пыльных старых книжек.

— Некоторые люди не сочли бы это странным.

Кроу повернулся к Джейн.

— Ты провела с ним больше времени, Риццоли. Признай, что у ребенка не все в порядке с головой.

— Это по *твоим* меркам, — ответила Джейн. — Вообще-то, Тедди намного умнее большинства.

Хор возгласов «эээй» обошел стол, пока остальные четыре детектива следили, как отреагирует Кроу на это не особо тонкое оскорбление.

— Подобные знания бесполезны, — возразил Кроу. — Парням нужна смекалка.

— Ему всего четырнадцать, а он выжил в двух кровавых бойнях, — сказала она. — Не говори мне, что у этого мальчика отсутствует смекалка.

В качестве лидера команды по расследованию дела Акерманов, Кроу действовал жестче обычного. Их нынешнее утреннее совещание длилось почти час, и все они были на пределе. За следующие тридцать с небольшим часов после убийства Акерманов шумиха в СМИ усилилась. Проснувшись этим утром, Джейн увидела в таблоиде заголовок «Ужас на Бикон-Хилл», сопровождаемый фотографией их главного подозреваемого Андреса Сапаты — пропавшего парня экономки Акерманов. Это был старый снимок крупным планом, сделанный при аресте за хранение наркотиков в Колумбии, где тот выглядел закоренелым убийцей. Андрес был нелегальным иммигрантом, и его отпечатки пальцев обнаружили на дверной ручке кухни Акерманов, также как и на кухонных шкафах. У них имелось достаточно для ордера на арест, но для обвинения? Джейн не была в этом уверена.

Она сказала:

— Мы не можем рассчитывать на помощь Тедди в деле против Сапаты.

— У тебя будет достаточно времени, чтобы его подготовить, — отмел возражения Кроу.

— Он не видел лица.

— Он должен был увидеть что-то, что поможет нам в суде.

— Тедди намного уязвимее, чем ты думаешь. Мы не можем привлечь его к даче свидетельских показаний.

— О, Бога ради, ему четырнадцать, — взорвался Кроу. — Когда мне было четырнадцать…

— Не может быть. Ты душил питонов голыми руками.

Кроу подался вперед.

— Я не хочу провалить это дело. Нам нужны свидетели, чтобы выстроить линию обвинения.

— Тедди не свидетель, — сказала Джейн. — Он ребенок.

— К тому же, который получил психологическую травму, — поддержал Мур. Он открыл папку, которую принес с собой на совещание. — Я еще раз поговорил с детективом Эдмондсом с Американских Виргинских островов. Он прислал мне по факсу дело об убийстве семьи Клок и…

— Они были убиты два года назад, — встрял Кроу. — Другая юрисдикция, даже страна другая. Какая связь с этим делом?

— Возможно, ее и нет, — признался Мур. — Но эта информация говорит об эмоциональном состоянии мальчика. О том, почему он так раздавлен. О том, что произошедшее в Сент-Томас было столь же ужасно, как и то, что произошло с ним здесь.

— А то дело не было раскрыто? — спросил Фрост.

Мур покачал головой.

— Но оно вызвало большую шумиху в прессе. Я помню, что читал об этом в то время. Американская семья, отправившаяся в кругосветку, убита во сне на борту своей семидесяти пятифутовой яхты. Разумеется, уровень убийств на Американских Виргинских островах в десять раз выше нашего, но даже для них подобная резня стала шоком. Все произошло в местечке близ острова Капелла, южнее Сент-Томаса. Семья Клок — Николас, Аннабель и трое их детей находились на борту своей яхты «Пантомима». Они встали на якорь в тихой бухте, где не было других лодок. Пока семья спала, убийца или убийцы поднялись на борт. Началась стрельба. Возгласы, крики. А затем взрыв. По крайней мере, именно об этом Тедди потом рассказал полиции.

— Как ему удалось выжить? — поинтересовался Фрост.

— Его контузило взрывом, поэтому у мальчика провалы в памяти. Последнее, что он помнит — голос отца, приказавший ему прыгнуть. Когда Тедди очнулся, то был в воде, одетый в спасательный жилет. Дайв-бот[27] нашел его следующим утром среди обломков «Пантомимы».

— А семья?

— Проводились широкие поиски в океане. Позже они обнаружили тела Аннабель и одной из девочек. Вернее, то, что осталось, после того, как

над ними поработали акулы. Вскрытие установило, что обе были убиты выстрелом в голову. Тел Николаса и другой дочери не смогли обнаружить.

Мур раздал всем копии отчета о вскрытии.

— Лейтенант Эдмондс отметил, что это было самое неприятное дело из тех, что он когда-либо расследовал. Семидесяти пятифутовая яхта — это заманчивая добыча, поэтому он решил, что мотивом было ограбление. Убийца или убийцы, скорее всего, забрали все ценности с яхты, после чего взорвали ее, тем самым уничтожив доказательства, чтобы полиция не смогла ничего обнаружить. Дело осталось нераскрытым.

— А мальчик точно так же не смог вспомнить ничего полезного, — хмыкнул Кроу. — Вам не кажется, что с этим ребенком действительно что-то не так?

— Тогда ему было всего двенадцать, — продолжал Мур. — И он, безусловно, очень умен. Я дозвонился их прежней соседке в Провиденс, где жили Клоки до того, как отправились в плавание. Она сказала, что Тедди был весьма одаренным ребенком. В своей школе он занимался по ускоренной программе. Да, он с трудом заводил друзей и был не как все, но его коэффициент интеллекта[28] был на десяток выше, чем у сверстников.

Джейн подумала о книгах, которые увидела в спальне Тедди и о широком диапазоне эзотерических предметов, которые они охватывали. Греческая история. Этноботаника. Криптозоология. Предметы, с которыми вряд ли знакомо большинство четырнадцатилетних.

— Синдром Аспергера[29], — произнесла она.

Мур кивнул.

— Как раз это и сказала соседка. Клоки отвели Тедди на обследование, и врач сказал им, что высокофункциональные способности Тедди отличные, но ему не хватает эмоциональных навыков. Поэтому ему так трудно заводить друзей.

— А сейчас у него вообще никого не осталось, — произнесла Джейн.

Она подумала о том, как мальчик прижался к ней в оранжерее соседки. Джейн все еще ощущала его шелковистые волосы на своей щеке и помнила запах его пижамы. Она спрашивала себя, как он приспособился к новой приемной семье, в которую его поместила социальная служба. Прошлой ночью, прежде чем отправиться домой к собственной дочери,

она заехала в новый дом Тедди и завезла ему очки. Теперь он жил у пожилой пары временных приемных родителей, у которых имелся большой опыт воспитания детей, переживших травму.

Взгляд Тедди, которым он провожал Джейн, разбил бы сердце любой матери. Он смотрел так, словно Джейн являлась единственным человеком, который в силах его спасти, а она взяла и отдала его незнакомцам.

Мур полез в папку и достал копию рождественской фотографии с надписью: ЖЕЛАЕМ ВЕСЕЛЫХ ПРАЗДНИКОВ. СЕМЬЯ КЛОК.

— Это последняя весточка, которую соседка получила от Клоков. Электронная открытка была отправлена через месяц после того, как семья покинула Провиденс. Они забрали всех троих детей из школы, выставили дом на продажу и всей семьей отправились в кругосветное путешествие.

— На семидесяти пятифутовой яхте? У них водились деньги, — присвистнул Мур. — Где они брали средства к существованию?

— Аннабель была домохозяйкой. Николас работал финансовым консультантом в какой-то компании из Провиденса. Сосед не помнит названия.

Кроу рассмеялся.

— Ага, такая должность как *финансовый консультант* и слово «деньги» звучат одинаково.

— Это же очень радикальный шаг, верно? — проговорил Фрост, — вот так взять и сняться с насиженного места? Оставить все позади и притащить семью на парусник.

— Соседка считает так же, — продолжил Мур. — И это произошло неожиданно. Аннабель даже не упоминала об этом до дня отъезда. Все это наводит на размышления.

— О чем? — не понял Кроу.

— Возможно, семья от чего-то бежала? Чего-то боялась? Может быть, *это* и служит связью между двумя нападениями на Тедди.

— Длиной в два года? — хмыкнул Кроу. — Насколько нам известно, Клоки и Акерманы даже не были знакомы. Все, что связывает их — это мальчик.

— Это просто беспокоит меня. Вот и все.

Джейн это тоже беспокоило. Она посмотрела на рождественскую фотографию — вероятно, последнее, что осталось от семьи Клок. Каштановые волосы Аннабель Клок были зачесаны наверх с небрежной элегантностью и отливали золотом. Ее лицо с изящно изогнутыми бровями, словно вырезанное из слоновой кости, могло бы украсить собой холст средневекового художника.

Николас был блондином атлетического телосложения, его впечатляющие плечи подчеркивала лимонно-желтая рубашка-поло. Со своим волевым подбородком и строгим взглядом Николас казался человеком, способным защитить семью от любой угрозы. В день, когда был сделан этот снимок, когда он улыбался, обнимая мускулистой рукой жену, то и вообразить не мог предстоящие ужасы. Водную могилу для себя. Убийство жены и двоих детей. Камера запечатлела семью, не боящуюся будущего, чьи глаза и улыбки излучали оптимизм, как и те рождественские игрушки, что они развесили на елке, виднеющейся на заднем плане. Даже Тедди казался полным энергии, стоя рядом со своими младшими сестрами. Трое ангельского вида детей со светло-каштановыми волосами и большими глазами. Все они улыбались и были беззаботными внутри безопасного пузыря своей семьи.

И она подумала: «Тедди больше никогда не почувствует себя в безопасности».

Убивать легко. Все, что вам нужно — доступ в Интернет и подходящий инструмент, будь то пуля, бритва или Семтекс[30]*. И если вы все правильно спланируете, уборка не понадобится. Но добраться до такого человека, как Икар, который выжил и противостоит вам, человека, который окружил себя семьей и телохранителями — намного более щекотливое дело.*

Именно поэтому мы и посвятили большую часть этого июня наблюдению, разведке и тренировкам. Долгие часы, семь дней в неделю, но никто не жаловался. Да и с чего бы? Наш отель был комфортабельным, а все расходы покрывались. И, в конце концов, алкоголя всегда имелось предостаточно. И не дешевого пойла, а отличного итальянского вина. Мы считали, что за свою работу заслуживаем самого лучшего.

В четверг поступил звонок от нашего местного агента. Он работал официантом в ресторане «Ла Нонна», и на этот вечер там зарезервировали два столика. Один на четверых, а другой на двоих.

Бутылки «Брунелло ди Монтальчино»[31] потребовали открыть заранее, чтобы вино «подышало»[32] до приезда клиентов. Официант не сомневался, для кого зарезервировали эти столики.

Они прибыли в разных машинах. В черном «БМВ» находились два телохранителя. За рулем серебряного «Вольво» сидел Икар. Это была одна из его причуд: он всегда сам сидел за рулем. Оба автомобиля припарковались напротив «Ла Нонны», чтобы те оставались в поле зрения во время трапезы. Я уже занял позицию, сидя в открытом кафе неподалеку и потягивая эспрессо. Отсюда я мог из первого ряда наблюдать за начинающимся представлением.

Я увидел, как телохранители первыми вышли из своего «БМВ» и наблюдали за появившимся из «Вольво» Икаром. Он всегда ездил на «Вольво» — скучный выбор для человека, который мог позволить себе целый парк «Мазерати». Он открыл заднюю дверцу, и оттуда вышла одна из причин покупки столь заурядной машины. Малышу Карло, младшему сыну, было восемь лет, у него были огромные темные глаза и непослушные волосы, как у матери. Шнурок мальчика развязался, и Икар наклонился, чтобы завязать его.

В это мгновение Карло заметил меня, сидящего неподалеку. Его глаза так пристально изучали меня, что я едва не запаниковал. Я подумал: «Мальчик знает». Он как-то узнал о том, что вот-вот произойдет. У меня не было детей, ни у кого из нашей команды их не было, поэтому дети оставались для нас загадкой. Они казались маленькими пришельцами, неразвитыми существами, которых можно игнорировать. Но глаза Карло были ясными и умными, и я позабыл все причины, которыми мог оправдать то, что мы собирались сделать с его отцом.

Затем Икар выпрямился. Он взял Карло за руку и повел жену и старшего сына через дорогу на ужин в «Ла Нонну».

Я с облегчением вздохнул.

Наша команда перешла к действию.

Молодая женщина проходит мимо, толкая перед собой детскую коляску, ее ребенок упрятан под слоем пеленок. Внезапно младенец заорал, и женщина остановилась покачать его. Только я находился достаточно близко, чтобы увидеть, как она проткнула шины автомобиля охранников. Ее ребенок замолчал, и женщина пошла дальше по тротуару.

В этот момент внутри «Ла Нонны» разливали вино, два маленьких мальчика накручивали спагетти на вилки, а тарелки с телятиной, бараниной и свининой появлялись из кухни.

Снаружи, на улице, готовились захлопнуть ловушку. Все шло по плану.

Но я не мог отделаться от образа личика маленького Карло, смотревшего на меня. От взгляда, проникшего в мою грудь и схватившего прямо за сердце. Когда у вас появляется настолько сильное предчувствие, от него не следует отмахиваться.

Я жалею, что проигнорировал его.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Маура ехала с открытыми окнами, и запах лета наполнял машину. Несколько часов назад она оставила позади побережье Мэна и направилась на северо-запад мимо покатых холмов, где полуденное солнце окрашивало поля золотом. Затем начался лес, и деревья внезапно стали настолько густыми, что, казалось, внезапно наступила ночь. Она проехала много миль, не встретив ни одного автомобиля, и задумалась над тем, правильный ли поворот выбрала. Здесь не было ни домов, ни дорог, ни единого дорожного знака, чтобы подсказать, что она движется в верном направлении.

Маура уже была готова развернуться, когда дорогу внезапно перегородили ворота. На арке над ними красовалось одно-единственное слово, выведенное изящно переплетенными буквами: «ИВЕНСОНГ».

Она вышла из своего «Лексуса» и покосилась на запертые ворота, окруженные массивными каменными колоннами. Она не увидела кнопки интеркома, а кованая ограда окружала лес с обеих сторон и уходила далеко вглубь. Маура достала мобильный, чтобы позвонить в школу, но в этой глуши не было сигнала. Лесная тишина усилила зловещий писк комара, и она прихлопнула кровососа, усевшегося на ее щеку. Уставилась на тревожный мазок крови. Другие комары приближались к ней голодным кусачим облаком. Она уже хотела вернуться в машину, когда заметила гольф-кар[33], подъезжающий с обратной стороны ворот.

Знакомая молодая женщина вышла из гольф-кара и помахала рукой. Чуть старше тридцати, в своих обтягивающих голубых джинсах и зеленой ветровке Лили Сол выглядела гораздо жизнерадостнее и счастливее, чем когда Маура видела ее в прошлый раз. В каштановых волосах Лили, стянутых в небрежный хвостик, теперь появились

осветленные прядки, а на щеках играл здоровый румянец, контрастирующий с бледным худым лицом, которое Маура помнила по тому кровавому Рождеству, когда они встретились на расследовании убийства. Жестокая разгадка чуть было не стоила им обеим жизни. Но Лили Сол, долгие годы убегающей как от реальных, так и от воображаемых демонов, удалось выжить и, судя по счастливой улыбке, наконец-то победить свои ночные кошмары.

— Мы ждали, что Вы приедете раньше, доктор Айлз, — сказала Лили. — Я рада, что Вы успели до темноты.

— А я уже боялась, что придется перелезать через этот забор, — ответила Маура. — Здесь не ловит мобильник, и я не смогла бы никому позвонить.

— О, мы знали, что Вы приехали, — улыбнулась Лили, вводя код на панели безопасности. — По всей дороге установлены датчики движения. Вероятно, Вы их не заметили, так же как и камеры.

— Это слишком мощная охранная система для школы.

— Все ради того, чтобы обеспечить безопасность нашим ученикам. И Вы же знаете, как Энтони относится к охране. Ему всегда мало, — пояснила Лили через решетку. — Неудивительно, что у него бзик на этой почве. Если вспомнить, через что мы все прошли.

Глядя в глаза Лили, Маура поняла, что кошмары девушки не были полностью похоронены. Отголоски все еще оставались.

— Прошло почти два года, Лили. Случилось что-то еще?

Лили распахнула ворота и зловеще произнесла:

— Пока нет.

Это было заявление из репертуара Энтони Сансоне. Преступление оставляет шрамы на выживших; Сансоне и Лили, обоих преследуют личные трагедии насилия. Для них мир навсегда останется местом, полным опасностей.

— Следуйте за мной, — сказала Лили, снова усаживаясь в гольф-кар. — До замка еще несколько миль по дороге.

— Разве Вам не нужно закрыть ворота?

— Они закрываются автоматически. Если Вам понадобится выехать, на этой неделе код системы безопасности — сорок пять девяносто шесть, как

для ворот, так и для входной двери школы. Число меняется каждый понедельник, мы объявляем его за завтраком.

— Выходит, ученики тоже его знают.

— Конечно. Ворота не для того, чтобы удержать нас внутри, доктор Айлз. Они для защиты от внешнего мира.

Маура забралась обратно в «Лексус», и пока она проезжала между двумя колоннами, двери уже начали закрываться. Несмотря на заверения Лили, что ворота не заточат ее внутри, кованые железные прутья наводили на мысль о тюрьме строгого режима. Двери захлопнулись с металлическим лязгом и, казалось, запертый вход смотрит ей вслед.

Гольф-кар Лили вел ее за собой по однополосной дороге, извивающейся через густой лес. В тени этих деревьев выделялись невероятно яркие оранжевые лишайники, облепившие ствол древнего дуба. Наверху в лесном пологе порхали птицы. Красная белка[34] сидела на ветке, подергивая хвостом. Какие еще существа появляются после наступления темноты в недрах этих Мэнских лесов?

Лес уступил место открытому небу, и перед Маурой распростерлось озеро. Вдалеке за непроницаемо темными водами виднелось здание «Ивенсонг». Лили назвала его *замком*, именно так и выглядело здание, стоящее на гранитном хребте. Построенные из такого же серого камня стены тянулись вверх, словно прорастая из самого хребта.

Они въехали во двор через каменную арку, и Маура припарковала свой «Лексус» возле стены, покрытой мхом. Всего час назад царил летний денек, но когда она вышла из машины, воздух был холодным и сырым. Глядя на высокие гранитные стены и покатую крышу, она представила летучих мышей, кружащих в высокой башне над ее головой.

— Не беспокойтесь насчет багажа, — сказала Лили, доставая чемодан из багажника «Лексуса». — Мы оставим его здесь на ступеньках, и Роман отнесет его в Вашу комнату.

— Где все ученики?

— Большинство учеников и преподавателей разъехались на летние каникулы. Здесь всего пара десятков детей и основная команда преподавателей, которая находится тут круглый год. А на следующей неделе Вы и Джулиан обнаружите, что тут станет по-настоящему тихо, когда мы повезем остальных детей в Квебек[35]. Давайте я проведу для Вас небольшую экскурсию, прежде чем позову Джулиана. Сейчас он на занятиях.

— Как у него дела? — спросила Маура.

— О, он и вправду расцвел, попав сюда! Джулиан по-прежнему не в восторге от занятий в классе, но он изобретателен и замечает то, что упускают остальные. И он защищает младших детей, всегда приглядывает за ними. Истинный хранитель. — Лили помолчала. — Однако понадобилось некоторое время, прежде чем он стал нам доверять. Думаю, Вы понимаете, почему. После всего, через что он прошел в Вайоминге.

Да, Маура понимала. Потому что она и Джулиан вместе пережили это, когда боролись за свою жизнь и не знали, кому доверять.

— А Вы, Лили? — спросила Маура. — Как Вы поживаете?

— Я там, где и должна быть. Преподаю этим замечательным детям.

— Джулиан рассказывал, что Вы строили на уроке Римскую катапульту.

— Да, пока изучали осадные войны. Ученики отлично справились с заданием. К сожалению, разбив при этом окно.

Они поднялись по каменным ступеням к такой высокой двери, что через нее мог бы спокойно пройти великан.

Лили снова ввела защитный код. Массивная деревянная дверь легко открылась и, переступив через порог, они вошли в зал, где высокие арки подпирали старинные балки. Высоко над головой висела кованая люстра, а из арки на них смотрело круглое витражное окошко, похожее на разноцветный глаз. В этой сумеречной второй половине дня оно пропускало лишь мутные отблески.

Маура остановилась у подножия огромной лестницы и залюбовалась гобеленом на стене с выцветшим изображением двух единорогов, отдыхающих в окружении виноградной лозы и фруктовых деревьев.

— Это и *вправду* замок, — произнесла она.

— Построен в 1835 году мегаломаном[36] по имени Сирил Магнус, — Лили передернуло от отвращения. — Он был железнодорожным магнатом, охотником «большой пятерки»[37], коллекционером произведений искусства и полным ублюдком, по мнению большинства окружающих. Это здание задумывалось его личным замком. Спроектировано в готическом стиле, которым он восхищался, разъезжая по Европе. Гранит добывался в пятидесяти милях отсюда. Древесина — старый добрый мэнский дуб. Когда тридцать лет назад «Ивенсонг» купила эту собственность, здание находилось в отличном состоянии, поэтому

большинство из того, что Вы видите — подлинное. С годами Сирил Магнус продолжал расширять дом, что сделало его немного запутанным. Не удивляйтесь, если заблудитесь.

— Этот гобелен, — сказала Маура, указывая на переплетшихся единорогов, — он на самом деле *выглядит* средневековым.

— Так и есть. Он из флорентийской виллы Энтони.

Маура видела сокровищницу с полотнами шестнадцатого века и венецианскую мебель, которые Сансоне хранил в своей резиденции в Бикон-Хилл.

Она не сомневалась, что его вилла во Флоренции окажется не менее грандиозной, чем это здание, а предметы искусства еще более впечатляющими. Но тут не было тосканских стен оттенка теплого меда, здешние серые камни излучали холод, который не развеять даже солнечному дню.

— Вы там были? — спросила Лили. — В его доме во Флоренции?

— Меня никто не приглашал, — ответила Маура.

«Видимо, в отличие от тебя».

Лили задумчиво взглянула на нее.

— Уверена, это всего лишь вопрос времени, — ответила она и повернулась к тому, что выглядело как стена, обшитая панелями. Лили толкнула одну из панелей, и та распахнулась, обнаружив за собой дверь.

— Это проход в библиотеку.

— Вы прячете книги?

— Нет, это просто одна из особенностей здания. Думаю, старый Сирил Магнус любил сюрпризы, потому что это не единственная дверь в доме, замаскированная под что-то другое.

Лили вела ее по коридору без окон, где полумрак подчеркивался темными деревянными панелями. В конце концов, они вышли в комнату, где последние серые лучики дневного света пробивались через высокие арочные окна. Маура изумленно уставилась на библиотеку с галереей книжных полок, которые поднимались до куполообразного потолка с изображением пушистых облаков на голубом небосводе.

— Самое сердце «Ивенсонга», — проговорила Лили. — Эта библиотека. В любое время дня и ночи ученики могут прийти сюда и взять с полок любую книгу, пока они обещают относиться к ней с уважением. А если не смогут найти то, что ищут в библиотеке…

Лили подошла к двери и распахнула ее, открыв взгляду комнату с десятком компьютеров.

— На крайний случай всегда есть Доктор Гугл, — на этих словах она снова поморщилась и закрыла дверь. — Но, в самом деле, кому нужен Интернет, когда прямо здесь находятся настоящие сокровища.

Лили показала на три яруса с книгами.

— Мудрость веков собрана под одной крышей. У меня слюнки текут от одного взгляда на них.

— Говоришь, как истинный учитель классики, — усмехнулась Маура, изучая корешки книг. *«Женщины Наполеона»*. *«Жития святых»*. *«Египетская мифология»*. Ее взгляд задержался на одном из названий, выбитых золотом на темной коже. *«Люцифер»*. Казалось, книга звала Мауру, требовала внимания. Она вытащила томик и уставилась на потертый кожаный переплет с тисненым изображением сидящего на корточках демона.

— Мы считаем, что запрещать знание все равно что ограничивать разум, — негромко произнесла Лили.

— Знание? — Маура поставила книгу на полку и посмотрела на молодую женщину. — Или суеверие?

— Книга поможет понять и то, и другое, не считаете?

Маура прошлась по комнате, разглядывая ряды длинных деревянных столов и стульев, каждый из которых был старее предыдущего.

— До тех пор, пока Вы не преподнесете это как факт, — возразила она, остановившись, чтобы рассмотреть карту мира 1650 года с искаженными очертаниями континентов, где отсутствовали огромные неизведанные и неизвестные на тот момент территории. — Это суеверия. Миф.

— Вообще-то, мы учим детей *Вашему* мировоззрению, доктор Айлз.

— *Моему* мировоззрению? — с недоумением посмотрела на нее Маура. — И какому же?

— Науке. Химии и физике, биологии и ботанике. — Лили бросила взгляд на антикварные напольные часы. — Вот чем занимается Джулиан прямо сейчас. И в эту минуту его занятия как раз закончились.

Они покинули библиотеку, вернувшись по тому же коридору с темными панелями в холл, и поднялись по массивной лестнице. Когда они проходили мимо гобелена, Маура заметила, как тот колышется, обнажая каменную стену, словно в здание ворвался порыв ветра. Казалось, единороги ожили и затрепетали под пышными фруктовыми деревьями. Ступеньки повернули к окну, и Маура приостановилась, чтобы полюбоваться видом на лесистые холмы. Джулиан говорил ей, что школа окружена лесом и от ближайшей деревни ее отделяют многие мили. Только теперь она увидела, насколько изолированной на самом деле была «Ивенсонг».

— Ничто здесь не может до нас добраться, — неожиданно близко от себя услышала Маура тихий голос.

Лили стояла, наполовину скрытая в тени арки.

— Мы выращиваем собственную еду. Разводим кур ради яиц, коров для молока. Отапливаемся своей древесиной. Нам абсолютно не нужен внешний мир. Это первое место, где я на самом деле почувствовала себя в безопасности.

— Здесь, в лесу с медведями и волками?

— Мы обе знаем, что за воротами существует множество вещей гораздо опаснее медведей и волков.

— Разве Вам не стало легче, Лили?

— Я по-прежнему каждый день думаю о том, что случилось. О том, что он сделал с моей семьей, со мной. Но пребывание здесь во многом помогает.

— Помогает ли? Или эта изоляция лишь усиливает страхи?

Лили посмотрела ей в глаза.

— Разумный страх перед миром — то, что помогло некоторым из нас выжить. Этот урок я выучила два года назад.

Она снова стала подниматься по ступеням мимо мрачной картины, изображающей трех мужчин в средневековых одеяниях, — несомненно, еще один вклад из семейной коллекции Энтони Сансоне. Маура подумала о буйных учениках, которые каждый день проносились мимо этого шедевра, и задумалась, сколько миллисекунд эта картина

продержалась бы в любой другой школе. Ученики «Ивенсонга», должно быть, представляли собой неординарное сборище, раз им и впрямь доверяли такие сокровища.

Они поднялись на второй этаж, и Лили протянула руку вверх:

— Жилые помещения находятся на третьем этаже. Комнаты учеников в восточном крыле, преподавателей и гостей — в западном. Вы будете жить в самой старой части западного крыла, с прекрасными каменными каминами в комнатах. Летом это лучшее место во всем доме.

— А зимой?

— Они непригодны для жилья. Конечно, если у вас нет желания всю ночь подбрасывать дрова в огонь. Мы закрываем крыло, когда наступают холода.

Лили проводила ее в холл на втором этаже.

— Давайте взглянем, закончил ли уже старый Паски.

— Кто?

— Профессор Дэвид Паскуантонио. Он преподает ботанику, цитобиологию и органическую химию.

— Довольно продвинутые предметы для старшеклассников.

— Старшеклассников? — Лили расхохоталась. — Мы начинаем изучать эти предметы еще в средних классах. Двенадцатилетние гораздо умнее, чем о них думают.

Они миновали пустые двери и открытые классные комнаты. Она заметила человеческий скелет, покачивающийся на подставке, лабораторный стол, штатив для пробирок и огромную настенную карту с основными этапами развития всемирной истории.

— Сейчас летние каникулы, я удивлена, что вы все еще проводите занятия, — заметила Маура.

— Альтернативный вариант — пара десятков учеников, мающихся от скуки. Нет уж, мы пытаемся заставить их серые клетки активно работать.

Они завернули за угол и натолкнулись на огромного черного пса, растянувшегося перед закрытой дверью. Увидев Мауру, его голова вздернулась, и пес ринулся к ней, яростно виляя хвостом.

— Стой! Медведь! — засмеялась Маура, когда тот подпрыгнул. Две гигантские лапы опустились на ее плечи, а влажный язык облизал лицо. — Вижу, твои манеры не улучшились.

— Он явно счастлив снова увидеть Вас.

— И я тоже рада тебя видеть, — прошептала Маура, обнимая собаку. Медведь опустился на четвереньки, и она могла поклясться, что он улыбается ей.

— Тогда я оставлю Вас здесь, — сказала Лили. — Джулиан с нетерпением ждал Вашего приезда, так почему бы Вам не заглянуть к нему?

Маура помахала ей на прощание и так тихо проскользнула в класс, что никто не заметил ее появления. Она встала в уголке, разглядывая лысого учителя в очках, который тонкой рукой в пигментных пятнах выводил на доске расписание на неделю.

— В восемь часов утра мы собираемся на берегу озера, — провозгласил он. — Если опоздаете, *останетесь* здесь. И упустите шанс увидеть редкий образец *Аманита биспоригера*[38], который вырос после прошедшего дождя. Захватите сапоги и дождевики. Может быть грязно.

Даже со спины Джулиан «Рэт» Перкинс сразу выделялся среди двух десятков учеников, которые стояли вокруг демонстрационного стола профессора Паскуантонио. В свои шестнадцать лет Рэт уже был сложен, как широкоплечий мужчина, и стал еще мускулистее, чем когда она его видела последний раз. Прошлой зимой она опиралась на эти самые плечи, когда они вместе боролись за выживание в горах Вайоминга, и эта битва создала между ними глубокую и прочную связь. Джулиан был Мауре ближе сына, которого у нее никогда не было, и она с гордостью наблюдала, как прямо он стоял и каким внимательным выглядел, даже когда профессор Паскуантонио забубнил голосом, напоминающим жужжание комара.

— В пятницу все должны сдать доклад о ядовитых растениях до того, как большинство из вас отправится в Квебек. И не забудьте, в среду у вас будет контрольная по видам грибов. Урок окончен.

Развернувшись к выходу, Джулиан заметил Мауру, и его лицо озарила улыбка. Он шагнул к ней, поднимая руки для объятия. Но в последний момент мальчик понял, что одноклассники наблюдают за ними и замешкался, решив, что лучше будет быстро чмокнуть ее в щеку и неуклюже похлопать по плечам.

— Наконец-то ты здесь! Я ждал тебя весь день.

— Ну, теперь у нас есть целых две недели, которые мы проведем вместе.

Маура откинула темную челку с лица мальчика, и ее рука задержалась на его щеке, пораженная тем, что нащупала первый намек на щетину. Он рос слишком быстро.

Джулиан покраснел от этого прикосновения, и она догадалась, что некоторые ученики не вышли из класса, а стояли вокруг, наблюдая за ними. Большинство подростков игнорировало само существование взрослых, но одноклассники Джулиана, казалось, заинтересовались вторжением этой чужеродной посетительницы в их привычный мир. Их возраст варьировался от средних классов до выпускников, так же как и их одежда — от девочки-блондинки в драных голубых джинсах до мальчика в слаксах[39] и оксфордской рубашке[40]. Все они разглядывали Мауру.

— Вы судебно-медицинский эксперт, — заявила девица в мини-юбке, — мы слышали, что Вы приедете.

Маура улыбнулась.

— Джулиан упоминал обо мне?

— Да постоянно. Вы будете преподавать?

— Преподавать? — она взглянула на Джулиана. — Вообще-то не планировала.

— Нам бы хотелось услышать о судебной медицине, — заговорил мальчик-азиат. — На биологии мы расчленяли лягушек и эмбрионы свиней, но это была обычная анатомия. Совсем не похожая на те крутые штуки, что Вы проделываете с мертвыми людьми.

Маура оглядела их возбужденные лица. Как и у большинства людей, вероятно, их представления основывались на телевизионных шоу и детективных романах.

— Не уверена, что это подходящая тема, — ответила она.

— Потому что мы дети?

— Судебная медицина — это дисциплина, которую обычно преподают студентам-медикам. Даже большинство взрослых находят этот предмет шокирующим.

— Но не мы, — возразил азиатский мальчик. — Хотя, возможно, Джулиан не рассказал Вам о том, кто мы такие.

«О том, что вы *странные*», — подумала Маура, рассматривая одноклассников Джулиана, которые возвестили о своем уходе шарканьем обуви и скрипом половиц. В наступившей тишине Медведь грустно заскулил и облизал руку Джулиана.

— *Кто мы такие?* Что он имел в виду? — спросила Маура.

Ей ответил учитель.

— Как и подавляющее большинство его одноклассников, юный мистер Чинн сначала раскрывает рот, а потом думает. Не стоит и пытаться выискивать глубокий смысл в подростковом лепете, — мужчина с кислым видом глянул на Мауру поверх очков. — Я профессор Паскуантонио. Джулиан говорил, что Вы посетите нас на этой неделе, доктор Айлз.

Он посмотрел на мальчика, и его губы изогнулись в полуулыбке.

— Кстати, он хороший ученик. Необходимо поработать над его писательскими навыками, в правописании он безнадежно отстает. Но зато лучше всех остальных находит редкие образцы растений в лесу.

Несмотря на критику, этот комплимент вызвал улыбку у Джулиана.

— Я буду работать над своим правописанием, профессор.

— Желаю приятно провести у нас время, доктор Айлз, — сказал Паскуантонио, собирая с демонстрационного стола свои записи и образцы растений. — Вам повезло, в это время года тут тихо. Не так много ног, топочущих вверх и вниз по лестнице, как слоны.

Маура заметила веточку фиолетовых цветов в руке мужчины.

— Аконит[41].

— *Aconitum*[42]. Очень хорошо.

Маура принялась разглядывать другие образцы растений, которые он выложил на стол.

— Наперстянка[43]. Фиолетовый паслен[44]. Ревень[45].

— А это? — он поднял веточку с сухими листьями. — Дополнительные баллы, если назовете, от какого цветущего куста эта ветка.

— Это олеандр[46].

Он посмотрел на нее, в светлых глазах профессора загорелся интерес.

— Который даже не растет в этом климате, но Вы все равно узнали его, — он почтительно наклонил в поклоне свою лысую голову. — Я впечатлен.

— Я выросла в Калифорнии, где олеандр растет повсюду.

— Подозреваю, что Вы тоже садовод.

— Хотелось бы. Но я патологоанатом, — она оглядела образцы, разложенные на столе. — Все эти растения ядовиты.

Он кивнул:

— И некоторые из них так красивы. Мы выращиваем аконит и наперстянки здесь, в нашем цветнике. Ревень растет в нашем огороде. А фиолетовый паслен, с такими симпатичными цветами и ягодами торчит повсюду, как обычный сорняк. Все вокруг нас, замаскированное под красивой оболочкой, является инструментами смерти.

— И вы учите этому детей?

— Им эти знания необходимы, как никому другому. Они напоминают им о том, что мир природы — опасное место, и Вам об этом прекрасно известно.

Он положил образцы на полку и собрал страницы с записями.

— Приятно было познакомиться, доктор Айлз, — сказал он, прежде чем повернуться к Джулиану. — Мистер Перкинс, визит вашей подруги не будет служить оправданием для отсрочки домашней работы. Надеюсь, мы прояснили этот вопрос.

— Да, сэр, — торжественно пообещал Джулиан. Он сохранял это серьезное выражение лица до тех пор, пока шаги профессора Паскуантонио не стихли в глубине коридора, и только тогда разразился смехом. — Теперь ты понимаешь, почему мы зовем его Ядовитый Паски.

— Он явно не выглядит эдаким дружелюбным учителем.

— Верно. Он предпочел бы общаться со своими растениями.

— Надеюсь, твои остальные учителя не такие странные.

— Мы *все* здесь странные. Вот почему это такое интересное место. Как говорит мисс Сол: быть нормальным — это так скучно.

Она улыбнулась Джулиану. Снова коснулась его лица. На этот раз он не отстранился.

— Кажется, ты счастлив здесь, Рэт. Ты со всеми ладишь?

— Лучше, чем когда-либо у себя дома.

Дом в Вайоминге являлся мрачным местом для Джулиана. В школе он был двоечником, над которым издевались и которого высмеивали; он славился не своими успехами в учебе, а проблемами с законом и драками на школьном дворе. К шестнадцати годам, казалось, что в будущем его ожидает лишь тюремная камера.

Поэтому, только что сказанные Джулианом слова о странностях, являлись правдой. Он не был нормальным, и никогда не будет. Его выгнала собственная семья, бросила одного в глуши, он научился полагаться лишь на самого себя. Он убил человека. Несмотря на то, что убийство было самообороной, пролить чужую кровь — значит, изменить себя навсегда; и ей хотелось бы знать, насколько часто это воспоминание преследует его. Мальчик взял ее за руку.

— Пойдем, я все тут тебе покажу.

— Мисс Сол показала мне библиотеку.

— Ты уже была в своей комнате?

— Нет.

— Она в старом крыле, куда помещают важных гостей. Именно в нем живет мистер Сансоне, когда останавливается здесь. В твоей комнате есть большой старинный камин из камня. Когда приезжала тетя Брианы, она забыла открыть дымоход, и комната наполнилась дымом. Им пришлось эвакуировать все здание. Поэтому не забудь об этом, ладно? О дымоходе?

«И не опозорь меня», — гласило это завуалированное послание.

— Я запомню. Кто такая Бриана?

— Просто одна здешняя девочка.

— *Просто* девочка?

Со своими темными волосами и пронзительным взглядом, Джулиан вырастет в привлекательного юношу, на которого в один прекрасный день обратят взоры многие женщины.

— Подробности, пожалуйста.

— В ней ничего особенного.

— Я только что видела ее в классе?

— Ага. У нее длинные черные волосы. И *очень* короткая юбка.

— Ого. Ты считаешь ее хорошенькой.

— Наверное.

Она рассмеялась.

— Да ладно. Не говори мне, что ты этого не замечаешь.

— Ну, да. Но я считаю, она немного туповата. Хотя и жалею ее.

— Жалеешь ее? Почему?

Он посмотрел на нее.

— Она здесь, потому что ее маму убили.

Внезапно Маура пожалела о том, как беспечно сунула нос в его дружеские отношения. Подростки были для нее загадкой, неуклюжими существами с большими ногами и кипящими гормонами, ранимыми в один момент и холодными, отстраненными в другой. Как бы сильно ей не хотелось стать его матерью, она никогда не преуспеет в этом, никогда не обретет материнского инстинкта.

Она молчала, пока спускалась за ним в коридор третьего этажа, стены которого были увешаны изображениями средневековых деревень, банкетных столиков и Мадонны с кожей цвета слоновой кости, держащей младенца. Комната для гостей располагалась в конце коридора; когда Маура шагнула внутрь, то увидела, что ее чемодан уже покоился на полке для багажа из вишневого дерева. Из окна с полукруглой аркой она увидела обнесенный стеной сад, украшенный каменными статуями. За этой стеной расстилался лес, похожий на наступающую армию.

— Комната выходит на восток, поэтому завтра у тебя откроется прекрасный вид на восход солнца.

— В этом месте все виды прекрасны.

— Мистер Сансоне решил, что тебе понравится эта комната. Она самая тихая.

Маура спросила, стоя спиной к нему:

— Он в последнее время бывал здесь?

— Приезжал около месяца назад. Он всегда посещает заседания школьного совета «Ивенсонга».

— И когда следующее?

— Через месяц, — Джулиан помолчал. — Он и правда тебе нравится. Разве нет?

Ее молчание стало чересчур явным. Она произнесла, как ни в чем не бывало:

— Он благородный человек, — Маура развернулась лицом к мальчику. — Мы оба многим ему обязаны.

— Это и впрямь все, что ты можешь о нем сказать?

— А что еще нужно?

— Ну, ты спросила меня о Бриане. А я решил спросить тебя о мистере Сансоне.

— Аргумент принимается, — призналась она.

Но его вопрос повис в воздухе, и Маура не знала, как на него ответить. *Он и правда тебе нравится, разве нет?*

Она обернулась, чтобы рассмотреть кровать искусной резьбы с балдахином и шкаф для одежды из дуба. Возможно, они были еще одними предметами антиквариата из дома Сансоне. Хотя самого мужчины здесь не было, она видела его присутствие во всем: от бесценных картин на стенах до книг в кожаных переплетах в библиотеке. Изоляция этого замка, запертые ворота и частная дорога отражали его одержимость уединенностью. Одна выбивающаяся из всего этого вещь висела над камином. Это был портрет маслом высокомерного вида господина в охотничьем пальто, на плечо закинуто ружье, один ботинок поставлен на лежащего оленя.

— Это Сирил Магнус, — пояснил Джулиан.

— Человек, построивший этот замок?

— Он действительно был повернут на охоте. На чердаке лежит целая тонна трофеев, которые он привозил со всего мира. Они висели в столовой, пока доктор Уэлливер не заявила, что все эти головы животных лишают ее аппетита и не потребовала, чтобы мистер Роман убрал их. Они затеяли большой спор на тему, что эти чучела прославляют насилие. Наконец, директор Бом предложил нам все проголосовать, даже ученикам. Вот тогда головы и убрали на чердак.

Она не знала никого из тех, о ком он говорил — грустное напоминание о том, что здесь она не была частью его мира, что теперь у него была своя жизнь, далекая и не зависящая от нее. Она уже чувствовала себя брошенной.

— ... а потом доктор Уэлливер и мистер Роман спорили о том, должны ли ученики обучаться охоте. Мистер Роман сказал, что да, потому что это почтенное мастерство, но доктор Уэлливер возразила, что это варварство. Тогда мистер Роман заметил, что доктор Уэлливер ест мясо, что тоже характеризует ее, как варвара. Мама дорогая, это вывело ее из себя!

Пока Маура раскладывала джинсы и походные ботинки, развешивала блузки и платья в шкафу, Джулиан без умолку болтал о своих одноклассниках и учителях; о катапульте, которую они построили на уроке мисс Сол; о походе через лес, когда черный медведь забрел в их лагерь.

— Держу пари, ты был тем, от кого медведь еле унес ноги, — с улыбкой заметила она.

— Нет, мистер Роман отпугнул его. Ни один медведь не захочет с *ним* связаться.

— Тогда он, должно быть, по-настоящему страшный человек.

— Он лесник. Ты встретишься с ним за ужином. Если он появится.

— Разве ему не нужно есть?

— Он избегает доктора Уэлливер из-за инцидента, о котором я тебе рассказывал.

Маура задвинула ящик комода.

— А кто такая доктор Уэлливер, которая так сильно ненавидит охоту?

— Она наш психолог. Я встречаюсь с ней по четным четвергам.

Она обернулась и нахмурилась:

— Зачем?

— Потому что у меня есть проблемы. Как и у каждого здесь.

— О каких проблемах ты говоришь?

Он с недоумением посмотрел на нее.

— Я думал, ты знаешь. Именно поэтому я здесь, по этому критерию отбираются все ученики в «Ивенсонге». Мы отличаемся от обычных детей.

Она подумала о занятии, которое они только что посетили, о двух десятках учеников, собравшихся вокруг демонстрационного стола Ядовитого Паски. Они выглядели как любая другая компания американских подростков.

— А чем, собственно, вы отличаетесь? — спросила она.

— Тем, как я потерял свою маму. То же самое произошло со всеми другими здешними детьми.

— Другие ученики тоже потеряли родителей?

— Некоторые из них. Либо потеряли сестер или братьев. Доктор Уэлливер помогает нам справиться с гневом. С ночными кошмарами. А «Ивенсонг» учит нас, как давать отпор.

Она подумала о том, как умерла мать Джулиана. Подумала о том, каким образом жестокое преступление распространяется через семьи, районы, передается из поколения в поколение. *«Ивенсонг» учит нас, как давать отпор.*

— Когда ты сказал, что другие дети потеряли своих родителей, сестер или братьев, — проговорила Маура. — Ты имел в виду…

— Убийство, — ответил Джулиан. — Вот что общего у всех нас.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Этим вечером в столовой появилось новое лицо.

Несколько недель подряд Джулиан только и говорил, что об этой гостье — докторе Айлз, и ее работе в Бостонском Бюро Судмедэкспертизы, где та резала мертвецов. Но он не упомянул, что она красива. Темноволосая

и стройная, со спокойным пристальным взглядом, она была так похожа на Джулиана, что они выглядели как мать и сын. И доктор Айлз смотрела на Джулиана, как мать глядит на своего ребенка — с явной гордостью, внимая каждому его слову.

«Никто никогда больше так на меня не посмотрит», — подумала Клэр Уорд.

Сидя на своем обычном уединенном месте в уголке, Клэр не сводила глаз с доктора Айлз, отметив, как элегантно женщина пользуется ножом и вилкой, чтобы нарезать мясо. С этого места Клэр могла видеть все, происходящее в столовой. Она была не против посиделок в одиночестве — это означало, что ей не придется участвовать в бессмысленных беседах, и при этом она могла видеть, что делают все остальные. И этот угол был единственным местом, где Клэр могла чувствовать себя комфортно, сидя спиной к стене, где никто не мог подкрасться сзади.

Сегодня в меню были консоме[47], салат из молодых листьев латука, говядина Веллингтон[48] с жареным картофелем и спаржей, а на десерт лимонный пирог. Все это подразумевало жонглирование множеством вилок, ложек и ножей, которые Клэр вечно путала, когда впервые приехала в «Ивенсонг» месяц назад. В доме Боба и Барбары Бакли в Итаке ужин был гораздо проще, при участии лишь ножа, вилки и одного-двух бумажных полотенец.

И там никогда не подавали говядины Веллингтон.

Она скучала по Бобу и Барбаре гораздо больше, чем когда-либо могла себе представить. Скучала почти так же сильно, как по родителям, чья смерть два года назад оставила в ее памяти грустные туманные воспоминания, быстро тающие день ото дня. Но смерть Боба и Барбары оставалась еще свежа и по-прежнему болезненна, потому что была ее виной. Если бы она не выскользнула из дома в ту ночь, то Бобу и Барбаре не пришлось бы отправиться на ее поиски, и, возможно, они все еще были бы живы.

«А теперь они умерли. А я ем лимонный пирог».

Она опустила вилку и оглядела других учеников, большинство из которых не обращали на нее внимания, так же как и сама Клэр игнорировала их. Она снова сосредоточилась на столе, за которым сидели Джулиан и доктор Айлз. Обычно Клэр старалась не смотреть на взрослых, потому что они смущали ее и задавали слишком много вопросов. Особенно школьный психолог доктор Анна Уэлливер, к которой Клэр ходила каждую среду. Доктор Уэлливер была довольно милой крупной женщиной с вьющимися волосами — классический тип

бабушки, но она всегда задавала одни и те же вопросы. У Клэр по-прежнему проблемы со сном? Что она помнит о своих родителях? Стали ли реже ночные кошмары? Словно если говорить и думать об этом, то ночные кошмары исчезнут.

«И нас всех здесь мучают кошмары».

Когда она разглядывала своих одноклассников в столовой, то подмечала то, что случайный наблюдатель, скорее всего бы, упустил. То, как Лестер Гриммет поглядывает на дверь, чтобы убедиться — в случае опасности ему есть, куда бежать. Руки Артура Тумбса, испещренные уродливыми шрамами от ожогов. То, как Бруно Чинн лихорадочно засовывает пищу себе в рот, словно призрачный похититель вот-вот отнимет ее. «Все мы были отмечены, — подумала она, — но некоторые наши шрамы заметнее других».

Она дотронулась до своего собственного. Он прятался под ее длинными светлыми волосами — длинный рубец в том месте, где хирурги разрезали ее голову и распилили череп, чтобы удалить кровь и фрагменты пули. Больше никто не мог видеть шрам, но она никогда не забывала о том, что он там.

Лежа без сна после той ночи, Клэр потирала рубец и задавалась вопросом, на что был похож ее мозг под этим шрамом. Остаются ли шрамы на мозге так же, как они сохраняются на зашитой коже? Один из врачей, — она не помнила его имени, их было слишком много в той лондонской больнице, — сказал ей, что мозг детей восстанавливается лучше, чем у взрослых, и Клэр повезло, что ей было всего одиннадцать, когда ее подстрелили. *«Счастливица»* — вот какое слово использовал этот тупица доктор. Он был прав насчет ее выздоровления. Она могла ходить и говорить, как и все остальные. Но теперь ее оценки стали отстойными, потому что у Клэр появилась проблема: она не могла сконцентрироваться на чем-либо дольше десяти минут, и так быстро выходила из себя, что это пугало ее саму и заставляло гореть от стыда. Хотя Клэр и не *выглядела* травмированной, она знала, что на самом деле это так. И что травма была причиной, по которой она сегодня проснулась посреди ночи. Как обычно.

Не было смысла тратить свое время на лежание в кровати.

Она встала и включила свет. Три ее соседки по комнате на лето уехали домой, поэтому комната была в распоряжении Клэр, и она могла приходить и уходить, никем не замеченная. В считанные секунды она оделась и выскользнула в коридор.

Тогда она и заметила неприятную записку, приклеенную к ее двери: «*Мовреждение позга!*»[49]

«Снова эта сучка Бриана», — подумала она. Бриана, которая каждый раз шептала вслед Клэр *«дебилка»,* когда та проходила мимо; которая истерично хохотала на уроке, когда Клэр споткнулась о чью-то выставленную в проход ногу. Клэр отомстила, подбросив несколько дождевых червей в постель Брианы. О, ее вопли того стоили!

Клэр сорвала с двери записку, вернулась в свою комнату за ручкой и написала: *«Лучше проверяй свои простыни»*. Пройдя по коридору, она прилепила послание на дверь комнаты Брианы и пошла дальше, мимо комнат, где спали другие одноклассники. Пока она спускалась по лестнице, ее тень мелькала на стене, словно рядом с Клэр шел призрак-близнец. Она открыла входную дверь и вышла наружу в лунный свет.

Ночь была до странного теплой, и ветер пах сухой травой, будто прилетел издалека и принес с собой запах прерий, пустынь и мест, в которых ей никогда не бывать. Клэр глубоко вдохнула и впервые за весь день почувствовала себя свободной. Свободной от занятий, от учителей, наблюдающих за ней, от насмешек Брианы.

Она спустилась вниз по каменным ступеням, уверенно шагая в лунном свете. Вперед, к озеру, где подернутая рябью вода сверкала словно блестки, маня Клэр. Она начала стягивать футболку, желая поскорее скользнуть в эту шелковистую воду.

— Снова ты, — произнес голос.

Клэр обернулась, чтобы увидеть фигуру, отделившуюся от тени деревьев. Она мгновенно узнала его по упитанному силуэту. Уилл Яблонски вышел на свет, в котором она увидела его пухлощекое лицо. Она задалась вопросом, знает ли мальчик, что Бриана прошептала ему в спину *«большой белый кит»*. «У меня с Уиллом много общего, — подумала Клэр. — Мы некрутые дети».

— Что ты здесь делаешь? — спросила она.

— Смотрю в свой телескоп. Но теперь появилась луна, поэтому придется его сложить, — он указал на озеро. — Здесь у воды действительно отличное место. То, что надо для наблюдения за небом.

— А что ты высматриваешь?

— Комету.

— Ты видел ее?

— Нет, я имею в виду *новую* комету. Ту, которую еще никто не обнаружил. Непрофессионалы постоянно открывают новые. Один парень, Дон Макхольц, обнаружил целых одиннадцать, а он простой любитель вроде меня. Если я найду одну, то дам ей имя. Как комета Когоутека. Или Галлея, или Шумейкер-Леви[50].

— А как бы ты назвал свою?

— Комета Нила Яблонски.

Она рассмеялась.

— Словно хочешь продеть *ей* в нос кольцо[51].

— Мне не кажется, что это так уж плохо звучит, — тихо произнес Уилл. — Это в память о моем отце.

Она услышала печаль в его голосе и пожалела, что засмеялась.

— Ага, думаю, это было бы довольно круто. Дать ей имя твоего отца, — исправилась Клэр. «Даже если *комета Яблонски* и звучала глупо».

— Я видел тебя несколько ночей назад, — признался он. — Что *ты* здесь делаешь?

— Не могу уснуть, — она повернулась, чтобы взглянуть на воду и представить себя проплывающей через озера и океаны. Темная вода не пугала ее, заставляла почувствовать себя живой, некоей русалкой, вернувшейся домой. — Я плохо сплю. С тех пор, как…

— Тебя тоже мучают кошмары? — спросил он.

— Я не могу уснуть. Это потому что мои мозги повреждены.

— Что ты имеешь в виду?

— У меня есть шрам на голове, там, где ее распилили врачи, чтобы открыть череп. Они вынули частички пули, и это повредило что-то внутри. Поэтому я не сплю.

— Люди *должны* спать, иначе они умрут. Как ты можешь обходиться без сна?

— Просто я сплю не так много, как остальные. Несколько часов, вот и все, — она вдохнула ветер, пахнущий летом. — Так или иначе, я люблю

ночь. Люблю ее тишину. Животных, которых не увидишь днем, вроде сов или скунсов. Иногда я гуляю по лесу, наблюдаю и вижу их глаза.

— Ты помнишь меня, Клэр?

Вопрос, заданный еле слышно, заставил ее обернуться и в замешательстве уставиться на Уилла.

— Я каждый день вижу тебя в классе, Уилл.

— Нет, я о том, помнишь ли ты меня откуда-то еще? До того, как мы оказались в «Ивенсонге»?

— Прежде я тебя не знала.

— Ты уверена?

Она оглядела его в лунном свете. Увидела большую голову с круглым лицом. Это была отличительная черта Уилла — у него все было большое, от головы до огромных ног. Большое и мягкое, как зефир.

— О чем ты говоришь?

— Когда я впервые попал сюда, когда увидел тебя в столовой, у меня возникло это странное чувство. Словно я встречал тебя раньше.

— Я жила в Итаке. А ты где?

— В Нью-Гемпшире.[52] С моими дядей и тетей.

— Я никогда не была в Нью-Гемпшире.

Он подошел ближе, так близко, что его большая голова закрыла восходящую луну.

— А еще я жил в Мэриленде. Это о чем-нибудь тебе говорит?

Она помотала головой.

— Не помню. Я даже собственных отца и мать с трудом вспоминаю. Как звучали их голоса. Или как они смеялись и чем пахли.

— Это и впрямь грустно. То, что ты не помнишь их.

— У меня есть фотоальбомы, но мне тяжело их смотреть. Словно разглядываешь снимки незнакомцев.

Его прикосновение испугало Клэр, заставив вздрогнуть. Она не любила, когда люди ее касались. С тех самых пор, когда она очнулась в той лондонской больнице, где прикосновение обычно подразумевало под собой очередной укол иглы; очередного человека, причиняющего боль, пусть и с благими намерениями.

— Подразумевается, что теперь наша семья — «Ивенсонг», — сказал Уилл.

— Ага, — фыркнула она. — Это то, о чем толкует доктор Уэлливер. Что все мы — одна большая счастливая *семья*.

— Приятно верить в это, тебе не кажется? В то, что все мы присматриваем друг за другом?

— Конечно. А я верю в зубную фею[53]. Люди не приглядывают друг за другом. Они заботятся лишь о самих себе.

Луч света мелькнул среди деревьев. Клэр обернулась, увидела приближающийся автомобиль и сразу бросилась к ближайшим кустам. Уилл последовал за ней, шумно как лось, перебирая своими гигантскими ногами. Он упал рядом с ней.

— Кто может приехать посреди ночи? — прошептал мальчик.

Темный седан выкатился на стоянку в школьном дворе, и оттуда вышел мужчина, высокий и поджарый, точно пантера.

Он остановился возле своего автомобиля и принялся вглядываться в ночь, словно рассматривая в темноте то, чего больше никто не видел. На одно безумное мгновение Клэр показалось, что он уставился прямо на нее, и девочка вжалась в кусты, пытаясь укрыться от его всевидящего ока.

Входная дверь школы распахнулась, залив светом двор, и в дверном проеме появился директор Готтфрид Бом[54].

— Энтони! — окликнул Бом. — Благодарю, что так быстро приехал.

— Это тревожные события.

— Так и есть. Идем, идем. Твоя комната готова, и еда уже ждет.

— Я поел в самолете. Мы немедленно должны заняться этим вопросом.

— Конечно. Доктор Уэлливер следит за ситуацией в Бостоне. Она готова вмешаться в случае необходимости.

Входная дверь захлопнулась. Клэр поднялась на ноги, размышляя, кем был этот странный посетитель. И почему голос директора Бома звучал так встревожено.

— Я проверю его машину, — сказала она.

— Клэр, нет, — прошептал Уилл.

Но она уже двигалась в сторону седана. Капот все еще был теплым после езды, отполированная поверхность сверкала в лунном свете. Она обошла автомобиль, поглаживая его рукой. По логотипу на капоте Клэр поняла, что это «Мерседес». Черный, гладкий, дорогой. Машина богача.

Запертая, само собой.

— Кто он? — спросил Уилл. Он наконец-то набрался мужества, вылез из кустов и теперь стоял рядом с ней.

Девочка взглянула на западное крыло, где в освещенном окне ненадолго показался силуэт. Затем шторы задернулись, отрезав ей обзор.

— Мы знаем, что его зовут Энтони.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Этой ночью Маура плохо спала.

Возможно, причиной была незнакомая кровать или тишина этого места, настолько глубокая, что, казалось, сама ночь затаила дыхание в ожидании. Когда она проснулась в третий раз, луна уже взошла и светила прямо в окно. Маура не задернула шторы, чтобы впустить свежий воздух, но теперь она поднялась с постели, чтобы закрыть ими яркий свет. Остановившись у окна, она взглянула на сад внизу. В лунном свете он сиял, а каменные статуи мерцали точно призраки.

Одна из них пошевелилась?

Она застыла, вцепившись в занавеску и вглядываясь в статуи, расставленные как шахматные фигуры среди подстриженной живой изгороди. Через этот призрачный пейзаж двигалась гибкая фигурка с длинными отливающими серебром волосами и стройными ногами, изящная точно нимфа. Это была девочка, гуляющая по саду.

В коридоре за дверью, заскрипели чьи-то шаги. Маура услышала мужские голоса.

— ...мы не уверены, воображаемая или реальная эта угроза, но, кажется, у доктора Уэлливер нет сомнений.

— Похоже, полиция взяла дело в свои руки. Все, что нам остается — ждать и наблюдать.

«Я знаю этот голос». Маура накинула халат и открыла дверь.

— Энтони, — позвала она.

Энтони Сансоне повернулся к ней лицом. Одетый в черное и стоящий рядом с низкорослым Готтфридом Бомом, Сансоне казался величественной и почти зловещей личностью в этом тускло освещенном коридоре. Она заметила его помятую одежду, усталость в глазах, и догадалась, что дорога сюда выдалась долгой.

— Прости, если мы разбудили тебя, Маура, — сказал он. — Я понятия не имел, что ты приехала в школу.

— Нужно было прояснить пару вопросов.

Он недоверчиво улыбнулся, но глаза оставались серьезными. Она ощутила тревожное напряжение, повисшее в коридоре. Маура видела его в лице Готтфрида Бома и в подчеркнуто холодном расстоянии, с которого Сансоне сейчас смотрел на нее. Энтони никогда не был открытым и приветливым человеком, и временами Мауре даже казалось, что он ее недолюбливает. Сегодня эта замкнутость выглядела более непроницаемой, чем когда-либо.

— Мне нужно поговорить с тобой, — произнесла она. — Речь о Джулиане.

— Конечно. Как насчет первой половины дня? Я пробуду здесь до полудня.

— Ты приехал совсем ненадолго?

Он виновато пожал плечами.

— Я бы хотел задержаться подольше. Но ты всегда можешь обсудить с Готтфридом любые вопросы.

— У Вас *возникли* вопросы, доктор Айлз? — спросил Готтфрид.

— Да, возникли. Насчет того, почему Джулиан попал сюда. «Ивенсонг» — это не просто школа-интернат, ведь так?

Она заметила взгляд, которым обменялись мужчины.

— Эту тему лучше отложить до завтра, — ответил Сансоне.

— Я должна поговорить об этом. До того, как ты снова исчезнешь.

— Мы поговорим, обещаю, — он отрывисто кивнул. — Спокойной ночи, Маура.

Она закрыла дверь, обеспокоенная его холодностью. В последний раз они общались всего два месяца назад, когда он остановился у ее дома, привезя Джулиана в гости. Они стояли на крыльце, улыбались друг другу и, казалось, ему не хотелось уходить. *«Или я все это себе напридумывала? Разве я когда-нибудь отличалась проницательностью в выборе мужчин?»*

Ее послужной список был достаточно невеселым. Последние два года она была поглощена романом с мужчиной, которого никогда не смогла бы получить. Маура знала, что все это плохо закончится, но не могла противостоять ему, как наркоман игле. Вот что в действительности представляет собой любовь — мозг подсаживается на нее как на наркотик. Адреналин и дофамин, окситоцин и серотонин[55]. Химическое безумие, воспетое поэтами.

«Клянусь, на этот раз я буду умнее».

Она вернулась к окну, чтобы задернуть шторы и укрыться от света луны. Говорят, это еще один источник безумия, который прославляют все те же безмозглые поэты. Только когда она потянулась к занавесям, то вспомнила о замеченной ранее фигурке. Взглянув на сад, Маура увидела неясные очертания статуй в посеребренном пейзаже и лунный свет. Никто не двигался. Девочка исчезла.

«А она вообще там была?» — задала себе вопрос Маура следующим утром, когда опять взглянула в это окно и увидела садовника, который на корточках подстригал живую изгородь. Громко и с наслаждением пропел петух, заявляя о своем существовании. Утро казалось совершенно нормальным, светило солнце, вновь и вновь кричал петух. Но вчера вечером, при свете луны, все выглядело каким-то потусторонним.

Кто-то постучал в дверь. Это была Лили Сол, радостно поприветствовавшая ее.

— Доброе утро! Мы собираемся в комнате диковинок, если у Вас есть желание присоединиться.

— По какому поводу собрание?

— Обсудить Ваши вопросы насчет «Ивенсонга». Энтони сказал, что у вас они есть, и мы готовы на них ответить, — она махнула рукой в сторону лестницы. — Это внизу, напротив библиотеки. Нас там будет ждать кофе.

Маура обнаружила, что ее ждало нечто большее, чем просто кофе, когда она вошла в комнату диковинок. Стеклянные шкафы вдоль стены были заполнены экспонатами: резные статуэтки и первобытные каменные орудия, наконечники стрел и кости животных. Пожелтевшие ярлыки сказали ей о том, что коллекция старая, вероятно, собранная еще Сирилом Магнусом. В любое другое время она бы задержалась у этих сокровищ, но пять человек уже сидели за массивным дубовым столом, ожидая ее.

Сансоне поднялся со стула и произнес:

— Доброе утро, Маура. Ты уже знакома с нашим директором Готтфридом Бомом. Рядом с ним мисс Дюплесси, которая преподает литературу. Наш профессор ботаники Дэвид Паскуантонио. А это доктор Анна Уэлливер, наш школьный психолог, — он указал на улыбающуюся ширококостную женщину справа от себя. Немного за шестьдесят, седина в непослушной распущенной копне волос, закрытое длинное платье — все это придавало доктору Уэлливер вид стареющей хиппи.

— Прошу, доктор Айлз, — засуетился Готтфрид, указывая на кофейник и поднос с круассанами и джемом. — Угощайтесь.

Пока Маура усаживалась рядом с директором Бомом, Лили уже поставила перед ней дымящуюся чашку кофе. Круассаны выглядели мягкими и аппетитными, но Маура сделала лишь глоток кофе и сосредоточилась на Сансоне, который смотрел на нее с другого конца стола.

— У тебя возникли вопросы насчет нашей школы и учеников, — сказал он. — У этих людей есть ответы.

Он кивнул своим союзникам, сидящим за столом.

— Позволь нам услышать твои вопросы, Маура.

Его непривычная формальность привела ее в замешательство; зачем делать это в подобной обстановке, среди диковинок в витринах и людей, которых она едва знала.

Она ответила ему с такой же формальностью:

— Мне не кажется, что «Ивенсонг» — подходящая школа для Джулиана.

— Неужели он говорил Вам, что несчастен, доктор Айлз? — удивленно поднял брови Готтфрид.

— Нет.

— Вы сами считаете, что он несчастен?

Она помолчала.

— Нет.

— Тогда в чем причина Вашего беспокойства?

— Джулиан рассказал мне о своих одноклассниках. Он упомянул, что семьи многих из них были убиты. Это правда?

— Некоторых наших учеников, — кивнул Готтфрид.

— Некоторых или большинства?

— Большинства, — примирительно пожал он плечами.

— Итак, это школа для жертв.

— Бог мой, не для жертв, — вмешалась доктор Уэлливер. — Мы предпочитаем считать их *выжившими*. И определенно знаем, как им помочь.

— Так вот зачем Вы здесь, доктор Уэлливер? Чтобы удовлетворять их эмоциональные потребности?

— В большинстве школ есть консультанты, — снисходительно улыбнулась она Мауре.

— Но среди их персонала нет психологов.

— Так и есть, — психолог обвела взглядом коллег, сидящих за столом. — Мы с гордостью можем сказать, что уникальны в этом плане.

— Уникальны, потому что специализируетесь на травмированных детях, — она оглядела окружающих. — На деле, вы вербуете их.

— Маура, — произнес Сансоне, — агентства по защите детей со всей страны отправляют своих детей к нам, потому что мы предлагаем то, чего не могут дать другие школы. Ощущение безопасности. Чувство покоя.

— И целеустремленность? Вот, что вы на самом деле пытаетесь им привить? — она обвела глазами стол с шестью лицами, наблюдавшими за ней. — Все вы члены общества «Мефисто»[56]. Так ведь?

— Может быть, стоит закрыть эту тему? — предложила доктор Уэлливер. — И сосредоточиться на том, чем мы занимаемся здесь, в «Ивенсонге»?

— Я и говорю об «Ивенсонге». О том, как вы используете эту школу, чтобы вербовать солдат для параноидальной миссии вашей организации.

— Параноидальной? — доктор Уэлливер издала удивленный смешок. — Я вряд ли поставила бы такой диагноз кому-нибудь в этой комнате.

— Общество «Мефисто» считает, что зло реально. Вы верите, что человечество под угрозой, и ваша миссия — защитить его.

— Вы полагаете, мы *этим* здесь занимаемся? Обучаем охотников на демонов? — Уэлливер, явно развеселившись, покачала головой. — Поверьте, нашу роль вряд ли можно назвать метафизической[57]. Мы помогаем детям оправиться от насилия и трагедии. Мы даем им опору, безопасность и превосходное образование. Мы готовим их к поступлению в университет или к тому, чего они хотят. Вы вчера посетили урок профессора Паскуантонио. Вы видели, как школьники увлечены даже таким предметом, как ботаника.

— Он показывал им ядовитые растения.

— Именно поэтому им и было интересно, — ответил Паскуантонио.

— Потому что подтекстом было убийство? То, какие растения можно использовать, чтобы убить?

— Это Ваше объяснение. Другие бы назвали это уроком по безопасности. Как распознать и избежать того, что может принести им вред.

— Что еще вы здесь преподаете? Баллистику? Брызги крови?

— Ничего, что не входит в занятия по физике. С чем Вы не согласны?

— Я не согласна с тем, что вы используете этих детей для достижения своих целей.

— Борьбы с насилием? Борьбы со злом, которое люди причиняют друг другу? — фыркнул Паскуантонио. — Вы так говорите, словно мы толкаем наркоту или тренируем бандитов.

— Мы помогаем им исцелиться, доктор Айлз, — сказала Лили. — Мы знаем, каково это — стать жертвой преступления. Помогаем им победить свою боль. Вот, что мы делаем.

Мы знаем, каково это. Да, Лили Сол это знала, потому что ее семью убили. И отец Сансоне тоже был убит.

Маура посмотрела на шесть лиц и ощутила отрезвляющее чувство понимания.

— Вы все кого-то потеряли, — проговорила она.

Готтфрид печально кивнул.

— Мою жену, — ответил он. — Ограбление в Берлине.

— Мою сестру, — сказала мисс Дюплесси. — Изнасилована и задушена в Детройте.

— Моего мужа, — тихо произнесла доктор Уэлливер, опустив голову. — Похищен и убит в Буэнос-Айресе.

Маура повернулась к Паскуантонио, который уставился себе под ноги во внезапно воцарившейся за столом тишине. Он не ответил на вопрос, просто не смог. Ответ и так читался на его лице. Она внезапно вспомнила о своей сестре-близняшке, убитой всего несколько лет назад. И Маура осознала: *«Я принадлежу к этому кругу. Как и они, я оплакиваю кого-то, кого потеряла в результате убийства»*.

— Мы понимаем этих детей, — сказала доктор Уэлливер. — Вот почему «Ивенсонг» — лучшее место для них. Возможно, даже единственное. Потому что они — одни из нас. Все мы — одна семья.

— Жертвы.

— Не жертвы. Мы те, кто *выжил*.

— Ваши ученики могут быть выжившими, — парировала Маура, — но при этом они всего лишь дети. Они не могут выбирать за себя. Не могут возразить.

— Возразить чему? — спросила доктор Уэлливер.

— Вступлению в эту вашу армию. Ту, что вы считаете армией праведников. Вы собираете раненых и превращаете их в воинов.

— Мы заботимся о них. Даем им возможность забыть о невзгодах.

— Нет, вы держите их в месте, где они никогда не смогут забыть. Окружая их другими жертвами, вы уничтожаете все шансы увидеть мир таким, каким его видят другие дети. Вместо света они видят тьму. Они видят зло.

— Потому что оно существует. Зло, — прошептал Паскуантонио.

Он, сгорбившись, сидел на стуле, по-прежнему не поднимая головы.

— Доказательством этому служат их собственные жизни. Они всего-навсего видят то, в существовании чего уже смогли убедиться, — он медленно поднял голову и посмотрел на нее своими выцветшими слезящимися глазами. — Как и Вы сама.

— Нет, — заявила она. — То, с чем я сталкиваюсь в своей работе — результат жестокости. А то, что вы называете *злом — всего* лишь философский термин.

— Называйте его как пожелаете. Эти дети знают правду. Она выжжена в их воспоминаниях.

Готтфрид рассудительно произнес:

— Мы предоставляем им знания и навыки, позволяющие изменить что-то вокруг себя. Мы вдохновляем их на поступки, как и другие частные школы. Военные академии учат дисциплине. Религиозные школы обучают благочестию. Колледж делает упор на успеваемость.

— А «Ивенсонг»?

— Мы учим стойкости, доктор Айлз, — ответил Готтфрид.

Маура оглядела лица вокруг стола, всех этих апологетов. Их рекруты были ранеными и уязвимыми детьми, которым не дали выбора.

Она поднялась на ноги.

— Джулиану здесь не место. Я найду для него другую школу.

— Боюсь, это не Вам решать, — возразила доктор Уэлливер. — У Вас нет права опеки над мальчиком.

— Я подам прошение в штат Вайоминг.

— Как я понимаю, у Вас был шанс сделать это еще полгода назад. Вы отказались.

— Потому что посчитала эту школу подходящим местом для него.

— Это *и есть* подходящее для него место, Маура, — ответил Сансоне. — Забрать его из «Ивенсонга» было бы ошибкой. Той, о которой ты станешь сожалеть.

В его голосе и впрямь прозвучало предупреждение? Она пыталась прочесть его лицо, но, как и много раз прежде, ей это не удалось.

— Это решать Джулиану, Вы так не считаете? — спросила доктор Уэлливер.

— Да, разумеется, — ответила Маура. — Но я намерена рассказать ему, что обо всем этом думаю.

— Тогда я предлагаю Вам подождать, чтобы понять, чем мы здесь занимаемся.

— Я *уже* поняла.

— Вы только вчера приехали, доктор Айлз, — возразила Лили. — Вы еще не видели, что мы предлагаем детям. Вы не гуляли по нашему лесу, не видели наших конюшен и фермы, не наблюдали за навыками, которые они здесь приобрели. Все, начиная со стрельбы из лука, чтобы добыть себе пищу и до умения выживать в пустыне. Я знаю, что Вы — ученый. Разве Ваше решение не должно основываться на фактах, а не на эмоциях?

Это заставило Мауру замолчать, потому что слова Лили были справедливы. Она еще не изучила «Ивенсонг». Она понятия не имела, была ли эта школа лучшей альтернативой для Джулиана.

— Дайте нам шанс, — попросила Лили. — Уделите немного времени, встретьтесь с учениками, и Вы поймете, почему «Ивенсонг» — единственное место, которое может им помочь. Например, мы только что приняли двух новых детей. Оба они выжили в двух массовых убийствах. Сначала убили их настоящих родителей, а затем и *приемных*. Представьте, насколько глубокими должны быть *их* раны, после того, как они дважды стали сиротами и дважды смогли выжить?

Лили покачала головой.

— Я не знаю другой школы, где могли бы понять их боль, так как можем мы.

Дважды осиротели. Дважды выжили.

— Эти дети, — тихо проговорила Маура. — Кто они?

— Имена не имеют значения, — ответила доктор Уэлливер. — Важно то, что им *нужен* «Ивенсонг».

— Я хочу знать, *кто* они.

Настойчивая просьба Мауры, казалось, поразила их всех.

Некоторое время все молчали, пока Лили не поинтересовалась:

— Почему их имена имеют значение?

— Вы сказали, их было двое.

— Мальчик и девочка.

— Их дела связаны?

— Нет. Уилл приехал к нам из Нью-Гемпшира. Клэр из Итаки, штат Нью-Йорк. Почему Вы спрашиваете?

— Потому что я совсем недавно проводила вскрытие одной семьи из Бостона, убитой в собственном доме. Выжил лишь один — их приемный ребенок. Четырнадцатилетний мальчик. Мальчик, который стал сиротой два года назад, когда всю его настоящую семью убили.

Она обвела взглядом ошеломленные лица за столом.

— Он такой же, как и эти два ваших ученика. Дважды осиротевший. Дважды выживший.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Это было странным местом для встречи.

Джейн стояла на тротуаре, разглядывая темные окна, над которыми облезлыми золотыми буквами была выведена надпись «ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ» и изображена фигура пышной женщины в шароварах. Внезапно дверь распахнулась, и из нее вывалился мужчина. Он мгновение поколебался, щурясь от дневного света, и нетвердой походкой направился по улице, разнося вокруг кислый запах выпивки.

Когда Джейн вошла в здание, в лицо ударил еще более сильный запах алкоголя. Внутри было настолько темно, что ей едва удалось разглядеть силуэты двух мужчин, которые согнулись над барной стойкой и потягивали свои напитки. Цветастые подушки и бежевая бахрома

украшали обитые бархатом кабинки, и она почти ожидала увидеть исполнительницу танца живота, которая позвякивает подносом, полным коктейлей.

— Чем-то помочь, мисс? — окликнул бармен, и два посетителя обернулись, чтобы посмотреть на нее.

— Я должна здесь кое с кем встретиться, — ответила она.

— Предполагаю, что Вам нужен тот парень в задней кабинке.

— Я здесь, Джейн, — раздался голос.

Она кивнула бармену и направилась в заднюю кабинку, где восседал ее отец, почти невидимый среди бархатных пышных подушек. Стакан с чем-то, похожим на виски, стоял на столе перед ним. Еще не было и пяти, а он уже пил, такого Джейн раньше за ним не замечала. С другой стороны, Фрэнк Риццоли недавно совершил много таких вещей, которых она от него не ожидала.

Например, бросил жену.

Она скользнула на скамью напротив него и чихнула, опустившись на пыльный бархат.

— Какого черта мы встречаемся здесь, пап? — спросила она.

— Тут тихо. Хорошее место для разговоров.

— *Вот* где ты проводишь досуг?

— В последнее время да. Хочешь выпить?

— Нет.

Она посмотрела на стакан перед ним.

— Что это?

— Виски.

— Нет, я о том, с чего это ты пьешь еще до пяти?

— Да кто, черт побери, придумал эти правила? Что такого магического в пяти вечера? Ты же знаешь, как поется в песне. Сейчас около пяти. Умный мужик этот Джимми Баффетт[58].

— Разве ты не должен быть на работе?

— Я сказался больным. Пусть подадут на меня в суд.

Он сделал глоток виски, но, казалось, не получил от этого удовольствия, и поставил стакан назад.

— В последнее время ты не часто со мной говоришь, Джейн. Мне обидно.

— Я больше не знаю, кто ты.

— Я твой отец. Это не изменилось.

— Ага, но ты непредсказуем. Ты творишь вещи, который мой папа — мой прежний папа — никогда бы не сделал.

— Безумие, — вздохнул он.

— Это похоже на правду.

— Нет, я серьезно. Безумие похоти. Гребаные гормоны.

— Мой прежний папа никогда бы не произнес это слово.

— Твой прежний папа был куда мудрее меня.

— Ах, вот оно что! — она откинулась назад, в горле першило от пыли, поднявшейся из бархатной обивки. — Так вот почему ты пытаешься восстановить со мной отношения?

— Я никогда их не обрывал. *Ты сама* это сделала.

— Трудновато поддерживать отношения, когда ты сожительствуешь с другой женщиной. Ты неделями не утруждался позвонить хотя бы разок. Не интересовался, как поживает *любой* из нас.

— Я не осмеливался. Ты была слишком зла на меня. И встала на сторону матери.

— Ты меня обвиняешь?

— У тебя двое родителей, Джейн.

— И один из них ушел. Разбил сердце мамы и сбежал с бимбо[59].

— Твоя мама не особо-то по мне и убивалась.

— Да ты хотя бы представляешь, сколько месяцев ей понадобилось, чтобы это пережить? Сколько ночей, за которые она все глаза выплакала? Пока ты развлекался с этой, как там ее, мама пыталась понять, как жить дальше. И ей это удалось. Отдаю ей должное, она поднялась на ноги и отлично себя чувствует. Вообще-то, просто замечательно.

Казалось, эти слова задели отца так сильно, как если бы Джейн действительно врезала ему. Даже в полумраке коктейль-бара она заметила, как исказилось его лицо и опустились плечи. Он закрыл лицо руками, и она услышала звук, похожий на всхлип.

— Папа? Папа.

— Ты должна остановить ее. Она не может выйти замуж за этого человека, она не может.

— Пап, я..., — Джейн посмотрела на мобильный, завибрировавший на ее поясе. Беглый взгляд сказал ей, что это был телефонный код штата Мэн, и номер незнакомый. Она решила позже прослушать голосовую почту и переключилась на отца. — Пап, что происходит?

— Это была ошибка. Если бы я мог повернуть время вспять...

— Мне казалось, ты помолвлен с этой, как ее там.

Он тяжело вздохнул.

— Ее зовут Сэнди. И она выгнала меня.

Джейн не произнесла ни слова. Некоторое время единственными звуками вокруг были позвякивание кубиков льда и стук шейкера в баре.

Опустив голову, он пробормотал себе в грудь:

— Я остановился в дешевом отеле за углом отсюда. Вот почему я и попросил тебя встретиться здесь, так как теперь обитаю поблизости, — он недоверчиво хохотнул. — Гребаный коктейль-бар «Тысяча и одна ночь»!

— Что между вами произошло?

Он поднял на нее глаза:

— Жизнь. Скука. Я не знаю. Она сказала, что я не подхожу ей. Что веду себя, как старый пердун, который ждет каждый вечер приготовленного ужина, а она мне горничная, что ли?

— Возможно, теперь ты оценил маму по достоинству.

— Ага, ну, никто не сравнится с готовкой твоей мамы, это уж чертовски верно. Так что, возможно, я *был* неправ, ожидая от Сэнди того же уровня. Но она усугубляла ситуацию, представляешь? Называла меня *старым*.

— О*й-ой*. Должно быть, это обидно.

— Мне всего лишь шестьдесят два! То, что она моложе меня на каких-то четырнадцать лет, не делает ее юной девочкой. Но я кажусь ей именно таким, слишком старым для нее. Слишком старым, чтобы на что-то еще сгодиться...

Он снова закрыл лицо руками.

Страсть проходит, и затем вы видите нового и возбуждающего любовника в беспощадном дневном свете. Должно быть, Сэнди Хаффингтон проснулась однажды утром, посмотрела на Фрэнка Риццоли и заметила морщины на его лице и обвислые щеки. Когда гормоны испарились, тому, что осталось было шестьдесят два года, и оно одрябло и полысело. Она подцепила чужого мужа, а теперь захотела избавиться от улова.

— Ты должна мне помочь, — потребовал он.

— Тебе нужны деньги, пап?

Он вскинул голову:

— Нет! Я не этого прошу! У меня есть работа, зачем мне твои деньги?

— Тогда что тебе надо?

— Мне нужно, чтобы ты поговорила со своей мамой. Сказала ей, что я сожалею.

— Ей стоит услышать это от тебя самого.

— Я пытался поговорить с ней, но она меня и слушать не хочет.

Джейн вздохнула:

— Ладно, хорошо. Я передам ей.

— И... спроси ее, когда мне можно будет вернуться домой.

Она уставилась на него:

— Ты, верно, шутишь.

— Что это еще за выражение на твоем лице?

— Ты ждешь, что мама позволит тебе вернуться?

— Половина дома принадлежит мне.

— Вы поубиваете друг друга.

— Разве то, чтобы твои родители снова были вместе, это плохая идея? Разве такое должна говорить дочь?

Она глубоко вдохнула, а затем заговорила медленно и отчетливо.

— Итак, ты хочешь вернуться к маме и жить как прежде. Вот о чем ты толкуешь? — Она потерла виски. — Святое дерьмо.

— Я хочу, чтобы мы были семьей. Она, я, ты и твои братья. Встречали вместе Рождество и День Благодарения. Все эти прекрасные праздники с прекрасной едой.

«Особенно с прекрасной едой», — подумала Джейн.

— Фрэнки согласен, — заявил отец. — Он этого хочет. Так же как и Майк. Мне просто нужно, чтобы с ней поговорила ты, потому что она прислушивается к твоему мнению. Попроси ее принять меня назад. Скажи, что это единственно верный ход событий.

— А как же Корсак?

— А с какого дерьма тут Корсак?

— Они помолвлены. Планируют свадьбу.

— Она еще не развелась. Она все еще моя жена.

— Только на бумаге.

— Это касается *семьи*. И это *верный* выбор. Пожалуйста, Джейн, поговори с ней. И мы сможем снова быть прежней семьей Риццоли.

Семья Риццоли. Она подумала о том, что это означает. История. Совместные праздники и дни рождения. Воспоминания, которые не разделишь ни с кем, кроме родных. Это было чем-то святым, тем, что невозможно просто так выбросить, и она была достаточно сентиментальна, чтобы оплакивать утраченное. Теперь все это можно

восстановить и вернуть прежние времена, мама и папа снова будут вместе, как было всегда. Фрэнки и Майк этого хотели. Ее отец этого хотел.

А ее мать? Чего хотела она?

Она подумала о розовом платье подружки невесты из тафты, которое Анджела с такой радостью ей вручила. Вспомнила о том, как в последний раз, когда она и Габриэль пришли на обед в дом матери, Анджела и Корсак хихикали как подростки и заигрывали, касаясь друг друга ногами под столом. Она взглянула на отца и не смогла припомнить, чтобы он когда-нибудь так флиртовал с мамой. Или хихикал. Или шлепал Анджелу по попке. Она видела лишь усталого и побитого жизнью мужчину, который сделал ставку на беспечную блондинку и проиграл. *Если бы я была на месте мамы, приняла бы я его обратно?*

— Джейни. Поговори с ней обо мне, — взмолился он.

Она вздохнула:

— Ладно.

— Сделай это побыстрее. Прежде чем она слишком привяжется к этому придурку.

— Корсак не придурок, папа.

— Как ты можешь такое говорить? Он пришел и взял то, что ему не принадлежит.

— Он пришел, потому что место было вакантно. Ты же понимаешь, что после твоего ухода многое поменялось? Мама изменилась.

— И я хочу помочь ей стать прежней. Я сделаю все возможное, чтобы она была счастлива. Передай ей это. Скажи, что все будет как в старые добрые времена.

Джейн взглянула на часы:

— Уже обед. Мне пора идти.

— Обещаешь, что сделаешь это для своего старого папочки?

— Ага, обещаю, — она выскользнула из кабинки, радуясь избавлению от пыльных подушек. — Береги себя.

Он улыбнулся ей, — первая улыбка, которую она увидела с тех пор, как приехала сюда, — и в ней был намек на былую дерзость прежнего Фрэнка Риццоли. Папы, вернувшего свою территорию.

— Поберегу. Особенно теперь, когда я знаю, что все будет хорошо.

«Я бы не стала на это рассчитывать», — подумала она, выходя из «Тысячи и одной ночи». Она боялась разговора с Анджелой, ее страшила реакция матери. Без криков, вероятно, не обойдется. Вне зависимости от того, что решит ее мать, кому-то будет больно. Либо Корсаку, либо отцу. А Джейн только-только свыклась с мыслью о том, что Корсак войдет в семью. Он был хорошим человеком с большим сердцем и любил Анджелу, в этом не было никаких сомнений. *«Так кого ты выберешь, мам?»*

Предстоящий разговор не давал ей покоя всю дорогу до дома, омрачая настроение во время обеда, купания Реджины, их вечернего ритуала с чтением сказок и пятью поцелуями перед сном. Когда Джейн закрыла дверь спальни Реджины и отправилась на кухню, чтобы позвонить Анджеле, она чувствовала себя так, будто отправлялась на эшафот. Она подняла трубку, положила ее назад, и со вздохом опустилась на стул.

— Ты же знаешь, что тобой манипулируют, — произнес Габриэль. Он захлопнул посудомоечную машину и нажал на кнопку пуска. — Ты не должна этого делать, Джейн.

— Я обещала папе, что поговорю с ней.

— Он вполне способен поговорить с Анджелой сам. Неправильно прикрываться тобой. Их брак — это их проблема.

Она застонала и обхватила голову руками.

— Что делает это моей проблемой.

— Я просто выскажу свое мнение. Твой отец — трус. Он сам все разрушил, а теперь хочет, чтобы ты все исправила.

— А что, если я единственная, кому это под силу?

Габриэль сел рядом с ней.

— Поговорить с матерью о том, чтобы принять его назад?

— Я не знаю, как лучше.

— Выбирать придется твоей матери.

Она подняла голову и посмотрела на него.

— И что, ты думаешь, она решит?

Он обдумывал вопрос, пока на заднем плане свистела и гудела посудомоечная машина.

— Мне кажется, сейчас она очень счастлива.

— Итак, ты голосуешь за Корсака.

— Он порядочный человек, Джейн. Он добр с ней. И не причинит ей боли.

— Но он мне не отец.

— Именно поэтому ты и не должна вмешиваться. Ты вынуждена принять чью-то сторону, и твой отец неправ, заставляя тебя выбирать. Взгляни, через что он заставляет тебя проходить.

Через мгновение она выпрямилась.

— Ты прав. Я не должна делать этого. И намерена сказать отцу, чтобы он спросил ее сам.

— Не считай себя виноватой. Если твоя мама захочет услышать твой совет, то спросит тебя сама.

— Ага, ага, я скажу ему. Только вот какой у него, черт возьми, новый номер телефона? — она потянулась к сумочке и выудила оттуда свой мобильник, чтобы проверить список контактов. Только тогда она заметила надпись на экране: ОДНО НОВОЕ ГОЛОСОВОЕ СООБЩЕНИЕ. Это был звонок, на который она не ответила, когда беседовала с отцом.

Она включила голосовую почту и услышала голос Мауры: *«…здесь двое детей, девочка по имени Клэр Уорд и мальчик, Уилл Яблонски. Джейн, их истории такие же, как и у Тедди Клока. Настоящие родители погибли два года назад. Приемные родители убиты в прошлом месяце. Я не знаю, связано ли это, но все выглядит чертовски странно, тебе так не кажется?»*

Джейн дважды прослушала запись, прежде чем набрала номер, с которого звонила Маура.

После шести гудков ответила женщина:

— Школа «Ивенсонг». Доктор Уэлливер слушает.

— Это детектив Джейн Риццоли, полиция Бостона. Мне бы хотелось поговорить с доктором Маурой Айлз.

— Боюсь, она отправилась поплавать на каноэ по озеру.

— Я попробую позвонить ей на мобильный.

— Здесь нет сигнала сотовой связи. Именно поэтому она и воспользовалась нашим стационарным телефоном.

— Тогда передайте, чтобы она перезвонила мне, как сможет. Спасибо.

Джейн повесила трубку и с минуту разглядывала телефон, на время забыв о своих родителях. Вместо них она подумала о Тедди Клоке. Самый невезучий мальчик на свете, как назвал его Мур. Но теперь она знала о двух других таких же. Трое невезучих детей. Возможно, в других городах было еще больше приемных детей, о которых не знала Джейн, и за которыми охотились прямо сейчас.

— Я должна идти, — сказала она.

— Что происходит? — спросил Габриэль.

— Мне нужно увидеть Тедди Клока.

— Какие-то проблемы?

Она схватила ключи от машины и направилась к двери:

— Надеюсь, что нет.

Когда внедорожник подъехал к дому приемной семьи, в которую временно поместили Тедди, уже стемнело. Дом был старым, но с аккуратным белым фасадом в колониальном стиле, и стоял в стороне от улицы, скрытый за листвой деревьев. Джейн припарковалась на подъездной аллее и вышла в теплую ночь, пахнущую свежескошенной травой. На этой дороге было тихо, лишь изредка проезжал автомобиль. Сквозь листву она едва смогла разглядеть свет в соседнем доме.

Она поднялась на крыльцо и позвонила.

Миссис Нэнси Иниго открыла дверь, вытирая руки кухонным полотенцем. Ее улыбающееся лицо было в разводах от муки, а седые волосы собраны в косу. Изнутри доносились ароматы корицы, ванили, и раздавался звук девчачьего смеха.

— Вы добрались сюда в рекордно короткое время, детектив, — сказала Нэнси.

— Извините, если мой телефонный звонок Вас встревожил.

— Нет, мы с девочками славно проводим время, выпекая печенье для школы. Только что достали из духовки первую партию. Входите.

— С Тедди все в порядке? — тихо спросила Джейн, когда вошла в прихожую.

Нэнси вздохнула.

— Боюсь, сейчас он прячется наверху. Не в том настроении, чтобы присоединиться к нам на кухне. Так он ведет себя с тех пор, как попал сюда. Ужинает, затем идет в свою комнату и запирает дверь, — она покачала головой. — Мы спрашивали психолога, нужно ли уговаривать его выйти, возможно, забрать у него компьютер и заставить присоединиться к нам для семейного времяпровождения, но она сказала, что слишком рано. Или, может быть, Тедди просто боится привязаться к нам из-за того, что случилось с последней...

Нэнси помолчала:

— Так или иначе, Патрик и я решили не торопить его.

— Патрик здесь?

— Нет, он повез Тревора на футбольную тренировку. С четырьмя детьми сидеть на одном месте не получается.

— Вы двое — действительно нечто особенное, вы это знаете?

— Мы просто окружены детьми, вот и все, — со смехом сказала Нэнси. Они вошли в кухню, где две перемазанных мукой девочки лет восьми вдавливали формочки в раскатанное по столу тесто. — Как только мы начали брать их, то уже не смогли остановиться. Можете представить, что мы приглашены уже на четвертую свадьбу? Патрик поведет еще одну приемную дочь к алтарю в следующем месяце.

— Что означает, у вас двоих появится куча внуков.

Нэнси улыбнулась:

— В этом и весь смысл.

Джейн оглядела кухню, где столы были завалены тетрадками с домашней работой, учебниками и рисунками. Счастливый беспорядок занятой семьи. Но она видела, как внезапно *все это* может исчезнуть. Она бывала на кухнях, изуродованных потеками крови, и на мгновение ей привиделись брызги и на этих шкафах. Она моргнула, кровь исчезла, и Джейн снова увидела двух восьмилеток, липкими ручонками вырезающих печенье формочками-звездами.

— Я пойду повидаться с Тедди, — сказала она.

— Второй этаж, вторая комната слева. Та, что с закрытой дверью, — Нэнси поставила в духовку новую партию выпечки и обернулась, чтобы посмотреть на Джейн. — Первым делом обязательно постучите. Он настаивает на этом. И не удивляйтесь, если ему не захочется говорить. Просто дайте ему время, детектив.

«Возможно, у нас не так уж много времени, — подумала Джейн, поднимаясь на второй этаж. — Совсем немного, если напали и на другие приемные семьи». Она остановилась у комнаты мальчика, ожидая услышать звуки радио или телевизора, но через закрытую дверь доносилась лишь тишина.

Она постучала:

— Тедди? Это детектив Риццоли. Можно войти?

Через некоторое время замок щелкнул, и дверь распахнулась. Совиное бледное лицо Тедди взглянуло на нее через щель, он быстро моргал, очки надеты набекрень, словно мальчик только что проснулся.

Когда она вошла в комнату, он молча стоял, тощий словно пугало в своих мешковатых футболке и джинсах. Комната была приятной — выкрашена в лимонно-желтый цвет, на шторах рисунки африканской саванны. Полки заставлены книгами для детей всех возрастов, а на стенах висят веселенькие постеры с персонажами «Улицы Сезам»[60] — подобное убранство, несомненно, было слишком детским для такого смышленого четырнадцатилетки, как Тедди. Джейн задалась вопросом, как много других травмированных детей укрывалось в этой комнате, находя утешение в том безопасном мирке, что создали Иниго.

Мальчик по-прежнему молчал.

Она уселась в кресле перед лэптопом[61] Тедди, на котором мерцала экранная заставка, вычерчивая геометрические линии на мониторе.

— Как поживаешь? — спросила она.

Он пожал плечами.

— Почему бы тебе не сесть, чтобы мы смогли поговорить.

Он послушно опустился на кровать, поджав плечи, словно хотел стать настолько маленьким и незаметным, насколько это возможно.

— Тебе нравится здесь с Нэнси и Патриком?

Он кивнул.

— Тебе что-либо нужно, что-нибудь принести?

Помотал головой.

— Тедди, *ничего* не хочешь сказать?

— Нет.

Наконец-то слово, пускай и одно.

— Хорошо. — Она вздохнула. — Тогда, возможно, мне стоит перейти прямо к делу. Мне нужно кое о чем тебя спросить.

— Я больше ничего не знаю, — он еще сильнее сжался и пробормотал: — Я рассказал Вам все, что помню.

— И ты помог нам, Тедди. Действительно помог.

— Но Вы не поймали его, не так ли? Поэтому хотите, чтобы я рассказал Вам еще что-нибудь.

— Речь не о той ночи. И даже не о тебе. Это насчет двух других детей.

Его голова медленно поднялась, и мальчик уставился на нее:

— Я такой не один?

Джейн посмотрела в его глаза, такие бесцветные, что они казались прозрачными, словно она смогла бы видеть сквозь него.

— Как *ты* считаешь, есть и другие дети вроде тебя?

— Я не знаю. Но Вы сказали о двух других детях. Что у них общего со мной?

Мальчик многого не знал, но, очевидно, он слышал и понимал больше, чем она думала.

— Я не уверена, Тедди. Возможно, ты поможешь мне ответить на этот вопрос.

— Кто они? Другие дети?

— Девочку зовут Клэр Уорд. Ты когда-нибудь слышал это имя?

Он какое-то время обдумывал это. Из кухни донесся стук закрываемой духовки, девочки завизжали: шумные звуки счастливой семьи. Но в комнате Тедди царила тишина, пока мальчик сидел и размышлял. Наконец, он слегка покачал головой.

— Нет, не думаю.

— Ты не уверен?

— Все возможно. Так говорил мой отец. Но я не уверен.

— Еще мальчик по имени Уилл Яблонски. Ничего не припоминаешь?

— Его семья тоже мертва?

Вопрос, заданный еле слышно, заставил ее сердце заныть. Она придвинулась поближе к Тедди, обхватила рукой его худенькие тощие плечи. Он так отстраненно сидел рядом с ней, будто ее прикосновение было чем-то, что нужно перетерпеть. Ее рука обнимала мальчика, пока они сидели на кровати, словно два немых товарища, переживших ужасную трагедию.

— Мальчик жив? — негромко спросил Тедди.

— Да, он жив.

— А девочка?

— Они оба в безопасности. И ты тоже, обещаю.

— Я нет. — Он взглянул на нее ясно и спокойно, и его голос прозвучал безразлично. — Я скоро умру.

— Не говори так, Тедди. Это неправда, и…

Ее слова прервал внезапно погасший свет. В темноте она услышала громкое быстрое дыхание мальчика и почувствовала, как собственное сердце колотится в груди.

Нэнси Иниго крикнула из кухни:

— Детектив Риццоли! Должно быть, у нас сгорел предохранитель!

«Конечно, вся причина в этом, — подумала Джейн. — *Сгоревший предохранитель. Такие вещи происходят постоянно»*.

Звон разбитого стекла заставил Джейн вскочить на ноги. В одно мгновение она расстегнула кобуру и положила руку на свой «Глок»[62].

— Нэнси! — заорала она.

Лихорадочный топот ног застучал вверх по лестнице, и две девочки влетели в комнату, затем раздались тяжелые шаги Нэнси Иниго.

— Это в передней части! — сообщила Нэнси, чей голос заглушали панические визги девочек. — Кто-то вломился в дом!

И все они были в ловушке наверху. Их единственным спасением было вылезти через окно Тедди и спуститься по водостоку со второго этажа.

— Где ближайший телефон? — прошептала Джейн.

— На первом этаже. В моей спальне.

А мобильник Джейн был в сумочке, которую она оставила на кухне.

— Оставайтесь здесь. Заприте дверь, — приказала Джейн.

— Что Вы делаете? Детектив, не оставляйте нас!

Но Джейн уже направилась к выходу из комнаты.

Она услышала, как тихо закрылась дверь за ее спиной, и как Нэнси нажала на замок в дверной ручке. Такой замок был бесполезным, злоумышленнику понадобится лишь пара секунд, чтобы вышибить дверь.

Для начала ему придется пройти через меня.

Схватив оружие, она прокралась в темный коридор. Тот, кто разбил окно, сейчас молчал. Она слышала лишь собственное сердцебиение и шум крови в ушах. В верхней части лестницы она остановилась и присела на корточки. Дальше она не пойдет. Только дурак станет пытаться преследовать убийцу в темноте, а ее главным приоритетом являлась защита Нэнси и детей. Нет, она будет ждать прямо здесь и подстрелит его, как только тот поднимется по лестнице. *Иди к мамочке, ублюдок.*

Ее глаза, наконец, привыкли к темноте, и Джейн смогла разглядеть очертания перил, спиралью уходящих вниз в тень. Единственным источником света было слабое свечение из окна. Где же он, где он находится? Она не слышала ни звуков, ни движения.

Возможно, он уже не внизу. Возможно, он уже на втором этаже, стоит прямо у меня за спиной.

В панике, ее голова резко повернулась, но Джейн не увидела чудовища, надвигающегося сзади.

Ее внимание вновь вернулось к лестнице, когда фары приближающейся машины мелькнули в окне. Хлопнули дверцы, и она услышала детские голоса и шаги, поднимающиеся по ступеням. Входная дверь распахнулась, и в дверном проеме появился мужчина.

— Эй, Нэнси! Что со светом? — позвал он. — У меня здесь половина футбольной команды ждет печенья!

Вторжение маленьких мальчиков больше напоминало паническое бегство крупного рогатого скота, когда они, топая, хохоча и улюлюкая, ворвались в темноту. Все еще сидя на корточках наверху лестницы, Джейн медленно опустила оружие.

— Мистер Иниго? — позвала она.

— Привет? Кто там?

— Детектив Риццоли. У Вас есть мобильный телефон?

— Да. Где Нэнси?

— Я хочу, чтобы Вы позвонили в «911». И уведите этих мальчиков из дома.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Окно внизу было разбито, и осколки стекла блестели словно алмазы, разбросанные по полу.

— Похоже, взломщик проник тут, — произнес Фрост. — Мы нашли заднюю дверь приоткрытой, вероятно, через нее он и ушел. Приезд мистера Иниго и все эти шумные дети спугнули его. Что касается выключения света: все, что требовалось преступнику — пройти в гараж, открыть электрощиток и повернуть главный выключатель.

Джейн присела на корточки, чтобы осмотреть дубовый пол, на котором остался нечеткий отпечаток обуви злоумышленника. Через разбитое окно до нее доносились голоса команды криминалистов, изучающих землю снаружи в поисках других отпечатков обуви, а также шипение и потрескивание дорожного радио в патрульном автомобиле. Успокаивающие звуки. Но когда она посмотрела на след на полу, то ощутила, как снова участился пульс, и вспомнила запах собственного страха в темноте. «*Если бы только мне выпал шанс поймать его*».

— Как он нашел мальчика? — спросила она. — Откуда, черт возьми, он узнал, что Тедди здесь?

— Мы не можем быть уверены, что его целью являлся Тедди. Возможно, этот дом стал случайным выбором.

— Да ладно, Фрост, — она уставилась на своего напарника. — Ты ведь на самом деле так не думаешь, верно?

Возникла тишина.

— Нет, — признался он.

— Каким-то образом он выяснил, что мальчик находится здесь.

— Эта информация могла просочиться из социальной службы. Из полиции Бостона. Любое количество источников могло случайно раскрыть ее. Либо, может быть, преступник следил за *тобой* сегодня вечером. Любой, кто видел тебя на месте преступления, знал, что ты работаешь над этим делом.

Джейн подумала о дороге до дома Иниго, пытаясь вспомнить, не было ли чего необычного, каких-нибудь фар, мелькнувших в зеркале заднего вида. Но по фарам ничего не выяснить, а движение в Бостоне было оживленным. «Если убийца следил за мной, — подумала она, — то он знает мою машину. *И знает, где я живу*».

Ее мобильный зазвонил. Джейн вынула его из сумки, увидела код штата Мэн и сразу поняла, кто звонит.

— Маура? — ответила она.

— Доктор Уэлливер сказала, что ты получила мое сообщение. Довольно странное совпадение, так ведь? Еще двое детей, таких же, как Тедди Клок. Что думаешь?

— Думаю, у нас здесь закономерность. Некто приходил за Тедди.

— *Снова?*

— Злоумышленник проник в дом. По счастью, я оказалась здесь.

— Ты в порядке? А мальчик?

— Все в порядке, но преступник ушел. Теперь нам необходимо найти местечко понадежней, чтобы спрятать ребенка.

— Я знаю безопасное место. И оно прямо здесь.

Криминалист вошел в комнату, и Джейн замолчала, пока тот рассказывал Фросту об отпечатках пальцев на задней двери и подоконнике. Это нападение обеспокоило ее и заставило подозревать каждого, даже профессионалов, с которыми она работала. «Если за мной никто не следил, — подумала она, — тогда кто-то должен был слить информацию о местоположении Тедди. Некто, кто может работать на месте преступления в этот самый момент».

Она вошла в ванную и прикрыла за собой дверь, чтобы продолжить разговор.

— Опиши ваше местоположение, — сказала она. — Там безопасно?

— Школа изолирована. Здесь всего одна дорога, и она закрыта воротами. Вдоль всей дороги установлены датчики слежения.

— А что вокруг?

— Тридцать тысяч акров частного леса. Теоретически кто-то мог бы проникнуть туда пешком, но тогда ему пришлось бы еще как-то попасть в само здание. Дверь массивная, с кодом безопасности. Все окна высоко над уровнем земли. Плюс штат сотрудников.

— Кучка учителей? О да, это обнадеживает.

— У них есть лесничий, охраняющий владения, и он вооружен. Школа полностью автономна и имеет собственную ферму и генератор.

— И все же мы говорим об учителях. Не о телохранителях.

— Джейн, все они — члены общества «Мефисто».

Это заставило Джейн замолчать. Странноватая маленькая группа Энтони Сансоне отслеживала жестокие преступления по всему миру, разыскивая данные о похожих случаях, ища доказательства того, что зло было реальным. Что само человечество подверглось нападению.

— Ты никогда не говорила мне, что они управляют школой.

— Я и сама не знала, пока не оказалась здесь.

— Они конспирологи[63]. Видят чудовищ под каждым камнем.

— Возможно, на этот раз они правы.

— Не грузи меня всей этой библейской ерундой. Только не ты, умоляю.

— Я не говорю о демонах. Здесь происходит нечто, чего мы не можем объяснить, нечто, связывающее этих детей. Школьный психолог отказывается сообщать подробности, ссылаясь на врачебную тайну. Но Лили Сол достаточно рассказала о Клэр и Уилле, чтобы я смогла убедиться в совпадении. А «Ивенсонг» может стать местом, где эти трое детей будут в безопасности.

— Школой управляет параноидальная организация.

— Что делает их идеальными охранниками. Они выбрали это уединенное местечко, потому что могут его защитить.

В дверь ванной постучали.

— Риццоли? — позвал Фрост. — Приехал соцработник, чтобы забрать мальчика.

— Не позволяй никому забрать его!

— И что я ей скажу?

— Подожди, я выйду через минуту. — Она снова сосредоточилась на телефоне. — Маура, я не уверена, что могу доверять Сансоне и его группе.

— Он никогда не подводил нас, ты же знаешь. И у этих людей, безусловно, больше ресурсов, чем сможет выделить полиция Бостона.

«И никакой утечки информации, — подумала Джейн. — Не существует места лучше, чтобы спрятать мальчика подальше от остального мира».

— Как мне туда добраться? — спросила она.

— Школу нелегко найти. Я пришлю тебе маршрут по электронной почте.

— Давай. Поговорим позже, — Джейн отключилась и вышла из ванной.

В гостиной рядом с Фростом стояла в ожидании социальный работник.

— Детектив Риццоли, — произнесла она, — мы подготовили другое место для...

— Я приняла альтернативные меры для Тедди, — ответила Джейн.

Социальный работник нахмурилась.

— Но я думала, мы отвезем его в условленное место.

— Сегодня вечером целью злоумышленника, вероятно, был Тедди. Что означает, могут последовать и другие нападения. Вы же не хотите, чтобы убили еще одну приемную семью, верно?

Женщина поднесла руку ко рту:

— О, Боже. Неужели Вы и в самом деле думаете...

— Именно так, — Джейн взглянула на Фроста. — Убедишься, чтобы Иниго сегодня отправились в безопасное место? Я собираюсь забрать Тедди.

— Куда?

— Я позвоню тебе позже. Пойду наверх, чтобы собрать его вещи. Затем он и я уедем из этого опасного места.

— По крайней мере, ты обязана дать мне хоть какой-то намек.

Она посмотрела на сотрудницу социальной службы, которая наблюдала за ними, разинув рот.

— Чем меньше людей об этом знают, тем будет безопаснее, — ответила Джейн.

Для нас обоих.

На рассвете Джейн ехала на север, одним глазом посматривая в зеркало заднего вида. Тедди проспал весь путь на заднем сиденье. Они ненадолго остановились у ее квартиры, чтобы забросить кое-какую одежду и туалетные принадлежности в сумку, и сразу же отправились в путь. Габриэль настаивал, чтобы она сначала как следует выспалась и подождала до утра, но ей хотелось поскорее увезти Тедди из Бостона.

И уж совершенно точно она не позволила бы остановиться ему в своем доме или где-то неподалеку от семьи Джейн. Она уже видела, что

случилось с семьями, приютившими Тедди. Казалось, смерть шла за мальчиком по пятам, размахивая косой и, на всякий случай, кромсая всех, кто окажется поблизости. Джейн не хотела, чтобы эта кровавая коса собрала двух людей, которых она любила больше всего на свете.

Поэтому она погрузила мальчишку обратно в машину, бросила сумку в багажник, и в половине второго ночи направилась к северу от Бостона. Подальше от ее семьи.

В этот ранний час движение было свободным, и Джейн заметила позади лишь несколько фар. Она следила за их движением. Сразу за городком Саугус[64] пара приглушенных голубых галогеновых фар[65] исчезла. Двадцатью пятью милями позже пропали фары внедорожника. К тому времени, когда она проехала мост Киттери[66] в Мэне, было почти три часа ночи, и она не видела позади ни одной фары, но все равно не переставала постоянно поглядывать в зеркало, так и не прекратив выискивать слежку.

Убийца был там, в доме. Она видела отпечаток его обуви, знала, что он прошел через весь первый этаж, но не уловила даже краешка его тени, пока наблюдала с верхней ступеньки. Как долго она просидела на корточках, ожидая его появления на лестнице? Когда адреналин наполняет твои вены, когда ты собираешься встретиться лицом к лицу с собственной смертью, всего лишь шестьдесят секунд могут показаться вечностью. Джейн была уверена, что прошло минут пять, возможно, чуть больше. Разумеется, этого времени достаточно, чтобы прочесать первый этаж и переключить свое внимание на второй. Между тем, он этого не сделал. Что же ему помешало? Почувствовал, что наверху лестницы его ждет коп? Понял, что удача отвернулась, и простое дельце теперь превратилось в битву с таким же смертельным противником?

Она бросила на мальчика взгляд через плечо. Тедди свернулся калачиком в позе эмбриона, плотно поджав под себя руки и ноги. Он спал крепко, как и большинство детей, не проявляя никаких признаков того, что сегодняшний ужас проник в его сны. Когда взошло солнце, поднимаясь сквозь отступающую гряду облаков, Джейн все еще была за рулем. Она опустила окно, ощутив запах сырой земли и увидев пар, поднимающийся от нагретого солнцем асфальта. Она останавливалась лишь раз, чтобы заправить бензобак, выпить кофе и сходить в туалет. Тедди все это время спал.

Даже после дозы кофеина ей пришлось бороться со сном, чтобы сосредоточиться на этом последнем участке дороги. Джейн была настолько измотана, что забыла сделать предупредительный звонок, как посоветовала ей Маура. К тому времени, как она вспомнила о телефоне,

сеть пропала, и у Джейн не осталось способа, чтобы предупредить школу о своем приезде.

Но этого и не потребовалось: кто-то уже ждал ее у запертых ворот. Медведеподобный мужчина в потертых джинсах и походных ботинках закрывал собой вход. С его кожаного ремня свисал огромный охотничий нож, чье смертоносное зазубренное лезвие сверкало в лучах утреннего солнца. Джейн затормозила прямо перед ним, но тот не дрогнул и не шагнул в сторону, а остался стоять, скрестив перед собой руки, недвижимый словно скала.

— Изложите Ваше дело, мэм, — сказал он.

Джейн нахмурилась, разглядывая блочный лук[67] и колчан со стрелами на его плече, и задаваясь вопросом, туда ли она свернула. Не забрела ли случайно на территорию, где проходят дуэли на банджо[68]? Затем она бросила взгляд на кованую арку и увидела надпись «ИВЕНСОНГ».

— Я детектив Джейн Риццоли. Меня ждут в школе.

Он подошел к окну со стороны пассажира и уставился на спящего мальчика.

— Это юный мистер Клок?

— Да. Я везу его в школу.

На заднем сиденье, наконец, заворочался, просыпаясь, Тедди, и, увидев странного мужчину, который смотрел на него, испуганно вскрикнул.

— Все в порядке, сынок. — Голос был на удивление ласковым, учитывая, что он исходил от столь свирепого на вид человека. — Меня зовут Роман. Я школьный лесник. Присматриваю за этими лесами, и за тобой тоже присмотрю.

— Так Вы *мистер* Роман? — спросила Джейн.

— Достаточно просто Романа, — хмыкнул он и распахнул ворота. — Вам нужно проехать три мили до озера. Замок стоит прямо за ним. Они ждут вас.

Он помахал рукой, приглашая ее внутрь.

— Помедленней. Не сбейте медведя.

Джейн подумала, что тот имеет в виду Медведя, собаку Джулиана Перкинса. Но когда она проехала сотню ярдов вниз по дороге и

повернула в лес, то внезапно резко нажала на тормоза и остановилась, пока черный медведь, — *настоящий* медведь, — переходил дорогу, а за ним бежали два детеныша, чей мех блестел ярким глянцем на солнце.

— Что это за место? — удивленно пробормотал Тедди.

— Уж точно не большой город.

Джейн наблюдала, как трио исчезает в лесу.

— Я прямо так и вижу заголовок, — пробормотала она, — «БОСТОНСКИЙ КОП СЪЕДЕН МЕДВЕДЕМ».

— Они не едят людей.

— Что ты об этом знаешь?

— Черные медведи в основном вегетарианцы.

— В основном?

— По большей части.

— *Это* не обнадеживает.

Она поехала дальше, размышляя, какие еще сюрпризы могут внезапно выскочить из леса. Волки. Пумы. Единороги. В подобном диком местечке с таким непроходимым лесом, казалось, может появиться что угодно.

На заднем сиденье Тедди теперь был начеку и так таращился в окно, будто снаружи все выглядело крайне увлекательным. Возможно, здесь, в лесной чаще, и стоит находиться мальчику. Она впервые услышала, как он добровольно произнес больше двух предложений.

— Здесь будут другие дети? — спросил он.

— Конечно. Это же школа.

— Но сейчас лето. Они, наверное, все на каникулах?

— Это школа-интернат. Некоторые дети живут здесь круглый год.

— У них нет семей?

Она заколебалась:

— Не у всех.

— Значит, тут они все время и живут?

Джейн глянула через плечо, но мальчик не смотрел на нее, его внимание было поглощено плотной завесой листвы за окном.

— Мне кажется, это довольно приятное местечко, — произнесла она. — Как считаешь?

— Ага, — ответил он. И тихо добавил. — Не думаю, что он найдет меня здесь.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Клэр первой заметила приезд нового мальчика. Из окошка на лестнице она наблюдала, как «хетчбэк»[69] проехал под каменной аркой школы и остановился на подъездной дорожке. Вышел водитель — женщина небольшого роста с непослушными темными волосами, одетая в синие джинсы и ветровку. Она остановилась и потянулась, словно провела за рулем немало времени, а затем подошла к багажнику и достала оттуда два небольших чемодана.

Задняя дверь автомобиля распахнулась, и из машины вылез еще кое-кто: мальчишка.

Клэр прижалась к стеклу, чтобы изучить мальчика и увидела яйцевидную голову со светло-каштановыми волосами, увенчанную торчащим чубом. Неловкими механическими движениями тощих рук и ног он напомнил ей Пиноккио. Мальчик, прищурившись, посмотрел на здание, и его лицо оказалось настолько бледным, что Клэр подумала: «Вот как, должно быть, выглядит вампир. Или тот, кого надолго закрыли в подвале».

— Эй, посмотрите-ка. Это Ночной Змей[70].

Спина Клэр напряглась от знакомого оскорбления. Девочка обернулась и увидела Бриану и двух ее задиристых подружек, спускающихся по лестнице на завтрак. Эти трое были золотыми девочками, отрядом принцесс с блестящими волосами и идеальными зубами.

— И что там такого интересного? — спросила одна из принцесс.

— Должно быть, она ищет новое место для вечерней охоты на личинок.

— Эй, Бриана. Взгляни, — произнесла одна из принцесс. — Там новый парнишка, о котором мы слышали.

Три девочки оттолкнули Клэр в сторону и, нагнувшись вперед, посмотрели через окно.

— *Ему* четырнадцать? — спросила Бриана.

— Ты о нем слышала? — удивилась Клэр.

Бриана проигнорировала ее.

— Какой тощий мальчишка. Он выглядит так, словно ему десять.

Внизу из здания вышли директор Бом и доктор Айлз, чтобы поприветствовать вновь прибывших. По тому, как две женщины поздоровались, стало ясно, что они уже знакомы.

— Он похож на насекомое, — заявила одна из принцесс. — Словно один из этих жутких богомолов.

Бриана засмеялась и посмотрела на Клэр:

— Эй, Ночной Змей. Похоже, только что прибыл твой новый парень.

Полчаса спустя, во время завтрака Клэр снова бросила на него взгляд. Мальчик устроился за столом Джулиана, где сидели только самые старшие ребята. Вероятно, его туда затем и посадили, чтобы о новичке позаботились в первый школьный день. Он выглядел ошеломленным и немного испуганным, будто только что приземлился на чужой планете. Каким-то образом мальчик почувствовал, что она смотрит на него, повернулся и уставился на Клэр. Он рассматривал ее, словно та была единственным из того, что он нашел здесь интересным. Будто заметил человека, который был таким же изгоем, как и он сам.

Настойчивый звон ложки по стакану с водой заставил всех посмотреть на стол учителей. Директор Бом поднялся на ноги, громко скрипнув стулом.

— Доброе утро, ученики, — произнес он. — Уверен, вы заметили, что у нас сегодня новенький. Начиная с завтрашнего дня, он будет посещать занятия.

Директор указал на мальчика-Пиноккио, покрасневшего от внезапного внимания.

— Надеюсь, вы заставите его почувствовать себя желанным гостем. И надеюсь, вы все вспомните, каково это — быть новичком, и постараетесь сделать первый день Тедди здесь превосходным.

Тедди. Без фамилии. Клэр задалась вопросом, почему директор Бом опустил эту деталь. Она изучала мальчика еще внимательнее, также как и тот наблюдал за ней, и заметила, как его губы изогнулись в подобии улыбки, таком слабом, что Клэр не совсем была в этом уверена. Она удивилась, почему изо всех девочек в комнате Тедди смотрел именно на нее. Три принцессы были намного привлекательнее, да и сидели ближе к нему. «Я всего лишь разновидность чудилы, — подумала Клэр. — Девочка, которая всегда говорит неправильные вещи. Девочка с дыркой в голове. *Так почему же ты смотришь на меня?»*

Это заставило ее одновременно чувствовать себя некомфортно и взволнованно.

— Ооо, гляньте-ка. Он *уставился* на нее, — Бриана подошла к столу Клэр и теперь наклонилась, чтобы прошептать ей в ухо. — Похоже, мистер Тощий Жук души не чает в мисс Ночной Змей.

— Оставь меня в покое.

— Может, вы заведете симпатичных маленьких крошек-насекомых.

Не произнеся ни слова, Клэр схватила стакан апельсинового сока и выплеснула его на Бриану. Напиток забрызгал новые джинсы и балетки соперницы.

— Вы *видели* это? — заорала Бриана. — *Видели*, что она сейчас мне сделала?

Не обращая внимания на возмущенные визги, Клэр встала и направилась к выходу. У двери она заметила, как Уилл Яблонски подмигнул ей и поднял большой палец вверх. Теперь тут был еще один чудила вроде нее. Может, поэтому Уилл и был всегда так добр к ней. Чудилам надо держаться вместе в этой фрик-школе, где никто не услышит твоего крика. Новенький по-прежнему смотрел на нее. Тедди-без-фамилии. Она почувствовала, как его глаза следят за каждым ее шагом.

Она не говорила с ним до следующего дня. По четвергам Клэр работала в конюшне, и сейчас она чистила Полного Безумца — одну из четырех ивенсонгских лошадей. Изо всех обязанностей, которые в обязательном порядке вменялись ученикам, эта была той, против которой Клэр совершенно не возражала, пусть это и означало вычищать навоз из стойл и таскать тюки с древесной стружкой. Лошади не жаловались. Не задавали вопросов. Они просто смотрели на нее своими спокойными

карими глазами и верили, что она не причинит им вреда. Так же как и она верила, что они не обидят ее, хотя Полный Безумец обладал тысячей фунтов мышц и сильными копытами, и все, что ему бы потребовалось — повернуться и лягнуть ее прямо здесь, в стойле. Курицы закудахтали и захлопали крыльями неподалеку, петух Герман раздражающе скрипуче заорал, но Полный Безумец не шелохнулся и продолжал спокойно стоять, довольно фыркая, пока Клэр водила скребницей[71] по его бокам и спине. Звук «*скрип, скрип*» резиновых зубьев был гипнотически успокаивающим. Она была так сосредоточена на этом, что сначала не заметила, что кто-то стоит позади. Только когда она выпрямилась, то внезапно увидела лицо Тедди, всматривающееся в нее через дверь стойла. Клэр была так поражена, что чуть не уронила скребницу.

— Что *ты* здесь делаешь? — резко спросила она. Не особо дружелюбное приветствие.

— Извини! Я просто хотел… они сказали, что я мог бы…

Он бросил взгляд через плечо, словно надеясь, что кто-то выручит его.

— Я люблю животных, — наконец произнес он. — Доктор Уэлливер сказала мне, что здесь есть лошади.

— И коровы, и овцы. И эти идиотские курицы, — она швырнула скребницу в подвешенное ведро, куда та и приземлилась с громким стуком. Это прозвучало злобно, но на самом деле Клэр не была рассержена. Она просто не любила удивляться. Тедди уже пятился прочь от двери стойла.

— Эй, — позвала она, пытаясь загладить вину. — Хочешь его погладить? Его зовут Полный Безумец.

— А он не кусается?

— Неа, он всего лишь большой ребенок, — она нежно погладила коня по шее. — Правда, Безумец?

Осторожно Тедди распахнул дверцу стойла и вошел внутрь. Пока он гладил лошадь, Клэр достала скребницу и заново принялась за чистку. Какое-то время они не разговаривали, разделяя молчание в стойле и вдыхая запахи свежей сосновой стружки и лошадей.

— Я Клэр Уорд, — произнесла она.

— Я Тедди.

— Ага. Слышала это за завтраком.

Он коснулся морды Безумца, и жеребец внезапно вздернул голову. Тедди вздрогнул и поправил очки на переносице. Даже в полумраке Клэр видела, каким он был бледным и худым, с тонкими как веточки запястьями. Но его глаза привлекали внимание: большие, с длинными ресницами, они, казалось, замечали все вокруг.

— Сколько тебе лет? — спросила она.

— Четырнадцать.

— Правда?

— Почему ты так удивлена?

— Потому что я на год младше тебя. А ты выглядишь таким…

Клэр хотела сказать *«маленьким»,* но в последний момент ей пришло на ум слово полюбезнее.

— Стеснительным, — она взглянула на него поверх лошадиной спины. — Так у тебя есть фамилия?

— Детектив Риццоли сказала, что мне не стоит называть ее всем подряд.

— Ты о той леди, что привезла тебя сюда? Она детектив?

— Угу.

Он снова протянул руку к нервно подергивающейся голове Безумца, и на этот раз конь позволил погладить себя, тихонько пофыркивая.

Клэр перестала чистить Безумца и внимательно посмотрела на мальчика:

— Ну, и что с *тобой* произошло?

Он не ответил, только уставился на нее своими широкими прозрачными глазами.

— Здесь нормально говорить об этом, — произнесла Клэр. — Все так делают. Это такая разновидность школы, где тебе хотят помочь избавиться от боли.

— Это то, что всегда говорят психологи.

— Ага, знаю. Я тоже с ней разговариваю.

— Зачем *тебе* нужен психолог?

Она опустила скребницу.

— В моей голове есть дырка. Когда мне было одиннадцать, кто-то убил моих папу и маму. А затем выстрелил мне в голову, — она развернулась лицом к нему. — Вот зачем мне нужен психолог. Потому что я была травмирована. Даже если я этого и не помню. Абсолютно ничего.

— Его поймали? Человека, который стрелял в тебя?

— Нет. Он все еще на свободе. Думаю, он ищет меня.

— Откуда ты это знаешь?

— Потому что месяц назад это снова произошло. Моих приемных родителей убили, вот так я и оказалась здесь. Потому что тут безопасно.

Он тихо произнес:

— Меня тоже привезли сюда из-за этого.

Клэр уставилась на него, начиная понимать, и увидела трагедию, написанную на его бледных щеках и в прозрачных глазах.

— Тогда ты попал в нужное место, — произнесла она. — Это единственная школа для детей вроде нас.

— Ты имеешь в виду, что все другие дети здесь…

— Ты сам узнаешь, — ответила она. — Если подольше пробудешь здесь.

Тень заслонила свет в стойле.

— Так вот ты где, Тедди. Я тебя искала, — сказала детектив Риццоли. Она заметила Клэр и улыбнулась. — Уже заводишь новых друзей?

— Да, мэм, — ответил Тедди.

— Прости, что прерываю, но с тобой хочет поговорить доктор Уэлливер.

Он взглянул на Клэр, которая ответила на его молчаливый вопрос одними губами: *«Психолог»*.

— Она всего лишь хочет задать тебе пару вопросов. Узнать тебя получше, — детектив Риццоли открыла дверь стойла. — Пойдем.

Тедди вышел, прикрыв за собой дверь. Обернувшись, он прошептал Клэр:

— Меня зовут Тедди Клок.

«Он и выглядит как Тедди Клок», — подумала Клэр, наблюдая за тем, как тот уходит. Она вышла из стойла и выкатила тележку с грязными лошадиными подстилками из конюшни. На скотном дворе этот раздражающий петух снова дебоширил: задирал и клевал беззащитную несушку. «Даже курицы могут быть жестокими. Они такие же, как и мы, — подумала она. — Нападают друг на друга и даже убивают». Внезапно вид этой несчастной несушки, съежившейся под натиском петуха Германа, привел Клэр в бешенство.

— Оставь ее *в покое*!

Она замахнулась, но Герман отлетел на безопасное расстояние и бросился прочь, пронзительно крича.

— Ублюдочный петух! — заорала Клэр. Обернувшись, она заметила одну из принцесс, которая стояла в загоне и смеялась над ней.

— Что? — рявкнула Клэр.

— Он всего лишь птица, дебилка. В чем проблема?

— Ей, как и любому нужна защита, — пробормотала она и ушла.

До того момента, как все пошло наперекосяк, операция разворачивалась идеально. Когда приходит беда, обычно можно оглянуться назад и точно определить, откуда она пришла, чтобы разгадать, где одно неудачное событие запустило последовательность, которая привела к катастрофе. Как говорится, не было гвоздя — подкова пропала[72]*. Так и есть: мельчайшие детали, упущенные из виду, могут привести к гибели лошади, солдата, битвы.*

Но в тот июньский вечер в Риме наша цель находилась в поле зрения, и сражение уже казалось выигранным.

Внутри «Ла Нонны» Икар и его компания уже доедали десерт. Все мы уже заняли свои позиции, когда он, наконец, появился. Сначала вышли телохранители, а затем Икар с женой и сыновьями. Тяжелая пища, запитая парой стаканов превосходного вина, заставила Икара расслабиться, и тот не остановился, чтобы осмотреться, а сразу направился к машине. Он помог своей жене Лучии и двоим их сыновьям

забраться в «Вольво», а затем сел за руль. Следом за ними в свой «БМВ» уселись телохранители.

Икар первым выехал на дорогу.

В этот момент грузовик выехал на позицию, заблокировав «БМВ». Телохранители высунулись из машины и принялись кричать на водителя грузовика, чтобы тот отъехал, но он проигнорировал их, и понес ящик с луком на кухню «Ла Нонны».

Тогда телохранители и обнаружили, что их шины спущены, и они здесь застряли. Засада. Икар сразу понял, что происходит, и отреагировал так, как мы и ожидали.

Он прибавил скорости и с ревом понесся прочь, торопясь в безопасный дом на вершине холма.

Мы ехали в машине следом за ним. Еще один автомобиль, в котором сидели двое наших, ожидал сотней ярдов выше на дороге. Это отрезало путь Икару, и теперь «Вольво» был заблокирован между двух машин.

Поднимаясь к склону холма, дорога становилась все уже, извиваясь крутыми поворотами. У одного из таких поворотов «Вольво» и поджидал автомобиль. Наш план заключался в том, чтобы заставить его остановиться, вытащить Икара из «Вольво» и затолкнуть в нашу машину. Но вместо того, чтобы притормозить, Икар удивил нас. Он безрассудно прибавил скорость, проехав в дюйме от автомобиля.

Никто не заметил грузовик, едущий навстречу, пока не стало слишком поздно.

Икар отчаянно вильнул вправо, и «Вольво» влетел в ограждение. Его отбросило назад и занесло в сторону. Грузовик задел машину бортом, корежа дверцу со стороны пассажира.

Еще не выйдя из автомобиля, я уже знал: его жена мертва. Я был тем, кто распахнул дверь машины Икара, тем, кто увидел кровавую бойню внутри. Изувеченное тело Лучии. Разбитое лицо десятилетнего мальчика. И маленького Карло, еще в сознании, но умирающего. Карло посмотрел на меня, и в его глазах я увидел вопрос. На этот вопрос я до сих пор затрудняюсь ответить: «За что?»

Мы вытащили Икара из «Вольво». В отличие от своей семьи он был очень даже жив и сопротивлялся. Через несколько секунд нам удалось

связать его запястья и лодыжки. Мы бросили его на заднее сиденье моего автомобиля и прикрыли одеялом.

Несчастный водитель грузовика, ошеломленный и испытывающий головокружение после столкновения, не имел никакого понятия о том, что произошло на самом деле. Позже он расскажет полиции, что добрые самаритяне[73] *остановились, чтобы спасти водителя «Вольво» и, должно быть, отвезли его в больницу. Но нашим пунктом назначения был частный аэродром в сорока восьми милях отсюда, где нанятый самолет уже был заправлен топливом и ждал нас.*

Мы сделали то, зачем приехали, но все это не должно было закончиться гибелью трех невинных людей. Любую другую успешно выполненную миссию мы отмечали порцией виски и жестами «дай пять». Но той ночью мы были подавлены. Беспокоились о последствиях.

Мы и понятия не имели, насколько ужасными они будут.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Ветер стучал в окна кабинета доктора Анны Уэлливер, и из этой самой высокой точки замка Джейн могла видеть черные тучи, плывущие с гор и неумолимо движущиеся к ним. Надвигалась летняя гроза, и звук ветра заставил Джейн насторожиться, пока они с Маурой наблюдали, как доктор Уэлливер расставляет на подносе чайные чашки и блюдца. Снаружи все выглядело угрожающе, но комнатка внутри башни была уютной: тахта в цветочек, ароматические палочки, стеклянные подвески на окне — спокойный уголок, где травмированный ребенок мог свернуться в мягком кресле и без опаски поделиться своими самыми темными страхами. Запах благовоний делал комнату больше похожей на салон чудаковатой гадалки, чем на кабинет психолога, но и сама Уэлливер была чудаковатой, со своими растрепанными седыми волосами, старомодными платьями до пола и ортопедической обувью.

— Я наблюдала за мальчиком около сорока восьми часов, — сказала доктор Уэлливер. — И должна признаться, у меня есть опасения.

На краю стола зашипел и забулькал электрический чайник, и она поднялась, чтобы налить кипящую воду в фарфоровый чайничек.

— И какие же проблемы Вы заметили? — спросила Джейн.

— На первый взгляд кажется, что он на удивление хорошо устроился на новом месте. Складывается впечатление, что мальчик наслаждается первым днем занятий. Мисс Дюплесси сказала, что он очень начитан для

своего возраста. Мистер Роман уговорил его выпустить несколько стрел на занятии по стрельбе из лука. А вчера вечером я обнаружила его в компьютерном классе за просмотром роликов на Ютьюбе[74].

Джейн взглянула на Мауру.

— От вас нельзя позвонить по мобильному, но вы пользуетесь Интернетом?

— Мы не можем сдерживать эпоху цифровых технологий, — со смехом ответила Уэлливер. Она грузно опустилась на стул, и платье, словно шатер, раздулось вокруг ее внушительного тела. — Конечно, мы блокируем нежелательные сайты, и наши ученики знают, что они ни за что не должны разглашать любую личную информацию. Ни их месторасположение, ни их имена. Это вопрос безопасности.

— В особенности, для этих детей, — заметила Маура.

— Мысль, которую я пытаюсь донести, — продолжила доктор Уэлливер, — это то, что Тедди очень хорошо воспринимает новую среду, судя по всему. Он даже, вроде бы, завел нескольких друзей.

— Так в чем же проблема? — недоумевала Джейн.

— На вчерашнем сеансе я обнаружила довольно много вещей, которые он не помнит… или не хочет помнить… о своей родной семье.

— Вы же в курсе, что существует причина, по которой он не может вспомнить ночь, когда они погибли.

— Я знаю, что они были убиты на борту своей яхты возле Сент-Томас. И произошел взрыв, от которого Тедди потерял сознание. Но я не перестаю задаваться вопросом, объясняет ли этот взрыв все его провалы памяти. Когда я спрашиваю о семье, он старается избегать всех моих вопросов. Он меняет тему. Говорит, что проголодался или просится в туалет. Вообще-то, он по-прежнему говорит о членах своей семьи в настоящем времени. Он просто совсем не желает принимать эту потерю.

— Ему было всего двенадцать, — заметила Маура. — Еще достаточно нежный возраст.

— Прошло два года. Этого времени достаточно, чтобы смириться с утратой, как сделали другие наши ученики. С Тедди предстоит много работы. Чтобы провести его через эту стадию отрицания. Чтобы принять то, что его семьи больше нет, — она посмотрела на Джейн. — Хорошо, что Вы привезли его сюда, детектив. Надеюсь, Вы позволите ему остаться.

— Сейчас чрезвычайные обстоятельства, — сказала Джейн. — Не мне решать, где он останется в дальнейшем.

— Вчера вечером школьный совет «Ивенсонга» единогласно согласился принять Тедди и оплатить все расходы. Пожалуйста, передайте это штату Массачусетс. Мы хотим быть полезными.

— Я скажу, как Вы сможете принести реальную пользу, — хмыкнула Джейн. — Расскажите мне о двух других учениках. Клэр Уорд и Уилле Яблонски.

Уэлливер поднялась, чтобы разлить травяной чай, успевший завариться. В тишине она наполнила чашки и раздала их своим гостьям, затем присела и опустила в свой чай несколько щедрых ложек сахара.

— Это деликатное дело, — наконец, произнесла она. — Разглашение конфиденциальных сведений о наших учениках.

— У меня тоже деликатное дело, — парировала Джейн. — Я пытаюсь сохранить Тедди жизнь.

— Почему Вы считаете, что между этими тремя детьми есть связь?

Маура ответила:

— Совпадение просто потрясающее. Вот поэтому я и позвонила Джейн, из-за большого количества параллелей. Три разные семьи — Уорды, Яблонски и Клоки, все были убиты в один год. Даже в одну и ту же *неделю*. Теперь, два года спустя, на их выживших детей снова напали. С разницей в несколько недель.

— Да, согласна, это *выглядит* странно.

— Это гораздо больше, чем странно, — сказала Джейн.

— Но это всего лишь совпадение.

Джейн подалась вперед и посмотрела прямо в глаза доктору Уэлливер.

— Как Вы можете так запросто исключать возможность взаимосвязи?

— Потому что эти семьи были убиты в разных местах. Семья Тедди Клока погибла на своей яхте в Сент-Томас. Родители Клэр были застрелены в Лондоне.

— А родители Уилла? Яблонски?

— Они погибли, когда их частный самолет упал в Мэриленде.

Джейн нахмурилась:

— Я считала, что они были убиты. А это больше смахивает на несчастный случай.

Доктор Уэлливер отвернулась и уставилась на стеклянную дверь, ведущую к подвесному мостику на крыше, где ветер кружил клочья тумана.

— Вероятно, я и так рассказала вам слишком много. Они — мои пациенты, и они доверяют мне свои тайны. Я чувствую себя связанной правилами конфиденциальности.

Джейн произнесла:

— Знаете, я могла бы просто поднять трубку и поговорить непосредственно с полицией. Могла бы и сама разузнать эти детали. Так почему бы Вам не облегчить мне жизнь и просто не рассказать все? Та авиакатастрофа была несчастным случаем?

Доктор Уэлливер немного помолчала, взвешивая свой ответ.

— Нет, это не было несчастным случаем, — в конце концов ответила она. — НСБТ[75] пришел к выводу, что самолет взорвали. Но опять же, нет никакой очевидной связи с двумя другими семьями. За исключением характера их смертей.

— Извините, что говорю это, — перебила Джейн, — но делать подобные выводы — это *моя* работа, а не Ваша. Скорее всего, это совпадение, но я обязана выяснить, не было ли все спланировано. Потому что, если я что-то упущу, в конечном итоге, мы можем получить трех мертвых детей.

Уэлливер отставила свою чашку и с мгновение изучала Джейн, словно пытаясь определить, насколько серьезно та настроена. Наконец, она поднялась со стула и поковыляла к картотечному шкафу, откуда извлекла папки с документами.

— Самолет Яблонски упал сразу после взлета, — сообщила она. — Когда это произошло, за штурвалом сидел Нил Яблонски. На борту находились только он и его жена.

Она положила файл Уилла на стол и подтолкнула его к Джейн.

— Потом НСБТ нашел вещественные доказательства, указывающие на взрывное устройство. Следователи искали мотив, любую причину того,

почему эта пара стала мишенью. Ответа они так и не нашли. К счастью, их сына Уилла в тот день не было на борту самолета. Он предпочел провести выходные с тетей и дядей, чтобы поработать над научным проектом.

Джейн открыла папку и просмотрела документы для поступления в школу «Ивенсонг».

Четырнадцатилетний белый юноша, оставшиеся члены семьи неизвестны. Приглашен из штата Нью-Гемпшир после пожара сомнительного происхождения, уничтожившего дом его дяди и тети, Брайана и Линн Темпл, которые числились опекунами после смерти его родителей два года назад…

Джейн прочитала следующий абзац и посмотрела на Уэлливер, подсыпающую уже четвертую ложку сахара в свой травяной чай.

— Ребенок какое-то время считался подозреваемым в Нью-Гемпширском пожаре?

— Полиция была вынуждена рассмотреть эту возможность, так как Уилл стал единственным выжившим. Он сообщил им, что находился снаружи и смотрел в свой телескоп, когда дом взорвался. Проезжавшая мимо автомобилистка заметила пламя и остановилась, чтобы помочь. Она и привезла мальчика в отделение скорой помощи.

— Ребенок просто *оказался* снаружи, таращась в свой телескоп?

— Отец и дядя Уилла были учеными в НАСА[76] и работали в Центре космических полетов имени Годдарда в Мэриленде[77]. Неудивительно, что Уилл — астроном-любитель.

— Так этот ребенок — умник, — присвистнула Джейн.

— Можете называть его и так. Именно поэтому полиция хотя бы и недолго, но считала его подозреваемым, так как он, безусловно, обладает достаточным интеллектом, чтобы соорудить бомбу. Но у него не было мотива.

— О котором бы они знали.

— По моим наблюдениям, Уилл очень прилежный мальчик с отличными академическими навыками, особенно в математике. Я не вижу в нем ни

малейшей агрессии. В социальном отношении он немного несмелый. Его тетя и дядя в Нью-Гемпшире обучали Уилла на дому, поэтому он особо не взаимодействовал с другими детьми. Это может быть одной из причин, по которой ему не удается быстро заводить новых друзей.

— Почему он учился на дому? — поинтересовалась Маура.

— В прошлом у него были проблемы в Мэриленде. Бедного мальчика дразнили, над ним издевались.

— Почему?

— Из-за его веса. — Доктор Уэлливер оглядела свою крупную фигуру, лишь частично замаскированную свободными платьями, которые она всегда носила. — Большую часть своей жизни я боролась с собственным весом, поэтому прекрасно знаю, что такое быть осмеянной. Дети могут быть особенно жестоки, заметив, что Уилл полноват и немного неуклюж. Здесь мы сразу вмешиваемся, когда видим какие-либо издевательства, но мы не всеведущи. Несмотря на все оскорбления, Уилл всегда весел и добродушен. Он ласков с младшими детьми. Он надежный товарищ, который никогда не бросит в беде.

Уэлливер помолчала:

— В отличие от девочки.

— Клэр Уорд, — произнесла Джейн.

Уэлливер вздохнула.

— Наша маленькая ночная странница, — она отодвинула стул и вернулась к картотеке, чтобы отыскать дело Клэр. — Сейчас это дитя — сплошная головная боль для нас. Преимущественно это связано с ее неврологическими проблемами.

— Что вы имеете в виду под *неврологическими проблемами*?

Уэлливер выпрямилась и посмотрела на нее.

— Клэр была с родителями, в ту ночь, когда на них напали в Лондоне. Всем им выстрелили в голову. Выжила только Клэр.

Вдалеке прогремел гром, и небо стало темным и зловещим. Джейн взглянула на свою руку и увидела, что волоски на ней встали дыбом, словно холодный ветер только что подул по ее коже.

Уэлливер положила папку с делом Клэр перед Джейн.

— Все произошло, когда семья направлялась к своей машине после ужина в ресторане. Отцом Клэр был Эрскин Уорд, сотрудник дипломатической службы, работавший в Лондоне, Риме и Вашингтоне. Из-за работы Эрскина в посольстве США было высказано опасение, что, возможно, нападение было терактом, но, в конце концов, полиция решила, что это было ограбление, в ходе которого что-то пошло не так. Клэр не смогла помочь следствию, потому что не помнила нападения. Единственное, что осталось в ее памяти — как она проснулась в больнице после операции.

— Для девочки, которой прострелили голову, она сейчас выглядит на удивление нормальной, — удивилась Джейн.

— На первый взгляд она и впрямь кажется совершенно нормальной, — Уэлливер посмотрела на Мауру. — Даже Вы не смогли сразу обнаружить ее изъяны, доктор Айлз?

— Нет, — призналась Маура. — Они почти незаметны.

— Когда пуля вошла в голову, — пояснила Уэлливер, — это привело к так называемому диасхизу[78]. В переводе с греческого это означает «расколотая мысль». В одиннадцать лет мозг Клэр был все еще достаточно эластичным, поэтому ей удалось восстановить практически все функции. Ее речь и моторные навыки почти в норме, как и ее память. За исключением той ночи в Лондоне. До нападения она была превосходной ученицей, даже талантливой. Но, боюсь, теперь ей больше никогда не стать звездой школы.

— Но она по-прежнему может жить нормальной жизнью? — спросила Джейн.

— Не совсем. Как и многие пациенты с травмами головы, она импульсивна. Она идет на риск. Говорит, все, что придет в голову, не задумываясь о последствиях.

— То есть, ведет себя как типичный подросток.

Доктор Уэлливер понимающе рассмеялась:

— Верно. *Мозг подростка — это* само по себе уже диагноз. Но не думаю, что Клэр когда-либо это перерастет. Управление импульсами всегда будет для нее проблемой. Она теряет терпение, выпаливает то, что думает. Это уже вызывает неприятности. Она здесь враждует с другой девочкой. Все началось с кое-каких обзывательств и обидных замечаний. Доросло до подножек и тычков. Порчи одежды, дождевых червей в постели.

— Прямо про меня и моих братьев, — хохотнула Джейн.

— Кроме того факта, что Вы, надеюсь, выросли из этого. Но Клэр всегда сначала делает, а потом думает. И это особенно опасно, учитывая другую ее неврологическую проблему.

— Какую?

— Ее цикл сна-бодрствования[79] был полностью нарушен. Это случается со многими, пережившими черепно-мозговую травму, но большинство из них страдает чрезмерной сонливостью. Они спят больше нормы. Клэр по каким-то причинам получила парадоксальный результат. Она возбуждена, особенно по ночам, когда становится гиперактивной. Похоже, ей хватает всего четырех часов сна в сутки.

— Я проснулась среди ночи, — подтвердила Маура. — И видела ее разгуливающей по саду. Было далеко за полночь.

Уэлливер кивнула.

— В это время она наиболее активна. Она словно ночное существо. Мы называем ее нашей полночной бродягой.

— И вы позволяете ей так запросто бродить в темноте? — поразилась Джейн.

— Когда она жила в Итаке, ее приемная семья ничего не могла поделать, чтобы остановить ее. Они испробовали лекарства, запертые на ключ двери, угрозу наказания. Это стало основой поведения Клэр на всю оставшуюся жизнь, и ей придется научиться с этим справляться. Она здесь не узница, поэтому мы решили не запрещать ей этого.

— Позволяя ей бегать без присмотра по ночам?

— На счастье, в мэнском лесу не так уж и много вещей, которые могут навредить. Здесь нет ядовитых змей, крупных хищников, а наши черные медведи больше боятся нас, чем мы их. Самая большая опасность — если она наступит на дикобраза или растянет связки на лодыжке, споткнувшись о чью-нибудь нору. Такова природа Клэр, и с этим состоянием ей придется жить. Честно говоря, гораздо безопаснее для нее бродить по здешнему лесу, чем по какому-нибудь большому городу.

Джейн не могла поспорить с этим утверждением, так как слишком хорошо знала, где водятся самые опасные хищники.

— А после того, как она закончит «Ивенсонг»? Что случится с ней потом?

— Когда это время придет, ей придется сделать собственный выбор. Так или иначе, мы преподаем ей навыки выживания. Здесь это является нашей целью, детектив. И в этом причина, по которой существует данная школа — чтобы дети смогли найти свое место в мире. Мире, который не был к ним добр, — Уэлливер указала на картотечный шкаф. — У нас десятки учеников вроде Клэр, некоторые были настолько травмированы, когда попали сюда, что даже не могли говорить. Или просыпались каждую ночь от собственного крика. Но дети выносливы. Под умелым руководством они приходят в норму.

Джейн открыла дело Клэр. Как и у Уилла, оно включало в себя первоначальную психологическую оценку доктора Уэлливер. Она пролистала до заключения расследования Департамента Полиции Итаки.

— А как Клэр попала к этой конкретной паре Бакли?

— Боб и Барбара Бакли были друзьями родителей Клэр, и те назначили их опекунами в своем завещании. Своих детей у них не было. Когда они взяли Клэр, то, конечно, получили взамен сущее наказание.

Джейн вчитывалась в полицейский отчет, описывающий смерть Бакли, затем она посмотрела на Мауру.

— Кто-то врезался в их машину. Выстрелил обоим в голову.

— Разумеется, это выглядит как преднамеренное убийство, — заметила доктор Уэлливер. — Но у Бакли не было явных врагов. Что повышает вероятность того, что целью была *Клэр*, потому что она тоже была в машине.

— Тогда почему девочка до сих пор жива? — спросила Джейн.

Доктор Уэлливер пожала плечами:

— Божественное вмешательство.

— Простите?

— Спросите у Клэр, она расскажет Вам, что произошло на самом деле. Она оказалась в ловушке внутри автомобиля. Услышала выстрелы. Увидела убийцу, *стоящего рядом*. И тогда на сцене появился кое-кто еще. *Ангел*, как описала ее Клэр. Женщина, которая помогла ей выбраться из машины и оставалась с ней.

— Разве полиция не допросила эту женщину? *Она* видела убийцу?

— К несчастью, женщина исчезла сразу же, как прибыла полиция. Никто кроме Клэр ее не видел.

— Возможно, ее просто не существовало, — предположила Маура. — Может, Клэр просто ее себе вообразила.

Доктор Уэлливер кивнула.

— Полиция тоже сомневается в существовании этой загадочной женщины. Но, конечно, они не сомневались, что это была казнь. Именно поэтому Клэр и привезли в «Ивенсонг».

Джейн закрыла папку и взглянула на психолога.

— Отсюда возникает другой вопрос. Как именно это произошло?

— Ее передали нам.

— Не сомневаюсь, что штат Нью-Йорк заботится о своих детях. Но почему ее отправили в «Ивенсонг»? И каким образом здесь очутился Уилл Яблонски из Нью-Гемпшира?

Доктор Уэлливер не смотрела на Джейн, вместо этого она сосредоточила свое внимание на одной из стеклянных подвесок, качающихся на окне. В солнечный день от этого кусочка кварца по комнате разбегалась радуга, но в нынешнее серое утро он неподвижно висел, не проявляя никакой магии лучей света.

— У «Ивенсонга» есть репутация, — ответила она. — Мы предлагаем многим из этих детей обучение, проживание и питание, без каких-либо затрат со стороны государства. Полиция по всей стране знает о работе, которую мы тут выполняем.

— Потому что общество «Мефисто» повсюду, — произнесла Джейн. — И ваши шпионы везде.

Глаза Уэлливер встретились с взглядом Джейн.

— Мы с Вами на одной стороне, детектив, — тихо сказала она. — Никогда в этом не сомневайтесь.

— Эти теории заговора беспокоят меня.

— По крайней мере, мы можем сойтись во мнении о том, что невинным людям нужна защита? Что жертвам необходимо лечение? В «Ивенсонге» мы делаем и то, и другое. Да, мы отслеживаем преступления по всему

миру. Как и любые ученые, мы ищем характерные признаки. Потому что мы тоже жертвы, но выбравшие сопротивление.

Кто-то постучал в дверь, и, обернувшись, они увидели как мальчик-азиат, невысокий и жилистый, заскочил в комнату.

Доктор Уэлливер встретила его материнской улыбкой.

— Привет, Бруно. Тебе что-то нужно?

— Мы обнаружили кое-что в лесу. На дереве, — выпалил мальчик.

— В лесу много деревьев. Что особенного именно в этом?

— Мы не уверены, что это означает, и девочки, они все закричали..., — Бруно сделал глубокий вдох, чтобы успокоиться, и Джейн внезапно заметила, что мальчик дрожал. — Мистер Роман сказал, что Вы должны прийти *прямо* сейчас.

Доктор Уэлливер встревожено поднялась на ноги.

— Покажи нам.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Они проследовали за мальчиком вниз по лестнице с третьего этажа, шумно топая ногами. Снаружи ветер тотчас взъерошил волосы Джейн, и та пожалела, что не захватила куртку. Далекие темные облака, которые она видела из башни, уже почти настигли их, и в воздухе пахло предстоящим дождем. Они побрели в лес во главе с мальчиком, который, казалось, следовал за какими-то видимому ему одному следами. Такое количество ног, хрустящих ветками и шуршащих опавшей листвой, заставило птиц умолкнуть. Был слышен лишь звук шагов и свист ветра в ветвях деревьев.

— Мы заблудились? — спросила Джейн.

— Нет, просто пошли короткой дорогой, — ответила доктор Уэлливер. Несмотря на свое широченное платье, ей удавалось уверенно передвигаться по лесу, тяжело шагая за резвым мальчишкой, который мчался впереди них.

Деревья стали плотнее, ветви закрывали собой небо. Хотя была только середина дня, здесь, в лесу день померк в мрачных сумерках.

— Ребенок в самом деле уверен, что шагает в нужном направлении?

— Бруно точно знает, куда идет.

Доктор Уэлливер указала на сломанную ветку прямо над их головами.

— Он сделал метку?

Психолог оглянулась на нее:

— Не стоит недооценивать наших учеников.

Замок скрылся из вида. Теперь все, что видела Джейн, куда бы ни поглядела, были деревья. Сколько они уже прошли, полмили[80] или больше? И это была короткая дорога? Шнурки развязались, и она присела на корточки, чтобы затянуть их. Когда Джейн выпрямилась, то обнаружила, что остальные уже ушли на дюжину шагов вперед и почти скрылись из поля зрения. Оставшись одна, она может бродить тут несколько дней, пытаясь выбраться из леса. Джейн вскочила, чтобы догнать их и, пробежав через подлесок, оказалась на небольшой поляне, где уже ждали остальные.

Под развесистой ивой стояли профессор Паскуантонио и лесничий Роман. Возле них собралась кучка учеников, жавшихся друг к другу на ветру.

— ...не трогали это. Оставили все так же, как и обнаружили, — объяснял Роман доктору Уэлливер.

— Будь я проклят, если понимаю, что это означает.

— Извращенная шалость, — фыркнул Паскуантонио. — Вот что это такое. Дети творят возмутительные вещи.

Доктор Уэлливер зашла под иву и уставилась на ветки.

— Мы знаем, кто это сделал?

— Никто не имеет ни малейшего понятия, — проворчал Роман.

— Мы *все* знаем, что это сделала она, — заявила темноволосая девочка. — Кто же еще мог такое сотворить?

Она ткнула на Клэр:

— Она снова выскользнула наружу вчерашней ночью. Я видела ее через окно. *Ночной Змей*.

— Я этого не делала, — произнесла Клэр. Она стояла на самом краю поляны, скрестив руки на груди, будто бы парируя все обвинения.

— Ты *выходила* наружу. Не ври.

— Бриана, — сказала доктор Уэлливер, — мы не обвиняем людей без доказательств.

Джейн обошла детей, чтобы увидеть то, что привело всех их к этому месту. На нижней ветви ивы болтались три куклы, сделанные из прутьев и шпагата, и подвешенные, словно примитивные елочные игрушки. Подойдя ближе, Джейн увидела, что на одной из кукол была берестяная юбка. Женщина. Самодельные куклы медленно вращались на ветру, будто маленькие жертвы палача, все они были забрызганы чем-то, похожим на кровь. Высоко на иве закаркали вороны, и Джейн подняла глаза. Она увидела источник этих брызг, висящий над головой, и унюхала запах разложения. От отвращения она попятилась, удерживая взгляд на трупике, висящем на высокой ветке.

— Кто это обнаружил? — спросила доктор Уэлливер.

— Мы все, — ответил Роман. — Раз в несколько дней я вожу их по этому маршруту, показывая, как меняется лес. Первыми заметили кукол эти девочки.

Он показал на Бриану и двух девчушек, которые всегда вертелись вокруг нее.

— Никогда прежде не слышал такого истеричного кошачьего концерта.

Он вытащил нож, обрезал веревку, удерживающую трупик, и мертвый петух шлепнулся на землю.

— Можно подумать, они никогда не ели курицу, — хмыкнул он.

— Это Герман, — пробормотал один из мальчиков. — Кто-то убил Германа.

«Не просто убил, — подумала Джейн. — Выпотрошил. Вытащил внутренности и бросил их воронам». Это была не просто подростковая шалость, зрелище вызвало у нее тошноту.

Доктор Уэлливер посмотрела на школьников, которые стояли и дрожали на ветру под первыми капли дождя.

— Кто-нибудь знает что-либо об этом?

— Сегодня утром я не слышала его крика, — сказала одна из девочек. — Герман всегда будил меня. Но не этим утром.

— Вчера днем я проходил здесь, — произнес Роман. — Здесь ничего не висело. Должно быть, это произошло ночью.

Джейн взглянула на Клэр. *Полночная бродяга*. Девочка, внезапно заметила взгляд Джейн и уставилась на нее в ответ. Взглядом, который бросал вызов любому, утверждающему, что это сделала она.

Пока капли дождя падали на ее платье, доктор Уэлливер обводила взглядом круг учеников, раскинув руки, словно предлагая обнять любого, кому это было нужно.

— Если позже кто-то захочет поговорить об этом, моя дверь всегда открыта. Я обещаю, что рассказанное останется только между мной и вами. Итак, — она вздохнула, глядя на дождь, — почему бы вам не вернуться?

Пока ученики покидали поляну, взрослые сгрудились возле ивы. Только когда дети оказались вне пределов досягаемости, доктор Уэлливер тихо проговорила:

— Это очень настораживает.

Маура присела над убитым петухом.

— У него сломана шея. Вероятно, это его и убило. Но зачем потрошить его? Оставлять здесь, где все его увидят? — она посмотрела на доктора Уэлливер. — Это должно что-то значить.

— Это значит, что здесь есть извращенец, — сказала Джейн. Она посмотрела на три фигурки из прутьев. — А вот что означает *это*? Напоминает маленьких жутких кукол вуду. Зачем она это сделала?

— Она? — удивилась Уэлливер.

— Конечно, Клэр все отрицает. Но дети постоянно лгут.

Доктор Уэлливер покачала головой:

— Эта черепно-мозговая травма сделала ее импульсивной. Но она же сделала ее практически неспособной к обману. Клэр говорит именно то, что думает, несмотря на то, что попадает из-за этого в неприятности. Она отрицала это, и я ей верю.

— Тогда кто же из них это сделал? — сказал Роман.

Голос позади них спросил:

— Почему вы решили, что это был ученик?

Все они обернулись, и увидели Джулиана, стоящего на краю поляны.

— Вы рассматриваете лишь версию, что это был один из нас, — проговорил Джулиан. — Это несправедливо.

Доктор Паскуантонио рассмеялся.

— Но ты же на самом деле не думаешь, что учитель сделал бы такое?

— Помните, Вы учили нас слову *«предполагать»,* сэр? И тому, что оно делает засранцем и Вас, и меня?

— Джулиан, — сказала Маура.

— Но именно так он и говорил.

— К чему Вы, собственно, ведете, мистер Перкинс? — спросил Паскуантонио.

Джулиан выпрямился.

— Я хотел бы забрать тело Германа.

— Оно уже разлагается, — сказал Роман. Он поднял трупик за веревку и забросил его в лес. — Вороны уже начали клевать его, пускай заканчивают.

— Ну, тогда я могу взять этих кукол?

— Я бы побыстрее хотел сжечь эти чертовы штуки. Забудь об этом дурацком происшествии.

— Сжечь их не означает, что загадка улетучится, сэр.

— Почему ты хочешь забрать их, Джулиан? — спросила Маура.

— Потому что сейчас все мы смотрели друг на друга, подозревая каждого. Размышляя, кто настолько ненормален, чтобы сотворить такое.

Он посмотрел на доктора Паскуантонио:

— Это улика, и «Джекелсы» смогут изучить ее.

— Что еще за «Джекелсы»? — опешила Джейн. Она посмотрела на Мауру, которая покачала головой, так же сбитая с толку.

— Это школьный клуб криминалистов, — ответила доктор Уэлливер. — Основан несколько десятков лет назад бывшим учеником по имени Джек Джекмен.

— Именно поэтому он и называется «Джекелсы», — продолжил Джулиан. — Я — новый президент, и это как раз тот тип проектов, которыми занимается наш клуб. Мы изучали брызги крови и следы от шин. Мы сможем провести экспертизу и *этой* улики.

— О, я поняла, — рассмеялась Джейн и бросила взгляд на Мауру. — Это *средняя школа Си Эс Ай*[81]!

— Хорошо, мальчик, — сказал Роман. Он поднял руку с охотничьим ножом и срезал кукол с ветки. Протянул их Джулиану: — Они твои. Забирай.

— Спасибо, сэр.

Загремел гром и Роман взглянул на небо.

— Сейчас нам лучше вернуться в замок, — сказал он. — Я чувствую запах надвигающейся молнии. И никто не знает, куда она ударит.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

— Ты это сделала?

Клэр ждала этого вопроса. Там, на поляне, когда все они стояли, таращась на иву, она поймала взгляд Уилла и прочитала в его глазах вопрос. Он был достаточно сдержан, чтобы в тот момент не произнести ни слова. Теперь, когда они на шаг отстали от других детей, он незаметно подошел к ней и прошептал: — Остальные, они говорят, что это ты.

— Они идиоты.

— Я так им и сказал. Но вчера ночью ты опять выходила.

— Я же сказала тебе, что не сплю. Я не могу спать.

— Почему бы тебе в следующий раз не разбудить меня? Мы могли бы прогуляться вместе.

Она остановилась возле ручья. Капли дождя шлепали по их лицам и выстукивали дробь на листьях.

— Ты хочешь погулять со *мной*?

— Я посмотрел прогноз погоды, предполагается, что завтра будет ясная ночь. Ты сможешь посмотреть в мой телескоп, и я покажу тебе некоторые действительно крутые галактики. Уверен, ты захочешь это увидеть.

— Ты плохо меня знаешь, Уилл.

— Я знаю тебя лучше, чем ты думаешь.

— Ну, конечно. Теперь мы лучшие друзья навек.

Ей не хотелось быть саркастичной, но слова уже вылетели и назад их не возьмешь, пусть Клэр и хотелось бы. Существовало много вещей, которых бы ей никогда не хотелось произносить. Она сделала еще несколько шагов вверх по тропинке, когда заметила, что Уилла рядом с ней уже не было. Обернувшись, Клэр увидела, что он остановился и разглядывал ручей, в котором плескалась и текла по камням вода.

— А почему мы не могли бы ими стать? — тихо произнес Уилл и посмотрел на нее. — Мы не такие, как все. Ты и я, мы оба...

— Психованные.

— Я не это имел в виду.

— Ну, *я-то* по-любому психованная, — сказала она.

— Почему ты так говоришь?

— Все так говорят, включая моего психолога. Хочешь доказательств? — Клэр схватила его руку и прижала к шраму на своей голове. — Чувствуешь? Вот где они вскрыли мой череп. Вот почему я не сплю всю ночь, словно вампир. Потому что у меня повреждение мозга.

Вопреки ее ожиданиям, Уилл не делал никаких попыток вырваться. Его рука задержалась в волосах Клэр, поглаживая шрам, отмечавший ее уродство. Возможно, он был толстым и покрытым прыщами, но внезапно она заметила его славные глаза. Мягкие и карие, с длинными ресницами. Уилл продолжал смотреть на нее, словно пытаясь прочитать ее истинные мысли. Все то, о чем она боялась ему рассказать.

Клэр отбросила его руку и пошла прочь. Продолжала идти, пока тропинка не прервалась на берегу озера. Там она остановилась и уставилась на пятнышки дождя на водяной глади. Надеясь, что Уилл последует за ней. И он пришел, встав рядом. С озера дул холодный ветер, и Клэр, задрожав, обхватила себя руками. Уилл же, казалось, не замечал

холода, несмотря на то, что на нем были лишь джинсы и влажная футболка, облепившая все неприглядные выпуклости его пухлого туловища.

— Было больно? — спросил он. — Получить пулю?

Неосознанно она протянула руку, чтобы коснуться отметки на черепе. Небольшое углубление, положившее конец ее жизни нормального ребенка, который спал всю ночь напролет и получал хорошие оценки. Ребенка, который не произносил неправильных слов в неправильное время.

— Не знаю, ответила она. — Последнее, что я помню, это обед в ресторане с мамой и папой. Они хотели попробовать что-то новое, но я хотела спагетти. Я продолжала канючить: «Спагетти, спагетти». В конце концов, моя мама сказала официанту принести то, чего я желаю. Вот последнее воспоминание о прошлом. Что мама была недовольна мной. Что я ее разочаровала. — Она резко провела рукой по глазам, размазывая теплые полоски на щеках.

На пруду плакал баклан; одинокие, неземные звуки, которые он издавал, вызвали у Клэр комок в горле.

— Я очнулась в больнице, — сказала она. — И мои мама и папа были мертвы.

Его прикосновение было настолько легким, что Клэр не была уверена, не показалось ли ей это. Всего лишь невесомое касание пальцами ее лица. Она подняла голову, чтобы взглянуть в карие глаза Уилла.

— Я тоже скучаю по маме и папе, — признался он.

— Это жуткая школа с жуткими детьми, — заявила Джейн. — Каждый из них очень странен.

Они сидели в комнате Мауры, придвинув кресла поближе к камину, в котором горел огонь. Снаружи хлестал дождь, и ветер гремел оконными стеклами. Хотя она и переоделась в сухую одежду, сырость так глубоко проникла в кости Джейн, что даже жар пламени не мог ее согреть. Она потуже запахнула свитер и посмотрела на картину, висевшую над камином. На ней был охотник, закинувший винтовку на плечо и горделиво опирающийся на лежащего оленя. Мужчины и их трофеи.

— Слово, которое бы я использовала, — сказала Маура, — *преследуемые*.

— Ты имеешь в виду детей?

— Да. Их преследует преступление. Насилие. Неудивительно, что они показались тебе странными.

— Вы размещаете группу детей вроде этих вместе, детей, имеющих серьезные эмоциональные проблемы, и все это лишь укрепляет их странности.

— Возможно, — протянула Маура. — Но также это единственное место, где они находят поддержку. От людей, которые их понимают.

Это было не тем, что ожидала услышать Джейн. Маура, на которую она смотрела сейчас, сидя у костра, казалась другой женщиной. Ветер и влажность превратили ее обычно идеально уложенные черные волосы в спутанную шевелюру. Клетчатая фланелевая рубашка одета навыпуск, манжеты синих джинсов окрашены засохшей грязью. Всего несколько дней в Мэне, и она превратилась в кого-то, кого Джейн не совсем узнавала.

— Чуть раньше ты говорила, что хочешь забрать Джулиана из этой школы, — сказала Джейн.

— Так и есть.

— И что заставило тебя передумать?

— Ты видишь, как он здесь счастлив. И он отказывается уезжать. Вот, что он мне заявил. В шестнадцать лет он уже точно знает, чего хочет.

Маура потягивала чай из чашки, и рассматривала Джейн сквозь клубы пара.

— Помнишь, каким он был в Вайоминге? Диким животным, который все время дрался, и чьим единственным товарищем была собака. Но здесь, в «Ивенсонге», он обрел друзей. Это то место, где ему следует находиться.

— Потому что *все* они здесь со странностями.

Маура улыбнулась, глядя в огонь.

— Может быть, поэтому Джулиан и я связаны. Потому что я и сама со странностями.

— Но в хорошем смысле, — быстро добавила Джейн.

— И в каком же?

— Очень умная. Решительная. Надежная.

— Я начинаю ощущать себя немецкой овчаркой.

— И честная. — Джейн помолчала. — Даже если из-за этого тебе приходится терять друзей.

Маура уставилась в свою чашку.

— Мне придется платить за этот грех вечно. Не так ли?

Какое-то время они молчали, и единственными звуками были дождь, стучащий в окно и шипение огня. Джейн не могла припомнить, когда в последний раз они сидели и спокойно разговаривали только вдвоем. Ее сумка уже была сложена, и сегодня вечером ее ждали в Бостоне, но Джейн не сделала ни одного движения, чтобы уйти. Вместо этого она осталась в кресле, потому что не знала, когда им вновь представится подобный шанс. Жизнь слишком часто была полосой препятствий. Телефонные звонки, семейные кризисы, постоянно мешают другие люди, будь это морг или место преступления. Но в этот хмурый день никакие телефоны не звонили, никто не стучал в дверь, лишь тишина висела между ними, тяжелая от всего невысказанного за эти последние недели, с тех пор, как показания Мауры отправили копа в тюрьму. Полицейские Бостона нелегко прощают такое предательство.

Сейчас на каждом месте преступления Маура вынуждена находиться в атмосфере ледяного молчания и враждебных взглядов, и напряжение на ее лице было очевидным. В свете огня ее глаза казались впалыми, а щеки похудевшими.

— Графф был виновен, — руки Мауры сжались вокруг чашки. — И я бы подтвердила это снова.

— Конечно, ты бы так и сделала. Именно так ты и поступаешь — говоришь правду.

— В твоих устах это звучит, как дурная привычка. Нервный тик.

— Нет, чтобы говорить правду, требуется мужество. Мне стоило быть подругой получше.

— Я не была уверена, *были* ли мы когда-либо подругами. Или в том, способна ли я заводить хоть *каких-то* друзей.

Маура уставилась на огонь, словно ответы на все вопросы можно было найти в этом пламени.

— Возможно, мне стоит остаться здесь. Стать отшельницей и жить в лесу. Здесь так красиво. Я могла бы провести остаток своей жизни в Мэне.

— Твоя жизнь в Бостоне.

— Непохоже, что Бостон когда-либо принимал меня.

— Не города принимают нас. Это делают люди.

— И этих людей я подвели. — Маура вновь уставилась на огонь.

— Это могло случиться где угодно, Маура.

— В Бостоне есть некая твердость. Холодность. До того, как туда переехать, я слышала о чопорности Новой Англии[82], но по-настоящему в это не верила. Затем я перебралась в Бостон и почувствовала, что необходимо пробиться через лед, просто чтобы узнать людей.

— Даже меня?

Маура посмотрела на нее: — Даже тебя.

— Я понятия не имела, что мы источаем подобные вибрации. Полагаю, в солнечной Калифорнии все по-другому.

Взгляд Мауры снова вернулся к огню.

— Мне не стоило покидать Сан-Франциско.

— Теперь у тебя в Бостоне есть друзья. У тебя есть я.

Уголок рта Мауры дернулся в улыбке: — По тебе я буду скучать.

— На самом ли деле проблема в Бостоне? Или только в одном конкретном бостонце?

Им не было необходимости называть его имя; обе они думали об отце Дэниеле Брофи, мужчине, принесшем в жизнь Мауры как радость, так и горе. Мужчине, который, скорее всего, так же глубоко страдал от их опрометчивого романа.

— Просто когда я думаю, что с ним покончено, — сказала Маура, — когда считаю, что, наконец, выбралась из ямы обратно к солнечному свету, то вижу его на месте преступления. И рана в груди открывается снова.

— Тяжело избегать его, когда места смерти — это то, чем вы оба занимаетесь.

Маура издала печальный смешок.

— Здоровый способ построить отношения! В трагедии.

— Между вами все кончено, так ведь?

— Да. — Маура помолчала. — И нет.

— Но вы не вместе.

— И я вижу, как сильно он из-за этого страдает. У него это на лбу написано.

«И у тебя тоже».

— Вот почему я должна покинуть Бостон. Вернуться в Калифорнию или… куда угодно.

— И это все решит?

— Возможно.

— Ты будешь за две тысячи миль от него, но также ты будешь за две тысячи миль от каждого кирпичика, что ты построила за последние несколько лет. Твоего дома, твоих коллег. Твоих друзей.

— Друга. В единственном числе.

— Ты не видела панихиды, которую мы провели, когда думали, что ты умерла. Когда считали тело в гробу твоим. Церковь была переполнена людьми, которые тебя уважают, Маура. Которые переживают за тебя. Да, вероятно, мы никогда не сумеем хорошо показывать свои чувства. Возможно, эти долгие зимы делают всех нас раздражительными. Но у нас есть чувства. Даже в Бостоне.

Маура продолжала смотреть на камин, где медленно умирало пламя, оставляя лишь свечение пепла.

— Еще я знаю кое-кого, кому будет очень жаль, если ты вернешься в Калифорнию, — сказала Джейн. — Он знает о твоих намерениях?

— Он?

— О, Боже, не притворяйся тупицей. Я видела, как он на тебя смотрит. Это единственная причина, по которой Сансоне и Брофи так сильно друг друга не любят. Из-за *тебя*.

Удивление мелькнуло в глазах Мауры, когда она посмотрела на Джейн:
— Энтони Сансоне никогда не входил в число твоих любимчиков.

— Разговор о чудиках. И он — часть этого странного клуба «Мефисто».

— Несмотря на это теперь ты заявляешь мне, что он — причина, по которой я должна остаться в Бостоне.

— Но он стоит того, чтобы задуматься, правда?

— Ничего себе. Он высоко поднялся по твоей шкале.

— По крайней мере, он свободен.

«В отличие от Дэниела Брофи», — было тем, что Джейн не пришлось добавлять.

— И у него есть к тебе чувства.

— Нет, Джейн, — Маура откинулась в кресле. — У него нет чувств.

Джейн нахмурилась: — Откуда ты знаешь?

— Женщина всегда знает.

Ее взгляд снова затуманился, мотыльком перелетел к умирающему пламени.

— В мою первую ночь здесь Энтони тоже появился.

— И что случилось?

— Ничего. На следующее утро у нас была встреча с преподавателями. А потом он уехал опять, в Лондон. Словно призрак, который то появляется, то исчезает из моей жизни.

— Сансоне славится такого рода поступками. Это не значит, что он не проявляет к тебе интереса.

— Джейн, *прошу*. Не пытайся втянуть меня в еще одни нездоровые отношения.

— Я пытаюсь уговорить тебя не уезжать из Бостона.

— Потому что Энтони *настолько* завидный жених?

— Нет, потому что ты нужна Бостону. Потому что ты самый умный судмедэксперт, с которым я когда-либо работала. И потому что... — Джейн вздохнула, — я чертовски скучаю по тебе, Маура.

Остатки березового полена рассыпались, подняв вверх облачко светящегося пепла. Это, и равномерный звук дождя были единственными звуками в комнате. Маура сидела очень тихо, настолько, что Джейн спросила себя, услышала ли Маура то, что она только что сказала. Имеет ли это для нее какое-нибудь значение. Затем Маура посмотрела на нее влажными от слез глазами, и Джейн поняла, что ее слова много значили.

— Я приму это к сведению, — сказала Маура.

— Да, не сомневаюсь, — Джейн снова взглянула на часы. — Мне пора.

— Тебе действительно надо сегодня уехать?

— Я хочу поглубже копнуть дела Уордов и Яблонски, что означает общение с разными юрисдикциями и ведомствами. И большую часть этого мне придется взять на себя, поскольку Кроу не желает тратить на это силы.

— У детектива Кроу катастрофическая нехватка воображения.

— Ты тоже это заметила? — Джейн остановилась. — Я буду звонить каждый день, чтобы удостовериться, что Тедди в порядке. Звони мне, если возникнут какие-либо проблемы.

— Расслабься, Джейн. Это самое безопасное место для него.

Джейн подумала о закрытой дороге и изоляции. О тридцати тысячах акров лесистых дебрей. И о защитниках, которые всегда настороже и наблюдают за всем — об обществе «Мефисто». Есть ли место надежнее, чтобы спрятать ребенка, над которым нависла угроза, чем среди людей, которые знали, насколько опасен может быть мир?

— Я удовлетворена увиденным, — ответила она. — До встречи в Бостоне.

По дороге из замка Джейн задержалась, чтобы навестить Тедди в последний раз. Тот сидел в классе, и она не стала беспокоить мальчика, просто посмотрела через дверь, как Лили Сол взмахами и ударами демонстрирует преимущества испанского меча, который использовали Римские легионы. Тедди выглядел восторженным, его тело наклонилось вперед, словно было готово вскочить со стула и ринуться в бой. Лили заметила Джейн и слегка кивнула, словно говоря: *«Он будет в порядке. Все под контролем»*.

Это было всем, что Джейн хотела увидеть.

Выйдя наружу, она побежала сквозь дождь к своей машине, бросила сумку на заднее сиденье и скользнула за руль. Смахнув воду с лица, она потянулась к карману за четырехзначным кодом безопасности, без которого нельзя открыть ворота.

Все под контролем.

Но когда она выехала из внутреннего двора и проезжала под аркой, ее взгляд поймал что-то вдалеке, что-то в лесу. Мужчину, стоящего среди деревьев. Он был так далеко, что она не могла разглядеть его лица, только фигуру. Одежда мужчины была в таких же серо-коричневых пятнах, как и стволы деревьев вокруг.

Дорога вела ее прямо к нему, и, приближаясь, Джейн не сводила глаз с мужчины, удивляясь, почему он все еще стоит там. Затем дорога повернула и закрыла ей обзор, а когда рощица вновь появилась перед глазами, там никто не стоял. Это был всего лишь обломок дуба с пестрой от лишайника корой, испещренной дырками от дятла.

Джейн остановилась на обочине и опустила стекло. Увидела дождь, капающий с листвы и ветви, покачивающиеся на ветру. Но никакого наблюдателя в лесу, только безжизненный пень, притворяющийся угрозой.

Все под контролем.

Тем не менее, когда она проехала через ворота и направилась на юг сквозь лес, а затем и поля, ее беспокойство все еще не улеглось. Возможно, виноват был безжалостный дождь и тучи, низко нависающие над горизонтом. Возможно, пустынная дорога с заброшенными домами, покосившимися крылечками и заколоченными окнами. Это место навевало ощущение конца света, и она чувствовала себя последним живым человеком на планете.

Звонок ее мобильника разрушил наваждение. «Я снова вернулась в цивилизацию», — подумала она, выискивая телефон в сумочке. Сигнал был слабым, его едва хватало для поддержания беседы, но ей удалось разобрать прерывающийся голос Фроста.

— Твое последнее письмо... говорил с Департаментом Полиции Хиллсборо...

— Хиллсборо? Это насчет тети и дяди Уилла Яблонского?

— ...говорит, это странно... хочет обсудить...

— Фрост? Фрост?

Внезапно его голос зазвучал громко и разборчиво. Наконец-то чудо отличного сигнала.

— Он не имеет ни малейшего представления о том, что все это значит.

— Ты говорил с копом из Хиллсборо?

— Ага. Детектив Дэвид Джи Ваймен. Он заявил, что дело с самого начала показалось ему весьма странным. Я рассказал ему о Клэр Уорд, и тот *заметно* оживился. Он ничего не знал о других детях. Тебе нужно поговорить с ним.

— Можешь встретить меня в Нью-Гемпшире? — спросила Джейн.

Возникла пауза, затем его голос упал.

— Не выйдет. Кроу хочет, чтобы мы сосредоточились на поисках Андреса Сапаты. Я сегодня на посту. У квартиры экономки.

— Кроу по-прежнему считает мотивом ограбление?

— Сапата хорошо выглядит на бумаге. Несколько судимостей за кражу со взломом в Колумбии. У него были доступ и возможность. И на кухонной двери найдены его отпечатки пальцев.

— Но одна вещь не дает мне покоя, Фрост. Эти трое детей.

— Послушай, мы не ждем тебя здесь до завтрашнего дня. У тебя есть время, чтобы сделать небольшой крюк.

Джейн планировала сегодня вечером уже быть дома, поужинать с Габриэлем и поцеловать на ночь Реджину. Теперь оказалось, что она едет в Нью-Гемпшир.

— Не говори Кроу ни слова.

— И не собирался.

— И еще одна вещь. Пробей через БАНСП[83] нераскрытые убийства семей. Особенно произошедшие в том же году, когда были убиты Уорды, Яблонски и Клоки.

— Как считаешь, с чем мы имеем дело?

— Я не знаю, — Джейн уставилась на залитую дождем дорогу. — Но, чем бы это ни было, оно начинает меня пугать.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

К тому времени, как Джейн прибыла на место, дождь прекратился, но серые и тяжелые облака по-прежнему затягивали небо, и с деревьев все еще капало. Никаких других машин вокруг не было. Она вышла из автомобиля и приблизилась к останкам того, что некогда было домом тети и дяди Уилла — Линн и Брайана Темплов. Стоящий за дюжину ярдов отсюда амбар выглядел нетронутым, но жилище теперь представляло собой не более чем груду обугленных бревен. Она стояла на расстоянии от руин, окруженная звуком капающей воды, но почти улавливала запах дыма, все еще поднимающийся от пепелища.

Шины захрустели по гравию, она обернулась и увидела темно-синий внедорожник, остановившийся позади ее «Субару». На мужчине, вышедшем оттуда, был надет желтый дождевик, выглядевший на его массивной фигуре, как четырехместная палатка. Все в нем казалось огромным: от лысой головы до мясистых рук; и, хотя она не боялась его, в этом безлюдном месте Джейн остро осознала его физическое превосходство.

— Детектив Ваймен? — окликнула она.

Он зашагал к ней, шлепая сапогами по лужам.

— А Вы, должно быть, детектив Риццоли. Как прошла Ваша дорога из Мэна?

— Мокро. Спасибо, что согласились встретиться со мной. — Она взглянула на руины. — Это и есть, то, что Вы хотели мне показать?

— Я посчитал, что первым делом надо встретиться здесь, пока не село солнце. Так Вы сможете тут осмотреться.

С минуту они просто стояли рядом, молча рассматривая разрушенный дом. В поле позади пепелища гулял олень, бесстрашно разглядывающий их. Он еще не был знаком с треском винтовки и свистом пули.

— Они казались достойными гражданами, — сказал детектив Ваймен. — Спокойные. Хорошо следили за фермой. Ни разу не привлекали нашего внимания. — Он помолчал и иронически покачал головой. — Это одно из определений *достойного гражданина*, как мне кажется.

— Так, значит, Вы лично не знали семью Темпл.

— Я слышал, что появилась новая пара, которая арендовала прежнее жилище МакМюррея, но сам никогда с ними не встречался. Вроде бы у них не было постоянной работы, поэтому мало кто из города был знаком с этой парой, помимо их агента по недвижимости. Они сказали ей, что искали по всей стране спокойное местечко, такое, чтобы их племянник мог гулять на природе и дышать свежим воздухом. Служащие на заправке и в продуктовом магазине видели их в городе, но для всех остальных Темплы, по большей части, оставались невидимками.

— А что насчет их племянника, Уилла? Он должен был обзавестись друзьями.

— Домашнее обучение. Не было возможности пообщаться с местными детишками. Кроме того, подозреваю, что он был в некоем роде не таким, как все.

— В каком смысле?

— Выглядел огромным и неуклюжим. Настоящий ботан, если Вы понимаете, о чем я. В ту ночь, когда все произошло, он сказал мне, что стоял вон там, посреди поля, —Ваймен указал на пастбище, где неторопливо щипал травку одинокий олень. — Он расставил этот необычный телескоп, и смотрел на звезды или что-то в этом роде. А, сейчас я вспомнил. Он искал кометы.

Ваймен рассмеялся:

— У меня у самого два подростка. И последнее, что бы они захотели сделать субботней ночью — это потащиться в поле, где нет телевидения и Фейсбука.

— Итак, Уилл просто стоял один в этом поле, глядя на небо. И дом взорвался.

— Вот, в общем-то, и все. Я предположил, что это был просто несчастный случай. Паровой котел, баллон с пропаном, что-то вроде этого. После начальник пожарной охраны проверил их, и нашел нечто, похожее на зажигательное устройство. После этого мы и позвонили в отдел по особо тяжким преступлениям штата. Все это есть в моем отчете. Я захватил копию для Вас. Она в машине.

— Их племянник Уилл. Что Вы о нем думаете? За исключением того факта, что он ботан.

— Разумеется, я долго изучал мальца. Интересовался, были ли у него трудности с тетей и дядей, хотел ли он выйти из-под их контроля. Но мы абсолютно уверены, что он не мог этого сделать.

— Вы только что сказали мне, что он — смышленый парнишка. Вероятно, он мог бы разузнать, как смастерить бомбу.

— Не такую, как эта.

— А что в ней особенного?

— Начнем с того, что это Семтекс.

Это поразило Джейн:

— Пластиковая взрывчатка?

— Весьма сложной конструкции. По данным ФБР, детали были французскими. Не то, что бы использовал четырнадцатилетний ребенок, чтобы убить своих тетю и дядю.

Джейн нахмурилась, разглядывая почерневшие бревна. На ум приходил единственно возможной вывод. *Это сделал профессионал.*

— Расскажите мне о Темплах, — произнесла она.

— Они были единственными родственниками мальчика. Линн Темпл приходилась сестрой его матери. Работала библиотекарем недалеко от Балтимора. Брайан Темпл был физиком, работал в НАСА — Центр космических полетов имени Годдарда в Мэриленде, там же, где и отец Уилла Яблонски. Мужчины были друзьями и коллегами, и пары были достаточно близки. После того, как родители мальчика погибли в автокатастрофе, Линн и Брайан получили опеку над Уиллом. Что произошло после этого, представляет своего рода загадку.

— Что Вы имеете в виду?

— Через несколько дней после того, как родители мальчика погибли в аварии, Брайан и Линн уволились с работы. Вот так запросто Брайан бросил свою двадцатилетнюю карьеру в НАСА. Они упаковали свои вещи, отправили мебель на склад и покинули Балтимор. А несколько месяцев спустя поселились здесь.

— Без работы? И на что же они жили?

— Еще один хороший вопрос. На момент смерти Темплов их банковский счет равнялся пятистам тысячам долларов. Я не знаю, какая зарплата в НАСА, но это очень неплохая заначка даже для физика.

Дневной свет угасал. Из леса появились еще два оленя — самка с детенышем, но они осторожничали, разглядывали двоих людей, прежде чем отважиться шагнуть в поле. В преддверии сезона охоты осторожность может оказаться особым качеством, которое поможет им выжить. *Но когда ты поймаешь на себе взгляд охотника, тебя уже ничто не спасет.*

— От чего убегали Темплы? — спросила она.

— Не знаю, но то, что они убегали — совершенно очевидно. Возможно, они что-то знали о той авиакатастрофе.

— Тогда почему было не пойти в полицию?

— Понятия не имею. Я говорил с детективом из Мэриленда, который расследовал смерть Яблонски, но тот казался сбитым с толку так же, как и я.

— Уилл знал, почему тетя и дядя привезли его сюда?

— Они сказали ему, что Балтимор — опасный город, а им хотелось жить в спокойном месте. Вот и все.

— И вот где они в итоге закончили жизнь, — произнесла она, думая о рушащихся бревнах и жгучем пламени. Адская смерть на краю тихого леса.

— Дело в том, что это безопасный город, — ответил Ваймен. — Мы имеем дело со случаями вождения в нетрезвом виде, наши глупые подростки совершают глупые поступки. Иногда кража со взломом или какая-то семья навешает друг другу тумаков. Вот и вся наша полицейская хроника. Но такое? — он покачал головой. — Я прежде никогда не сталкивался ни с чем подобным. И, надеюсь, никогда больше не столкнусь.

На поляне появились новые силуэты. Целое стадо оленей бесшумно двигалось в сумерках. Для городской девушки вроде Джейн это казалось волшебным зрелищем. Здесь, где дикие олени чувствовали себя достаточно уверенно, чтобы бродить в поле зрения людей, Темплы, должно быть, решили, что обрели собственный заповедник. Место, где они смогли бы обосноваться, неизвестные и неприметные.

— Мальчик выжил всего лишь по счастливой случайности, — заявилВаймен.

— А Вы уверены, что это было простое везение?

— Как я уже говорил, я какое-то время рассматривал его в качестве подозреваемого. Так сказать, в рабочем порядке. Но этот мальчик, он и впрямь был потрясен. Мы нашли его телескоп посреди поля, где, по его словам, он его и оставил. В ту ночь небо было кристально-ясным, как раз такое, чтобы установить телескоп. И он как следует обжегся, пытаясь спасти своих тетю и дядю.

— Как я понимаю, проезжавшая автомобилистка привезла его в больницу.

Ваймен кивнул:

— Женщина ехала мимо и увидела пламя. Она отвезла ребенка в отделение скорой помощи.

Джейн обернулась, чтобы взглянуть на дорогу.

— Последний дом, который я увидела, находится примерно в миле отсюда. Значит, эта женщина живет там?

— Мне так не кажется.

— Вы не знаете?

— Мы с ней не разговаривали. Она оставила мальчика и уехала. Оставила медсестре свой номер телефона, но произошла некая путаница. Когда мы позвонили по номеру, трубку взял какой-то парень из Нью-Джерси, и он понятия не имел, о чем идет речь. На тот момент мы вообще не думали, что это преступление. Считали все несчастным случаем, поэтому не акцентировали внимание на розыске свидетелей. И лишь позже, узнав о Семтекс, поняли, что имеем дело с убийством.

— Она могла заметить что-то той ночью. Возможно, даже проезжавшего по дороге убийцу.

— Нам не удалось разыскать женщину. И мальчик, и медсестра «скорой помощи» описали ее как стройную блондинку примерно сорока лет. Мы искали ее на записи больничных камер видеонаблюдения, но тщетно, — Ваймен поднял глаза, когда закапал дождь. — Так что она осталась для нас загадкой. Это дело словно айсберг, у которого над водой торчит лишь верхушка. А внизу целая глубокая история, которую мы не можем разглядеть.

Он натянул капюшон на голову, укрываясь от дождя.

— В машине лежит папка, которую я взял для Вас. Почему бы Вам не посмотреть ее и не перезвонить, если возникнут вопросы.

Джейн взяла толстую пачку бумаги, которую он передал ей.

— Вообще-то, у меня есть еще один вопрос. О том, как Уилл оказался в «Ивенсонге».

— Я думал, Вы только что оттуда приехали. Они Вам не рассказали?

— Школьный психолог сообщила, что Уилла поместила к ним служба опеки Вашего штата.

— Самое чертовски быстрое размещение, что я когда-либо видел. Спустя день после пожара, пока ребенок все еще был в больнице, мне поступил звонок из канцелярии губернатора. Они поместили мальчика под особую охрану. Затем приехал какой-то парень в машине без опознавательных знаков, забрал парнишку и был таков.

— Какой-то парень?

— Высокий и темноволосый малый. Одет во все черное будто вампир.

Во все черное. *Энтони Сансоне.*

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

— Объявляю заседание «Джекелсов» открытым, — провозгласил Джулиан.

Маура наблюдала за тем, как шестеро мальчиков рассаживаются по местам в кабинете химии. Благодаря тому, что в столовой все они сидели за одним столом с Джулианом, Маура знала их всех по именам. Во втором ряду разместился Бруно Чинн, который, казалось, ни минуты не мог усидеть на одном месте, и даже сейчас продолжал ерзать и дергаться на стуле. Рядом с ним совершенно неподвижно сидел Артур Тумбс, сложив на парте свои испещренные рубцами от ожогов руки. Эти шрамы, как ей рассказали, были уродливыми сувенирами от родного отца. Возле двери расположился Лестер Гримметт, мальчик с манией поиска быстрых путей отступления. Быстрый прыжок из окна когда-то спас ему жизнь, и он всегда, всегда выбирал место рядом с выходом. А в первом ряду сидели два новых члена «Джекелсов» — Уилл Яблонски и Тедди Клок. Их истории Маура знала слишком хорошо.

«Шесть мальчиков, шесть трагедий», — подумала Маура. Но жизнь продолжалась, и они были здесь, кто-то травмирован, но все выжили. Этот клуб был их способом борьбы с утратами, с плохими воспоминаниями, методом, помогающим даже беспомощным детям ощутить себя воинами.

Но в роли борцов с преступностью они выглядели довольно невыразительной кучкой.

Лишь Джулиан выделялся, высокий и представительный, президент клуба, который и выглядел соответственно. Хотя Джейн и высмеяла «Джекелсов», назвав их *средней школой Си Эс Ай*, было очевидно, что Джулиан более чем серьезно относился к своей роли президента клуба. И остальные мальчики в комнате выглядели ничуть не менее сосредоточенными.

— Сегодня, джекелсы, к нам присоединился *настоящий* судебный эксперт, — объявил Джулиан. — Доктор Айлз работает в управлении судмедэкспертизы Бостона, где проводит вскрытия. Она доктор медицинских наук. Судебный патологоанатом. Ученый. И…

Он посмотрел на нее с гордостью.

— Она мой друг.

Мой друг. Два таких простых слова, но то, как он их произнес, имело для них обоих гораздо более глубокое значение. Она поднялась и, улыбаясь, обратилась к клубу с таким же уважением, с каким и они смотрели на нее.

— Спасибо, что представил меня, Джулиан. Как он уже сообщил вам, я — патологоанатом. Я работаю с мертвыми. Исследую человеческие останки на столе для вскрытия и рассматриваю ткани под микроскопом, чтобы понять, отчего умерли люди. Было ли это естественным результатом болезни. Или вызвано травмой либо токсинами. Ядами. Учитывая мои научные познания в медицине, я могу посоветовать вам…

Она замолчала, краем глаза уловив движение в коридоре. Промелькнувшие светлые волосы.

— Клэр? — позвала она. — Не хочешь к нам присоединиться?

Все мальчишки сразу же повернулись к входу. Клэр не удалось ускользнуть незамеченной, поэтому девочка пожала плечами так, словно все равно никаких дел поинтереснее у нее на данный момент не было. Она проследовала в первый ряд и равнодушно опустилась на стул рядом

с Уиллом. Все мальчики по-прежнему рассматривали это экзотическое существо, которое только что вторглось на их территорию. «Несомненно, — подумала Маура, — Клэр Уорд была странной девочкой». Со своими светлыми волосами и бесцветными ресницами она выглядела потусторонней, словно некая лесная нимфа. Но скучающее выражение на ее лице и опущенные плечи выдавали стопроцентного американского подростка.

Клэр взглянула на молчащих мальчишек.

— Так вы, ребята, и впрямь чем-то *занимаетесь* на этих собраниях или просто таращитесь?

Джулиан ответил:

— Мы собираемся обсудить то, что обнаружили на иве.

— Я не имею с этим ничего общего. Независимо от того, что болтают некоторые.

— Мы всего лишь изучаем улику, Клэр. Куда бы она нас ни привела. — Он посмотрел на Мауру. — Мне кажется, раз уж ты судмедэксперт, то могла бы начать с рассказа о причине смерти.

Маура нахмурилась:

— Причине смерти?

— Петух, — выкрикнул Бруно. — Мы уже знаем, что это было убийство. Или куроубийство, как Вы могли бы его назвать. Но *как* он умер?

Маура посмотрела на лица, наблюдающие за ней. «Они серьезны, — подумала она. Они и впрямь воспринимают это как расследование убийства».

— Вы же осмотрели его, — сказал Артур. — Разве нет?

— Очень бегло, — призналась Маура. — Прежде чем мистер Роман избавился от останков. И, основываясь на угле, под которым была вывернута его шея, я бы сказала, что она явно сломана.

— Таким образом, это смерть от удушения либо от травмы спинного мозга?

— Она всего лишь сказала, что шею свернули, — возразил Бруно. — Я бы поставил на неврологию, а не на асфиксию.

— А что насчет приблизительного времени смерти? — спросил Лестер. — Вы знаете, каким был посмертный интервал[84]?

Маура переводила взгляд от одного лица к другому, ошарашенная потоком вопросов.

— Время смерти всегда сложно установить, если нет свидетелей. У людей мы смотрим на ряд показателей. Температура тела, трупное окоченение, посмертное изменение цвета кожи…

— Вы никогда не пытались рассматривать стекловидное тело у птиц? — поинтересовался Бруно.

Она уставилась на него:

— Нет. Нет, не пыталась. Признаюсь, что не особо много знаю о куриной патологии.

— Ну, по крайней мере, у нас есть причина смерти. Но что заставило выпотрошить его? Зачем было вытаскивать его кишки и вешать его на дереве?

Точно такой же вопрос я задала себе на поляне.

— Этот вопрос остается главным, — сказал Джулиан. — Сейчас же нам необходимо придерживаться вещественных доказательств. Я вернулся в лес, чтобы попытаться найти тело, но, видимо, его утащили стервятники, поэтому останки изучить не получится. Плюс я попробовал отыскать отпечатки обуви возле курятника, но, к сожалению, практически все размыло дождем. А посему, я полагаю, переходим к тому, что вам удалось обнаружить, ребята.

Он перевел взгляд на Бруно:

— Не хочешь продолжить?

Когда Бруно вышел в центр класса, Маура села, чувствуя себя ученицей, не выполнившей домашнее задание. Она понятия не имела, чем собирался поделиться энергичный и немного нервный Бруно. Мальчик натянул перчатки из латекса и потянулся к свертку из оберточной бумаги. Он извлек оттуда три куколки из веток, к шеям которых все еще были привязаны бечевки, и положил их на лабораторный стол из нержавейки. «Что за пустяковины», — подумала она, взглянув на них сейчас. В ярком флуоресцентном свете классной комнаты красновато-коричневые брызги были похожи на потеки грязи, а вовсе не на кровь. Свисая с ивы и крутясь на ветру, куклы казались зловещими.

Теперь же они потеряли свою власть и превратились в то, чем и являлись: всего лишь пучки веток.

— Здесь у нас представлены А, Б и В, — произнес Бруно. — Человеческие фигурки, изображающие двух мужчин и женщину. Сделаны из разных веток и коры, связанных между собой бечевкой. Я уточнил, это — шпагат. И выяснил, что он сделан из джута[85]. Еще я обнаружил образцы такого же шпагата в конюшне, где тот используется, чтобы перевязывать тюки прессованного сена для лошадей.

Он сунул руку в карман и вытащил образец бечевки:

— Видите? Они идентичны. Из нашей собственной конюшни!

Он снова сел.

— Артур, продолжишь? — предложил Джулиан.

— Я идентифицировал ветки, — заявил Артур, поднимаясь. — Кору, из которой сделана юбка, было легко определить. Это *Betula papyrifera*[86], американская белая береза. Ветки вычислить оказалось не так просто, и их две разновидности. Основываясь на гладкой зеленой коре и заостренных почках, думаю, некоторые из них — это *Fraxinus nigra*[87], черный ясень. Другие ветки я попытался идентифицировать по их звездообразной сердцевине. Думаю, это бальзамический тополь[88]. Все эти деревья растут вдоль ручья.

— Хорошая работа, — похвалил Джулиан.

Маура пристально разглядывала Артура, пока тот усаживался на место, и размышляла: «Этот пятнадцатилетка знает о деревьях больше, чем я когда-либо узнаю». *Средняя школа Си Эс Ай* оказалась гораздо более впечатляющей, чем она себе представляла.

Лестер поднялся со стула, но не встал в центре класса. Он остался рядом с выходом, где чувствовал себя в безопасности.

— Я осмотрел веревку, при помощи которой жертву подвесили высоко на ветвях. Мне пришлось вернуться и взобраться на дерево, чтобы получить образец, раз уж мы не смогли разыскать Германа… жертву… в лесу.

— И что ты узнал о веревке? — спросил Джулиан.

— Ее длина составляет четверть дюйма, сделана из белого нейлона с алмазным плетением[89]. Универсальна, очень прочная. Устойчива к гниению и плесени, — Лестер помолчал. — Я искал источник повсюду. И нашел целый моток в сарае.

Он сел.

— Мы установили, что все материалы, необходимые для изготовления этих кукол, можно найти прямо здесь, на территории школы. Ветки. Шпагат. Веревку.

Джулиан обвел глазами кабинет.

— Итак, теперь перейдем к самой сложной части: ответу на вопрос, ранее заданный Лестером. Почему? Зачем кому-то было убивать петуха, вскрывать ему брюхо и потрошить? Зачем вешать на дороге, по которой мы ходим почти каждый день? В месте, где мы бы точно наткнулись на него? — он ждал ответа.

Артур произнес:

— Кто-то жаждет внимания.

— Или ненавидит петухов, — добавил Бруно, многозначительно поглядывая на Клэр.

— Религиозный обряд, — предположил Уилл. — Как в сантерии[90]. Они ведь убивают куриц?

— Психопат убивает животных ради развлечения, — сказал Лестер. — Возможно, он наслаждается этим. Может, даже испытывает острые ощущения, а значит, проделает это снова.

Лестер помедлил:

— В следующий раз это может быть уже не курица.

Из-за этих слов в классе воцарилась тишина.

Первой ее нарушил Тедди:

— Я думаю, это сообщение, — произнес он.

— И что оно означает? — спросил Джулиан.

— Он пытается нам что-то сказать. Пытается предупредить нас, — голос Тедди понизился до шепота. — Кто-нибудь еще задумывался о том, почему кукол было три?

Маура посмотрела на связку куколок. Затем перевела взгляд на Клэр, сидящую в первом ряду между Уиллом и Тедди.

Двое мужчин. Одна женщина.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

— Я не особо дружу с географией, Риццоли, поэтому помоги мне разобраться, — сказал детектив Кроу. — Насколько я помню, Нью-Гемпшир не входит в нашу юрисдикцию.

Джейн посмотрела на детективов вокруг стола, собравшихся на командное совещание. Фрост и Мур сидели к ней лицом, но ни один из них не горел желанием сражаться с Кроу сегодняшним утром. По сути, всей команде, казалось, надоело конфликтовать. Каждому досталось от Кроу, но только она была готова бросить ему вызов. Единственная, кто по-настоящему наслаждалась противостоянием в этом затяжном бою.

— Я всего лишь перечисляю все параллели с делом Акерманов, — ответила она. — Два года назад Яблонски погибли, когда взорвалась бомба в их частном самолете.

— Который разбился в Мэриленде, — заметил Кроу.

— Помимо этого, два года назад в перестрелке погибли родители Клэр Уорд…

— В Лондоне, — рассмеялся Кроу. — Ради всего святого, это же другая *страна*.

— … и оба происшествия произошли *на той же неделе*, когда в Сент-Томас напали на семью Тедди Клока. Три семьи, Кроу. Все убиты с интервалом в несколько дней. Теперь же, два года спустя, на всех единственных выживших членов семей напали вновь. Словно кто-то жаждет уничтожить всю родовую линию. И эти трое детей — те, кто умрут последними.

— Что ты предлагаешь, Риццоли? Хочешь слетать в Мэриленд и провести за них расследование?

— Перелет в Мэриленд был бы началом.

— И что дальше, Лондон? Департамент полиции Бостона будет *счастлив* оплатить этот счет. Ах, и не стоит забывать о Сент-Томас. Кому-то необходимо проверить и *тот* случай.

Фрост поднял руку:

— Вызываюсь добровольцем на Сент-Томас.

— Я не отпрашиваюсь на пикники в Лондоне и Сент-Томасе, — ответила Джейн. — Я всего лишь прошу уделить этому немного времени. Мне кажется, существуют связи, которых мы просто-напросто не замечаем. Нечто, связывающее воедино Уордов, Яблонски и Клоков.

— Всемирный заговор, — хмыкнул Кроу. — Верно.

— Это требует более глубокого изучения.

— Нет. Мы сосредоточены на Андресе Сапата. Внезапно он исчез, и по мне, это звучит как «виновен».

Кроу посмотрел на Фроста:

— Что у нас по его телефонным звонкам?

Фрост покачал головой:

— Не пользовался мобильником со времени убийства Акерманов. Предполагаю, он выбросил его либо уже вернулся в Колумбию. В телефонных звонках Марии я не обнаружил ничего подозрительного.

— Тогда у нее есть другой способ, чтобы связаться с ним. Электронная почта. Посредник. Поэтому нам надо изучить друзей ее друзей. Получили какие-нибудь новые сведения в ходе нашего утреннего совещания?

Мур кивнул:

— Мы попробуем проверить каждое из них.

— Вы знаете, что говорил магистр Йода[91]. *Нет, не пробовать. Сделать или нет. Не пробовать*[92].

Кроу бросил взгляд на часы и резко поднялся, поправляя галстук.

— Меня ждет репортер, — пояснил он и вышел из комнаты.

— Как считаешь, нам следует расширить дверной проем? — спросила Джейн. — Пока его голова не станет такой огромной, что перестанет проходить в него.

— Думаю, уже слишком поздно, — ответил Мур. Даже у него, славящегося своим терпением, на лице было написано отвращение, пока он собирал бумаги и складывал их в свой портфель. В последнее время Мур часто говорил о выходе на пенсию, возможно, это дело, наконец, подтолкнет его к уходу.

— Что ты думаешь о Сапате? — спросила его Джейн.

— У Андреса Сапаты есть все, что так нравится Кроу в подозреваемых. Доступ, возможность, судимости. И отсутствует «грин-карта»[93].

— Ты не выглядишь уверенным.

— Но я не располагаю и убедительными аргументами, чтобы опровергнуть это. На данный момент, Сапата — наш парень, — Мур щелчком застегнул портфель и поплелся к двери с видом уставшего чиновника.

— Господи, — сказала она Фросту. — Что *с ним* произошло?

— Ты не в курсе, что тут творилось в последние несколько дней, — ответил Фрост. — От компании Кроу особого удовольствия не получишь.

Джейн села, постукивая ручкой по папкам, которые она принесла на совещание. Подумала обо всех тех часах, которые посвятила изучению Уордов и Яблонски.

— Скажи, что я попала в точку, Фрост. Скажи, что во всем этом есть нечто странное.

— В этом есть нечто странное.

— Спасибо.

— Но это не означает, что все дела связаны. Я пробил их по БАНСП. Просмотрел сотни семей, убитых по всей стране. Мне жаль, но у этих трех семей многочисленная компания.

— Но *вторые* нападения выделяют эти три семьи из других. Словно старуха с косой не желает сдаваться, пока не закончит свою работу. Как мы это объясним?

— Не каждая безумная вещь имеет объяснение. Иногда просто так случается.

— Мне никогда не нравился такой ответ. Подобное я говорю своему ребенку.

— И Реджину это устраивает, верно?

— Не значит, что и меня тоже.

Ее мобильник зазвонил. Джейн увидел номер Кроу на дисплее и застонала. Взглянула на Фроста и закатила глаза, пока отвечала:

— Риццоли.

— Они заметили Сапату в квартире в Роксбери[94]. За Марией велось наблюдение, и гребаный придурок объявился. Приезжайте немедленно, мы окружили дом.

Десять минут спустя Джейн и Фрост припарковались у забора из металлической сетки и выбрались из машины. Кроу уже был там, напыщенный, словно генерал МакАртур[95], наставляющий свои войска, состоящие из детективов Арбато и Мура да двоих патрульных.

— Главный вход прямо за углом, — пояснил Арбато, указывая на четырехэтажный дом из красного кирпича. — Кэхилл следит за входной дверью. Подозреваемый еще не вышел.

— Мы уверены, что это Сапата? — спросил Мур.

— Если и нет, то у него есть двойник. Мария вышла из автобуса в двух кварталах отсюда и направилась прямо по этому адресу. Полчаса спустя Сапата пересек вон ту парковку и вошел в здание.

— У Вас есть список жильцов? — спросила Джейн.

— Ага. Там двадцать четыре квартиры, пять из них пустуют.

— Есть какие-нибудь испанские имена? — поинтересовался Кроу. — Их надо проверить в первую очередь.

Один из патрульных рассмеялся:

— Эй, приятель, это дискриминация!

— Так предъяви мне иск.

— Я могу взглянуть на этот список? — попросил Фрост и принялся просматривать имена. — Здесь живет Филбрук.

— Ага, этот точно *настоящий* латиноамериканец, — хохотнул патрульный.

— У Марии есть сестра, — Фрост посмотрел наверх. — Она замужем за Филбруком.

— Должно быть, он там, — произнес Кроу. — Какая квартира?

— Здесь сказано, что двести десятая.

— Это в задней части здания, — пояснил Арбато. — Код безопасности для входа в задание — один, два, семь.

— Арбато, — приказал Кроу. — Вы и два этих офицера останетесь у выхода. Остальные, *вперед*.

Любой, кто заметил бы их, видел бы каждый шаг Кроу, Мура, Фроста и Джейн, которые вместе двигались к главному входу. Но те, кто находились в квартире 210, располагающейся в задней части здания, оставались слепы к тому, что направлялось прямо к ним. Кроу нажал «1-2-7» на входной панели, и замок щелкнул. Когда Джейн проследовала за ним внутрь, ее сердце заколотилось, а руки начали потеть. Все может пройти с легкостью или же превратиться в кровавую бойню. Что означало, это могут быть последние секунды, которые она когда-либо отсчитывала, переставляя вверх по потертой лестнице свои туфли и держа «Глок» в руках. Спина Фроста маячила прямо перед ней, его кевларовый жилет выпирал из-под рубашки. Все эти детали Джейн отмечала со скоростью щелчка, десятки мелочей одновременно.

Они поднялись на второй этаж. Квартира 210 находилась дальше по коридору. Дверь позади Джейн внезапно открылась, и она развернулась вместе с оружием. Молодая женщина попятилась, схватила ребенка, ее темные глаза расширились от ужаса.

— Оставайтесь внутри! — прошипела Джейн. Женщина мгновенно испарилась и захлопнула за собой дверь.

Кроу уже подобрался к квартире 210. Он помедлил, бросив беглый взгляд на свою команду.

— Риццоли, — прошептал он. — Твой выход. Проведи нас туда.

Джейн знала, почему он выбрал ее. Женское лицо и голос не воспримут как угрозу. Она вздохнула и нажала на дверной звонок. Встала достаточно близко к глазку, чтобы полностью закрыть собой обзор. К несчастью, тому, кто находился внутри, это также упрощало задачу выпустить ей пулю в голову. Она заметила быстрое движение в глазке: кто-то смотрел на нее.

Дверь распахнулась. Появилась испанка, круглолицая, чуть за сорок, настолько похожая на экономку Акерманов, что Джейн догадалась: это, должно быть, сестра Марии.

— Миссис Филбрук? — произнесла Джейн.

Женщина заметила других детективов в коридоре и закричала:

— Мария!

— Вперед, вперед! — рявкнул Кроу, отталкивая Джейн и врываясь в квартиру.

Слишком много всего происходило одновременно. Детективы пронеслись через квартиру. Сестра Марии кричала и причитала на испанском. Когда Джейн бежала по направлению к соседней комнате, то мельком увидела запачканный ковер, полосатый диван и манеж.

Дети. В этой квартире есть дети.

Джейн бросилась в спальню, где тяжелые шторы создавали такой густой полумрак, что она чуть не упустила ютившиеся в углу фигурки. Женщина обнимала двух малышей, плотно закрыв их всем телом, словно защищая от любого вреда своей собственной плотью.

Мария.

Шаги зазвенели по металлу.

Джейн нырнула в другую дверь, ведущую во вторую спальню, где Мур через открытое окно карабкался на пожарную лестницу.

— Сапата? — спросила Джейн.

— Взбирается вверх по лестнице!

Почему вверх?

Она высунула голову в окно и увидела Арбато и Кэхилла, которые стояли в переулке внизу с оружием наготове. Она подняла глаза, заметив трех членов своей группы, которые продолжали погоню, поднимаясь по лестнице.

Она пробежала обратно через квартиру и бросилась к лестнице. Если Сапата доберется до крыши, там она его и перехватит. Джейн перепрыгивала через две ступеньки разом и заметила открытую дверь с задвижкой, пока неслась через последний пролет со стучащим сердцем и вздымающейся грудью.

Она выскочила через дверь в яркий полуденный свет. Увидела Сапату, который перелез через край и встал обеими ногами на крышу.

— Стоять! — закричала она. — Полиция!

Он замер, уставившись на нее. Сапата был безоружен. Линялые синие джинсы, мятая рубашка на пуговицах с разорванным рукавом. Несколько секунд только они двое были на этой крыше. Джейн увидела отчаяние в его глазах, сменяющееся твердой и мрачной решимостью.

— Руки вверх! — проорал Кроу, когда он и Фрост взобрались на крышу позади Сапаты.

Ему некуда было бежать. Один коп впереди, двое позади, и все они вооружены. Джейн заметила, как подогнулись ноги Сапаты, и подумала, что тот вот-вот опустится на колени в знак капитуляции. Его следующий шаг потряс ее.

Он бросился влево и побежал к дальнему краю крыши. Поближе к узкому переулку, разделявшему здания. Только скачок олимпийского класса мог помочь мужчине благополучно пересечь эту пропасть.

Тем не менее, он прыгнул, оттолкнувшись от края крыши в направлении соседнего здания. На мгновение он, казалось, повис в воздухе, его тело вытянулось как при прыжке ласточкой в воду, что почти перенесло его через пропасть.

Джейн подошла к краю. Увидела Сапату, отчаянно цепляющегося за водосток соседнего дома, в то время как его ноги болтались на уровне четвертого этажа.

— Иисусе, он спятил? — воскликнул Фрост.

— Арбато, давай к соседнему дому! — прокричал Кроу, наклонившись вниз к улице, и два детектива побежали по переулку.

По прежнему свисающий с водостока Сапата пытался подтянуться, стараясь нащупать ногами опору на стене. Зацепился одной ногой, соскользнул. Снова зацепился. В тот момент, когда его нога нащупала карниз, водосток оторвался от крыши.

Джейн закрыла глаза, но не смогла заглушить лязг падающего металла или стук тела Сапаты, ударившегося о тротуар.

Где-то закричала женщина.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Мария Салазар, сгорбившись, сидела за столом для допросов, опустив голову и утирая слезы. В молодости Мария, должно быть, была невероятно красива. В свои сорок пять она все еще была привлекательна, но через одностороннее зеркало Джейн могла разглядеть седые корни

волос на макушке Марии. Ее руки, сложенные на столе, были крупными, но с подтянутыми мышцами, натренированными годами работы по хозяйству. В то время как она чистила, полировала и подметала чужие дома, что за обиды кипели внутри нее? Пока она стирала пыль с антикварной мебели Акерманов и пылесосила персидские ковры, приходило ли ей в голову, что всего одна из их картин, единственное изумрудное ожерелье из шкатулки миссис Акерман, может заставить исчезнуть все ее финансовые проблемы?

— Никогда, — простонала Мария в соседней комнате. — Я никогда ничего не крала!

Кроу, играющий с Муром в плохого и хорошего полицейских, наклонился ближе, оскалив зубы в неприкрытой агрессии.

— Вы отключили систему безопасности для своего дружка.

— Нет.

— Оставили дверь кухни незапертой.

— Нет.

— Состряпали себе надежное алиби, оставшись нянчиться с детьми Вашей сестры, в то время как Андрес проскользнул в дом Акерманов. В ту ночь он лишь собирался их ограбить или убийство изначально входило в ваши планы?

— Андрес, он никогда бы никому не навредил!

— Его отпечатки пальцев остались на кухонной двери. Они *внутри* кухни, — Кроу наклонился еще ниже, и Мария отшатнулась. Джейн почти пожалела женщину, так как немногое зрелище было отвратительнее рычания Даррена Кроу, наклонившегося к вашему лицу. — Он был в доме, Мария. Просто вошел через эту кухонную дверь.

— Он принес мой мобильник! В то утро я забыла его дома, поэтому он и пришел.

— И оставил свои отпечатки пальцев внутри кухни?

— Я налила ему кофе. Я чистила плиту, и он посидел со мной минутку.

— И миссис Акерман нормально к этому отнеслась? К незнакомцу, сидевшему на ее кухне?

— Она не возражала. Миссис Акерман, она всегда была добра ко мне.

— Да ладно. Разве Акерманы не были, как и любые другие богачи полными засранцами? Платили гроши, пока Вы на коленях чистили их туалеты?

— Нет, они хорошо ко мне относились.

— У них была куча денег, а посмотрите на себя, Мария. Выбиваетесь из сил, чтобы платить по счетам. Это так несправедливо. Вы заслуживаете большего, не считаете?

Она помотала головой:

— Вы все придумываете. Это неправда.

— *Правда* в том, что Андрес имел судимости в Колумбии. Контрабанда наркотиков. Кража со взломом.

— Он никогда не причинял никому вреда.

— Все бывает в первый раз. Возникает искушение, когда речь идет о таких богачах, как Акерманы. Все эти замечательные вещицы, которые можно у них забрать, — он вытащил пакет для улик из коробки, которую принес с собой в комнату. — Мы обнаружили их в Вашей квартире, Мария. Прекрасные серьги из жемчуга. Как Вы смогли их себе позволить?

— Миссис Акерман подарила их мне. На Рождество.

— *Подарила* их Вам? Ну да, конечно.

— Она *подарила.*

— Они стоят около пятисот баксов. Довольно неплохой бонус.

— Они ей разонравились. Сказала, что я могу забрать их себе.

— Или она вдруг узнала, что Вы их украли? Возможно, по этой причине Андресу и пришлось убить их. Чтобы заставить замолчать, и чтобы Вас не арестовали.

Голова Марии поднялась, ее глаза были опухшими и влажными, лицо покраснело от гнева:

— Вы *дьявол!*

— Я всего лишь пытаюсь сделать этот город безопасным.

— С помощью лжи? Вы не знаете меня. Вы не знаете Андреса.

— Я знаю, что он преступник. Знаю, что он убегал от нас. Это говорит мне о том, что он был виновен.

— Он *боялся*.

— Чего же?

— Колумбии. Он не мог вернуться в Колумбию. Они убили бы его там.

— Поэтому он решил умереть здесь?

Мария закрыла лицо руками.

— Он хотел жить, — зарыдала она. — Он хотел, чтобы его оставили в покое.

— Говорите правду, Мария.

— Это *и есть* правда.

— Говорите правду или… — Кроу замолчал от прикосновения Мура к своему плечу. Хотя двое мужчин не обменялись ни словом, Джейн увидела взоры, которыми они одарили друг друга. Увидела, как Мур неодобрительно потряс головой, отвечая на свирепый взгляд Кроу.

Внезапно Кроу выпрямился.

— Подумайте над этим, Мария, — произнес он и вышел из комнаты.

— Боже, — пробормотал Фрост рядом с Джейн. — Еще один засранец на стероидах.

Через одностороннее зеркало Джейн наблюдала, как Мур сел рядом с Марией. Он не стал утешающе касаться ее и произносить ободряющие слова, пока женщина продолжала рыдать, обхватив себя руками, словно пытаясь перестать вздрагивать.

— У нас недостаточно улик, — сказала Джейн.

— Отпечатки пальцев на двери кухни? — произнес Фрост. — Тот факт, что он убегал от нас?

— Дай передохнуть. Ты говоришь, как Кроу.

— И те серьги. Кто дарит своей горничной дорогие подарки вроде этого?

— Может быть, это правда. Возможно, миссис Акерман была щедрой женщиной. Мы не можем опровергнуть это. И подумай об этом доме и всех вещах, которые Сапата мог бы украсть, если бы это действительно было ограблением. Даже шкатулка с драгоценностями осталась нетронутой.

— Его спугнули. Убежал прежде, чем успел что-нибудь взять.

— Разве это правдоподобно звучит? Такое должно беспокоить тебя. Потому что это уж точно чертовски беспокоит меня.

В соседней комнате Мария медленно поднялась на ноги, опираясь на руку Мура. Когда он выводил экономку через дверь, Джейн тихо проговорила:

— Мура это тоже беспокоит.

— Проблема в том, что тебе не остается ничего другого, как двигаться дальше. Это всего лишь плохое предчувствие.

Этого было недостаточно, но она не могла его игнорировать. Плохое предчувствие — это когда ваше подсознание говорит, что что-то упущено, какая-то жизненно важная деталь, способная изменить ход расследования.

Способная изменить жизнь.

Ее мобильник зазвонил. Когда Джейн увидела имя звонящего, у нее появилось еще одно плохое предчувствие.

— Фрэнки, — ответила она со вздохом.

— Я дважды звонил тебе, но ты не брала трубку.

— Я была занята.

«Гналась за подозреваемым. Наблюдала за смертью мужчины».

— Ага, ну, теперь уже слишком поздно. Ты пропустила все веселье.

— Что случилось?

— Мы приехали к маме, а следом появился Корсак.

— *Мы?* Ты хочешь сказать, что папа тоже там?

— Ага. Они все орут друг на друга.

— Иисусе, Фрэнки. Не подпускай папу и Корсака друг к другу. Уведи одного из них оттуда.

— Клянусь, они поубивают друг друга, Джейн.

— Хорошо, хорошо. Сейчас приеду, — она повесила трубку.

— Помни. Нет ничего опаснее семейных разборок, — произнес Фрост до ужаса избитую фразу.

— Надеюсь, мне не придется звонить адвокату.

— Для твоего отца?

— Для меня. После того, как я убью его.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Джейн услышала крики, уже выходя из автомобиля. Она пробежала мимо трех знакомых машин, под немыслимыми углами припаркованных возле дома матери и постучала в дверь. Никто не ответил, и она постучала снова; вероятно, те, кто были внутри, ничего не слышали из-за разборок.

— Наконец-то приехала полиция, — протянул капризный голос позади нее.

Джейн обернулась и увидела соседку Анджелы, миссис Камински, разглядывающую ее с тротуара. Женщина выглядела глубокой старухой еще двадцать лет назад, и за прошедшие десятилетия ничуть не изменилась, словно ее заморозили во времени, навсегда сохранив угрюмое выражение на лице.

— Соседушка пустилась во все тяжкие, — заявила миссис Камински. — Путается с этим чужим мужчиной.

— Что, простите? — пробормотала Джейн.

— Ваша мать всегда была респектабельной. Приличной замужней женщиной.

— Мой отец бросил ее.

— И что, это предлог, чтобы вести распутный образ жизни?

— Распутный? Моя мама?

Входная дверь распахнулась.

— Слава Богу, ты здесь! — выдохнул Корсак. — Тут двое на одного!

Он схватил Джейн за руку:

— Помоги мне.

— Вот *видите?* — взвилась миссис Камински, показывая на Корсака. — *О нем* я и говорила!

Джейн проследовала за Корсаком в дом, с облегчением закрыв входную дверь под неодобрительным взглядом соседки.

— Что ты имеешь в виду, говоря о двоих против одного?

— Я здесь сам по себе. Твой отец и Фрэнки упорствуют, пытаясь заставить твою мать бросить меня.

— А что говорит мама?

— Кто знает, как она поступит? В любую минуту она может сломаться.

«Выставить всех этих ребят из дома было бы отличным первым шагом», — подумала Джейн, идя на звук голосов, раздающийся со стороны кухни. Конечно, эта битва должна была состояться *именно* на кухне, где под рукой всегда был острый нож.

— Ты словно под гипнозом и не можешь думать собственной головой, — заявил отец Джейн.

— Мам, мы больше не узнаем тебя, — вмешался Фрэнки.

— Я просто хочу вернуть назад мою прежнюю Анджелу. Моя жена и я вместе, как и прежде.

Анджела сидела за столом, схватившись за голову, будто пытаясь заглушить голоса, обвиняющие ее.

— Папа, Фрэнки, — воскликнула Джейн. — Оставьте ее в покое.

Анджела взглянула на дочь с отчаяньем в глазах.

— Что мне делать, Джейн? Они совсем меня запутали!

— Нет тут никакой путаницы, — заявил Фрэнк. — Мы женаты, и дело с концом.

— Еще на прошлой неделе вы разводились, — вставил Корсак.

— Это было недоразумением.

— По имени Сэнди, — пробормотала Анджела.

— Она ничего для меня не значит!

— Я слышал совсем другое, — заметил Корсак.

— Тебя это не касается, — сказал брат Джейн. — Почему ты все еще здесь, ублюдок?

— Потому что я люблю эту женщину, понятно? После того, как твой папаша смылся, я был тем, кто заботился о ней. Я был тем, кто снова заставил ее смеяться, — Корсак с видом собственника положил руку на плечо Анджелы. — Теперь твоему отцу пора двигаться дальше.

— Не трогай мою жену.

Фрэнк сбросил руку Корсака с плеча Анджелы. Корсак ощетинился.

— Ты только что ударил меня?

— Ты об этом небольшом тычке? — Фрэнк с силой ударил Корсака по руке. — Или вот об *этом?*

— Папа, не надо, — сказала Джейн.

Лицо Корсака стало тревожного багрового цвета. Обеими руками он толкнул Фрэнка Риццоли на кухонный стол.

— *Это* нападение на офицера полиции.

Брат Джейн втиснулся между двумя пожилыми мужчинами.

— Эй. *Эй.*

— Ты больше не офицер полиции, — выкрикнул Фрэнк-старший. — И неудивительно! Жирная задница с хреновым сердцем!

— Папа, — умоляюще произнесла Джейн, попутно отметив, что он не сможет дотянуться до набора кухонных ножей в деревянной подставке. — Прекратите. Вы *оба!*

Корсак поправил воротничок на своей рубашке.

— Я закрою глаза на все произошедшее здесь ради Анджелы. Но вряд ли когда-либо это забуду.

— Выметайся из моего дома, козел, — гаркнул Фрэнк-старший.

— Твоего дома? Ты бросил ее, — отметил Корсак. — Что сделало это *ее* домом.

— За который я выплачивал ипотеку последние двадцать лет. И после этого ты считаешь, что можешь зариться на мою собственность?

— Собственность? — Анджела внезапно выпрямилась, словно это слово вонзилось стрелой ей в спину. — *Собственность?* Так вот что я для тебя, Фрэнк?

— Мам, — вмешался Фрэнки. — Папа не это имел в виду.

— О, нет, безусловно, это самое.

— Вовсе нет, — оправдывался Фрэнк. — Я просто хотел сказать...

Анджела выстрелила в него взглядом разрядом в тысячу вольт.

— Я не чья-то собственность. Я самодостаточная женщина.

— Скажи ему, детка, — подначивал Корсак.

Фрэнк и Фрэнки одновременно рявкнули:

— Заткнись, *ты*.

— Я хочу, чтобы вы убрались отсюда, — отрезала Анджела, поднимаясь со своего места за столом, словно валькирия[96], готовая к битве.

— Живо, — приказала она.

Фрэнк и Корсак неуверенно переглянулись.

— Ну, ты ее слышал, — сказал Корсак.

— Я имею в виду вас обоих. *Всех* вас, — сказала Анджела.

Корсак недоуменно покачал головой.

— Но, Энджи...

— У меня голова раскалывается от всех этих тычков и воплей. Это моя кухня и мой дом, и я хочу остаться здесь одна. *Сейчас же*.

— Звучит как неплохая идея, мам, — произнес Фрэнки. — Отличная мысль.

Он похлопал отца по спине.

— Пойдем, отец. Дай ей время, и она придет в себя.

— *Это,* — заявила Анджела, — не поможет твоему отцу.

Она уставилась на вторгшихся в ее кухню.

— Ну, и чего вы все ждете?

— *Он* уйдет первым, — пояснил Фрэнк, показывая на Корсака.

— Почему это должен быть я?

— Мы *все* уходим, мам, — сказала Джейн. Она взяла Корсака за руку и потащила его к входу. — Фрэнки, уведи отца отсюда.

— Не ты, Джейн, — добавила Анджела. — Ты останься.

— Но ты только что сказала...

— Я хочу, чтобы *мужчины* ушли. Из-за них у меня разболелась голова. Я хочу, чтобы ты осталась, и мы поговорили.

— Позаботься об этом, Джейни, — произнес Фрэнки, и она не могла не заметить угрожающую нотку в его голосе. — Помни, что мы *семья*. Этого не изменить.

«Иногда к моему великому сожалению», — думала Джейн, пока мужчины покидали кухню, распространяя вокруг себя такое плотное облако враждебности, что она почти могла ощущать его запах. Она не смела ни вымолвить словечка, ни пошевелиться, пока не услышала, как захлопнулась входная дверь, и раздался звук трех автомобильных двигателей, одновременно набирающих обороты. Вздохнув с облегчением, она передвинула набор ножей на их привычное место на кухонном столе и посмотрела на свою мать. Сейчас события приняли неожиданный поворот. Фрэнки был ребенком, которым Анджела, казалось, всегда гордилась. Ее сыночком-морским пехотинцем, который никогда не мог сделать ничего плохого, даже когда мучил своих брата и сестру.

Но сегодня Анджела не попросила остаться Фрэнки, она попросила Джейн, и теперь, когда они остались наедине, она выжидала, изучая свою мать. Лицо Анджелы все еще было пунцовым из-за вспышки гнева,

и с этим багрянцем на щеках и огнем в глазах, она совсем не походила на мужскую собственность. Мать выглядела как женщина, которой пристало сжимать копье и боевой топор, выпуская пар из ноздрей. Но как только они услышали три отъезжающих автомобиля, эта воительница, казалось, поникла, осталась лишь усталая женщина средних лет, которая упала в кресло и закрыла голову руками.

— Мам? — произнесла Джейн.

— Все, чего я хотела — еще один шанс на любовь. Еще один шанс, чтобы вновь почувствовать себя живой.

— Живой, о чем это ты? Ты так себя не чувствовала?

— Я ощущала себя невидимкой, вот что я чувствовала. Каждый вечер, подавая ужин твоему отцу. Наблюдая, как он поглощает его без единой похвалы. Я все тридцать пять лет брака думала, что так и положено. Откуда мне было знать, что все может быть по-другому? Я считала, ничего с этим не поделать. Мои дети выросли, у меня есть дом с красивым палисадником. Кто я такая, чтобы жаловаться?

— Я никогда не подозревала, что ты несчастна, мама.

— Я и не была. Я просто... — Анджела пожала плечами. — Жила здесь. Существовала. Вы еще молодожены. Ты и Габриэль, вы, вероятно, не представляете, о чем я говорю, и, надеюсь, никогда не узнаете. Это ужасное чувство, считать, что твои лучшие годы остались в прошлом. Он заставил меня ощущать это.

— Но ты была так расстроена, когда он ушел.

— Конечно, я была расстроена! Он бросил меня ради другой женщины!

— Итак... он был тебе не нужен. Но ты не хотела, чтобы он достался кому-то еще.

— Почему это так трудно понять?

Джейн пожала плечами:

— Думаю, я поняла.

— И *она* та самая, кто заставила его почувствовать себя виноватым. Бимбо, — Анджела рассмеялась, с грубым циничным фырканьем.

— Мне кажется, им обоим стыдно. Вот почему папа хочет вернуться домой. Я так полагаю, для этого немного поздновато?

Губы Анджелы задрожали, и она посмотрела на стол, где лежали ее руки. Десятилетия готовки, ожоги от горячего масла и вмятины от кухонных ножей оставили боевые шрамы на этих руках.

— Я не знаю, — пробормотала мать.

— Ты только что рассказывала мне, как была несчастна.

— Была. Затем появился Винс, и я почувствовала себя новой женщиной. Молодой женщиной. Мы вместе делали сумасшедшие вещи, о которых я никогда и не мечтала, вроде стрельбы из пистолета. И купания нагишом.

— Слишком много информации, мам.

«*Чересчур* много информации».

— Он водит меня на танцы, Джейн. Ты помнишь, когда в последний раз отец водил меня потанцевать?

— Нет.

— Вот и я тоже. Вот в чем все дело.

— Хорошо, — вздохнула Джейн. — Тогда мы справимся с этим. Это твое решение, и каким бы оно не было, я поддержу тебя.

«Даже если это подразумевает напялить на себя розовое клоунское платье».

— В этом-то все и дело, Джейни. Я *не могу* решить.

— Ты только что сказала, какой счастливой делает тебя Винс.

— Но Фрэнки произнес волшебное слово. Семья, — Анджела посмотрела на нее измученными глазами. — Это что-то да значит. Все эти совместные годы. Появление тебя и твоих братьев. Твой отец и я, у нас есть *история*, и это нечто, от чего я не могу так просто уйти.

— Значит, *история* важнее того, что делает тебя счастливой?

— Он твой отец, Джейн. Это настолько мало значит для тебя?

Джейн в замешательстве мотнула головой:

— Это не имеет со мной ничего общего. Это касается лишь тебя и того, чего ты хочешь.

— И как же быть, если то, чего я хочу, заставляет чувствовать себя виноватой? Как быть, если я выйду замуж за Винса и проведу остаток жизни, жалея, что не дала нашей семье второй шанс? К тому же Фрэнки никогда не простит меня. А тут еще отец Флэнаган и все в церкви. И соседи…

— Забудь о соседях…

«Они — это дохлый номер».

— Ты видишь, здесь много чего надо учесть. Все было намного проще, когда я была обиженной женщиной и все говорили мне: *«Ты молодчина, подруга!»* Теперь все перевернулось с ног на голову, и я та, кто разбивает семью. Знаешь, как это тяжело для меня? Быть вавилонской блудницей?

«Да уж лучше блудницей, — подумала Джейн, — чем депрессивной и угрюмой». Она потянулась через стол, чтобы коснуться руки матери.

— Ты заслуживаешь быть счастливой, вот и все, что я могу сказать. Не позволяй отцу Флэнагану, или миссис Камински, или Фрэнки говорить тебе о том, чего ты не хочешь делать.

— Мне бы хотелось быть похожей на тебя, быть такой же уверенной в себе. Я смотрю на тебя и думаю, как же я смогла вырастить такую сильную дочь? Ту, кто готовит завтрак, кормит своего ребенка, а потом идет ловить преступников?

— Я сильная, потому что ты сделала меня такой, мам.

Анджела рассмеялась. Провела рукой по глазам.

— Да, верно. Посмотри на меня, бормочущую развалину. Разрываюсь между любовником и семьей.

— Этот член семьи желает, чтобы ты перестала беспокоиться о нас.

— Невозможно. Когда говорят, что семья — это плоть и кровь, так и есть. Если из-за этого я потеряю Фрэнки, это все равно, что отрезать свою правую руку. Когда ты теряешь свою семью, ты теряешь все.

Эти слова эхом раздавались в голове Джейн, когда в тот вечер она ехала домой. Ее мать была права: если ты теряешь свою семью, то теряешь все. Она видела, что случалось с людьми, которые теряли своих жен и детей при убийстве. Она видела, как горе иссушает людей, как лица стареют за одну ночь. Джейн непросто было пытаться предложить им поддержку,

обещать торжество правосудия, она действительно не знала или не хотела знать глубину их страдания. Только другая жертва по-настоящему смогла бы понять.

Вот поэтому и существовала такая школа как «Ивенсонг». Это было место для лечения ран среди тех, кто понимал.

Она говорила с Маурой этим утром, но не рассказала ей о судьбе Сапаты. Теперь, когда их главный подозреваемый мертв, а Тедди, по-видимому, уже вне опасности, им необходимо было решить, не пора ли вернуть его в Бостон. Она въехала на стоянку в своемломе и уже собиралась позвонить Мауре на мобильный, когда вдруг вспомнила, что в «Ивенсонге» нет сигнала. Просмотрев журнал вызовов, она нашла городской номер, с которого в последний раз звонила Маура, и набрала его.

Шесть гудков спустя дрожащий голос ответил:

— «Ивенсонг».

— Доктор Уэлливер, это Вы? Это детектив Риццоли, — она ждала ответа. — Эй, Вы там?

— Да. Да, — удивленный смех. — Боже мой, как они красивы!

— Что красиво?

— Я никогда не видела птиц вроде этих. И небо, такие странные цвета…

— Гм, доктор Уэлливер? Могу я поговорить с доктором Айлз?

— Я не знаю, где она.

— Не могли бы Вы попросить ее перезвонить мне? Вы же увидитесь за обедом, не так ли?

— Я не пойду. Вся еда сегодня такая смешная на вкус. О! О! — Уэлливер взвизгнула от восторга. — Если бы Вы только могли увидеть этих птичек! Они так близко, что я могу коснуться их!

Джейн услышала, как она положила трубку. Услышала удаляющиеся шаги.

— Доктор Уэлливер? Алло?

Ответа не было.

Джейн нахмуренно нажала на отбой, размышляя, что за разновидность птиц могла настолько очаровать женщину. Внезапно ей привиделись птеродактили, летящие в леса Мэна.

В мире «Ивенсонг» все казалось возможным.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

УБИЙЦА КУРИЦ.

Хотя никто не говорил ей этого в лицо, Клэр знала, о чем они шептались, когда склоняли головы вместе и стреляли на нее взглядами из-за других обеденных столов. *Она — та, кто это сделал.* Все знали, что Клэр попыталась пнуть Германа несколько дней назад возле конюшни. Это и сделало ее подозреваемой. В суде сплетников она уже была осуждена и признана виновной.

Она подцепила вилкой брюссельскую капусту, и на вкус та оказалась такой же горькой, как и обида Клэр. Но девочка все равно ее съела, машинально жуя и пытаясь игнорировать перешептывания и взгляды. Как всегда зачинщицей была Бриана, поддерживаемая своими принцессами. Единственным, кто явно сочувствовал Клэр, был пес Медведь, который поднялся со своего обычного места у ног Джулиана и подбежал к ней. Она сунула ему под столом кусочек мяса и сморгнула подступившие слезы, когда тот благодарно облизал ей руку. Собаки были намного добрее, чем люди. Они принимают вас такими, какие вы есть. Клэр протянула руку и утопила ее в густом мехе Медведя. По крайней мере, он-то всегда останется ее другом.

— Можно сесть за твой стол?

Она подняла глаза и увидела Тедди с подносом в руках.

— Да ради Бога. Но ты же знаешь, что случится, если ты сядешь со мной.

— Что?

— Тебе никогда не стать одним из крутых ребят.

— Я бы и так никогда им не стал.

Он уселся, и Клэр уставилась на его еду, состоящую из отварного картофеля, брюссельской капусты и лимской фасоли[97].

— Ты что, вегетарианец?

— У меня аллергия.

— На что?

— На рыбу. Креветки. Яйца, — он загибал пальцы, подсчитывая свой аллергический список. — Пшеницу. Арахис. Помидоры. И вроде бы, но я не уверен, на клубнику.

— Боже, как же ты с голоду-то не помер?

— Я такой же плотоядный, как и ты.

Она посмотрела на его бледное личико, руки-спички, и подумала: «Ты наименее плотоядный мальчишка из всех, которых я встречала».

— Я люблю мясо. Вчера я ел курицу, — он помолчал, и его щеки внезапно порозовели.

— Прости, — пробормотал Тедди.

— Я не убивала Германа. Несмотря на то, что все обо мне говорят.

— Далеко не *все* говорят это.

Она швырнула вилку на стол.

— Я не тупая, Тедди.

— Уилл верит тебе. И Джулиан говорит, что хороший следователь всегда избегает поспешных суждений.

Она взглянула на другой стол и поймала усмешку Брианы.

— Бьюсь об заклад, она уж точно меня не защищает.

— Это из-за Джулиана?

Клэр уставилась на Тедди.

— Что?

— Вы с Брианой поэтому ненавидите друг друга? Потому что вам обеим нравится Джулиан?

— Я не знаю, о чем ты говоришь.

— Бриана сказала, что ты втрескалась в него.

Тедди посмотрел на Медведя, виляющего хвостом и надеющегося на еще один кусочек пищи.

— И вот почему ты всегда так трясешься над его собакой, это чтобы понравиться Джулиану.

«Так вот что все думают?» Она внезапно оттолкнула Медведя и рявкнула:

— Хватит приставать ко мне, глупая собака.

Вся столовая услышала это и повернулась, чтобы увидеть, как Клэр вскочила на ноги.

— Почему ты уходишь? — спросил Тедди.

Она не ответила. Просто вышла из столовой и направилась на улицу.

Снаружи еще не стемнело, но уже наступили длинные летние сумерки. Ласточки кружились и делали петли в небе. Она обошла здание по каменной дорожке, безучастно рассматривая тени от ярких вспышек светлячков. Сверчки щебетали так громко, что сначала Клэр не услышала треск над головой. Затем что-то упало и с глухим стуком приземлилось у ее ног. Кусок шифера.

«Он мог бы ударить меня!»

Клэр подняла глаза и увидела фигуру, стоящую на краю крыши. Вырисовываясь на фоне ночного неба и раскинув руки, как крылья, она, казалось, готовилась взлететь.

«Нет», — хотела закричать Клэр, но ни единого звука не вышло из ее горла. — *«Нет»*.

Фигура прыгнула. Напротив, в темнеющем небе ласточки продолжали кружить и парить, но тело падало прямо вниз обреченной птицей с подрезанными крыльями.

Когда Клэр вновь открыла глаза, она увидела черное озерцо, расползающееся по дорожке, словно корона окружающее разбитый череп Анны Уэлливер.

Главным судебно-медицинским экспертом штата Мэн был доктор Далджит Сингх, с которым несколькими годами ранее Маура познакомилась на конференции по судебной патологии. С тех пор у них стало традицией на каждой конференции встречаться за ужином, чтобы обсудить странные случаи и поделиться фотографиями отпусков и семей. Но из белого внедорожника с надписью «Судмедэксперт» вышел не

Далджит, а молодая женщина в сапогах, брюках карго[98] и флисовой куртке, словно только что вернувшаяся из туристического похода. Она прошла мимо машин полиции штата Мэн уверенной походкой человека, который хорошо знал дорогу к месту смерти, и направилась прямиком к Мауре.

— Я доктор Эмма Оуэн. А Вы доктор Айлз, верно?

— Хорошая догадка! — ответила Маура, пока они машинально пожимали друг другу руки, хотя ей было непривычно и странно проделывать это с другой женщиной. Особенно с женщиной, которая едва ли выглядела достаточно взрослой, чтобы закончить колледж, а уж тем более факультет патологии.

— Вообще-то это не догадка. Я видела Ваше фото в статье, которую Вы написали в прошлом году для журнала «Судебно-медицинская патология». Далджит постоянно о Вас рассказывает, поэтому мне кажется, что я уже с Вами знакома.

— Как там Далждит?

— Всю неделю он проводит отпуск на Аляске. Иначе прибыл бы сюда сам.

Маура, с иронической усмешкой, произнесла:

— Вообще-то это тоже был *мой* отпуск.

— Что за отстой. Приехала в Мэн, и мертвецы последовали за Вами.

Доктор Оуэн вытащила из кармана бахилы и с грацией танцора легко нацепила их сначала на одну, а потом и на вторую ступню, при этом балансируя на одной ноге. Как и многие нынешние молодые женщины-врачи, изменившие лицо профессии медика, доктор Оуэн казалась умной, спортивной и уверенной в себе.

— Детектив Холланд уже проинформировал меня по телефону. Вы видели, как это произошло? Не заметили никаких признаков суицидальных мыслей, депрессии?

— Нет. Я в таком же шоке, как и все остальные. На мой взгляд, доктор Уэлливер казалась абсолютно нормальной. Единственное, что сегодня было не как обычно — она не пришла обедать.

— А когда Вы в последний раз видели ее?

— Около полудня. Насколько знаю, ее последняя встреча с учениками была в 13 часов. После этого ее никто не видел. До тех пор, пока она не прыгнула.

— Есть ли у Вас какие-то предположения? Какие-нибудь мысли по поводу того, почему она могла это сделать?

— Абсолютно никаких. Мы все озадачены.

— Отлично, — со вздохом произнесла женщина, — если уж такой эксперт, как доктор Айлз пребывает в неведении, то у нас здесь *настоящая* детективная история.

Она натянула перчатки из латекса.

— Детектив Холланд сообщил, что у вас есть свидетель.

— Одна из учениц видела, как все произошло.

— О, Господи. Это обеспечит ребенку ночные кошмары.

«Как будто Клэр Уорд было мало предыдущих», — подумала Маура.

Доктор Оуэн посмотрела на здание со светящимися на фоне ночного неба окнами.

— Ничего себе. Я прежде никогда здесь не бывала. Даже не знала, что эта школа вообще существует. Она похожа на замок.

— Построена в 19-ом веке как поместье железнодорожного магната. Судя по готической архитектуре, думаю, он воображал себя принцем крови.

— Вы знаете, откуда она прыгнула?

— С прогулочной террасы на крыше. В районе башни, где находится ее кабинет.

Доктор Оуэн взглянула на башню, где в кабинете Уэлливер все еще горел свет.

— Похоже, высота около 70 футов, возможно, больше. Как считаете, доктор Айлз?

— Согласна.

Пока они шли по дорожке к другой стороне здания, Маура удивлялась, когда это она успела взять на себя роль высшей инстанции. Статус стал

очевиден еще когда молодая женщина обратилась к ней *«доктор Айлз»*. Перед ними возник свет фонарей двух детективов полиции штата Мэн. Тело, лежащее у их ног, было накрыто пластиком.

— Добрый вечер, джентльмены, — произнесла доктор Оуэн.

— Разве не такими вещами обычно занимаются психотерапевты? — сыронизировал один из детективов.

— Она была психотерапевтом?

— Доктор Уэлливер была школьным психологом, — ответила Маура.

Детектив хмыкнул:

— Как я и сказал. Полагаю, есть причина, по которой они выбирают эту специальность.

Пока доктор Оуэн снимала пластик, оба полицейских светили своими фонариками на тело. Анна Уэлливер лежала на спине, лицо ярко освещено, волосы спутались вокруг головы точно жесткое седое гнездо. Маура взглянула на окна третьего этажа, где располагались комнаты учеников, и увидела силуэты школьников, которые смотрели вниз на то, чего никогда не следует видеть детям.

— Доктор Айлз? — доктор Оуэн протянула Мауре пару перчаток. — Не хотите присоединиться ко мне?

Маура не особо обрадовалась этому приглашению, но натянула перчатки и присела рядом с молодой коллегой. Вместе они пропальпировали череп, исследовали конечности, подсчитали видимые переломы.

— Всем нам хочется знать — это несчастный случай или самоубийство? — не выдержал один из детективов.

— Вы уже исключили убийство, не так ли? — спросила доктор Оуэн.

Он кивнул.

— Мы поговорили со свидетелем. С тринадцатилетней девочкой по имени Клэр Уорд. Она была на улице, стояла прямо здесь, когда это произошло, и она не видела на крыше никого кроме жертвы. Сказала, что женщина развела руки и прыгнула, — он указал рукой на ярко освещенную башню наверху. — Дверь, ведущая из ее кабинета, была нараспашку, и мы не обнаружили никаких признаков борьбы. Она вышла на крышу, перелезла через перила и спрыгнула.

— Почему?

Детектив пожал плечами.

— Это я оставлю психотерапевтам. Тем, кто *не* спрыгнул.

Доктор Оуэн быстро поднялась на ноги, но Маура ощутила собственный возраст, когда медленно поднималась, ее правое колено ныло от слишком многих летних сезонов садоводства, от четырех десятилетий неизбежного износа и разрывов сухожилий и хрящей. Еще одно ревматическое напоминание о том, что новое поколение всегда стоит позади и ждет своего часа.

— Итак, на основании того, что сообщил вам свидетель, — сказала доктор Оуэн, — это не кажется случайной смертью.

— Если только она *случайно* не перелезла через перила и *случайно* не сбросилась с крыши.

— Хорошо, — доктор Оуэн сняла перчатки. — Вынуждена согласиться. Причина смерти — самоубийство.

— Исключая то, что мы не видели никаких признаков, — вмешалась Маура. — Никто не заметил тревожных знаков.

В темноте она увидела выражения лиц двух полицейских, но могла вообразить, как они оба вращают глазами.

— Вам нужна предсмертная записка? — хмыкнул один детектив.

— Мне нужна причина. Я знала эту женщину.

— Жены думают, что *знают* своих мужей. А родители *знают* своих детей.

— Да, после самоубийств я всегда слышу одни и те же слова. *Мы не заметили никаких сигналов*. Я полностью отдаю себе отчет в том, что семьи иногда пребывают в неведении. Но это...

Маура замолчала, осознав, что три пары глаз разглядывают ее, известного судмедэксперта из Бостона, которая пытается оправдать такую нелогичную вещь как интуиция.

— Поймите, работа доктора Уэлливер — консультировать травмированных детей. Помочь им исцелиться после тяжелой эмоциональной травмы. Она жила этой работой, так с чего бы ей

травмировать их еще больше, позволив увидеть такое? Умирать подобным театральным образом?

— У Вас есть ответ?

— Нет. Как и у ее коллег. Никто из преподавателей и персонала не понимает этого.

— Близкие родственники? — спросила доктор Оуэн. — Кто-нибудь, кто сможет позволить понять ее поступок лучше?

— Она была вдовой. Насколько известно директору Бому, у нее нет семьи.

— Тогда, боюсь, это одна из тех неизвестных причин, — подытожила доктор Оуэн. — Но я проведу вскрытие, несмотря на то, что причина смерти кажется очевидной.

Маура посмотрела на тело и подумала: «Определить причину смерти будет самой легкой частью. Вскрой кожу, изучи разорванные органы, раздробленные кости, и ты найдешь ответы». Ее беспокоили вопросы, на которые она не могла ответить. Мотивы, потаенные страдания, что заставляют людей убивать незнакомцев или сводить счеты с жизнью.

После того, как последний полицейский автомобиль уехал, Маура поднялась наверх в учительскую, где собралась большая часть персонала. В очаге горел огонь, но ни одна лампочка не светилась, словно никто из них не мог вынести яркого света в эту трагическую ночь. Маура опустилась в бархатное кресло и принялась рассматривать блики огня на лицах. Она услышала мягкий звук, с которым Готтфрид наливал бренди в стакан. Не говоря ни слова, он поставил его на стол возле Мауры, предполагая, что она тоже не откажется от крепкой выпивки. Она кивнула и с благодарностью отхлебнула.

— Кто-то из присутствующих должен догадываться, почему она это сделала, — заявила Лили. — Должен быть какой-то знак, нечто, что мы не восприняли всерьез.

Готтфрид ответил:

— Мы не можем проверить ее электронную почту, потому что я не знаю пароля. Но полиция осмотрела ее личные вещи в поисках предсмертной записки. Ничего. Я поговорил с поваром и садовником, и они не заметили ничего необычного, ни единого знака того, что Анна была самоубийцей.

— Сегодня утром я видела ее в саду, она срезала розы для своего кабинета, — сказала Лили. — Это похоже на женщину, которая собирается покончить с собой?

— Откуда нам знать? — пробормотал доктор Паскуантонио. — Это *она* была психологом.

Готтфрид оглядел коллег в комнате.

— Вы все разговаривали с учениками. У кого-нибудь из них есть ответ?

— Ни у кого, — ответила Карла Дюплесси, учитель литературы. — У нее были на сегодня запланированы четыре консультации со школьниками. Последним в 13 часов был Артур Тумбс, и он сказал, что она казалась немного невнимательной, не более. Дети ошеломлены не меньше нашего. Если вы считаете, что это тяжело для нас, представьте, насколько тяжело это для них. Анна разбиралась с *их* эмоциональными потребностями, а теперь они узнали, что она была слабой. Это заставит их задаться вопросом: могут ли они рассчитывать на нас. Достаточно ли сильны взрослые, чтобы поддерживать их.

— Именно поэтому мы не можем выглядеть слабыми. Не сейчас, — раздался грубый голос из темного угла комнаты. Это был Роман, лесник, единственный, кто не предавался утешительному стаканчику бренди. — Мы должны продолжать нашу работу в обычном режиме.

— Это было бы неестественно, — ответила Карла. — Нам всем нужно время, чтобы переварить это.

— П*ереварить?* Всего лишь замысловатое словечко для хандры и нытья. Дамочка покончила с собой, здесь уже ничего не поделать, нужно жить дальше, — проворчав это, он встал и вышел из комнаты, унося за собой запахи сосны и табака.

— Вот вам и бальзам прекраснодушия, — пробормотала себе под нос Карла. — Ставя в пример римлян, неудивительно, что ученики убивают куриц.

Готтфрид возразил:

— Но мистер Роман привел убедительный довод о важности поддержания обычного режима. Ученикам это необходимо. Конечно, им потребуется время для скорби, но также они должны знать, что жизнь продолжается, — он посмотрел на Лили. — Мы все еще собираемся ехать на экскурсию в Квебек?

— Я ничего не отменяла, — ответила она. — Номера в отеле забронированы, и дети говорят об этом не одну неделю.

— Тогда Вам необходимо выполнить обещанное.

— Они ведь не все поедут? — уточнила Маура. — Учитывая ситуацию Тедди, считаю, что для него слишком опасно появляться на публике и ходить по экскурсиям.

— Детектив Риццоли совершенно четко дала нам это понять, — ответила Лили. — Он останется здесь, где мы точно уверены в его безопасности. Уилл и Клэр тоже останутся. И, конечно, Джулиан.

Лили улыбнулась:

— Он сказал, что хочет больше времени провести вдвоем с Вами. Из уст подростка это вполне себе комплимент, доктор Айлз.

— И все же, это по-прежнему кажется неправильным, — встряла Карла, — везти их на увеселительную прогулку, когда Анна умерла. Мы должны остаться здесь, чтобы почтить ее память. Чтобы выяснить, что привело ее к этому.

— Скорбь, — спокойно произнесла Лили. — Иногда она догоняет вас. Даже спустя годы.

Паскуантонио хмыкнул:

— Когда это случилось? Двадцать два года назад?

— Вы говорите об убийстве мужа Анны? — поинтересовалась Маура.

Паскуантонио кивнул и потянулся за бутылкой бренди, чтобы пополнить свой стакан.

— Она рассказывала мне об этом. Как Фрэнка похитили прямо из его машины. Как его компания заплатила выкуп, но Фрэнка все равно убили, и избавились от тела несколькими днями позже. Никто так и не был арестован.

— Это, должно быть, приводило ее в ярость, — предположила Маура. — А гнев, не находящий выхода, приводит к депрессии. Если она держала в себе эту ярость все эти годы…

— Мы все держим, — парировал Паскуантонио. — Вот почему мы здесь. Потому и выбрали такую работу. Ярость — это топливо, которое заставляет нас идти вперед.

— Топливо может быть опасным. Оно взрывается, — Маура обвела глазами комнату, людей, которые все пострадали от насилия. — *Вы* уверены, что можете справиться с этим? Что могут справиться ваши ученики? Я видела, что висело на той иве. Кто-то здесь уже доказал, что он… или она… способен на убийство.

Во внезапно возникшем неприятном моменте тишины учителя переглядывались друг с другом.

Готтфрид произнес:

— Это как раз то, что нас беспокоит. То, что я и Анна вчера обсуждали. Один из наших учеников может быть глубоко психически неустойчив, возможно, даже…

— Психопатом, — закончила за него Лили.

— И Вы понятия не имеете, кто это? — сказала Маура.

Готтфрид покачал головой.

— Этот момент беспокоил Анну больше всего. То, что она понятия не имела, кто из учеников мог это сделать.

Психопат. Глубоко психически неустойчив.

Этот разговор весьма беспокоил Мауру, когда она позже тем вечером поднималась по лестнице. Она размышляла о травмированных детях и о том, как насилие может искажать души. Думала о том, какой тип детей способен убить петуха ради развлечения, вспороть ему брюхо и подвесить на дерево внутренностями наружу. Она задавалась вопросом, в какой комнате сейчас спит этот ребенок.

Вместо того чтобы вернуться в свою комнату Маура продолжала подниматься по лестнице к башне. К кабинету Анны. Чуть раньше тем же вечером она уже наведалась в эту комнату с детективами штата, поэтому, войдя в комнату и включив свет, Маура не ожидала никаких новых сюрпризов и откровений. Комната и впрямь не изменилась с того момента, как они вышли из нее. Стеклянные подвески на окне. Остатки ароматических палочек, истлевшие до серого пепла. На столе лежит стопка личных дел, сверху открытый отчет полиции из Сент-Томас. Это было дело Тедди Клока. Рядом стояла ваза с розами, которые Анна срезала в то утро. Маура попыталась представить, что могло твориться в голове Анны, когда она срезала стебли и вдыхала аромат. *Это последний день, когда я нюхаю цветы?* Или не было никаких мыслей об

оставшемся времени, прощании с жизнью, а всего лишь обычное утро в саду?

Что же заставило этот день обернуться настолько трагически?

Маура обошла кабинет, разыскивая любой оставшийся след Анны. Она не верила в призраков, а те, кто не верит, с ними никогда и не сталкиваются. Но она все же застыла посреди комнаты, вдыхая аромат роз и благовоний, тот же воздух, которым еще недавно дышала Анна. Дверь, ведущая на террасу на крыше, через которую Анна выбралась наружу, сейчас была закрыта. Поднос с чайником, фарфоровыми чашками и плетеной сахарницей стоял на столике, как и в то утро, когда Джейн и Маура сидели в этом кабинете. Чашки вымыты и расставлены, чайник пуст. Анна помыла и вытерла чайник и чашки, прежде чем покончить с собой. Возможно, это было заключительным актом уважения к тем, кто будет заниматься уборкой после всего произошедшего.

Тогда почему она выбрала такой неаккуратный способ смерти? Ушла из жизни, забрызгав кровью дорожку и навсегда запятнав воспоминания учеников и коллег?

— В этом нет никакого смысла. Так ведь?

Она обернулась и увидела Джулиана, стоявшего в дверях. Как обычно, пес крутился у его ног, и, как и хозяин, Медведь выглядел расстроенным. Печальным.

— Думала, ты спишь, — произнесла она.

— Не могу заснуть. Пошел поговорить с тобой, но тебя не было в комнате.

Маура вздохнула:

— Я тоже не могу заснуть.

Мальчик переминался в дверном проходе, словно войти в кабинет Анны было бы неуважением к покойной.

— Она никогда не забывала о Днях Рождениях, — вымолвил он. — Ребенок спускался к завтраку и находил какой-нибудь милый небольшой подарок. Кепка с логотипом «Янки»[99] для мальчишки, который любит бейсбол. Небольшой хрустальный лебедь для девочки, которая носит скобки. Она даже подарила мне подарок не в День Рождения, а просто так. Компас. Чтобы я всегда знал, куда иду, и всегда помнил, где уже был.

Его голос понизился до шепота:

— Вот что всегда случается с людьми, которые мне небезразличны.

— Что случается?

— Они оставляют меня.

«Они умирают» — вот что он имел в виду, и это было правдой. Его последние родственники погибли прошлой зимой, оставив Рэта совсем одного.

«Все, кроме меня. У него все еще есть я».

Она протянула к нему руки и обняла мальчика. Джулиан был ей ближе сына, которого у нее никогда не было, но во многих отношениях они все еще оставались друг для друга незнакомцами. Он застыл в ее объятьях, словно деревянная статуя, обнимаемая женщиной, которой так же непросто давались проявления чувств. В этом, к несчастью, они были схожи — оба жаждали ласки, но сторонились ее. Наконец, Маура почувствовала, как он расслабился и обнял ее в ответ.

— Я не оставлю тебя, Рэт, — сказала она. — Ты всегда можешь на меня рассчитывать.

— Люди так говорят. Но это все равно происходит.

— Со мной ничего не случится.

— Ты же знаешь, что не можешь этого обещать, — он отстранился и повернулся к столу доктора Уэлливер.

— Она говорила, что мы можем на нее рассчитывать. И посмотри, что произошло, — он коснулся роз в вазе; один розовый лепесток оторвался, упав вниз мертвой бабочкой. — Зачем она это сделала?

— Иногда ответов просто нет. Я очень часто сталкиваюсь с этим вопросом в своей работе. Родственники пытаются понять, почему тот, кого они любили, покончил жизнь самоубийством.

— И что ты им говоришь?

— Никогда не вините себя. Не испытывайте чувства вины. Потому что мы несем ответственность только за собственные действия. Не за чьи-то еще.

Маура не понимала, почему от ее ответа голова Рэта внезапно поникла. Мальчик быстро провел рукой по глазам, и этот жест смущения оставил блестящий след на его лице.

— Рэт? — мягко спросила она.

— Я чувствую *себя* виноватым.

— Никто не знает, почему она это сделала.

— Это не из-за доктора Уэлливер.

— Тогда из-за кого?

— Из-за Кэрри, — он взглянул на нее. — На следующей неделе у нее был бы День Рождения.

Его покойная сестра. Прошлой зимой девочка погибла вместе с их матерью в уединенной долине Вайоминга. Рэт редко говорил о своей семье, редко говорил о чем-либо, случившемся в те ужасные недели, когда они боролись за выживание. Маура считала, что он оставил это испытание позади, но, очевидно, это не так. «Он больше похож на меня, чем я думала, — осознала она. — Мы оба похоронили наши горести там, где никто не сможет их увидеть».

— Я должен был спасти ее, — произнес мальчик.

— Но как? Твоя мать не позволяла ей уйти.

— Я должен был *заставить* отпустить ее. Я был мужчиной в семье. Это была моя работа — защищать ее.

«Ответственность, которая никогда не должна быть возложена на плечи простого шестнадцатилетнего мальчишки», — подумала Маура. Может, он и высокий, как взрослый мужчина, может, у него и широкие мужские плечи, но она видела на его лице вполне мальчишеские слезы. Он смахнул их рукавом и стал оглядываться в поисках салфеток.

Маура вошла в туалет, примыкающий к кабинету, и отмотала кусок туалетной бумаги. Когда она отрывала ее, взгляд зацепился за блеск сверкающих песчинок на сиденье унитаза. Она прикоснулась к нему и принялась разглядывать белые гранулы, прилипшие к ее пальцам. Заметила, что гораздо больше гранул сверкают на плитке, которой выложен пол.

Что-то высыпали в унитаз.

Она вернулась в кабинет и посмотрела на поднос, стоящий на столе. Вспомнила, как Анна заварила травяной чай в этом китайском чайничке и залила его тремя стаканами кипятка. Вспомнила, как Анна добавила

три чайных ложки сахара с горкой в свою чашку — экстравагантность, которую уловил взгляд Мауры. Она подняла крышку сахарницы.

Та была пуста.

Зачем бы Анне понадобилось высыпать сахар в унитаз?

Телефон на столе Анны внезапно зазвонил, перепугав, как ее, так и Джулиана. Они переглянулись, оба смущенные тем, что кто-то звонит мертвой женщине.

Маура ответила на звонок:

— Школа «Ивенсонг». Это доктор Айлз.

— Ты мне не перезвонила, — проворчала Джейн Риццоли.

— А должна была?

— Я оставила сообщение доктору Уэлливер несколько часов назад. Подумала, что лучше перезвоню еще раз, пока не стало слишком поздно.

— Ты говорила с Анной? Когда?

— Примерно в пять, полшестого.

— Джейн, случилось нечто ужасное, и...

— С Тедди все в порядке? — перебила Джейн.

— Да. Да, с ним все хорошо.

— Тогда что произошло?

— Анна Уэлливер мертва. Похоже, это самоубийство. Она спрыгнула с крыши.

Воцарилась долгая тишина. На заднем плане Маура слышала звук телевизора, шум льющейся из крана воды и звон посуды. Домашние звуки, заставившие ее внезапно заскучать по своему дому и своей кухне.

— Иисусе, — наконец выдавила Джейн.

Маура взглянула на сахарницу. Представила, как Анна опрокидывает ее в унитаз и возвращается обратно в комнату. Открывает дверь на крышу и выходит наружу, чтобы совершить короткую прогулку в вечность.

— Почему она убила себя? — спросила Джейн.

Маура, по-прежнему не сводя глаз с пустой сахарницы, ответила:

— Я не уверена, что она это сделала.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

— Вы уверены, что хотите быть здесь, доктор Айлз?

Они стояли у входа в морг, окруженные шкафчиками, заполненными перчатками, масками и бахилами. Маура уже переоделась в раздевалке в хирургические рубашку и брюки и заправляла волосы под бумажную шапочку.

— Я пришлю Вам медицинское заключение, — сказала доктор Оуэн. — И закажу комплексный анализ на токсины, как Вы предлагаете. Разумеется, Вы можете остаться, но мне кажется...

— Я здесь только чтобы наблюдать, а не мешать, — ответила Маура. — Это полностью Ваше шоу.

Доктор Оуэн покраснела под своим пышным врачебным колпаком. Даже в жестком свете люминесцентных ламп ее лицо выглядело молодым, с на зависть гладкой кожей, не нуждающейся ни в каких маскировочных кремах и пудре, которые стали заполнять шкафчик ванной Мауры.

— Я не это имела в виду, — смутилась доктор Оуэн. — Просто подумала о том, что Вы знали ее лично. Должно быть, это трудно для Вас.

Через смотровое окно Маура наблюдала за ассистентом доктора Оуэн, — дородным молодым человеком, раскладывающим инструменты для аутопсии. На столе для вскрытия лежал труп Анны Уэлливер, все еще полностью одетый. «Сколько покойников я разрезала, — подумала Маура, — сколько скальпов отделила от черепов? Так много, что давно потеряла им счет». Но все они были чужаками, с которыми у нее не было связано никаких воспоминаний. А Анну она знала. Знала ее голос и улыбку, видела блеск жизни в ее глазах. Это было вскрытие, которого избежал бы любой патологоанатом, но вот она — надевает бахилы, защитные очки и маску.

— Я перед ней в долгу, — пояснила Маура.

— Сомневаюсь, что здесь будут какие-то сюрпризы. Мы знаем, как она умерла.

— Но не знаем, что к этому привело.

— Вскрытие не даст нам ответа.

— За час перед прыжком она очень странно разговаривала по телефону. Сказала детективу Риццоли, что у еды неправильный вкус. И она увидела птиц, странных птиц, летающих за окном. Я думаю, а что, если это были галлюцинации?

— Это и есть причина, по которой Вы попросили анализ на токсины?

— Мы не нашли никаких наркотиков в ее вещах, но существует возможность, что мы что-то упустили. Или она их спрятала.

Они вошли в зал для вскрытия, и доктор Оуэн произнесла:

— Рэнди, у нас сегодня гостья. Доктор Айлз из офиса судмедэкспертизы Бостона.

Молодой человек кивнул, явно впечатленный, и уточнил:

— Кто будет проводить вскрытие?

— Это дело доктора Оуэн, — ответила Маура. — Я здесь только как наблюдатель.

Привыкшей распоряжаться в собственном морге Мауре пришлось побороть искушение потребовать свое привычное место за столом. Вместо этого она отошла назад, пока доктор Оуэн и Рэнди раскладывали лотки с инструментами и регулировали свет. Говоря начистоту, ей не хотелось подходить ближе, не хотелось смотреть в лицо Анны. Еще вчера она видела сознание в этих глазах, а теперь его отсутствие служило напоминанием о том, что тело — всего лишь сосуд, а все, что олицетворяет собой душа — мимолетно и легко можно погасить. «Эмма Оуэн права, — подумала она. — Я не должна наблюдать за этим вскрытием».

Она повернулась к заранее включенному экрану с рентгеновскими снимками. Пока доктор Оуэн и ее ассистент раздевали труп, Маура сосредоточилась на снимках, не имевших знакомого лица. Ничто не удивило ее. Вчера вечером при пальпации она обнаружила вдавленные переломы левой теменной кости, а теперь увидела и черно-белое доказательство — тонкую паутинку трещин. Она перешла к грудной клетке, где даже сквозь нечеткие тени от одежды, просматривались массивные переломы ребер: от второго до восьмого слева. Сила свободного падения привела к перелому таза, а также к компрессионному перелому крестцовых отверстий[100] и трещинам в верхней ветви лобковой кости[101]. Как раз это и ожидаешь увидеть в теле, упавшем с высоты. Еще до того, как они вскроют грудную клетку, Маура могла предсказать, что они обнаружат в грудной полости, потому что уже

видела результаты свободного падения в других телах. От падения могут треснуть ребра и раздробиться таз, а сила резкого торможения убьет человека, разрывая сердце и легкие, тонкие ткани и магистральные сосуды[102]. Когда они разрежут грудь Анны, то, скорее всего, обнаружат, что она заполнена кровью.

— Как, черт возьми, она их получила? — сказал Рэнди.

Доктор Оуэн позвала:

— Доктор Айлз, вы захотите на это взглянуть.

Маура подошла к столу. Они расстегнули верхнюю часть платья Анны, но все еще не сняли его с бедер. Труп по-прежнему был в практичном белом бюстгальтере размера D[103] без какого-либо кружева или излишеств. Все они уставились на открытую кожу.

— Это самые странные шрамы, которые я когда-либо видела, — сказала доктор Оуэн.

Маура застыла, ошеломленная увиденным.

— Давайте снимем остальную одежду, — предложила она.

Втроем они быстро сняли бюстгальтер и спустили платье с бедер. Пока они расстегивали пояс на бедрах, Маура вспомнила кости таза, которые только что видела на рентгене и поморщилась при мысли об этих раздробленных костных фрагментах. Вспомнила о криках, которые однажды слышала в отделении «скорой помощи» от молодого юноши, таз которого был раздроблен при крушении баржи. Но Анну боль не беспокоила, и она отдала одежду без единого стона. Раздетая догола, она теперь лежала открыто, ее тело было покрыто синяками и деформировано переломанными ребрами, черепом и тазом.

Тем не менее, на ее коже были отметины, невидимые для рентгеновского аппарата и раскрывшиеся только теперь. Шрамы покрывали все ее тело — уродливая сетка узлов на груди, животе и даже на плечах. Маура подумала о скромных платьях в стиле матушки Хаббард[104], которые Анна носила даже в теплые дни, выбранные не из-за ее эксцентричного чувства стиля, а ради маскировки. Она спросила себя, сколько лет назад Анна последний раз надевала купальник или загорала на пляже. Эти шрамы казались старыми, нестираемыми сувенирами какого-то отвратительного испытания.

— Может, это была какая-то пересадка кожи? — предположил Рэнди.

— Это не пересадка кожи, — ответила доктор Оуэн.

— Тогда что это?

— Я не знаю. — Доктор Оуэн посмотрела на Мауру. — А Вы?

Маура не ответила. Она сосредоточила свое внимание на нижних конечностях. Приподняв лампу, она направила ее на голени, где кожа была темнее. Толще. Она посмотрела на Рэнди:

— Нам нужны подробные рентгеновские снимки ног. В частности, большеберцовых костей и обеих лодыжек.

— Я уже сделал рентгенограмму, — ответил Рэнди. — Снимки висят прямо там. Вы можете разглядеть все переломы.

— Меня не беспокоят новые переломы. Я ищу старые.

— И как это поможет нам установить причину смерти? — спросила доктор Оуэн.

— Это для того, чтобы понять жертву. Ее прошлое, состояние души. Она не может поговорить с нами, но ее тело все еще на это способно.

Маура и доктор Оуэн вышли из зала для вскрытия, и через смотровое окно принялись наблюдать, как Рэнди, надевший свинцовый фартук, располагал тело для новой серии рентгеновских снимков. *Сколько шрамов ты скрываешь, Анна?* Отметины на коже были очевидны, но что насчет эмоциональных ран, которые никогда не заживают, и которые со временем не скроет фиброз[105] и коллаген[106]? Может, это прежние страдания заставили ее выйти на крышу и, наконец, отдать тело на волю силе притяжения и твердой земле?

Рэнди прикрепил новые снимки на светящийся экран и помахал им рукой. Когда Маура и доктор Оуэн вернулись в смотровую, он сказал:

— Я не вижу никаких других переломов на этих снимках.

— Они должны быть старыми, — пояснила Маура.

— Никаких рубцов, никаких повреждений. Знаете, я в состоянии распознать их.

В его голосе сквозило раздражение. Она была чужаком, вторгшимся на их территорию, высокомерным экспертом из большого города, который ставил под сомнение его компетентность. Маура решила не обращать на него внимания и сосредоточилась на рентгеновских снимках. Сказанное Рэнди было верным: на первый взгляд не было никаких очевидных застарелых переломов рук и ног. Она придвинулась поближе, чтобы

изучить сначала правую большеберцовую кость, а затем и левую. Темная кожа на голенях Анны возбудила в ней подозрения, и увиденное на снимках подтвердило диагноз.

— Вы видите это, доктор Оуэн? — Маура указала на очертания голени. — Обратите внимание на наслоение и толщину.

Молодой патологоанатом нахмурилась:

— Здесь толще, согласна.

— Вот тут тоже есть эндостальные изменения[107]. Видите? Это наводит на размышления. — Она посмотрела на Рэнди. — Мы можем сейчас увидеть снимки голеностопных суставов?

— На размышления о чем? — переспросил он, все еще не доверяя этому эксперту из Бостона.

— О периостите. Воспалительных изменениях мембраны, покрывающей кость. — Маура сняла снимки берцовых костей. — Снимки голеностопа, пожалуйста.

Молча, он прикрепил к экрану новые снимки, и то, что Маура увидела на них, развеяло все ее сомнения. Доктор Оуэн, стоящая позади нее, пробормотала:

— *Да ну?*

— Это классические изменения костной ткани, — пояснила Маура. — Я видела такое только дважды. Один раз у иммигранта из Алжира. Вторым был труп, обнаруженный в грузовом отсеке — мужчина из Южной Америки.

— На что вы смотрите? — удивился Рэнди.

— На изменения в правой пяточной кости, — ответила доктор Оуэн. Она указала на снимок.

Маура добавила:

— Также Вы можете увидеть их и в левой пяточной кости. Эта деформация — результат нескольких старых переломов, которые со временем зажили.

— *Обе* ее ноги были сломаны? — спросил Рэнди.

— Неоднократно, — она посмотрела на рентгеновские снимки и содрогнулась от того, что они обозначали.

— Фалака[108], — тихо произнесла Маура.

— Я читала об этом, — сказала доктор Оуэн. — Но никогда не думала, что увижу подобный случай в штате Мэн.

Маура взглянула на Рэнди.

— Также известен как бастинадо. Ей бьют по подошвам ног, ломая кости, разрывая сухожилия и связки. Известна во многих местах по всему миру. Ближний Восток, Азия. Южная Америка.

— Вы имеете в виду, что кто-то *сделал* такое с ней?

Маура кивнула.

— И те изменения в большеберцовых костях, на которые я указала, они тоже из-за повторявшихся избиений. Чем-то тяжелым били по голеням. Этого недостаточно, чтобы сломать кость по-настоящему, но оно оставило необратимые изменения в надкостнице из-за повторяющихся кровотечений.

Маура вернулась к столу, где лежало изломанное тело Анны. Теперь она поняла значение этой сетки шрамов на грудях и животе. Не понимала она только, *зачем* все это проделали с Анной. Или когда.

— Это по-прежнему не объясняет, почему она покончила с собой, — сказала доктор Оуэн.

— Нет, — признала Маура. — Но это заставляет задуматься, не так ли? Связана ли ее смерть с прошлым. С тем, что привело к этим шрамам.

— Вы сейчас сомневаетесь, что это было самоубийством?

— После того, как я это увидела, я подвергаю сомнению все. А теперь у нас есть еще одна тайна. — Она посмотрела на доктора Оуэн. — Почему Анну Уэлливер пытали?

Тюремная камера принижает любого человека, так случилось и с Икаром.

Через решетку он казался меньше, несущественнее. Лишенный своего итальянского костюма и часов «Панерай»[109]*, теперь он носил кричаще-оранжевый комбинезон и резиновые «вьетнамки». В его*

одиночной камере были только раковина, унитаз и бетонная полка-кровать с тонким матрасом, на которой он сейчас и сидел.

— Ты знаешь, — сказал он, — каждый человек имеет свою цену.

— И какой была бы твоя? — поинтересовался я.

— Я уже ее заплатил. Все, что я когда-то ценил, было потеряно, — он посмотрел на меня ярко-голубыми глазами, так отличающимися от светло-карих глаз его мертвого сына Карло. — Я говорил о твоей цене.

— Моей? Меня нельзя купить.

— Тогда ты просто простодушный патриот? Ты делаешь это из любви к стране?

— Да.

Он рассмеялся.

— Я слышал подобное прежде. Это лишь означает, что альтернативное предложение не было достаточно высоким.

— Не существует такого предложения, чтобы заставить меня продать свою страну.

Он с жалостью взглянул на меня, словно я был слабоумным.

— Тогда ладно. Возвращайся к своей стране. Но знай, что ты придешь домой беднее, чем мог бы.

— В отличие от некоторых, — усмехнулся я, — по крайней мере, я смогу поехать домой.

Он улыбнулся, и от этой улыбки мои руки внезапно похолодели. Словно я взглянул в лицо своему будущему.

— Сможешь ли?

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Джейн признала, что на экране телевизора Даррен Кроу выглядел неплохо. Сидя за своим столом в отделе по расследованию убийств, она смотрела телеинтервью, подмечая его пижонский костюм, укладку и ослепительные зубы. Ей стало интересно, отбеливает ли он зубы сам при помощи набора для отбеливания из аптеки или заплатил профессионалу, чтобы отполировать их до жемчужного блеска.

— «Рубен»[110] с двойной квашеной капустой, — объявил Фрост, ставя пакет с сэндвичем на стол. Он упал на соседнее кресло и развернул свой обычный ланч — индейку на белом хлебе без листьев салата.

— Посмотри, как эта репортерша строит ему глазки, — сказала Джейн, показывая на блондинку, берущую интервью у Кроу. — Клянусь, она в любую секунду готова сорвать свой пиджак и закричать: *«Возьмите меня, офицер!»*

— Никто никогда мне такого не скажет, — вздохнул Фрост, смиренно откусывая свой сэндвич.

— Он завоевывает расположение аудитории, как профессионал. Вот, смотри, сейчас он изображает *глубокомысленность*.

— Я видел, как он тренировал этот взгляд в сортире.

— Глубокомысленность? — она фыркнула, разворачивая свой сэндвич «Рубен». — Как будто у него есть хоть одна глубокая мысль. То, как он таращится на эту цыпочку, да он больше думает, по ходу, о ее *глубокой глотке*.

Они сидели и ели свои сэндвичи, наблюдая, как Кроу по телевидению описывает поимку Сапаты. *«Мог бы сдаться, но решил бежать… Мы все время проявляли сдержанность… очевидно, это действия виновного человека…»*

Ее аппетит внезапно исчез, Джейн опустила свой «Рубен».

«Нелегалы вроде Сапаты, которые приносят насилие в эту страну, будут наказаны. Вот мое обещание добропорядочным гражданам Бостона».

— Что за хрень собачья, — возмутилась она. — Он просто так взял, осудил и вынес приговор Сапате.

Фрост не произнес ни слова, продолжая жевать свой сэндвич с индейкой, словно то, что ее взбесило, не имело никакого значения. Обычно Джейн ценила хладнокровие своего напарника. Ни переживаний, ни эмоций, просто раздражающе уравновешенный бойскаут, сейчас напомнивший ей корову, меланхолично жующую траву.

— Эй, — сказала она. — Разве тебя это не беспокоит?

Он повернулся к ней с полным ртом индейки.

— Я знаю, что это беспокоит тебя.

— А ты, значит, с этим согласен? Закроем дело, когда у нас нет орудия убийства и ничего, что связывало бы Сапату с Акерманами?

— Я не говорю, что согласен с этим.

— Только что Детектив Голливуд по телевизору обернул это все рождественским подарком. Подарком, который воняет. Тебе стоило бы разозлиться.

— Полагаю, да.

— Тебя вообще *что-нибудь* может разозлить?

Он откусил еще кусок индейки и пожевал, обдумывая вопрос.

— Да, — наконец ответил он. — Элис.

— Бывшим женам это положено.

— Ты сама спросила.

— Ну, это дело тоже должно бы тебя разозлить. Или, по крайней мере, то, что не дает покоя мне и Мауре.

При упоминании имени Мауры он, наконец, отложил свой сэндвич и посмотрел на Джейн.

— А что думает доктор Айлз?

— То же, что и я. Что эти трое детей как-то связаны. Их психолог просто спрыгнула с крыши, и Маура задумалась, а что если это из-за тех детей, у которых убивают всех близких? Словно они прокляты. Везде, где они появляются, кто-то умирает.

— А теперь все они в одном месте.

«Ивенсонг». Джейн подумала о мрачных лесах, где с ветвей ивы свисали забрызганные кровью игрушки. Подумала о замке, где привидениями были сами обитатели, живущие в тени насилия. Оба, Тедди и Маура, находились там за закрытыми воротами, с детьми, слишком хорошо знакомыми с кровопролитием.

— Риццоли.

Голос напугал ее, и Джейн резко повернулась в кресле, чтобы увидеть лейтенанта Маркетта, стоявшего позади нее. Она сразу схватила пульт и выключила телевизор.

— Вам нечем заняться? — спросил Маркетт. — Теперь вы на пару смотрите мыльные оперы?

— Величайшую мыльную оперу из всех существующих, — ответила она. — Детектив Кроу рассказывает добропорядочным людям Бостона о том, как он в одиночку поймал злого гения Сапату.

Маркетт наклонился к ней.

— Зайди ко мне в кабинет.

Джейн поймала взгляд Фроста, явно говоривший *«о-о»,* когда поднялась и проследовала за Маркеттом в его кабинет. Он закрыл за собой дверь. Она подождала, пока тот устроится в своем кресле, прежде чем присела сама. Он пристально посмотрел на Джейн.

— Вы с Кроу никогда не можете договориться, так? — спросил он.

— Из-за чего он нажаловался на меня в этот раз?

— Из-за отсутствия единого мнения по делу Акерманов. Из-за того, что ты поднимаешь вопрос о поспешности выводов.

— Виновна по всем пунктам, — признала она. — Я считаю, что выводы поспешны.

— Ага, я слышал все твои возражения. Но ты должна понимать, чем все обернется, если до прессы дойдут слухи о том, что ты говоришь. Такое стало бы кошмаром для наших пиарщиков. Это дело уже привлекло всеобщее внимание. Богатые семьи, мертвые дети — все, что любит Нэнси Грейс[111]. Она уже заполучила злодея, которого так нравится ненавидеть половине Америки — нелегального иммигранта. Сапата был преступником мечты для каждого. А самое лучшее — то, что он мертв, и дело закрыто. Вот и сказочке конец.

— Если только сказками считать кошмары, — ответила она.

— Как ни крути, их так назвали братья Гримм.

— Общественность удовлетворена, поэтому ты говоришь мне заткнуться и тоже быть довольной?

Он откинулся на спинку кресла.

— Иногда, Риццоли, ты настоящая заноза в заднице.

— Я часто слышу это в последнее время.

— Именно это и делает тебя хорошим следователем. Ты везде суешь свой нос и разнюхиваешь. Ты копаешь там, где никто больше не хочет. Я прочел твой отчет о трех детях. Семтекс в Нью-Гемпшире? Самолет, взорвавшийся в Мэриленде? Все это выглядит, как одно чертовски большое кладбище. — Он помолчал, постукивая пальцами по столу и рассматривая ее. — Поэтому продолжай. Делай свое дело.

Джейн не поверила своим ушам.

— Мое дело?

— Копай. Официально — дело Акерманов закрыто. Неофициально — у меня тоже есть сомнения. Но ты — единственная, кто об этом знает.

— Я могу подключить к этому Фроста? Он мог бы мне пригодиться.

— Я не могу выделить для этого никаких дополнительных ресурсов. Я даже не уверен, что вообще должен позволять тебе тратить на это время.

— Так почему же позволяете?

Маркетт наклонился вперед, посмотрев ей прямо в глаза.

— Слушай, мне хотелось бы закрыть это дело прямо сейчас и заявить о победе. Мне бы хотелось, чтобы наша статистика хорошо выглядела, конечно же, хотелось бы. Но, как и у тебя, у меня есть инстинкты. Иногда нам приходится игнорировать свое внутреннее чутье, а когда оказывается, что все это время мы были правы, то ругаем себя. Я не хочу, чтобы однажды меня ткнули лицом в то, что я прикрыл это дело слишком поспешно.

— Получается, мы прикрываем твою задницу.

— А ты что-то против этого имеешь? — отрезал он.

— Да ничего.

— Вот и отлично. — Он снова откинулся назад. — Так какой у тебя план?

Она немного поразмыслила над этим, прикинула, какой из оставшихся без ответа вопросов был самым важным. И решила, что вопрос номер один — что объединяло Уордов, Яблонски и Клоков, помимо характера смерти? Знали ли они друг друга?

Джейн ответила:

— Мне нужно отправиться в Мэриленд.

— Почему в Мэриленд?

— Отец Уилла Яблонски работал в центре Годдарда в НАСА. Так же, как и дядя Уилла, Брайан Темпл. Я хочу поговорить с их коллегами из НАСА. Возможно, они знают, почему упал этот самолет. И почему Брайан и его жена так поспешно забрали своего племянника из Мэриленда и перевезли его в Нью-Гемпшир.

— Где их дом взорвался.

Она кивнула.

— Все это начинает казаться очень крупным и очень плохим делом. Вот почему я хочу подключить к расследованию Фроста, чтобы он помог мне во всем разобраться.

Подумав, он кивнул.

— Хорошо, забирай Фроста. Даю тебе три дня.

— Принято. Спасибо.

Джейн встала.

— Риццоли?

— Да, сэр?

— Держи это в тайне. Не рассказывай никому в отделе, особенно Кроу. Общественность должна считать, что дело Акерманов закрыто.

— Ты знаешь старую поговорку — «*для этого не надо быть ракетостроителем*»[112]? — спросил Фрост, пока они ехали через университетский городок Центра космических полетов имени Годдарда. — Ну, теперь мы собираемся потусоваться с настоящими ракетостроителями! Это так здорово. В смысле, посмотри в окно и только представь себе средний уровень IQ парней, которые проходят мимо.

— И кем это делает нас, тупицами?

— Они знают всю эту математику, химию и физику. Я вот ни малейшего понятия не имею о том, как запустить ракету.

— Разве ты никогда не запускал игрушечную ракету при помощи уксуса и пищевой соды?

— А, точно. Именно так мы и попали на Луну.

Джейн въехала на парковку перед зданием научно-исследовательского центра, где они оба прицепили бейджики для посетителей НАСА, которые им выдали у въездных ворот.

— Подруга, надеюсь, мне разрешат его оставить, — сказал Фрост, поглаживая свой бейдж. — Это был бы такой крутой сувенир.

— Ты можешь немного поубавить свое восхищение перед умниками? Ты говоришь, как треккер[113], и, говоря начистоту, это сбивает с толку.

— Я *и есть* треккер. — Когда они вышли из машины, Фрост поднял руку в приветственном жесте вулканцев[114]. — Живи долго и…[115]

— Не *делай* этого, пока мы будем там, ладно?

— Эй, посмотри сюда! — он ткнул в наклейку на бампере одной из машин на парковке.

— ТЕЛЕПОРТИРУЙ МЕНЯ, СКОТТИ[116]!

— И что это значит?

— То, что это *мои люди!*

— Тогда, может, они пощадят тебя, — пробормотала Джейн, потягивая спину. Они прилетели в Балтимор ранним утром, поэтому, войдя в здание, Джейн оглянулась по сторонам в надежде обнаружить автомат с кофе. Вместо этого она увидела огромного мужчину, ковылявшего в их направлении.

— Вы и есть ребята из Бостона? — спросил он.

— Доктор Бартусек? — уточнила Джейн. — Я детектив Риццоли. Это мой напарник, детектив Фрост.

— Зовите меня Берт, — улыбаясь, Бартусек схватил ее руку и с энтузиазмом потряс. — Детективы убойного отдела из большого города! Бьюсь об заклад, у вас, ребята, по-настоящему интересная работа.

— Не такая интересная, как у Вас, — проговорил Фрост.

— У меня? — фыркнул Бартусек. — Ничто не может быть круче охоты за убийцами.

— Мой напарник считает, что гораздо круче работать на НАСА, — парировала Джейн.

— Ну, вы же знаете поговорку о траве по другую сторону баррикад[117], — со смехом произнес Бартусек, указав рукой вглубь холла. — Идемте, присядем в моем офисе. Ребята сверху дали мне добро на разговор с вами. Конечно, что еще мне остается, когда коп задает вопросы? Если я не буду отвечать, вы можете арестовать меня!

Он вел их по коридору, и Джейн почти ощущала, как содрогается здание от каждого его тяжелого шага.

— У меня есть много вопросов, — сказал он. — Я и мои коллеги хотим знать, что произошло с Нилом и Оливией. Вы уже поговорили с детективом Паррисом?

— Мы встречаемся с ним сегодня вечером, — ответила Джейн. — Надеюсь, он вернется к этому времени из Флориды.

— Паррис показался умным копом, когда я встречался с ним. Задал мне все возможные вопросы. Но не думаю, что он когда-нибудь найдет ответ. — Он посмотрел на Джейн. — Два года спустя я задаюсь вопросом, удастся ли это вам.

— У Вас есть какие-нибудь предположения насчет этой авиакатастрофы?

Он покачал головой:

— Никто из нас никогда не понимал, зачем кто-то мог захотеть убить Нила. Хороший парень, по-настоящему хороший парень. Мы много здесь об этом говорили, и отбросили все возможные причины. Он задолжал кому-то денег? Он разозлил не тех парней? Могло ли это быть преступлением на почве страсти?

— А это возможно, преступление на почве страсти? — заинтересовался Фрост. — У него или у его жены был роман на стороне?

Бартусек остановился у входа в офис, его массивная фигура закрывала собой весь дверной проход.

— Не думаю, что это возможно. В смысле, они были такими *правильными* людьми. Но с другой стороны, мы никогда не знаем, что на самом деле происходит в браке, так ведь?

Он печально покачал головой и вошел в свой офис. На стенах висела целая галерея потрясающих фотографий галактик и туманностей, напоминающих разноцветных амеб.

— Ого. Туманность Конская Голова, — произнес Фрост, любуясь одной из фотографий.

— Вы знакомы с ночным небом, детектив.

Джейн взглянула на своего напарника.

— Ты и впрямь треккер.

— Я же говорил. — Фрост перешел к другой фотографии. — Здесь Ваше имя, доктор Бартусек. Это Вы сняли?

— Астрофотография — мое хобби. Вы могли бы подумать, что проведя целый день за изучением Вселенной, я отправляюсь домой и делаю фотографии птичек или цветочков. Но нет, я смотрю на небо. Всегда. — Он обошел стол и опустился в массивное кресло, пружины которого издали громкий стон. — Можете назвать это одержимостью.

— Это можно сказать обо всех ракетостроителях? — спросил Фрост.

— Вообще-то, технически я не совсем ракетный ученый. Эти парни поджигают запал и запускают ракеты. Они говорят, что у них веселая работа.

— А Ваша работа?

— Я астрофизик. В этом здание мы занимаемся исследовательской частью. Мы с коллегами формулируем научный вопрос и выясняем, какие данные дадут на него ответ. Возможно, мы захотим взять образец пыли из пролетающей мимо кометы или сделать широкоугольный инфракрасный обзор неба. Чтобы получить эти данные, нам необходим специальный телескоп. Вот тогда мы и обращаемся к ракетным ученым, которые помогают нам получить и настроить этот телескоп. Мы определяем цель миссии. А инженеры-ракетчики разрабатывают способ ее осуществления. Правда в том, что мы вроде как говорим на разных языках. Они технари. Считают нас умниками.

— А кем был Нил Яблонски? — спросила Джейн.

— Нил определенно был умником. Он и его шурин Брайан Темпл были здесь самыми умными ребятами. Может, поэтому они и подружились. Такие хорошие друзья, по правде, они планировали совместную поездку в Рим вместе с женами. Там Нил и Оливия впервые встретились, и им хотелось пройтись по своим старым романтическим местечкам.

— Звучит не очень романтично, если берешь с собой еще одну пару.

— Не просто еще одну пару. Видите ли, Линн и Оливия были сестрами. Нил и Брайан были лучшими друзьями. Поэтому, когда Линн и Брайан поженились, вуаля, они превратились в четырех амигос[118]. Брайану и Нилу в любом случае хотелось поехать в Рим, они считали, что обрели своих жен благодаря этому городу. Чувак, Нил с нетерпением ждал этой поездки! Изводил меня всеми этими разговорами о пасте! Пицце! Фритто мисто[119]! — он оглядел свой выступающий живот, который внезапно заурчал. — Мне кажется, я прибавил в весе, всего лишь произнеся эти слова.

— Но они так и не попали в Рим?

Бартусек печально покачал головой.

— За три недели до отъезда Нил и Оливия сняли на выходные коттедж в Чесапике[120]. У Нила была небольшая «Сессна»[121], на которой он любил летать. Их сыну Уиллу необходимо было закончить научный проект, поэтому мальчик остался с Темплами. К счастью для парнишки, потому что через три минуты после взлета «Сессну» охватил огонь. Погода была отличная, а Нил был очень осторожным пилотом. Мы все предполагали, что это было механическое повреждение. До тех пор, пока детектив Паррис и ФБР не появились здесь через неделю или чуть позже и не принялись задавать кучу вопросов. Вот тогда-то я и понял, что в этой катастрофе было нечто большее, чем мы думали. Возможно, на борту той «Сессны» была заложена бомба. А раз уж теперь и вы, ребята, об этом спрашиваете, полагаю, это правда.

— Сегодня мы обсудим это с детективом Паррисом, — ушла от ответа Джейн.

— Значит, это не было несчастным случаем. Так ведь?

— Похоже, что нет.

Бартусек откинулся на спинку кресла и покачал головой.

— Неудивительно, что Брайан слетел с катушек.

— Что Вы имеете в виду?

— На следующий день после того, как самолет Нила разбился, Брайан пришел на работу белый как полотно. Забрал некоторые свои научные исследования, сказал, что несколько дней поработает дома, потому что не хочет оставлять Линн и племянника одних. Неделю спустя я услышал, что он уволился из НАСА. Это по-настоящему меня потрясло, потому что он любил эту работу. После двадцати лет работы здесь, не могу себе

представить, что могло бы заставить его просто взять и уйти. Он не сказал никому из нас, куда уезжает. Я даже не знал, что они переехали в Нью-Гемпшир, пока мы не услышали, что он и Линн погибли в том доме при пожаре.

— Значит, Брайан не сделал ни единого намека на то, почему уезжает из города?

— Ни словечка. Как я уже говорил, он выглядел весьма потрясенным, но на тот момент я считал, что это вполне естественно. Его лучший друг и сестра жены были убиты, и теперь ему придется растить ребенка Нила.

Бартусек на мгновение замолчал, мясистое лицо поникло от воспоминаний.

— Бедному мальчику чертовски не повезло в жизни. Потерять родителей, когда тебе всего лишь двенадцать, — Бартусек помотал головой. — Знаете, я никогда не упоминал об этом в разговоре с детективом Паррисом, но у некоторых из нас была теория, что все произошедшее было ошибкой. Может быть, убийца подложил бомбу не в ту «Сессну». Парочка крупных бизнесменов держала свои самолеты на этом поле. Там было и несколько политиков, и Бог знает скольким из нас хотелось бы, чтобы *их* самолеты разбились.

Он помолчал.

— Это была шутка. Правда. — Он оглядел обоих детективов. — Но я вижу, вы не оценили юмор.

— Мы сосредоточились на Ниле, но что насчет его жены? — спросил Фрост. — Есть какая-то причина полагать, что целью была она?

— Оливия? Ни в коем случае. Она была миловидной девушкой, но в то же время очень кроткой. Всякий раз, когда я видел ее на вечеринках НАСА, она стояла в углу и выглядела потерянной. Я старался изо всех сил, чтобы уделить ей немного внимания, ведь она была такой застенчивой. Но, честно говоря, мне не запомнилось ничего из того, о чем она говорила. У нее была скучная работа торгового представителя по продаже медицинского оборудования.

Фрост сверился со своим блокнотом.

— Снабжение больниц «Лейдекер».

— Да, именно так. Она особо об этом не рассказывала. Единственное, от чего она оживала — это разговоры об Уилле. Ребенок — настоящий гений, такой же, как Нил.

— Ладно, давайте вернемся к Нилу, — продолжила Джейн. — Возникали ли у него какие-то конфликты здесь, на работе? Какие-то коллеги, с которыми он не поладил?

— Только самые обычные вещи.

— Например?

— Ученый выдвигает теорию, высказывает свою точку зрения. Иногда он эмоционально воспринимает то, что другие не согласны с его позицией.

— И кто не соглашался с Нилом?

— Я даже и не припомню, потому что это нормально. У них с Брайаном всегда возникали оживленные споры, но они никогда не носили враждебного характера, понимаете? Это больше походило на игру между двумя умниками. Двое из них говорят об обломочных дисках и *бац!* Они словно два буйных ребенка, играющих в песочнице и швыряющих друг в друга игрушками.

Фрост оторвался от заметок, которые он вкратце делал.

— Обломочные диски? Что это?

— Они были предметом их исследования. Это связано с ядрами межзвездного облака. Когда они разрушаются, момент импульса собирает их вместе и формирует эти вращающиеся диски из газа и пыли вокруг молодых звезд.

— Они спорили из-за этого? — спросила Джейн.

— Эй, мы тут спорим обо всем. Это и делает науку такой чертовски увлекательной. Да, иногда споры принимают личный характер, но мы здесь с этим справляемся. Мы же все большие мальчики. — Он посмотрел на свой живот и добавил с ироническим вздохом: — Некоторые из нас больше остальных.

— И какого рода споры возникали из-за обломного диска?

— Обломочных дисков. Существует множество разногласий по поводу того, как эти кольца из пыли и газа трансформируются в солнечные системы с планетами. Некоторые говорят, что планеты образуются в результате многократных столкновений, но что заставляет эти обломки мусора соединяться? Как накапливается масса? Как куча вращающегося мусора превратилась в Меркурий, Венеру и Землю? На этот вопрос мы пока не можем дать ответа. Мы знаем, что мы — не единственная

солнечная система. Бесчисленное множество планет существует только в нашей галактике, и многие из них находятся в обитаемой зоне[122].

Фрост, который с таким же успехом мог вытатуировать у себя на лбу «ТРЕККЕР», подался вперед с внезапным интересом.

— Вы считаете, мы могли бы их колонизировать?

— Возможно. *Обитаемая зона* подразумевает, что некоторые формы жизни могли бы там существовать. По крайней мере, привычные для нас углеродные формы жизни. Данные, полученные миссией Кеплер обнаружили то, что мы называем планетами пояса Златовласки[123]. Не слишком жарко, не слишком холодно, в самый раз. По правде говоря, вот зачем Нил и Брайан собирались поехать в Рим. Чтобы представить свои данные команде обсерватории Ватикана.

Фрост издал удивленный смешок.

— В Ватикане есть обсерватория?

— Довольно хорошо оборудованная, часть Папской академии наук. — Он увидел приподнятую бровь Фроста. — Да, знаю, странно слышать, что это та самая церковь, которая травила Галилея за веру в то, что Земля вращается вокруг Солнца. Но в их академии есть несколько влиятельных астрономов. Они жаждали взглянуть на последнее исследование Нила и Брайана, потому что те имели большое значение. Особенно для Ватикана.

— Почему это исследование взволновало католическую церковь? — спросила Джейн.

— Потому что мы говорим об астробиологии, детектив Риццоли. Об изучении жизни во Вселенной. Подумайте об этом. Что будет значить для осознания нашего места в этой Вселенной то, если мы найдем жизнь на других планетах? Что случится с концепцией божественного создания и с *«Да будет свет»*[124]? Это перевернет самую драгоценную веру человечества в то, что мы уникальны. В то, что Бог сотворил нас. Это может сокрушить главную опору церкви.

— Сокрушить? Разве Яблонски и Темпл и впрямь располагали данными, чтобы сделать это?

— Я не знаю этого, но я определенно видел доказательство.

— Они поделились этим с Вами?

— Я видел их предварительный анализ данных, полученных в инфракрасном диапазоне и радиотелескопах. Образец был получен на одной из планет пояса Златовласки, о котором я вам рассказывал. В нем содержались диоксид углерода, вода, озон и азот. Не только строительные блоки жизни[125], но еще и молекулы, указывающие на то, что там есть фотосинтез.

— Что означает растительную жизнь, — произнес Фрост.

Бартусек кивнул.

— Это весьма наводит на размышления.

— Почему мы об этом не слышали? — возмутился Фрост. — Где же пресс-конференция, большое объявление Белого Дома?

— Вы не можете просто выйти и объявить об этом, не будучи абсолютно уверенным, иначе выставите себя идиотом. Поймите, вас заклюют. Объявятся неверующие придурки всех мастей, которые объявят вам войну. У нас должен быть план на случай непредвиденных обстоятельств, учитывающий всех психов, которые попытаются подложить бомбы в наших зданиях. — Он остановился, чтобы перевести дыхание. — Поэтому нет. Мы не делаем заявлений до тех пор, пока не сможем доказать что-то, не оставив и тени сомнения. Черт, пришельцам пришлось бы приземлиться на лужайке перед Белым Домом, чтобы убедить некоторых людей. Но Нил и Брайан, они чувствовали, что доказательств достаточно. Вообще-то, это было последним, что Нил сказал мне перед смертью.

Джейн уставилась на него.

— То, что у него есть доказательства?

Бартусек кивнул.

— Внеземной жизни.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Джейн и Фрост молчали, пока ехали в сторону Колумбии[126], оба ошеломленные и пытающиеся осознать только что услышанное. После посещения НАСА, езда по обычной автостраде казалась скучным занятием. Они направлялись к офису, где Оливия Яблонски работала в отделе продаж медицинского оборудования.

— Я вот задаюсь вопросом, а что, если мы ошиблись? — произнес Фрост. — Не думаю, что мишенью в Нью-Гемпшире был именно мальчик.

Джейн посмотрела на своего напарника, который, щурясь, смотрел вперед, словно пытался разглядеть что-то сквозь туман.

— Считаешь, целью был дядя мальчика? Брайан Темпл?

— Оба мужчины связаны с открытием, которое потрясло бы Землю. Нила устраняют. Брайан паникует и сбегает с женой и племянником в Нью-Гемпшир. Плохие парни следуют *за ним*.

— Проблема в том, что мы не знаем, кто эти плохие парни.

— Ты слышала Бартусека. Обнаружение внеземной жизни встряхнуло бы мир. Люди начали бы задавать вопросы обо всем, что они узнали в воскресной школе[127].

— Значит, какой-то монах-ассасин альбинос убивает ученых из НАСА? — рассмеялась она. — Я полагала, это был фильм[128].

— Вспомни о том, что творят религиозные фанатики, чтобы отстоять свои убеждения. Ученые-климатологи из Массачусетского технологического университета постоянно получают угрозы. Это исследование *по-настоящему* разозлит безумцев. Если о нем когда-нибудь объявят. — Он нахмурился. — Интересно, почему молчит НАСА.

— Похоже, доказательств пока нет.

— Это на самом деле так или это слишком крупная новость для них… для всех… чтобы с ней справиться?

Внеземная жизнь. Джейн прокрутила эту возможность в голове, стараясь рассмотреть ее со всех сторон, представить все последствия. Послужило ли это мотивом для убийства? Смерти Яблонски и Темплов определенно были работой профессионалов, умеющих обращаться с Семтексом.

— В этой теории есть недостаток, — решила она. — Она не объясняет семью Клэр Уорд. Ее отец был дипломатом, работал в Государственном Департаменте. Что связывало его с НАСА?

— Возможно, эти дела не имеют между собой ничего общего. Мы просто связали их, потому что оба ребенка оказались в «Ивенсонге».

Джейн вздохнула.

— Сейчас ты говоришь, как Кроу. Разные дети, разные дела. Всего лишь совпадение, что они оказались в одной и той же школе…

— Однако это интересно…

— Что?

Фрост указал на дорожный знак поворота на Вашингтон.

— Разве Эрскин Уорд какое-то время не работал в Вашингтоне?

— И в Риме. И в Лондоне.

— По крайней мере, у нас есть географическая ниточка между Уордами и Яблонски. Они жили в радиусе пятидесяти миль друг от друга.

— Но не семья Тедди Клока. Николас Клок работал на Род-Айленде.

— Ага, — пожал плечами Фрост. — Так что, может быть, мы пытаемся соединить несовместимое, и просто все чересчур усложняем.

Она заметила адрес, который они искали, и свернула на парковку. Это был очередной торговый центр, неотличимый от тысячи других по всей стране. Существовал ли какой-то универсальный дизайн торгового центра, которому учат в архитектурном университете, копируя чертежи и передавая их каждому строителю в Америке? Она припарковалась и посмотрела на привычную смесь вывесок. Аптека, магазин одежды больших размеров, отдел «все за 1 доллар» и китайская закусочная. Последнее было неизменным.

— Я его не вижу, — пробурчал Фрост.

— Должно быть, он в заднем конце здания. — Она открыла свою дверцу. — Пойдем разомнем ноги и прогуляемся.

— Ты уверена, что это правильный адрес?

— Этим утром я уточнила его у менеджера. Она ждет нас.

Ее мобильный зазвонил, и Джейн узнала номер мэрилендского детектива, который расследовал дело Яблонски.

— Риццоли, — ответила она.

— Это детектив Паррис. Вы уже в Балтиморе? — спросил он.

— Да, мы здесь. Можете ли Вы встретиться с нами сегодня вечером?

— Да, мэм. Сейчас я в дороге, но должен вернуться в город к обеду. Как насчет того, чтобы встретиться в стейкхаусе «Лонг-Хорн» около половины восьмого? Он находится на Сноуден Ривер Парквей[129]. Не хотелось бы назначать встречу у меня дома.

— Понимаю. Я тоже не люблю смешивать работу и семью.

— Нет, тут все гораздо сложнее. Это из-за того дела.

— А что с ним?

— Поговорим об этом позже. Вы взяли своего напарника?

— Детектив Фрост приехал со мной.

— Хорошо. Всегда полезно, когда кто-то прикрывает спину.

Она повесила трубку и посмотрела на Фроста.

— Это был странный звонок.

— Разве мало странностей в этом деле? — он посмотрел на торговый центр с его множеством заурядных магазинов и вздохнул. — После НАСА приехать сюда.

Он вздохнул.

— Пойдем.

Снабжение больниц «Лейдекер» располагалось в дальнем конце торгового центра за витриной с изображением инвалидной коляски и четырехопорной трости. Войдя внутрь, Джейн ожидала увидеть выставочный зал, заполненный медицинским оборудованием. Вместо этого она обнаружила офис с пятью столами, бежевым ковром и двумя пальмами в кадках. За одним из столов женщина средних лет с пышными светлыми волосами разговаривала по телефону. Она заметила посетителей и проговорила:

— Я перезвоню Вам позже по поводу этого заказа, мистер Уиггинс.

Повесив трубку, она улыбнулась им.

— Могу я вам чем-нибудь помочь?

— Мисс Микки? Детективы Риццоли и Фрост, — представилась Джейн. — Мы говорили с Вами ранее.

Женщина поднялась, чтобы поприветствовать их, продемонстрировав стройную фигуру в хорошо скроенном брючном костюме.

— Прошу, зовите меня Кэрол. Я действительно надеюсь, что смогу вам помочь. Понимаете, это все еще преследует меня. Каждый раз, когда я смотрю на ее стол, то думаю о ней.

Джейн пробежалась взглядом по незанятым столам.

— А здесь есть другие коллеги Оливии? Нам бы хотелось поговорить и с ними.

— Боюсь, все остальные сейчас в городе, занимаются продажами. Но я знала Оливию лучше всех остальных, поэтому смогу ответить на ваши вопросы. Пожалуйста, присаживайтесь.

Когда все расселись, Фрост добавил:

— Полагаю, прежде Вам уже задавали подобные вопросы.

— Да, детектив был здесь несколько раз. Я забыла его имя.

— Паррис?

— Да, он. Через неделю после несчастного случая он приходил сюда и спрашивал... — Она замолчала. — Полагаю, мы теперь знаем, что это был не несчастный случай.

— Нет, мэм.

— Он спрашивал меня, были ли у Оливии враги. Какие-нибудь бывшие парни. Или *новые*.

— А вы знаете таких? — спросила Джейн.

Кэрол Микки решительно затрясла головой, но ни один волосок не выбился из ее идеальной блондинистой прически. — Оливия была не таким человеком.

— Многие обычные люди заводят романы, мисс Микки.

— Ну, она была не просто *обычным* человеком. Оливия была самым надежным менеджером по продажам из всех, что у нас были. Если она сказала, что будет в Лондоне в среду, значит, так и будет. Наши клиенты всегда знали, что могут на нее рассчитывать.

— А клиенты, — уточнил Фрост, — это больницы? Медицинские офисы?

— И то, и другое. Мы продаем оборудование по всему миру.

— И где Ваша продукция? Я не вижу здесь витрин с образцами.

Кэрол полезла в ящик стола и достала увесистый каталог, положив его на стол перед ними.

— Это всего лишь наш офис спутниковых продаж. Каталог демонстрирует наш широкий ассортимент продукции. Ее отгружают со складов в Окленде, Атланте, Франкфурте, Сингапуре. Плюс несколько других мест.

Джейн пролистала каталог и увидела больничные койки и инвалидные коляски, стулья-туалеты и каталки. Глянцевый набор всего, что, как она надеялась, ей никогда не понадобится.

— Миссис Яблонски часто была в разъездах?

— Как и все наши торговые представители. А это головной офис, где я стараюсь держать все под контролем.

— А сами Вы не ездите?

— Кто-то же должен удерживать форт. — Кэрол оглядела офис с его бежевым ковром и искусственными пальмами. — Но иногда, конечно, у меня начинается здесь клаустрофобия. Мне стоит облагородить это место, так? Может, развесить несколько постеров с путешествиями. Было бы неплохо для разнообразия полюбоваться тропическим пляжем.

Фрост поинтересовался:

— Ваши представители занимаются продажами в одиночку или путешествуют в компании?

Кэрол бросила на него недоуменный взгляд.

— А почему Вы спрашиваете?

— Я всего лишь уточняю, не дружила ли Оливия особенно тесно с кем-то из коллег.

— Все наши пятеро представителей путешествуют поодиночке. И нет, никакой неуместной дружбы в этом офисе не случалось. Святые небеса, мы же говорим об *Оливии*. О счастливой замужней женщине с сыном. Я несколько раз присматривала за Уиллом, а о людях можно узнать очень многое, увидев, каких детей они растят. Уилл замечательный мальчик, очень вежливый и послушный. Одержим астрономией, как и его отец. Я

благодарю Бога, что в тот день его не было на борту самолета. Как подумаю, что вся его семья была уничтожена...

— А что насчет тети и дяди Уилла, Темплах? Вы их тоже знаете?

— Нет, боюсь, что нет. Я слышала, что они забрали Уилла и уехали, вероятно, чтобы убежать от всех этих неприятных воспоминаний. Дать мальчику новый старт.

— Вы знаете о том, что Линн и Брайан Темпл мертвы?

Кэрол уставилась на нее.

— Боже мой. Как это произошло?

— Их дом в Нью-Гемпшире сгорел. В это время Уилла не было внутри, поэтому он спасся.

— С ним все в порядке? Его забрали другие родственники?

— Он в безопасном месте, — это было все, что смогла сказать Джейн.

Явно шокированная новостями, Кэрол откинулась на спинку стула и пробормотала:

— Бедная Оливия. Она никогда не увидит его взрослым. Знаете, она была на восемь лет моложе меня, и я никогда не думала, что переживу ее.

Кэрол обвела глазами офис, словно видела его впервые.

— Прошло два года, а что я сделала за отпущенное *мне* время? Вот она я, в том же самом месте и ничего не изменилось. Даже эти дурацкие искусственные пальмы.

Телефон на столе зазвонил. Кэрол сделала глубокий вдох и заставила себя улыбнуться, пока радостно говорила:

— О, здравствуйте, мистер Дамрош, как приятно слышать Вас вновь! Да, разумеется, мы можем обновить этот заказ для Вас. Несколько позиций или только какую-то одну?

Она потянулась за ручкой и принялась быстро записывать.

Джейн было совершенно неинтересно слушать разговор о тростях и ходунках, и она поднялась со стула.

— Простите, мистер Дармош, не могли бы Вы минутку подождать? — Кэрол зажала ладонью трубку и посмотрела на Джейн. — Извините. Вы хотите спросить меня о чем-то еще?

Джейн взглянула на глянцевый каталог, лежащий на столе. Подумала об Оливии Яблонски, перевозившей тяжелый каталог из города в город, одна встреча за другой, продающей инвалидные коляски и ночные горшки.

— У нас больше нет вопросов, — решила она. — Спасибо.

Детектив Паррис был похож на человека, питающего слабость к говядине и выпивке. Они обнаружили его уже сидящим в стейкхаусе «Лонг-Хорн», он потягивал мартини, изучая меню. Его плотное тело было так тесно зажато в кабинке, что Джейн махнула, показывая ему не вставать, пока они с Фростом рассаживались на стульях напротив. Паррис отставил мартини и принялся бесстрастно изучать их как типичный полицейский, в то время как Джейн делала то же самое. Немного за шестьдесят, скорее всего, на пороге выхода на пенсию, он давно утратил свою мальчишескую фигуру, как и большую часть волос. Но судя по проницательному взгляду, в этих глазах все еще светился мозг полицейского, оценивающий Джейн и Фроста прежде, чем начать разговор.

— Мне было интересно, когда кто-то, наконец, начнет спрашивать об этом деле, — произнес он.

— И вот они мы, — сказала Джейн.

— Гм. Полицейское управление Бостона. Никогда не угадаешь, куда может завернуть дело. Вы, ребята, голодные?

— Да, мы не отказались бы поесть, — ответил Фрост.

— Я только что провел очень долгую неделю с моей вегетарианкой-дочерью в Талахасси[130]. Поэтому, будьте уверены, я сюда пришел не ради какого-то треклятого салата. — Он снова взял меню. — Я собираюсь заказать стейк-портерхаус[131]. На двадцать унций[132] с большой порцией картошки и фаршированных грибов. Это должно искупить страдания после недели поедания брокколи.

Он заказал стейк с кровью и еще один мартини. «Его неделя в Талахасси, — подумала Джейн, — должно быть, была суровым

испытанием». Только после того, как он отглотнул еще мартини, Паррис был готов перейти к делу.

— Вы прочитали все дело? — спросил он.

— Все, что Вы прислали по электронной почте, — сказала Джейн.

— Тогда Вы знаете столько же, сколько и я. На первый взгляд, это выглядело как очередной мелкий несчастный случай. Одномоторная «Сессна-Скайхоук» упала сразу после взлета. Обломки разбросало по всему лесу. Пилот был настоящим занудой в плане безопасности, но вы же знаете, как это бывает. Почти всегда это ошибка человека — пилота либо механика. Я не особо углублялся в дело, пока мне не позвонили из НСБТ. В найденных обломках они обнаружили отметины от пробоин, нанесенных фрагментами высокоскоростного снаряда. Это заставило их проверить обломки на следы взрывчатых веществ. Не поручусь за точность химических деталей, но они использовали жидкостную хроматографию[133] и масс-спектрометрию[134]. Обнаружили что-то под названием гексагидро-чего-то-там. Также известное, как гексоген[135].

— Циклотриметилентринитрамин, — произнес Фрост.

— Значит, Вы читали доклад.

— Эта часть меня заинтересовала. Его используют военные, и он более мощный, чем тротил. Смешайте его с воском, и вы сможете придать взрывчатке любую форму. Это один из компонентов Семтекса.

Джейн посмотрела на своего напарника.

— Теперь я понимаю, почему ты хотел стать ракетостроителем. Значит, при помощи этого можно что-нибудь взорвать.

— Именно это и произошло с маленьким «Скайхоуком» Яблонски, — подтвердил Паррис. — Его взорвали. Гексоген активировали при помощи радиоуправления. Не через таймер, не через взрыватель. Кто-то был там, увидел, как самолет взлетел и нажал на кнопку.

— Значит, это не было ошибкой, — сказала Джейн. — Не было поломкой самолета.

— Я практически уверен, что намеченной целью был Яблонски. Вероятно, коллеги Нила из НАСА говорили вам другое. Они отказываются верить, что кто-то захотел убить его. А я особо и не старался их убедить.

— Да, именно это нам и сказал доктор Бартусек, — подтвердила Джейн. — Что, должно быть, это ошибка. Что у Нила не было врагов.

— У всех есть враги. Но такие, что забавляются с гексогеном? — он покачал головой. — Речь идет об опасном дерьме, о взрывчатых веществах военного назначения. Достаточно опасном, чтобы заставить меня задуматься, а что если… — он резко замолчал, когда официантка принесла их заказ. По сравнению с огромным куском мяса на тарелке Парриса, семиунцевое[136] филе Джейн и куриная грудка Фроста выглядели закусками. Только после того, как официантка ушла, Джейн напомнила Паррису о незаконченной фразе.

— Заставить задуматься о чем? — спросила она.

— Не окажусь ли я следующим мертвецом, — пробормотал он и засунул сочащийся кусок мяса себе в рот. Кровавые струйки потекли по тарелке, пока он отрезал себе еще кусочек и отпил очередной глоток мартини. Джейн вспомнила о том, что он сказал ей по телефону: *«Не хотелось бы назначать встречу у меня дома.»* Она решила, что он не хочет смешивать работу и личную жизнь. Теперь же его слова приобрели зловеще новый смысл.

— Это так сильно вас испугало? — спросила она.

— Чертовски верно. — Он посмотрел на нее. — Начинаешь понимать, за чем охотишься.

— Так чего именно Вы боитесь?

— Дело в том, что я не знаю. Может, я всего лишь параноик и все себе напридумывал. Или и впрямь кто-то прослушивает мой телефон. Вешает «хвост» на мою машину.

— Притормозите-ка, — рассмеялась Джейн. — Вы серьезно?

— Как никогда. — Он отложил нож и вилку и уставился на нее. — Вот почему я рад, что Вы приехали вместе с напарником. Кто-то сможет прикрыть Вам спину. Я достаточно старомоден, чтобы полагать, что за дамой необходимо присматривать, пусть даже она и коп.

— Присматривать? — Джейн обратилась к Фросту: — Тебя понизили в должности.

— Детектив Паррис, — спросил Фрост, — откуда, как Вы считаете, исходит эта угроза?

— Я слышу это в вашем голосе. Вы мне не верите. Но вы очень скоро в этом убедитесь. Поэтому вот вам мой совет: почаще оглядывайтесь. Куда бы вы ни направлялись, обращайте внимание на лица, и вы заметите, что некоторые из них станут казаться знакомыми. Однажды ночью вы обнаружите фургон, припаркованный неподалеку от вашего дома. Фургон, который будет просто стоять там.

Мороз бросил взгляд на Джейн, который не ускользнул от внимания Парриса.

— А, ладно. Вы думаете, я сумасшедший. — Он пожал плечами и потянулся за мартини. — Просто продолжайте копать, и вся грязь сама начнет всплывать на поверхность.

— Какая грязь? — уточнила Джейн.

— Вы наверняка ее уже всколыхнули, когда приехали сюда и начали задавать вопросы.

— Это имеет отношение к Нилу или Оливии?

— Забудьте об Оливии. Бедняжка просто оказалась в самолете не в то время.

Паррис помахал официантке и показал на пустой бокал мартини.

— Если вы не возражаете, — добавил он.

— Вы считаете, это был профессиональный мотив? — спросил Фрост.

— Когда вы исключаете ревнивых любовников, разъяренных соседей и жадных родственников, остается только работа.

— Вы же знаете, что он проводил исследование для НАСА, так?

Паррис кивнул.

— Инопланетная жизнь. Говорят, он и его приятель Брайан Темпл решили, что обнаружили ее, даже если никто из НАСА и не объявит об этом в прессе.

— Потому они и замалчивают это? — спросил Фрост. — Или потому что это неправда?

Паррис наклонился вперед, его лицо раскраснелось от алкоголя.

— Вас не взорвут, если вы ошибаетесь. Взрывают, когда вы *правы*, и все становится опасным. И у меня есть ощущение... — он внезапно замолчал, увидев что-то за спиной Джейн. Она хотела обернуться, но Паррис прошептал: — *Не стоит.*

— Что там?

— Парень в очках, белой рубашке и джинсах. Сидит тут с шести часов. Думаю, я видел его заправке пару часов назад.

Джейн позволила салфетке соскользнуть с колен на пол. Она наклонилась, чтобы поднять ее и бросила взгляд на мужчину, о котором шла речь, в кабинку к которому присаживались женщина с малышом на руках.

— Если только они не наняли трехлетних шпионов, — заметила Джейн, выпрямляясь. — Не думаю, что Вам стоит беспокоиться о парне в очках.

— Ладно, — признал Паррис. — Значит, в этот раз я ошибся. Но было и много другого.

— Вроде фургонов неподалеку от Вашего дома, — произнесла она равнодушным голосом.

Он напрягся.

— Я знаю, как это звучит. Когда все это началось, я тоже не верил. Я продолжал подыскивать логические объяснения, но это продолжало происходить. Вещи на моем столе перемещались, файлы исчезали. Это продолжалось несколько месяцев.

— И все еще продолжает происходить?

Паррис молчал, пока официантка ставила перед ним третий бокал мартини. Он рассматривал свой стакан, словно взвешивая, насколько мудрым будет решение повысить содержание алкоголя в крови. Наконец, он поднял бокал.

— Нет. Странности перестали происходить примерно тогда, когда дело закрыли. Органы власти, с которыми мы работали — НСБТ, ФБР, — сказали мне, что их расследование зашло в тупик. Полагаю, у них были другие приоритеты. И все затихло. Странные фургоны пропали, и моя жизнь вернулась в привычное русло. Потом несколько недель назад я услышал от полиции Нью-Гемпшира о взорванном Семтексом фермерском доме Темплов, — он помолчал. — Теперь здесь *вы*. И я снова жду появления фургонов.

— У Вас есть какие-то мысли о том, кто их посылает?

— И знать не хочу. — Он откинулся на спинку стула. — Мне шестьдесят четыре года. Я должен был выйти на пенсию два года назад, но мне нужны деньги, чтобы помогать дочери. Это моя работа, но не моя *жизнь*, понимаете?

— Проблема в том, — сказала Джейн, — что на кону могут стоять и другие жизни. Сына Нила и Оливии, например.

— В том, чтобы прийти за четырнадцатилетним мальчиком, нет никакого смысла.

— Также как и нет смысла в том, чтобы прийти за двумя другими детьми.

Паррис нахмурился.

— Какими детьми?

— В ходе расследования Вы не сталкивались с именами Николаса и Аннабель Клоков?

— Нет.

— А как насчет Эрскина и Изабель Уордов?

— Нет. Кто эти люди?

— Другие жертвы. Другие семьи, которых убили в ту же неделю, когда погибли Нил и Оливия. В каждой из этих семей выжил один ребенок. И теперь на этих детей вновь было совершено нападение.

Паррис уставился на нее.

— Я никогда не сталкивался с этими именами в своем расследовании. Я впервые о них слышу.

— Но параллели прослеживаются зловещие, согласитесь?

— Это связано с НАСА? Можно соединить их вместе через нее?

Джейн вздохнула.

— К сожалению, нет.

— Так *что* связывает этих детей?

— Мы надеялись, Вы сможете нам об этом рассказать. О связи между ними.

Он откинулся назад, бросив на них взгляд поверх своей пустой тарелки с потеками крови.

— Сейчас вы знаете о Яблонски ровно столько же, сколько и я. Поэтому расскажите-ка мне о Уордах.

— Они были застрелены в лондонском переулке, все выглядело, как ограбление, в котором что-то пошло не так. Он — американский дипломат, она — домохозяйка. В их одиннадцатилетнюю дочь тоже выстрелили, но ей удалось выжить.

— Уорд был дипломатом, а Яблонски ученым в НАСА. И какая тут связь? В смысле, астробиология уж точно не является злободневной дипломатической проблемой.

Фрост резко выпрямился.

— Если инопланетяне разумны, мы будем должны установить с ними дипломатические отношения, так ведь?

Джейн вздохнула:

— Тебе пора завязывать со «Стар Треком».

— Нет, подумай об этом! Нил Яблонски и Брайан Темпл собирались лететь в Рим, чтобы встретиться с ватиканскими учеными. Эрскин Уорд когда-то работал в Риме, значит, в тамошнем посольстве у него были связи. Скорее всего, он бегло говорил на итальянском.

— А что насчет семьи Клоков? — спросил Паррис. — Вы мне так о ней и не рассказали. Связана ли она со всем этим?

— Николас Клок был финансовым консультантом в Провиденсе на Род-Айленде, — пояснила Джейн. — Он и его жена Аннабель были убиты на борту своей яхты недалеко от Сент-Томас.

Паррис покачал головой.

— Не вижу никакой связи с Яблонски или Уордами. Ничто не связывает эти три семьи.

Кроме того, что их дети находятся в одной школе. Обстоятельство, которое Джейн не могла раскрыть, потому что оно тревожило ее. Убийце

нужно было только отследить их до «Ивенсонга» и устроить там резню, уничтожив всех детей разом.

— *Н*е знаю, что это значит, — промолвил Паррис. — Все, что могу сказать — это пугает меня до чертиков. Гексогеном взорвали самолет Яблонски. Семтексом взорвали дом Темплов в Нью-Гемпшире. Это не любители. Убийцам вроде этих наплевать на то, что мы копы. Они работают на совершенно ином уровне, прошли спецподготовку и имеют доступ к взрывчатым веществам военного назначения. Вы и я, для них мы просто тараканы. Помните об этом. — Он допил свой мартини и поставил бокал. — Вот и все, что я могу вам сказать.

Он помахал официантке.

— Счет, пожалуйста!

— Обед за наш счет, — возразила Джейн.

Паррис кивнул.

— Весьма признателен.

— Спасибо, что встретились с нами.

— Да я не смог особо ничего добавить, — ответил он, поднимаясь со стула. Несмотря на три мартини, казалось, он вполне твердо стоял на ногах. — Вообще-то, это я должен *вас* благодарить.

— За что?

Во взгляде, которым он одарил ее, сквозило сочувствие.

— За то, что меня сняли с крючка. Теперь они будут наблюдать за вами.

Джейн приняла горячий душ и плюхнулась на свою кровать в номере мотеля, уставившись в темноту. Чашка кофе за ужином была ошибкой. Кофеин плюс события прошедшего дня не давали ей заснуть, мозг прокручивал то, о чем они с Фростом узнали, и что все это означало. Когда она, наконец, заснула, смятение последовало за Джейн в ее сны.

Была ясная-ясная ночь. Она держала Реджину на руках, стоя посреди толпы и разглядывая небо со сверкающими звездами. Несколько звезд принялись двигаться подобно светлячкам, и Джейн услышала, как толпа удивленно зашумела, когда эти звезды засияли ярче, собираясь в геометрическую фигуру.

Это были не звезды.

С ужасом она поняла, что на самом деле означают эти огни, и принялась протискиваться сквозь толпу, отчаянно подыскивая место, чтобы спрятаться. Место, где инопланетные огни не смогут ее найти. *Они идут за нами.*

Джейн проснулась, дрожа, сердце стучало так сильно, что она испугалась того, что оно может выскочить из груди. Она лежала, покрываясь потом, пока ужас ночного кошмара медленно исчезал. «Вот что случается, когда обедаешь с копом-параноиком, — подумала она. — Тебе снятся инопланетные вторжения. Не дружественные инопланетяне, а чудовища с космическими кораблями и лучами смерти. А почему бы пришельцам не прилететь на землю в качестве завоевателей? *Вероятно, они будут такими же кровожадными, как и мы».*

Она села на край кровати, в горле пересохло, пот охлаждал ее кожу. На прикроватных часах светилось время — 2:30 ночи. Всего через четыре часа им надо было выехать из мотеля и сесть на самолет обратно в Бостон. Она встала в темноте и на ощупь принялась искать дорогу в ванную, чтобы выпить глоток воды. Когда она проходила мимо окна, тонкий луч света мелькнул сквозь занавеску и исчез.

Она подошла к окну и приоткрыла штору, чтобы взглянуть на темную парковку. Мотель был заполнен, все парковочные места заняты. Она высматривала, откуда из темноты светил этот луч фонарика, и уже собиралась вновь задвинуть штору, когда внутри одного из автомобилей внезапно зажглась потолочная лампочка.

«Это наш арендованный автомобиль».

Она не брала оружие в эту поездку, и Фрост тоже. Они были не вооружены, без прикрытия, против чего? Она схватила свой мобильник и нажала клавишу быстрого набора. Спустя несколько гудков Фрост ответил все еще сонным голосом.

— Кто-то забрался в наш автомобиль, прошептала она, натягивая джинсы. — Я собираюсь туда.

— Что? Подожди!

Она застегнула молнию.

— Через тридцать секунд я выхожу наружу.

— Подожди, подожди! Я иду.

Она схватила фонарик и ключ-карту от номера и вышла босиком в коридор, в тот же миг Фрост вышел из соседнего номера. Неудивительно, что он умудрился так быстро собраться: на нем все еще была надета пижама. Красно-белая «ПиДжей»[137], вышедшая из моды еще во времена Кларка Гейбла[138].

Он увидел, как она на него уставилась, и сказал:

— Что?

— У меня от нее в глазах зарябило. Ты словно ходячий неон, — пробормотала Джейн, когда они направились к боковому выходу в конце коридора.

— Какой план?

— Мы выясним, кто влез в нашу машину.

— Может, нам стоило позвонить в 911.

— К тому времени, как они приедут, он уже будет далеко.

Они выскользнули в ночь и бросились к припаркованному автомобилю. Выглянув из-за заднего бампера, она всматривалась в ряд машин, отыскивая глазами место, где был припаркован их автомобиль. Но луч фонарика больше не светил.

— Ты уверена в том, что видела его? — прошептал он.

Ей не понравилось сомнение, услышанное в его голосе. В этот ночной час, когда зернистый асфальт колол ее босые ступни, последней вещью, которая была нужна Джейн, это чтобы в ее зрении сомневался Мистер Неоновая Пижама.

Она подкралась к их арендованному автомобилю, не зная или наплевав на то, прикрывал ли Фрост ее спину, потому что сейчас она сама уже начала сомневаться в себе. Начинала задумываться, а свет ли она видела или это был просто след ее ночного кошмара. Пришельцы во сне, а теперь пришельцы на стоянке.

До автомобиля было рукой подать.

Джейн остановилась, прижав потную ладонь к бамперу грузового автомобиля. Ей оставалось сделать пару шагов, и она смогла бы коснуться бампера собственной машины. Крадучись в темноте, она старалась уловить любое движение или звук, но слышала лишь отдаленный шум трассы.

Она подалась вперед и принялась всматриваться в пространство между двумя внедорожниками. Увидела лишь пустое место. Замечание с ноткой сомнения, услышанное в голосе Фроста, сейчас еще громче зазвучало в ее голове. Это заставило Джейн на полусогнутых ногах обойти заднюю часть их арендованной машины и снизу заглянуть в окошко со стороны пассажира.

Там никого не было.

Джейн выпрямилась и почувствовала, как ночной ветерок обдувает лицо, пока она осматривает парковку. Если кто-то наблюдал за ними, он бы увидел ее как на ладони. А теперь выпрямился и Фрост, еще более точная мишень в своей красно-белой пижаме.

— Никого, — произнес он. Не спрашивая, а просто констатируя очевидный факт.

Слишком раздраженная, чтобы ответить, она зажгла свой фонарик-ручку и обошла машину. Не увидела никаких царапин на краске и ничего на асфальте вокруг автомобиля, кроме затоптанного окурка, выглядевшего так, словно он лежал здесь уже несколько недель.

— Мой номер находится там, — пояснила она, показывая на свои окна. — Я заметила свет через занавески. Луч фонарика. Пока я наблюдала, загорелась потолочная лампа. Кто-то проник в нашу машину.

— Ты кого-то увидела?

— Нет. Должно быть, он слишком сильно пригнулся.

— Ну, если он забрался в нашу машину, то она должна быть… — Фрост помолчал. — Не заперта.

— Что?

— Она должна быть не заперта.

Он потянул на себя ручку двери со стороны водителя, и внутри зажглась потолочная лампа. Они оба уставились на осветившийся автомобиль, ни один из них не двигался.

— Сегодня вечером я ее запирала, — проговорила она.

— Уверена?

— Почему ты продолжаешь меня расспрашивать? Я *знаю*, что заперла эту треклятую дверь. Ты хоть раз видел, чтобы я не запирала свою машину?

— Нет, — признался он. — Ты всегда это делаешь.

Он посмотрел на ручку, которой только что касался.

— Вот дерьмо. Отпечатки пальцев.

— Меня больше волнует то, *зачем* кому-то понадобилось вскрывать наш автомобиль. И то, что они искали.

— А что, если они ничего не искали? — встревожился он.

Джейн посмотрела через окно на переднее сиденье и подумала о Ниле и Оливии Яблонски, поднявшихся на борт своей «Сессны Скайхоук». Подумала о гексогене и Семтексе, о взорванном фермерском домике в Нью-Гемпшире, охваченном языками пламени.

— Давай заглянем под машину, — тихо проговорила она.

Ей не понадобилось пояснять, он уже отошел от водительской дверцы и проследовал за ней к задней части автомобиля. Джейн опустилась на колени и ощутила, как гравий щиплет ладони, когда наклонилась, чтобы осмотреть днище. Луч ее фонарика пробежал через глушитель, выхлопную трубу и днище кузова. Ее взгляд ни за что не зацепился и не заметил ничего лишнего.

Она встала, шея затекла от неудобного положения. Массируя свои напряженные мышцы, Джейн подошла к передней части автомобиля и снова присела, опираясь об асфальт руками и коленями, чтобы осмотреть днище.

Бомбы не было.

— Мне осмотреть багажник?

— Да.

«Надеюсь, что это не заставит нас взлететь на воздух», — подумала она.

Фрост колебался, явно разделяя ее опасения, затем заглянул под приборную панель и потянул рычажок.

Джейн подняла багажник и посветила фонариком в пустое пространство. Бомбы не было. Она отодвинула напольный коврик и осмотрела запаску. Бомбы не было.

«Может, мне все это приснилось, — подумала она. — Может, я забыла запереть автомобиль. А мы стоим здесь в три часа ночи, с Фростом в этой ужасной пижаме, впустую потеряв половину ночного сна.

Она закрыла багажник и издала вздох разочарования.

— Нам следует посмотреть внутри автомобиля.

— Ага, ладно, я этим займусь, — пробормотал Фрост. — Могу заниматься этим всю ночь напролет.

Он переполз на переднее сиденье, его зад, обтянутый пижамой, торчал в раскрытой двери. Кто мог предположить, что он пойдет ловить преступника, наряженный карамельной тросточкой? Пока он копался в бардачке, Джейн опустилась на колени и посветила фонариком на верхнюю часть левого заднего колеса. Конечно, она ничего не увидела. Джейн подошла к передней части автомобиля, осмотрела оба колеса, и по кругу вернулась обратно к правому заднему колесу. Опустившись на колени, она направила луч фонарика на верхнюю часть шины.

То, что она увидела, заставило ее похолодеть.

Фрост крикнул:

— Я кое-что нашел!

— Я тоже.

Она присела, разглядывая колесо, по спине пробежали мурашки.

— Тебе лучше подойти и посмотреть на это, — тихо произнесла она.

Он вылез из машины и присел рядом с ней. Устройство не больше мобильного телефона было прикреплено к нижней части колеса.

— Что это, черт побери? — сказала она.

— Похоже на Джи-Пи-Эс контроллер[139].

— Что ты нашел внутри?

Он взял ее за руку и потянул за собой. Прошептал:

— Оно под пассажирским сиденьем. Они даже не потрудились прикрепить его клейкой лентой. Полагаю, тому, кто подложил это, пришлось убегать в спешке. — Он помолчал. — Вот почему он оставил дверцу незапертой.

— Это точно не потому, что он заметил нас. Он ушел раньше, чем мы вышли наружу.

— Ты позвонила мне на мобильный, — сказал Фрост. — Должно быть, это его и предупредило.

Она воззрилась на него.

— Ты думаешь, что наши телефоны прослушиваются?

— Подумай сама. Под сиденьем жучок, а в колесе Джи-Пи-Эс контроллер. Почему бы им не прослушивать и наши телефоны?

Они услышали звук двигателя и обернулись как раз вовремя, чтобы увидеть автомобиль, внезапно свернувший на парковку. Они стояли босиком возле своей прослушиваемой и отслеживаемой прокатной машины, бодрствующие в такой час и слишком потрясенные, чтобы вернуться в постель.

— Паррис не был параноиком, — добавил Фрост.

Она подумала о сожженном фермерском доме. Об убитых семьях.

— Они знают, кто мы, — подытожила она. — *И где живем.*

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Зал столовой «Ивенсонга» сегодня утром был до странного тихим, ученики и учителя разговаривали вполголоса под аккомпанемент негромкого позвякиванья фарфора. Место доктора Уэлливер между доктором Паскуантонио и мисс Дюплесси теперь пустовало, и последняя тщательно избегала смотреть на пустой стул, который их коллега занимала всего несколькими днями ранее. «Так вот что происходит, когда ты умираешь? — подумала Клэр. — Все внезапно притворяются, что тебя никогда не существовало?»

— Не против, если мы присядем здесь, Клэр?

Она подняла глаза и увидела Тедди и Уилла, стоящих над ней со своими подносами с завтраком. Это было новым и необычным: теперь два человека хотят к ней присоединиться.

— Мне все равно, — хмыкнула она.

Они уселись за ее столом. На подносе Уилла лежала внушительная порция яиц и колбасы. У Тедди лишь жалкая горстка картофеля и кусочек поджаренного хлеба. Они отличались во всем, вплоть до пристрастий в еде.

— У тебя хоть на что-то *нет* аллергии? — спросила она Тедди, показывая на его завтрак.

— Сегодня я не голоден.

— Ты никогда не голоден.

Он поправил очки на своем бледном носу и указал на колбасу, лежащую на ее тарелке.

— Знаешь, в ней содержатся токсины. Мясные продукты, приготовленные при высокой температуре, содержат канцерогенные вещества — гетероциклические амины.

— Ням-ням. Неудивительно, что она такая вкусная.

Клэр засунула в рот последний кусок колбасы, просто наперекор ему. Когда тебе стреляют в голову, по-другому начинаешь смотреть на незначительные опасности вроде канцерогенов.

Уилл наклонился и негромко произнес:

— Сразу после завтрака будет специальное собрание.

— Что за собрание?

— «Джекелсов». Они хотят, чтобы ты тоже пришла.

Она сосредоточилась на прыщавом лунообразном лице Уилла, и слово внезапно всплыло в ее голове: *эндоморф*[140]. Она вычитала его в учебнике по медицине, и этот термин был гораздо добрее того, как Бриана называла Уилла за спиной. *Толстяк. Пегая свинья*. У Клэр и Уилла было много общего, так же как и у Тедди. Они были тремя неудачниками, детьми, которые были слишком странными, толстыми или близорукими для того, чтобы когда-нибудь получить приглашение к столу «Крутых Детишек». Поэтому они организовали свой собственный стол: стол для изгоев.

— Ты придешь? — спросил Уилл.

— Зачем они хотят, чтобы я пришла на их тупое собрание?

— Потому что нам необходимо вместе пораскинуть мозгами и поговорить о том, что произошло с доктором Уэлливер.

— Я уже всем рассказала о произошедшем, — сказала Клэр. — Я рассказала полиции. Рассказала доктору Айлз. Рассказала…

— Он имеет в виду, рассказать о том, что произошло *на самом деле*, — вставил Тедди.

Она нахмурилась. Тедди-эктоморф[141], еще одно слово, которое она узнала из той книги по медицине. «*Экто*» от слова *«эктоплазма»*, бледный и тонкий, точно призрак.

— Ты считаешь, что я рассказала неправду?

— Он не это имел в виду, — пояснил Уилл.

— А прозвучало именно так.

— Мы просто интересуемся… «Джекелсы» интересуются…

— Вы обсуждаете меня за спиной? Вы и клуб?

— Мы пытаемся понять, как все произошло.

— Доктор Уэлливер спрыгнула с крыши и шлепнулась на землю. Это не так уж и сложно понять.

— Но *почему* она это сделала? — сказал Уилл.

— В большинстве случаев, я даже не могу объяснить, почему делаю то или это, — ответила она и поднялась на ноги.

Уилл потянулся через стол и схватил ее за руку, не давая уйти.

— Ты видишь хоть *малейший* повод, зачем ей прыгать с крыши?

Она уставилась на его руку, касающуюся ее руки.

— Нет, — призналась она.

— Вот почему тебе стоит прийти, — быстро проговорил он. — Но не рассказывай об этом никому. Джулиан говорит, это только для «Джекелсов».

Ее взгляд пробежал через обеденный зал к столу, где светловолосая Бриана сплетничала с другими крутыми детишками.

— Она тоже туда придет? Это какой-то розыгрыш?

— Клэр, это же *я* тебя прошу, — произнес Уилл. — Ты знаешь, что можешь мне доверять.

Она посмотрела на Уилла, и в этот раз обратила внимание не на его прыщи или бледное луноподобное лицо, а на глаза. Его нежные карие глаза с длинными ресницами. Она никогда не видела, чтобы Уилл делал или говорил что-нибудь злое. Он был глуповатым, иногда раздражающим, но никогда жестоким. *«В отличие от меня»*. Она подумала о том, как демонстративно игнорировала его, как закатывала глаза в ответ на его слова или как смеялась вместе со всеми, когда он чудовищной «бомбочкой» прыгал в озеро, поднимая тучу брызг. *«Где-то фермер разыскивает своего борова»,* — издевались другие девочки, и Клэр ничего не возразила на этот жестокий комментарий. Сейчас, когда она смотрела в глаза Уилла, ей стало стыдно за это.

— Где мы встречаемся? — спросила она.

— Бруно отведет нас.

Путь, которым они поднимались по склону позади школы, был крутым и каменистым. Это направление Клэр еще не успела исследовать во время своих полночных прогулок. Дорога была едва различима, и без Бруно Чинна, который вел их, она вполне могла заблудиться среди деревьев. Бруно было тринадцать, как и Клэр, еще один неудачник, но никогда не унывающий, которому, похоже, суждено всегда быть самым низкорослым в группе. Он проскакал до валуна словно горный козел и бросил нетерпеливый взгляд на трех своих отстающих одноклассников.

— Кто-нибудь хочет побежать со мной наперегонки до вершины? — предложил он.

Уилл остановился, его лицо приобрело ярко-розовый оттенок, майка прилипла к рыхлому телу.

— Я помираю, Бруно. Мы не можем отдохнуть?

Бруно помахал им зовущим жестом, ухмыляющийся маленький Наполеон, ведущий свой отряд в гору.

— Не будьте такими лентяями. Вам следует взять себя в руки, берите пример с меня!

— Хочешь убить Бруно? — пробормотала Клэр. — Или отдашь это мне?

Уилл вытер пот с лица.

— Просто дай мне минутку. Я буду в порядке, — выдохнул он. Уилл определенно был не в порядке, он тащился вперед, задыхаясь и хрипя, пока его огромные ботинки поскальзывались и спотыкались на мхе.

— Куда мы идем? — крикнула Клэр.

Бруно остановился и повернулся к одноклассникам.

— Прежде чем мы пойдем дальше, вам всем придется пообещать.

— Что пообещать? — удивился Тедди.

— Что вы никому не покажете дорогу сюда. Это наше место, и последнее, чего бы нам хотелось, чтобы этот старый брюзга мистер Роман рассказывал нам, что сюда ходить нельзя.

Клэр фыркнула.

— Думаешь, он не в курсе?

— Просто пообещайте. Поднимите правую руку.

Со вздохом, Клэр подняла руку. То же сделали Уилл и Тедди.

— Обещаем, — одновременно произнесли они.

— Теперь все в порядке, — повернулся Бруно и отодвинул кусты в сторону. — Добро пожаловать в логово «Джекелсов».

Клэр первая шагнула в проход. Увидев каменные ступени, скользкие ото мха, она поняла, что их создала не природа, а человек. Когда-то очень давно. Она поднялась по ступенькам к круглой террасе, сделанной из поврежденного временем гранита, и вошла в кольцо из тринадцати гигантских валунов, где сейчас восседали ее одноклассники Лестер Гримметт и Артур Тумбс. Рядом, в тени деревьев, стоял каменный домик, крыша которого была зеленой ото мха, а ставни закрыты, храня свои секреты.

Тедди прошел в центр кольца и медленно принялся осматривать все тринадцать валунов.

— Что это за место? — удивленно спросил он.

— Я пытался найти что-нибудь о нем в школьной библиотеке, — сказал Артур. — Думаю, мистер Магнус построил его, когда возводил замок, но нигде не смог разыскать никакой информации.

— А как *вы* о нем узнали?

— Это не мы. Джек Джекмен нашел это место много лет назад. Он отдал его «Джекелсам», и с тех пор оно принадлежит нам. Тот каменный дом был совсем развалившимся, когда Джекмен впервые обнаружил его. Он вместе с первыми «Джекелсами» восстановил его, сделал крышу и ставни. Когда на улице холодно, мы встречаемся там.

— Кому же пришло в голову поставить дом здесь, посреди леса?

— Довольно странно, да? Как и эти тринадцать валунов. Почему *тринадцать*? — Артур понизил голос. — Может, мистер Магнус был членом культа или типа того.

Клэр посмотрела под ноги, где пучки травы пробивались сквозь щели между камнями. Со временем побеги, а потом и деревья сделают свою работу, скрыв это основание, поднимут, разобьют и разрушат гранит. Долгие годы уже нанесли свой ущерб. Но этим летним утром, когда дымка висела вдали, Клэр казалось, что это место вне времени, что оно вечно.

— Думаю, это место старше замка, — проговорила она. — Думаю, оно существует здесь очень-очень давно.

Клэр подошла к краю террасы. Через просвет среди деревьев она посмотрела вниз на долину. Там стояла школа «Ивенсонг» с многочисленными дымовыми трубами и башнями, а за ней виднелись темные воды озера. «Отсюда, — подумала она, — я смогу увидеть весь мир». Два каноэ плыли по озеру, прокладывая дорожки на воде. Ученики скакали верхом, оставляя за собой следы размером с булавочную головку. Стоя здесь, с ветром, обдувающим лицо, она почувствовала себя всевидящей и всемогущей. Королевой Вселенной.

Собачий лай сообщил ей о приближении Джулиана. Она обернулась и увидела, как он шагает по лестнице к каменной террасе с Медведем, как всегда идущим за ним по пятам.

— Вы все пришли, — сказал он и взглянул на Клэр. — Вы дали обещание?

— Мы пообещали не рассказывать об этом месте, если ты об этом, — хмыкнула она. — Не похоже, что это какой-то твой секретный приказ. Зачем нам понадобилось встречаться здесь?

— Так мы сможем говорить то, что думаем. Никто не сможет нас подслушать. И, сказанное тут, останется здесь.

Джулиан оглядел круг учеников, которых теперь было семеро. «Прекрасной же коллекцией они были», — подумала Клэр. Бруно — жизнерадостный горный козленок. Артур, который все по пять раз проверяет, прежде чем использовать. Лестер, чьи кошмары иногда заканчивались криками, будившими всех учеников. Клэр была единственной девчонкой в группе, и даже среди этих чудаков она чувствовала себя не в своей тарелке.

— Происходит что-то странное, — начал Джулиан. — Они не говорят нам правду о докторе Уэлливер.

— Что ты имеешь в виду под правдой? — уточнил Тедди.

— Не уверен, что она покончила с собой.

— Я видела, как она сделала это, — парировала Клэр.

— Возможно, на самом деле все произошло совсем иначе.

— Ты называешь меня лгуньей? — ощетинилась Клэр.

— Я видел, как Маура забрала сахарницу доктора Уэлливер и отправила ее в криминалистическую лабораторию. И в ту ночь, когда она вернулась со вскрытия, то долго разговаривала с некоторыми учителями. Они обеспокоены, Клэр. Думаю, даже напуганы.

— Как это касается нас троих? — спросил Уилл. — Почему вы попросили нас сюда прийти?

— Потому что, — произнес Джулиан, повернувшись к Уиллу, — вы трое как-то оказались в центре всего этого. Я слышал, как Маура разговаривала с детективом Риццоли и называла ваши имена. Уорд. Клок. Яблонски.

Он перевел взгляд с Уилла на Тедди, а потом на Клэр.

— Что общего у вас троих?

Клэр посмотрела на двух своих компаньонов и пожала плечами.

— Мы странные?

Бруно издал очередное свое надоедливое хихиканье.

— Словно *этот* ответ был не очевиден.

— Там еще были их дела, — добавил Артур.

— А что насчет наших дел? — спросила Клэр.

— В день, когда умерла доктор Уэлливер, я ходил к ней на прием в час дня. Когда я вошел в ее кабинет, то увидел на ее столе три открытых файла, которые она читала. Твое дело, Клэр. И Уилла, и Тедди.

Джулиан сказал:

— Ночью, после того как она покончила с собой, эти три файла все еще лежали на столе. Что-то *в вас троих* привлекло ее внимание.

Клэр оглядела взволнованные лица.

— Вы уже знаете, что. Это из-за наших семей. — Она повернулась к Уиллу. — Расскажи им, как умерли твои родители.

Уилл уставился на свои ноги, те самые огромные ноги в огромных кедах.

— Мне сказали, что это был просто несчастный случай. Авиакатастрофа. Но позже я выяснил…

— Это не было несчастным случаем, — сказал Джулиан.

Уилл покачал головой.

— Это была бомба.

— Тедди, — продолжила Клэр. — Расскажи им то, что ты рассказал мне. О своей семье.

— Я не хочу об этом говорить, — прошептал Тедди.

Она посмотрела на остальных учеников.

— Их убили так же, как и родителей Уилла. Как и моих. Вот, что все вы хотели услышать? *Вот* что у нас общего.

— Расскажи им об остальном, Клэр, — попросил Джулиан. — О том, что случилось с твоей приемной семьей.

Все взгляды устремились к Клэр. Она проговорила:

— Ты *знаешь*, что произошло. Зачем ты это делаешь? Потому что тебя прикалывает морочить головы странным детишкам?

— Я всего лишь пытаюсь понять, что здесь происходит. Ради вас и ради школы.

Джулиан взглянул на остальных «Джекелсов».

— Мы говорим о том, как однажды станем следователями, о том, как сможем изменить мир. Мы тратим все наше время, чтобы узнать о типах крови и мясных мухах, но все это лишь теоретические знания. Сейчас у нас есть *настоящее* расследование, которое происходит вокруг нас, прямо здесь. И *эти трое* находятся прямо в его эпицентре.

— Почему бы тебе просто не спросить доктора Айлз? — спросил Уилл.

— Она говорит, что не может рассказывать об этом. — Он добавил с легкой обидой: — Во всяком случае, не мне.

— Значит, вы собираетесь провести собственное расследование? Сборище детишек? — засмеялась Клэр.

— А почему бы и нет? — Джулиан придвинулся к ней так близко, что их глаза оказались на одном уровне. — Разве ты не задумывалась об этом, Клэр? Ты, Уилл и Тедди? Кто хочет вашей смерти? Почему они хотят этого так сильно, что дважды пытались убить вас?

— Прямо как в том ужастике «Пункт назначения»[142], — чересчур жизнерадостно воскликнул Бруно. — О тех ребятах, которые должны были умереть в авиакатастрофе, но избежали этого. И смерть стала приходить за ними.

— Это не фильм, Бруно, — отрезал Джулиан. — Мы говорим не о сверхъестественном. Реальные люди совершили все это, и у них есть причина. Нам нужно выяснить, какая.

Клэр издала пренебрежительный смешок.

— Послушайте, вы! Считаете, что вам удастся выяснить то, чего не смогла полиция? Да вы всего лишь кучка детишек с микроскопами и химическими наборами. Так скажи мне, Джулиан, как ты собираешься провести всю эту офигительную полицейскую работу в перерывах между уроками?

— Я собираюсь начать с того, что расспрошу *тебя*. Ты одна из тех, с кем все это произошло, Клэр. У тебя должны быть какие-то догадки о том, что связывает вас троих.

Она посмотрела на Уилла и Тедди. Эндоморфа и эктоморфа.

— Ну, мы уверены, что никак не связаны, потому что у нас нет ничего общего.

— И все мы жили в разных местах, — добавил Уилл. — Мои мама и папа были убиты в штате Мэриленд.

— А мои в Лондоне, — сказала Клэр, подумав: *«Где и я сама почти умерла»*.

— Тедди? — спросил Джулиан.

— Я же сказал, что не хочу об этом говорить, — ответил он.

— Это может оказаться важным, — настаивал Джулиан. — Разве ты не хочешь получить ответы? Разве не хочешь знать, почему они погибли?

— Я *знаю*, почему они погибли! Потому что мы были на яхте. На *идиотской* яхте моего отца у черта на куличках. Если бы нас там не было, если бы мы просто остались дома…

— Расскажи им, Тедди, — мягко предложила Клэр. — Расскажи о том, что случилось на яхте.

Тедди очень долго молчал. Он стоял, опустив голову, и рассматривал камни. Когда, наконец, он заговорил, его голос был таким тихим, что они едва могли разобрать его.

— Там были люди с оружием, — прошептал он. — Я слышал крики. Моей мамы. И моих сестер. И я не смог им помочь. Все, что я мог сделать, было…

Он потряс головой.

— Я ненавижу воду. Я никогда не хочу снова оказаться на яхте.

Клэр подошла к Тедди и обняла его. Почувствовала, что сердце в его хилой груди бьется, словно птица.

— Это не твоя вина, — пробормотала она. — Ты бы не смог их спасти.

— Я выжил. А они нет.

— Не вини себя. Вини людей, которые это сделали. Или дерьмовый мир. Или даже твоего отца за то, что взял вас на эту яхту. Но никогда не вини себя, Тедди.

Он вырвался из ее рук и попятился от круга.

— Это глупо. Я не хочу играть в эту игру.

— Это не игра, — возразил Джулиан.

— Для вас это игра! — отбивался Тедди. — Ты и твой идиотский клуб. Разве ты этого не понимаешь? Для нас это реальная жизнь. Это *наши* жизни.

— Именно поэтому те, кто должен это выяснить — вы трое, — пояснил Джулиан. — Вы должны вместе над этим подумать. Выяснить, что у вас общего. Ваши родственники, ваши родители, куда вы ходили в школу. Надо найти всего одну ниточку, того человека, что связывает всех вас воедино.

— Человека? — тихо переспросил Уилл. — Ты имеешь в виду, убийцу.

Джулиан кивнул.

— Все ведет к этому. Есть кто-то, появлявшийся в ваших жизнях или жизнях ваших родителей. Кто-то, кто может разыскивать вас прямо сейчас.

Клэр взглянула на Уилла и вспомнила, что он сказал ей: *«Я чувствую, словно встречал тебя раньше»*. Она не помнила его. Она многого не помнила, но это потому, что ей выстрелили в голову. Во многом можно винить ту пулю — от ее плохой учебы и бессонницы до чудовищно плохого настроения.

И сейчас привычная головная боль вернулась. И в этом Клэр тоже обвинила пулю.

Она подошла к валуну и присела, массируя кожу головы, пальцами прощупывая застарелый изъян в своем черепе. Он был постоянным напоминанием обо всем том, что она потеряла. У ее ног тощий росток рос между камней. «Даже граниту не под силу остановить неизбежное, — подумала она. — Когда-нибудь дерево вырастет, вспучит этот камень и покроет его трещинами. Даже если я вырву этот росток, появится другой».

Именно так и поступают убийцы.

Клэр открыла свой шкаф и потянулась к обшарпанной картонной коробке на полке. Она не прикасалась к ней с тех пор, как приехала в «Ивенсонг» и почти не помнила, что в ней. Два года назад они с Барбарой Бакли сложили в нее несколько памятных вещиц из лондонской квартиры ее родителей. С тех пор коробка ездила с ней из Лондона в Итаку, а потом сюда, но она ни разу не заглядывала внутрь. Клэр боялась вновь увидеть их лица, боялась, что это заставит ее вспомнить обо всем, что она потеряла. Она села на кровать и поставила коробку рядом. Понадобилось несколько минут, чтобы она собралась с силами и открыла картонную крышку.

Наверху лежал фарфоровый единорог. «Иззи, — подумала она. — Я помню его имя». Он принадлежал ее матери — глупая безделушка, которую Изабель Уорд когда-то купила на блошином рынке и называла своим талисманом на удачу. *Удача закончилась, мама. Для всех нас.*

Клэр бережно поставила единорога на тумбочку и запустила руку в коробку. Бархатный мешочек на завязке с драгоценностями ее матери. Паспорта родителей. Шелковый шарф, слегка пахнущий духами — легкими и лимонными. И, наконец, два фотоальбома на дне.

Она достала альбомы и положила их на колени. Было очевидно, какой из них последний — в нем оставалось еще несколько пустых страниц. Сначала она открыла его и увидела собственное лицо, улыбающееся с первой страницы. Она была одета в желтое пышное платье и держала воздушный шарик перед входом в Диснейуорлд[143]. Она не помнила ни этого платья, ни того, что посещала Диснейуорлд. Сколько лет ей было на этом фото, три? Четыре? Она не особо хорошо определяла возраст детей. Если бы не это фото, она бы и не знала, что когда-то ее нога ступала в «Волшебное Королевство»[144].

«Еще одно воспоминание, которое я потеряла», — подумала она. Ей захотелось вырвать эту страницу из альбома, разодрать эту лживую фотографию на кусочки. Если она этого не помнит, значит, этого никогда и не было. Это альбом был книгой лжи, детством какой-то другой девочки, воспоминаниями какой-то другой девочки.

— Я могу войти, Клэр? — спросил Уилл, заглядывая через открытую дверь. Казалось, он боялся ступить внутрь — тело торчало в коридоре, голова опущена, словно она могла чем-то в него бросить.

— Мне все равно, — ответила она. Подразумевалось, что это приглашение, но когда он отошел от двери, Клэр окликнула его: — Эй, куда это ты собрался? Разве ты не хотел войти и осмотреть мою комнату?

Только тогда он вошел, но встал неподалеку от двери и нервно разглядывал книжные полки, столы, комоды. Уилл старался не смотреть на кровати, будто одна из них могла подпрыгнуть и укусить его.

— Мои соседи по комнате готовятся к поездке в Квебек, — произнес он. — Такой отстой, что мы не можем завтра поехать с ними.

— Считаешь, мне хочется часами торчать в автобусе? Предпочту остаться здесь, — хмыкнула она, хотя это и не было правдой; остаться тут *и впрямь* было отстоем. Она перевернула страницу в альбоме и увидела другую свою фотографию, на которой она в ковбойской шляпе восседала на печальном пони.

— Это ты? — рассмеялся Уилл. — Ты такая милая.

Рассерженная, она захлопнула альбом.

— Я всего лишь провожу поиски, о которых попросил нас Джулиан.

— Я тоже провожу поиски. — Он достал из кармана и развернул лист бумаги. — Я работаю над кривой наших жизней. Отмечаю на ней все, что случилось с тобой, мной и Тедди, и как это может быть связано. Я пытаюсь разглядеть, существует ли что-то, объединяющее нас. Мне еще нужно получить точные даты от Тедди, но твои я уже внес. Хочешь их проверить?

Она взяла лист бумаги и сосредоточилась на двух отметках, обозначающих события, представлявшие ее личные трагедии. Первой была дата, когда ее и родителей расстреляли в Лондоне — событие, столь туманно оставшееся в ее памяти, словно произошло не с ней, а с другой девочкой. Но второе событие все еще было достаточно свежим, чтобы заставить ее желудок свернуться от чувства вины. Последние несколько недель она старалась не думать об этом, но вид этой даты на кривой Уилла снова вызвал у нее тошнотворный прилив воспоминаний. Как беспечно она выскользнула той ночью из дома Бакли. Какими усталыми и взволнованными выглядели Боб и Барбара, когда приехали за ней на машине. *«Они умерли из-за меня. Потому что я была легкомысленной кретинкой»*.

Она протянула кривую Уиллу.

— Да. Даты в порядке.

Он указал на фотоальбомы.

— Ты нашла что-нибудь?

— Всего лишь фотографии.

— Можно взглянуть?

Клэр не хотела обнаружить еще больше своих фотографий, заставляющих чувствовать себя неловко, поэтому отложила в сторону более свежий альбом и вместо него открыла альбом родителей. На первой странице она увидела своего отца, Эрскина, высокого и красивого, одетого в костюм и галстук.

— Это мой отец, — сказала она.

— Позади него памятник Джорджу Вашингтону! Я там был. Мой отец водил меня в музей авиации и космонавтики, когда мне было восемь. Это *очень* крутое место.

— О-бал-деть!

Он посмотрел на нее.

— Зачем ты это делаешь, Клэр?

— Делаю что?

— Постоянно меня унижаешь.

Возражение рефлекторно почти сорвалось с ее губ, когда она увидела лицо Уилла и поняла, что сказанное им было правдой. Она постоянно его унижала.

— Я правда этого не хотела.

— Значит, это не потому, что ты думаешь, я этого заслуживаю? Потому что отвратителен или типа того?

— Нет. Это потому что я вообще не думаю. Дурацкая привычка.

Он кивнул.

— У меня тоже есть дурацкие привычки. Например, я везде вставляю слово *«типа»*.

— Тогда просто прекрати это.

— Давай договоримся, что оба перестанем. Ладно?

— Конечно. Пофиг.

Она перелистала несколько страниц в альбоме, где на фотографиях ее красавчик-отец позировал в разных местах. На пикнике с друзьями под деревьями. В плавках на пляже с пальмами. Она увидела фото, на котором мама и папа стояли перед римским Колизеем, держась за руки.

— Смотри. Это моя мама, — ласково произнесла она, поглаживая пальцем изображение. Внезапно запах духов с того шарфа прорвался сквозь туман утерянных воспоминаний, и Клэр почувствовала запах маминых волос, ощутила прикосновение ее рук к своему лицу.

— Она похожа на тебя, — с удивлением проговорил Уилл. — Она очень красивая.

«Они оба были красивыми, — подумала Клэр, жадно вглядываясь в своих мать и отца. — Должно быть, когда была сделана эта фотография, они думали, что весь мир у их ног. Они поразительно хороши собой и вся жизнь была у них впереди. И они жили в Риме. Разве они когда-нибудь задумывались, разве могли представить, каким преждевременным будет их конец?»

— Это было снято девятнадцать лет назад, — сказал Уилл, заметив дату, которую мама Клэр вписала в альбом.

— Они тогда только что поженились. Мой отец работал в посольстве. Он был политическим секретарем.

— В Риме? Круто. Ты там родилась?

— В моем свидетельстве о рождении написано, что я родилась в Вирджинии. Думаю, моя мама уехала домой, чтобы родить меня.

Они перевернули еще несколько страниц, просмотрев изображения все той же красивой пары, улыбающейся за обедом, поднимающей бокалы с шампанским на коктейльной вечеринке, плывущей на моторной лодке. Проживающей *«ла дольче вита»,* как сказала бы ее мать. Сладкую жизнь. Именно это Клэр и видела на этих фотографиях — запись хороших времен с коллегами и друзьями, которые, казалось, никогда не закончатся. Но фотоальбомы и предназначены для того, чтобы показать лучшие моменты из жизни. Моменты, которые вы хотели бы запомнить, а не забыть.

— Смотри. Должно быть, это ты, — сказал Уилл.

Это было фото матери Клэр, улыбающейся на больничной койке с младенцем на руках. Клэр заметила подписанную от руки дату и ответила:

— Да, это день, когда я родилась. Мама рассказывала, что все произошло очень быстро. Она говорила, что я очень торопилась появиться на свет, и она кое-как успела доехать до больницы.

Уилл рассмеялся:

— Ты по-прежнему все время торопишься.

Она перелистывала страницы, пропуская скучные детские снимки. В коляске. На высоком детском стульчике. Сжимает в ручонках бутылочку. Ничто из этого не помогло ей ничего вспомнить, потому что все эти фото были сделаны до того, как сформировались ее воспоминания. С таким же успехом это мог быть альбом другого ребенка.

Она добралась до последней страницы. На последних двух фотографиях Клэр отсутствовала. На них была изображена еще одна коктейльная вечеринка, очередной набор улыбающихся незнакомцев с бокалами. «Это бремя жены дипломата, — шутила ее мама. — *Всегда улыбаться, всегда выпивать*». Клэр уже собиралась закрыть альбом, когда ладонь Уилла неожиданно легла поверх ее руки.

— Подожди, — проговорил он. — Та фотография.

— А что с ней?

Он взял у нее альбом и наклонился ближе, изучая одну из фотографий с вечеринки. Она изображала смеющегося отца Клэр с бокалом коктейля в руке, стоящего рядом с другим мужчиной. Подпись гласила: 4 ИЮЛЯ. С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ, США!

— Эта женщина, — пробормотал Уилл. Он показал на стройную брюнетку, стоящую справа от Эрскина Уорда. На ней было декольтированное зеленое платье с золотым поясом, взгляд устремлен на отца Клэр. Это был взгляд безоговорочного восхищения. — Ты ее знаешь?

— А должна?

— *Взгляни* на нее. Постарайся вспомнить, видела ли ты ее когда-нибудь.

Чем усерднее она вглядывалась, тем более знакомой казалась ей женщина, но это было всего лишь обрывком воспоминания, того, в котором она не была уверена. Того, которого даже не могло возникнуть без приложения усилий.

— Не знаю, — призналась она. — А что?

— Потому что я ее *знаю*.

Она с подозрением уставилась на Уилла.

— Откуда? Это *мой* семейный альбом.

— А это, — произнес он, показывая на женщину на фотографии, — моя мать.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Энтони Сансоне прибыл в «Ивенсонг» под покровом тьмы, как и в прошлый раз.

Из своего окна Маура увидела внизу припарковавшийся во внутреннем дворе «Мерседес». Из него вышла знакомая фигура, высокая и облаченная в черное. Проходя мимо фонаря, он ненадолго отбросил длинную зловещую тень на брусчатку, а затем исчез.

Маура вышла из своей комнаты и направилась вниз, чтобы перехватить его. Она остановилась на площадке второго этажа и посмотрела вниз, в темный холл, где Сансоне и Готтфрид говорили приглушенными голосами.

— ...до сих пор непонятно, почему она сделала это, — сказал Готтфрид. — Наши люди очень обеспокоены. Мы слишком многого о ней не знали, вещей, о которых нам следовало рассказать.

— Считаешь, это *было* самоубийство?

— Если не самоубийство, то как объяснить...

Готтфрид замер, услышав скрип шагов. Оба повернулись и увидели Мауру, стоящую наверху лестницы.

— Доктор Айлз, — произнес Готтфрид, тут же выдавив из себя улыбку. — Мучаетесь бессонницей?

— Я хочу услышать правду, — сказала она. — Об Анне Уэлливер.

— Мы так же обескуражены ее смертью, как и Вы.

— Я говорю не о ее смерти. Я говорю о ее жизни. Вы сказали, что у Вас нет для меня ответов, Готтфрид.

Она перевела взгляд на Сансоне.

— Может быть, они есть у Энтони.

Сансоне вздохнул:

— Полагаю, пришло время поговорить начистоту. Я очень многим тебе обязан, Маура. Пойдем, обсудим все в библиотеке.

— Тогда желаю вам обоим спокойной ночи, — сказал Готтфрид и повернулся к лестнице. Он остановился на ступенях и посмотрел на Сансоне. — Анна умерла, но это не отменяет обещания, которое мы ей дали. Помни об этом, Энтони.

Готтфрид поднялся по ступенькам и исчез в тени.

— Что это значит? — спросила Маура.

— Это значит, что о некоторых вещах я не могу тебе рассказать, — ответил он, когда они вошли в темный проход, ведущий к библиотеке.

— К чему вся эта секретность?

— Речь о доверии. Анна раскрыла нам то, что мы обещали держать в строжайшем секрете. Мы не можем делиться этими подробностями. — Он замер в конце прохода. — Но теперь удивлены даже мы, знающие о ней всю правду.

Днем солнечный свет затапливал библиотеку, проходя сквозь венецианские окна и отражаясь от полированных деревянных столов. Но сейчас тени скрывали комнату, превращая ниши в темные пещерки. Энтони включил настольную лампу, и они уселись за столом друг напротив друга в интимном полумраке. Над ними нависали многочисленные ряды книжных полок, на которых были аккуратно расставлены знания, накопленные человечеством за два тысячелетия. Но сейчас изо она всех сил старалась прочесть этого мужчину, непостижимого, словно закрытая книга.

— Кем *была* Анна Уэлливер? — спросила Маура. — Я присутствовала на ее вскрытии. Ее тело покрыто старыми шрамами от пыток. Знаю, ее муж был убит, но что произошло с Анной?

Он покачал головой и вздохнул.

— Мы всегда будем общаться подобным образом?

— О чем ты?

— Почему мы не можем вести нормальные разговоры, как остальные люди? О погоде, театре? Вместо этого мы говорим о твоей работе, не самой приятной из тем. Но, полагаю, именно это и свело нас вместе.

— Ты имеешь в виду, смерть?

— И насилие. — Он наклонился вперед, его глаза пылали, словно лазеры. — Мы так похожи, ты и я. В тебе есть тьма, и это объединяет нас. Мы оба понимаем.

— Понимаем что?

— Эта тьма реальна.

— Я не хочу так смотреть на мир, — возразила она.

— Но ты видишь доказательство этому каждый раз, когда труп опускается на стол для вскрытия. Ты знаешь, что мир вовсе не радужный, и я тоже это знаю.

— Так вот что нам приносит эта дружба, Энтони? Гибель и мрак?

— Я почувствовал тьму в тебе еще в первую нашу встречу. Она скрывается глубоко внутри, делая тебя той, кто ты есть.

Той, кто я есть. Королевой мертвых. Дочерью чудовищ. Тьма проникла глубоко в кровь, бегущую по ее венам, потому что та же самая кровь бежала по венам ее матери Амальтеи — убийцы, которая проведет остаток своей жизни в тюрьме.

Взгляд Сансоне был таким пронзительным, что Маура не смогла смотреть ему в глаза. Вместо этого она сосредоточилась на портфеле, который он поставил на стол. Они были знакомы почти два года, но одним только взглядом Сансоне мог вывести ее из равновесия и заставить чувствовать себя образцом под стеклом, который исследуют и изучают.

— Я здесь не для того, чтобы говорить о себе, — сказала она. — Ты обещал рассказать правду об Анне.

Он кивнул.

— То, о чем *смогу* рассказать.

— Вы знали, что ее пытали?

— Да. И мы знали, что за ней по-прежнему охотятся из-за того, что произошло в Аргентине с ней и ее мужем.

— Но ты все же ее нанял. Принял в штат консультантом по работе с уязвимыми детьми.

— Ее нанял школьный совет «Ивенсонга».

— Ты должен был одобрить это лично.

Он кивнул.

— Основывался на рекомендациях и ее университетском дипломе. На ее самоотдаче жертвам преступлений. И на том, что она была одной из *нас*.

— Членом общества «Мефисто»?

— Она тоже лично пострадала от насилия. Двадцать два года назад Анна и ее муж работали в Аргентине на международную фирму, когда их похитили. Ее муж, Фрэнк, был казнен. Убийц так и не поймали. Этот опыт научил Анну, что правосудие — вещь ненадежная. Что чудовища всегда скрываются среди нас. Она уволилась из компании, на которую работала, вернулась в аспирантуру и стала консультантом по работе с жертвами преступлений. Шестнадцать лет назад она присоединилась к нам.

— Вас уж точно не найти в «Желтых страницах»[145]. Как она узнала об обществе?

— Так же, как и все наши члены. Через посредника.

— Ее завербовали?

— Ее имя предложил обществу один из членов, служащий в правоохранительных органах. Анна привлекла его внимание своей прекрасной работой консультанта. Он знал, что она потеряла мужа в результате насилия. Анна наиболее эффективно работала с жертвами-детьми, имела связи в правоохранительных органах и агентствах по защите детей по всей стране.

Он поднял со стола портфель, принесенный в библиотеку.

— После того, как я узнал о ее смерти, то пересмотрел ее членское досье.

— На каждого члена заводится досье?

— Составляется во время рассмотрения заявки. Я отредактировал конфиденциальную информацию, оставив то, чем могу с тобой поделиться.

— Мне не доверяют настолько, чтобы допустить к полной версии личного дела?

— Маура, — вздохнул он, — даже если я и доверяю тебе, некоторая информация может быть предоставлена только членам клуба.

— Тогда зачем вообще мне это показывать?

— Потому что ты сама стала частью расследования. Ты присутствовала на вскрытии. Ты запросила комплексный анализ на токсины в крови Анны. Когда ты задаешь вопросы, я прислушиваюсь. Потому что знаю, насколько ты хороша в своей профессии.

— Я не располагаю доказательствами, подкрепляющими мои сомнения.

— Но что-то заставило твои инстинкты насторожиться. Что-то в твоем подсознании подметило детали, о которых ты пока еще не подозреваешь. Оно говорит тебе, что что-то не так. — Сансоне наклонился ближе, изучая ее лицо. — Я прав?

Маура подумала о пустой сахарнице. И непонятном телефонном разговоре между Джейн и Анной. Она опустила глаза на досье, которое Сансоне придвинул к ней, и открыла папку.

С первой страницы на нее смотрела фотография Анны времен, когда ее волосы еще не покрыло серебро. Она была сделана шестнадцать лет назад, когда доктора Уэлливер порекомендовали сообществу. Как всегда, на ней было надето скромное платье с длинными рукавами и высоким воротником — выбор гардероба, заставляющий ее казаться эксцентричной, но, как теперь поняла Маура, призванный скрывать следы пыток. Ничто в улыбке Анны и ее глазах не говорило о прежних муках или будущем самоубийстве.

Маура перевернула страницу с сухим описанием биографическим данных. Родилась в Берлине, в семье офицера армии Соединенных Штатов и его жены. Получила степень в области психологии в вашингтонском университете имени Джорджа Вашингтона и вышла замуж за Франклина Уэлливера. Вместе с мужем работала в международной хедхантинговой фирме[146], имеющей офисы в Мексике, Чили и Аргентине.

Она перевернула страницу и увидела газетные статьи о похищении супругов и последующем убийстве Франклина в Аргентине. Вторая газетная вырезка сообщала, что убийцы так и не были задержаны.

— Анна на себе испытала провал правосудия, — произнес Сансоне. — Это сделало ее одной из нас.

— Такого рода соответствие требованиям никто бы не захотел иметь.

— Никто из нас не присоединился к обществу, потому что *захотел*, вроде того, как хотят вступить в загородный клуб. Мы были вынуждены вступить в него из-за личных трагедий, которые оставили нас в гневе, безнадежности или отчаянии. Мы понимаем то, чего не понимают обычные люди.

— Зло.

— Это одно из слов, которыми его называют. — Он показал на папку. — Конечно, Анна понимала это. После смерти мужа она оставила свою работу и вернулась в США, чтобы возобновить учебу в аспирантуре. Получила докторскую степень в психологическом консультировании. Она пыталась бороться со злом по-своему, работая с семьями жертв. Мы предложили ей возможность изменить целое поколение жизней, что было еще эффективнее. Не только как консультант, но и как наш официальный рекрутер. С ее связями в агентствах по защите детей и в правоохранительных органах, она могла находить перспективных учеников по всей стране.

— Отлавливая их через дела об убийствах? Отбирая травмированных?

— Мы уже говорили об этом, Маура. Я знаю, что ты этого не одобряешь.

— Потому что это попахивает набором новобранцев для твоего дела.

— Взгляни на Джулиана, на то, как он расцвел. И скажи мне, что эта школа не оказала на него положительного влияния.

Маура не ответила, потому что ей нечего было возразить. «Ивенсонг» был самым подходящим местом для Джулиана. Всего за несколько месяцев он набрался как мышц, так и уверенности в себе.

— Анна знала, что ему будет здесь хорошо, — продолжил Сансоне. — Если судить лишь по его школьным записям из Вайоминга, никто бы не посчитал его перспективным кандидатом. Его отчислили из половины классов, он затевал драки, совершал мелкие преступления. Но Анна разглядела в его досье то, что ему удалось выжить. Она знала, что он спас

тебе жизнь в тех горах только из сострадания. Вот так она и поняла, что он был учеником, который подходил нам.

— Так это она приняла решение?

— Утверждение Анны стало ключевым моментом. Она подобрала половину учеников, которых ты здесь видишь. — Он помолчал и добавил. — В том числе, Клэр Уорд и Уилла Яблонски.

Она с минуту обдумывала этот последний кусочек информации. Подумала о встрече, состоявшейся в офисе доктора Уэлливер, куда пришли они с Джейн, спрашивая об этих трех детях и о том, существует ли между ними какая-то связь. Анна сказала им, что это всего лишь совпадение, а не целенаправленное решение. Однако, в день, когда Анна умерла, она изучала досье этих самых троих детей.

В комнате было настолько тихо, что Маура слышала стук собственного сердца. Тишина сделала звук приближающихся шагов еще отчетливее, и она обернулась, увидев четыре фигуры, появившиеся из темноты и шагающие в свете лампы.

— Нам нужно с вами поговорить, — сообщил Джулиан. Рядом с ним стояли трое товарищей. *Трое*. Уилл, Тедди и Клэр — трио, чьим трагедиям, казалось, не было конца и края.

Несмотря на то, что время приближалось к одиннадцати вечера, эти дети все еще не были в своих постелях. Сансоне отнесся к ним с таким же уважением, которое он бы оказал любому взрослому.

— Что у тебя на уме, Джулиан? — спросил он.

— Сегодня утром «Джекелсы» собрались поговорить о докторе Уэлливер, — ответил мальчик. — И после этого три члена клуба обнаружили зацепку. Но нам нужна ваша помощь, чтобы изучить ее.

Маура вздохнула.

— Джулиан, я знаю, ты хочешь быть полезным, но время позднее. Мистер Сансоне и я обсуждаем вещи, которые...

— Мы хотим увидеть свои досье, — отрезала Клэр. — Мы хотим узнать все, что полиция знает о нас и наших родителях. *Все* отчеты.

— У меня нет этой информации, Клэр.

— Но Вы можете раздобыть ее, верно? Или детектив Риццоли может.

— Это текущие расследования. Что означает, информация не предназначена для общественности.

— Мы не общественность, — возразила Клэр. — Это касается нас, *наших* жизней, и мы имеем право знать.

— Да, у вас есть право знать, когда вы станете старше. Но это официальные документы, и там есть детали, которые вы, скорее всего, не поймете.

— Потому что мы слишком юные, чтобы выдержать правду? Вот о чем Вы говорите, так? О том, что тринадцатилетки не в состоянии с ней справиться. Да Вы понятия не имеете, кто мы такие или через что мы прошли.

— Я знаю, Клэр, — тихо проговорила Маура. — Я понимаю.

— Понимаете что? *Ей выстрелили в голову?* Вот, что Вы обо мне знаете, но не имеете ни малейшего понятия о том, что это означает на самом деле. О том, как просыпаешься в больнице, не помня, как туда попала. Не зная о том, что твои мама и папа мертвы. Чувствуя, что больше никогда не сможешь прочитать книгу целиком, или спать всю ночь напролет, или даже сосредоточиться на одной треклятой мысли. — Она прижала руку Мауры к своей голове. — Когда они прострелили эту дыру в моем черепе, они прострелили и мою жизнь. Я никогда не буду такой, как все остальные. Я всегда буду чудилой. Так что не говорите, что знаете меня или что-нибудь обо мне.

Мальчики, ошеломленные этой вспышкой ярости, изумленно уставились на Клэр. Может, даже и восхищенно.

— Извини, — сказала Маура. — Ты совершенно права, Клэр, я ничего не знаю.

Она посмотрела на Уилла и Тедди.

— Так же я не знаю, какими были ваши жизни на самом деле. Я разрезаю тела и смотрю, что внутри, но это все, что я умею. Вы трое просто должны рассказать мне то, о чем не смогут сказать досье. О своей жизни и о том, кто вы.

— Как и сказала Клэр, мы чудилы, — ответил Уилл, и Тедди печально кивнул.

— Мы те, с кем никто не хочет общаться. Словно все чувствуют, что мы приносим неудачу, и стараются не иметь с нами ничего общего, боясь,

что эта неудача перейдет и к ним, — Уилл опустил голову. — И в конечном итоге, они умирают, как доктор Уэлливер.

— Нет никаких доказательств, что смерть доктора Уэлливер не была самоубийством.

— Возможно, — согласился Уилл, — но в день, когда она умерла, наши досье лежали на ее столе. Словно она открыла их и навлекла на себя проклятье.

— Маура, — встрял Джулиан, — мы хотим помочь следствию. У нас есть информация.

— «Джекелсы» — замечательная группа, Джулиан. Но над расследованием произошедшего работают профессионалы.

— Это дело только для профи, что ли?

— Вообще-то, да.

— А что, если мы обнаружили то, чего не нашли профессионалы? — Он посмотрел на Клэр. — Покажи им.

Только сейчас Маура заметила книгу в руке Клэр.

— Это мой семейный альбом, — пояснила девочка, вручая томик Мауре.

Маура раскрыла книгу и увидела фотографию юноши и девушки, стоящих перед римским Колизеем, оба блондины, оба потрясающе привлекательны.

— Твои родители? — спросила она.

— Ага. Мой папа работал в посольстве. Он был сотрудником Политического отдела.

— Они были очень красивой парой, Клэр.

— Но я хотела показать не это.

Клэр раскрыла последнюю страницу фотоальбома.

— Вот этот снимок, коктейль-вечеринка. Это мой папа, разговаривает с тем парнем. И видите эту женщину, которая стоит неподалеку в зеленом платье? Вы знаете, кто она?

— Кто?

— Это моя мать, — сказал Уилл.

Маура потрясенно повернулась к нему.

— Ты уверен? Это может быть кто-то, похожий на нее.

— Это моя мать. Я узнал это платье. Она всегда надевала его на вечеринки. Оно было зеленым с золотым поясом, и она говорила мне, что это самое дорогое платье, которое она когда-либо покупала, но качество всегда окупается. Это был ее девиз, она все время мне это говорила, — голос Уилла затих и плечи поникли, когда он мягко повторил. — Это моя мама.

Маура посмотрела на подпись: 4 ИЮЛЯ. С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ, США!

— Здесь не указан год. Мы не знаем, когда была сделана эта фотография.

— Суть в том, — произнес Джулиан, — что они были *вместе* на одной вечеринке. А знаешь, кто еще там был?

— Он, — сказала Клэр. Она показала на блондина, разговаривающего с Эрскином Уордом. Сфотографированный в профиль, он был выше Уорда, плечист и крепко сложен. В комнате, заполненной людьми, пьющими вино, только он держал в руке банку пива.

— Это мой отец, — проговорил Тедди.

— *Вот* и связь, — подытожил Джулиан. — Это по-прежнему не объясняет, почему их убили и почему несколько лет спустя кто-то хочет убить их детей. Но это доказательство, которое ты искала. Папа Клэр. Папа Тедди. Мама Уилла. Они *знали* друг друга.

Отсканированный снимок светился на экране компьютера Фроста — фотография гостей, одетых в наряды для вечеринки, некоторые сидят, некоторые стоят, большинство с напитком в руке. Центральными фигурами на фото были Эрскин Уорд и Николас Клок, которые стояли лицом друг к другу, но их головы лишь частично были повернуты к камере, словно кто-то внезапно воскликнул: «Улыбочку, джентльмены!» Мать Уилла, Оливия, стояла с краю фото рядом с другой женщиной, но ее взгляд был устремлен на Эрскина Уорда. Джейн изучила остальные лица, разыскивая супругов этих троих, но не заметила их среди состоятельного и лощеного сборища.

— Это, — заметил Фрост, указывая на Оливию, — это выражение лица женщины, которая имеет виды на Уорда.

— Вот что ты разглядел в ее лице?

— Не то, чтобы кто-то смотрел так на меня...

— Это может быть просто взгляд старого друга. Того, кто хорошо его знает.

— Тогда просто смешно, что мы не можем найти ничего больше, связывающего Оливию и Эрскина. Если они так уж хорошо знали друг друга.

Джейн откинулась на спинку стула и помассировала шею. Было около полуночи, все остальные служащие убойного отдела ушли домой. «Может, и нам пора», — подумала она, но эти отсканированные фотографии, которые Маура отправила на электронную почту управления полиции Бостона, весь последний час удерживали Джейн и Фроста на рабочих местах. Маура прислала восемь фотографий из семейного альбома Уордов, изображающих барбекю и официальные ужины, встречи на открытом воздухе и в залах. Ни на одной из других фотографий Джейн не заметила ни Оливию Яблонски, ни Николаса Клока — лишь на одном изображении эти двое появлялись вместе с Эрскином Уордом. Вечеринка в честь Четвертого Июля, год не указан, в помещении по крайней мере с десяток других людей, попавших в кадр.

Где и когда было снято это фото?

Фрост пощелкал по другим снимкам и остановился на фото семьи Уорд, сидящей на белом диване. Клэр было лет восемь. Они надели все самое лучшее: Эрскин — серый костюм, Изабель — хорошо скроенное платье и блейзер. Позади них стояла тщательно наряженная елка.

— Это та же самая комната, что и на фото с коктейль-вечеринкой, — воскликнул Фрост. — Видишь камин вон там, справа? Такой же, как и на другом снимке. И здесь...

Он увеличил угол комнаты.

— Это та же самая лепнина под потолком?

— Да, это она, — ответила Джейн. Она прищурилась, чтобы прочитать подпись из альбома: НАШЕ ПОСЛЕДНЕЕ РОЖДЕСТВО В ДЖОРДЖТАУНЕ. ЛОНДОН, МЫ ЕДЕМ! Джейн посмотрела на Фроста. — Это было снято в Вашингтоне.

— Значит, вот где проходила коктейль-вечеринка. Вопрос в том, зачем Николаса Клока и Оливию Яблонски пригласили на вечеринку

дипломатов? Николас был финансистом. Оливия занималась продажей медицинского оборудования. Как и где познакомились эти трое?

— Вернись к первой фотографии, — произнесла она.

Фрост открыл снимок коктейль-вечеринки, которая, как они теперь знали, проходила в Вашингтоне.

— Здесь они выглядят моложе, — заметила Джейн. Она покрутилась на стуле, чтобы достать дело семьи Уорд из своего стола и открыла его на биографии Эрскина Уорда.

— Сотрудник дипломатической службы, служил в Риме четырнадцать лет, в Вашингтоне пять лет. Затем был переведен в Лондон, где его и убили год спустя.

— Значит, эта вечеринка проводилась, когда Уорд пять лет работал в Вашингтоне.

— Верно. — Джейн закрыла дело. — Как эти трое познакомились? Должно быть, в Вашингтоне. Или…

Она посмотрела на Фроста, которому, казалось, в голову пришла та же мысль.

— Рим, — произнес Фрост и выпрямился от волнения. — Помнишь, что рассказал нам тот парень из НАСА? Нил и Оливия с нетерпением ждали поездки в Рим… где они познакомились.

Джейн снова покрутилась на стуле, чтобы взять дело Яблонски.

— Все это время мы делали упор на Нила и *его* работу. Гонялись за этой идиотской НАСА и дерьмом про пришельцев, когда должны были обратить внимание на *Оливию*.

Скромная Оливия со скучной работой, которая потерянно стояла в сторонке на приемах ее мужа в НАСА. Оливия, которая регулярно путешествовала за границу, продавая медицинское оборудование. *Что ты продавала на самом деле, Оливия?*

Джейн нашла страницу, которую искала.

— Вот оно. Дата вступления в брак, Оливия и Нил Яблонски. Пятнадцать лет назад. Она познакомилась с будущим мужем в Риме, где в то время работал в посольстве Эрскин Уорд.

— А что насчет этого парня? — Фрост показал на отца Тедди, Николаса Клока, которого выделяла эффектная атлетическая фигура — мужчину, достаточно уверенного в себе, чтобы пить пиво, когда все остальные пьют вино, одетого в спортивные «докерсы»[147] и рубашку-поло среди толпы в костюмах и галстуках.

— Мы можем поместить Николаса Клока в Рим примерно в то же время? Были ли они там втроем?

Джейн полистала дело.

— Мы недостаточно знаем о Клоке. В основном то, что нам прислала полиция Сент-Томаса.

— В Сент-Томасе он был всего лишь туристом. Там его никто не знал.

— Но его знали в Провиденсе, где он работал, — она продолжила листать досье.

— Вот. Финансовый консультант в фирме «Джарвис и МакКрейн», расположенной на Чапмен-стрит, — она подняла глаза. — Наша следующая остановка.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

«Я все равно не хотела ехать в Квебек».

Клэр угрюмо стояла на школьном дворе, разглядывая, как ее взволнованные одноклассники рассаживаются в автобусе. Она сказала Уиллу, что не желает торчать несколько часов в каком-то автобусе, но это был сверкающий новенький автобус, а не какой-то жалкий желтый драндулет, на котором ездило большинство школ. Бруно подлил масла в огонь, выкрикивая из окна автобуса все роскошества, имеющиеся на борту.

— Эй, все, тут есть телевизоры! Наушники! Беспроводной Интернет!

Только что Бриана и принцессы вышли из здания, таща за собой симпатичные чемоданчики, которые они покатили по булыжной мостовой в королевской процессии. Когда они проходили мимо нее, Клэр расслышала, как она из них усмехнулась себе под нос: «Ночной Змей».

— Лохушка, — брякнула в ответ Клэр.

Бриана развернулась.

— Я хочу сказать сейчас, громко и отчетливо, чтобы все это слышали. Моя комната *заперта*. Если я вернусь и обнаружу, что... *хоть что-то*... пропало, мы все будем знать, кто это сделал.

— Садись в автобус, Бриана, — произнесла со вздохом мисс Сол, которая вместе с мисс Дюплесси пыталась загнать своих учеников в автобус. — Нам нужно отправляться сейчас, если мы хотим добраться до места к обеду.

Бриана выстрелила в Клэр ядовитым взглядом и поднялась в автобус.

— Ты в порядке, Клэр? — ласково спросила мисс Сол.

Изо всех учителей «Ивенсонга» мисс Сол была ее любимицей, потому что она смотрела на учеников, словно действительно видела и заботилась о них. И то, что она сейчас увидела, было очевидным: как бы сильно Клэр не отрицала то, что хочет ехать с ними, она злилась, что оставалась здесь.

— Это лишь потому, что ты еще новенькая в «Ивенсонге», — пояснила мисс Сол. — В следующий раз ты поедешь с нами. И разве не здорово, что на этот уикенд вся школа остается в распоряжении вас четверых.

— Наверное, — промямлила Клэр.

— Мистер Роман набьет мешки сеном, если вам захочется пострелять из лука. Когда мы вернемся, ты уже будешь экспертом-лучником.

«А Вы не боитесь, что я убью еще одну курицу?» — подумала Клэр, но промолчала, наблюдая, как мисс Сол вошла в автобус и двери закрылись. Выпустив клубок дизельного дыма, автобус сорвался с места и проехал под каменной аркой. Она услышала лай за спиной и увидела, как мелькнул черный мех, когда собака Джулиана помчалась за автобусом.

— Медведь! — закричала Клэр. — Вернись!

Пес проигнорировал ее и выскочил со двора. Клэр бежала за ним до самой кромки озера, где тот внезапно остановился и поднял нос в воздух. Он больше не казался заинтересованным в автобусе, который продолжал ехать по дороге и скрылся за поворотом. Вместо этого Медведь развернулся и взял другое направление.

— И куда ты собрался теперь? — позвала его Клэр.

Со вздохом она последовала за ним вокруг здания, к тропе, ведущей на хребет. Он уже пробирался через кустарник, передвигаясь так быстро, что ей пришлось напрячь все силы, чтобы не отставать.

— Медведь, *вернись,* — скомандовала она, в отчаянии наблюдая, как пес скрылся в подлеске. Никакой реакции: она даже собаку не могла заставить выказать хоть немного уважения.

На полпути к хребту она перестала преследовать Медведя и плюхнулась на валун. Отсюда она могла видеть лишь школьную крышу. Этот вид был не столь впечатляющим, как зрелище, открывающееся из логова «Джекелсов», но все же достаточно неплохим, особенно в это солнечное утро, когда солнце отражалось от поверхности озера. Сейчас автобус, должно быть, уже выехал за ворота и держал путь на Квебек. К полудню они уже будут обедать в каком-то шикарном французском ресторане — по крайней мере, так хвасталась Бриана, — и отправятся в исследовательский музей Квебека, где со скалы поднимается лифт, который ездит на открытом воздухе.

А я в это время сижу на этой дурацкой скале.

Она оторвала кусок лишайника и бросила его вниз. Интересно, позавтракали ли уже Уилл и Тедди. Может, они захотят пострелять из лука вместе с ней. Но вместо того, чтобы спуститься вниз по гребню, она шлепнулась на спину, вытянувшись, словно змея, греющаяся на теплом валуне, и закрыла глаза. Услышала собачье тявканье и ощутила, как Медведь прижался к ее джинсам. Она гладила его по спине, наслаждаясь прикосновениями к меху. Что же делает компанию собак такой успокаивающей? Может быть, то, что от них не нужно скрывать свои чувства, не нужно прикрываться фальшивой улыбочкой.

— Дружище Медведь, — пробормотала она и открыла глаза, чтобы взглянуть на него. — Ты вернулся за мной?

Пес держал что-то во рту, штуковину, которую он, похоже, не собирался отдавать. Только когда она резко дернула за это, он, наконец-то отпустил находку. Это была черная кожаная перчатка. Где в этих лесах Медведь умудрился разыскать перчатку? Она плохо пахла и блестела от собачьей слюны.

Скривившись, Клэр подняла ее и почувствовала ее тяжесть. Заглянув внутрь, она увидела, как внутри блестит что-то белое. Она перевернула перчатку и сильно ее потрясла. То, что оттуда выпало, заставило Клэр закричать и начать карабкаться назад, подальше от зловонного предмета, лежащего на валуне.

От руки.

— Их всегда находят собаки, — сказала доктор Эмма Оуэн.

Маура и судмедэксперт из Мэна стояли в пятнистой тени леса, вокруг их лиц жужжали насекомые, а воздух был наполнен зловонием трупа. Мауры подумала о других телах, которые она перевидала за эти годы, тоже обнаруженные собаками, чьи носы всегда начеку для таких мертвых сокровищ. Хотя останки находились в сотнях ярдов от школы, Медведь учуял запах и проследил его до этой чащи, где густой подлесок частично скрывал тело. Мужчина, выглядевший мускулистым и подтянутым, был одет в камуфляжные штаны, темно-зеленую ветровку, футболку и походные ботинки. Нож с зазубренным лезвием по-прежнему был привязан к лодыжке, а винтовка с оптическим прицелом опиралась на соседний валун. Он лежал на левом боку, отдав правую сторону лица и шеи силам природы. Падальщики уже поработали над ними: обглодали кожу головы и лица, прогрызли носовой хрящ, вычистили правое полушарие, которое сейчас зияло пустотой, и до блеска вылизали глазницу. «Семейство псовых, — подумала Маура, отметив следы зубов на оставшейся коже и проколы на тонкой орбитальной кости[148]. — Скорее всего, койоты. Или, в таком отдаленном месте, может и волки». Даже сквозь всю эту одежду причину смерти было легко обнаружить: алюминиевая стрела, кончик которой торчал из левого глаза, оперение окрашено в темно-зеленый цвет.

При других обстоятельствах Маура, скорее всего, предположила бы, что это просто невезучий охотник подстрелил по неосторожности другого охотника. Но этот мужчина вторгся на территорию «Ивенсонга», и от валуна, где стояла его винтовка, открывался прекрасный обзор долины и школы. Он мог наблюдать за теми, кто приезжал, и кто уезжал.

Привычной к неприятным запахам Мауре пришлось отвернуться, когда тело переложили на пластик, и поднялось настолько сильное зловоние, что Маура поперхнулась и зажала рукой нос. Сотрудники доктора Оуэн были одеты в костюмы и маски, но Маура, присутствующая здесь в качестве простого наблюдателя, натянула лишь перчатки и бахилы — судмедэксперт из большого города пытается доказать, что она слишком опытна, чтобы дать разлагающемуся трупу одержать над ней победу.

Доктор Оуэн присела над телом.

— Здесь у нас слабо выраженное трупное окоченение, — произнесла она, проверяя конечности на подвижность мышц.

— Вчера вечером был пятьдесят один градус[149], — заметил один из детективов полиции штата. — Тепло.

Судебно-медицинский эксперт приподняла край футболки жертвы, чтобы открыть брюшную полость. Изменения от разложения были заметны даже с того места, где стояла Маура. Смерть проделала каскад изменений в мягких тканях, ферменты вытекли, протеины свернулись, мембраны разложились. Клетки крови распались и вытекли сквозь стенки сосудов, и в этом супе из питательных веществ устроили праздник бактерии, наполнив живот газами. Бросив вызов зловонию, Маура присела рядом с доктором Оуэн. Она увидела синие вены, мраморный раздутый живот и поняла, что если они снимут штаны, то увидят мошонку, разбухшую от тех же самых газов.

— От сорока восьми до семидесяти двух часов, — постановила доктор Оуэн. — Вы согласны?

Маура кивнула.

— Основываясь на относительно небольшом ущербе, нанесенном падальщиками, я склоняюсь к последней цифре. Нападениям подверглась голова, шея и… — Маура помолчала, разглядывая обглоданную кость, торчащую из рукава ветровки, — …рука. Запястье, вероятно, было обнажено. Вот как они добрались до него.

Она задумалась, попробовал ли Медведь его на вкус, прежде чем поднести гнилой приз Клэр. *Дружелюбное облизывание после этого не будет таким приятным.*

Доктор Оуэн прощупала ветровку и брюки-карго жертвы.

— Там что-то есть, — произнесла она и вытащила тонкий бумажник из кармана штанов. — И у нас есть удостоверение личности. Водительские права, выданные штатом Вирджиния. Рассел Ремсен, шесть футов один дюйм, сто девяносто фунтов[150]. Шатен, голубые глаза, тридцать семь лет.

Она посмотрела на труп.

— Скорее всего, это он. Давайте надеяться, что у него есть зубная карта.

Маура уставилась в лицо жертвы, одна половина которого была обглодана, а вторая опухла и покрылась прожилками от избытка жидкости. Посмертное вздутие превратило нетронутое веко в раздувшийся выпуклый мешок. С правой стороны шеи падальщики обгрызли кожу и мышцы, обглодано было все до самого воротника, где острые зубы уже проткнули и прокусили ткань, пытаясь добраться до верхней части грудной клетки. Потом бы они выпотрошили его, вытащили бы сердце и легкие, печень и селезенку, и устроили бы пир.

Конечности бы вырвали из суставов и разнесли портативные призы по пещерам и детенышам. Лес бы внес свой вклад, плющ обвил бы ребра, насекомые проникли бы туда, пожирая внутренности. «Всего за год, — подумала она, — Рассел Ремсен превратился бы в костные фрагменты, разбросанные среди деревьев».

— Этот парень принес не обычную охотничью винтовку, — сказал детектив, рассматривая оружие, стоящее у валуна. Держа винтовку руками в перчатках, он поднес ее доктору Оуэн, чтобы показать марку производителя на рамке с курком.

— Что это за винтовка? — спросила Маура.

— М-110. «Рыцарское вооружение»[151], полуавтомат с сошкой[152]. — Он взглянул на нее, явно впечатленный. — В ней великолепная оптика, коробчатый магазин на двадцать патронов. Стреляет 3,8 или 7,62 НАТО[153]. Эффективная дальность 800 метров.

— Святая корова, — воскликнула доктор Оуэн. — Из нее можно стрелять оленей, бегающих в соседнем округе.

— Она не предназначена для охоты на оленей. Она военного образца. Очень красивая и очень дорогая снайперская винтовка.

Маура нахмурилась, глядя на мертвеца. На его камуфляжные штаны.

— Что он делал здесь со снайперской винтовкой?

— Ну, охотник на оленей *мог* использовать одну из них. Это чертовски удобное оружие, если хочешь подстрелить оленя на дальней дистанции. Но это вроде того, как ездить на «Роллс-Ройсе» в супермаркет за продуктами. — Он покачал головой. — Думаю, в этом есть ирония. Он пришел сюда с топовым оружием, и был убит примитивной стрелой.

Детектив посмотрел на доктора Оуэн.

— Я полагаю, это и явилось причиной смерти?

— Знаю, причина смерти кажется очевидной, Кен, но давай подождем до вскрытия.

— Я знал, что Вы так и скажете.

Доктор Оуэн обратилась к Мауре:

— Вы можете присоединиться ко мне на завтрашнем вскрытии.

Маура подумала о разрезании этого живота, наполненного разложением и зловонными газами.

— Думаю, я пропущу это вскрытие, — сказала она и поднялась на ноги. — Предполагалось, что я отдыхаю от смерти. Но она продолжает находить меня.

Доктор Оуэн тоже поднялась, и ее задумчивый взгляд заставил почувствовать Мауру не по себе.

— Что здесь происходит, доктор Айлз?

— Если бы я знала.

— Сначала самоубийство. Теперь такое. А я даже не могу сказать Вам, что *это*. Несчастный случай? Убийство?

Маура уставилась на стрелу, торчащую из глаза мертвеца.

— Это, должно быть, стрелок-эксперт.

— Не совсем, — ответил детектив штата. — Яблочко на мишени для стрельбы из лука меньше, чем глазница. Достойный лучник мог попасть в нее со ста-двухсот футов, особенно из арбалета.

Он помолчал.

— Предполагаю, что он хотел поразить именно эту цель.

— Вы же сказали, что это мог быть несчастный случай, — произнесла доктор Оуэн.

— Я просто рассматриваю разные сценарии, — ответил полицейский. — Скажем, два приятеля без разрешения пришли поохотиться на эту землю. Парень с луком видит оленя, волнуется и выпускает стрелу. Упс, и она летит в его приятеля. Парень с луком пугается и убегает. Не рассказывает никому, потому что знает, что они проникли на частную собственность. Или он на испытательном сроке. Или просто не хочет неприятностей.

Он пожал плечами.

— Мне кажется, так все и произошло.

— Будем надеяться, что это вся история, — сказала Маура. — Потому что альтернатива мне не нравится.

— То, что смертоносный лучник бегает по этим лесам? — спросила доктор Оуэн. — Это неутешительные мысли, тем более, так близко от школы.

— А вот еще одна тревожная мысль. Если этот мужчина не охотился на оленей, тогда что он делал здесь со снайперской винтовкой?

Никто не ответил, но ответ показался очевидным, когда Маура посмотрела вниз на долину. «Если бы я была снайпером, тут бы я и выжидала. Здесь, где была бы укрыта этим подлеском и имела бы четкий обзор всего замка, школьного двора и дороги».

Но кто был целью?

Этот вопрос преследовал ее, когда она часом позже спускалась по тропе мимо валунов, то заходя в тень, то вновь выходя на солнце. Маура думала о стрелке, занявшем позицию на холме, нависавшем над ее головой. Представила, как разметка прицела наводится на ее спину. Винтовка с дальностью восемьсот метров. Половина мили. Она бы даже не успела понять, что кто-то наблюдает за ней, прицеливается. Пока не почувствовала бы удар пули.

Напоследок Маура споткнулась о ветви плюща на заднем дворе школы и упала. Когда она поднялась, стряхивая сучки и листья с одежды, то услышала мужские голоса, которые кричали и спорили. Они раздавались из домика лесника, стоящего на опушке леса. Маура подошла к хижине и через открытую дверь увидела одного из детективов, с которым сталкивалась чуть ранее на вершине хребта. Он стоял внутри с Сансоне и мистером Романом. Ни один из них не заметил, как она вошла внутрь, увидев множество охотничьего снаряжения. Ледорубы, трос, снегоступы. И на одной из стен висело не менее дюжины луков и колчанов со стрелами.

— Это самые обычные стрелы, — сказал Роман. — Их продают в любом спортивном магазине.

— У кого есть доступ к этому оборудованию, мистер Роман?

— У всех учеников. Это школа, или Вы не заметили?

— Он работает у нас инструктором по стрельбе из лука не один десяток лет, — пояснил Сансоне. — Это умение, которое учит детей дисциплине и собранности. Ценные навыки, которые пригодятся им в любой дисциплине.

— И все ученики занимаются стрельбой из лука?

— Все желающие, — ответил Роман.

— Если Вы обучаете этому не один десяток лет, то, должно быть, прекрасно обращаетесь с луком, — сказал детектив Роману.

Лесник хмыкнул:

— Довольно неплохо.

— То есть?

— Я охочусь.

— На оленей? На белок?

— В белке маловато мяса, чтобы тратить на нее время.

— Но Вы могли бы в нее попасть?

— Еще я могу попасть Вам в глаз на расстоянии ста ярдов. Вы это хотели узнать, не так ли? Мог ли я подстрелить того парня на хребте?

— У Вас была возможность осмотреть тело?

— Пес привел нас прямо к нему. Не было нужды осматривать тело. И так ясно, что его убило.

— Это не так уж просто — одним выстрелом всадить стрелу в глаз. Кто-нибудь еще в этой школе способен на такое?

— Вы рассчитали расстояние, верно?

— Сто ярдов.

Роман фыркнул.

— Здесь никто, кроме меня, на такое не способен.

— Ни один из учеников?

— Никто достаточно долго этим не занимался. И не тренировался.

— А кто тренировал Вас?

— Сам научился.

— А Вы охотитесь только с луком? И никогда с ружьем?

— Мне не нравятся ружья.

— Почему? Вроде охотиться на оленя гораздо проще с ружьем.

Сансоне прервал его:

— Полагаю, мистер Роман рассказал все, о чем Вы хотели узнать.

— Это простой вопрос. Почему он не пользуется ружьем? — уставился детектив на Романа, ожидая ответа.

— Ты больше не обязан отвечать на вопросы, Роман, — сказал Сансоне. — Никаких вопросов без адвоката.

Роман вздохнул.

— Нет, я отвечу. Мне кажется, он все равно уже знает обо мне, — он встретился глазами с копом. — Двадцать пять лет назад я убил человека.

В возникшей тишине резкий вздох Мауры, наконец, обратил на нее внимание детектива.

— Доктор Айлз, не могли бы Вы выйти? Мне хотелось бы продолжить беседу приватно.

— Пусть остается, мне все равно, — произнес Роман. — Лучше прояснить все прямо сейчас, чтобы не было никаких секретов. Я все равно никогда этого не скрывал.

Он посмотрел на Сансоне.

— Даже если Вы и считаете, что так будет лучше.

— Вы знали об этом, мистер Сансоне? — уточнил полицейский. — И все равно наняли его?

— Пусть Роман расскажет Вам об обстоятельствах, — ответил Сансоне. — Он заслуживает, чтобы его выслушали.

— Хорошо. Давайте послушаем, мистер Роман.

Лесник подошел к окну и показал на холмы.

— Я вырос там, всего в нескольких милях от этого хребта. Мой дед работал тут смотрителем, приглядывал за замком еще до того, как тот стал школой. Здесь никто не жил, здание пустовало, ожидая покупателя. Конечно же, появлялись браконьеры. Некоторые просто приходили

поохотиться. Убивали оленя и уходили. Но некоторые, они приходили, чтобы напакостить. Разбить окна, поджечь крыльцо. Или хуже. Сталкиваясь с ними, не знаешь, с какими из двух имеешь дело...

Он вздохнул.

— Я наткнулся на него, выйдя из леса. Луна в ту ночь не светила. Он просто внезапно появился. Здоровенный парень с ружьем. Мы увидели друг друга, и он вскинул ружье. Я не знаю, что он подумал. Никогда не узнаю. Только могу сказать, что отреагировал чисто инстинктивно. Выстрелил ему в грудь.

— Из ружья.

— Да, сэр. Из ружья. Попал с первого выстрела. Скорее всего, он умер почти мгновенно. — Роман сел, положив свои огрубевшие руки на колени и сразу постарев лет на десять. — Мне только что исполнилось восемнадцать лет. Но, думаю, вы об этом знаете.

— Я сделал запрос по телефону.

Роман кивнул.

— Да это не секрет. Дело в том, что он не был святым, пусть и оказался сыном врача. Но я убил его, поэтому отправился в тюрьму. Четыре года за непредумышленное убийство. — Роман посмотрел на свои руки, испещренные шрамами от многих лет работы на открытом воздухе. — Я никогда больше не брал в руки ружье. Вот почему я так хорошо управляюсь с луком.

— Готтфрид Бом нанял его сразу после выхода из тюрьмы, — добавил Сансоне. — Лучше него никого нет.

— Ему все рано необходимо съездить в город, чтобы подписать заявление. — Полицейский повернулся к леснику. — Пойдемте, мистер Роман.

— Директор Бом сделает несколько звонков, Роман, — вмешался Сансоне. — Он встретит тебя в городе. Не произноси ни слова, пока он не появится вместе с адвокатом.

Роман последовал за копом к двери, как вдруг резко остановился и посмотрел на Сансоне.

— Не думаю, что смогу вернуться до сегодняшнего вечера. Поэтому хочу предупредить, что у Вас здесь большая проблема, мистер Сансоне. Я

знаю, что не убивал этого человека. Это означает, Вам следует узнать, кто это сделал.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Летняя дымка скрывала шоссе, ведущее к Провиденсу, и Джейн подалась вперед, вглядываясь в легковые и грузовые автомобили, что скользили перед ними в тумане словно призраки. «Сегодня я и Фрост преследуем еще одного призрака, — подумала Джейн, пока стеклоочиститель оставлял серые разводы на лобовом стекле. — Призрака Николаса Клока, отца Тедди». Родился в Вирджинии, закончил Вест-Пойнт[154] со степенью в области экономики, заядлый книголюб и мореход. Женился, завел троих детей. Работал финансовым консультантом в «Джарвис и МакКрейн», часто ездил в командировки за границу. Ни арестов, ни штрафов за вождение, ни непогашенных долгов.

По крайней мере, таким Николас Клок выглядел на бумаге. Добропорядочным гражданином. Семьянином.

Перед ними на дороге клубился туман. В нем не было ничего прочного, ничего реального. Николас Клок, как и Оливия Яблонски, был призраком, бесшумно перелетающим из страны в страну. И что именно означает должность *финансового консультанта*? Это было одним из тех неясных описаний работы, что вызывало в воображении образ бизнесмена в костюме с портфелем в руке, говорящего на языке долларовых знаков. Спросите такого человека, чем он занимается, и эти два слова *«финансовый консультант»* заставят ваши глаза потускнеть.

Так же как и слова *«торговый представитель по продаже медицинского оборудования»*.

Рядом с ней на пассажирском сиденье Фрост ответил на звонок своего мобильного. Джейн бросила на него взгляд, когда тот произнес:

— Да ты шутишь. Как, черт возьми, *такое* могло произойти?

— Что? — спросила она.

Фрост отмахнулся от нее, полностью сосредоточившись на телефонном звонке.

— Получается, вы так и не закончили экспертизу? И ничего не сможете нам рассказать?

— Кто это? — снова спросила она.

Наконец, он нажал на отбой и повернулся к Джейн с ошеломленным выражением лица.

— Помнишь Джи-Пи-Эс контроллер, который мы сняли с арендованной тачки? Он исчез.

— Это был звонок из лаборатории?

— Они сказали, что жучок исчез из лаборатории прошлой ночью. Они лишь поверхностно успели его осмотреть. На нем не было марки изготовителя, вообще никаких идентификационных признаков. Новомодное оборудование.

— Иисусе. Очевидно, *слишком* новомодное, чтобы оставаться в руках бостонской полиции.

Фрост покачал головой.

— А вот сейчас я начинаю *всерьез* паниковать.

Она уставилась на призрачные завитки тумана на шоссе.

— Я скажу тебе, кто еще паникует, — произнесла она, сжимая руки на руле автомобиля. — Габриэль. Вчера вечером он был готов связать меня и закинуть в шкаф.

Джейн помолчала.

— Я отправила Реджину на всю неделю к маме. На всякий случай.

— А можно мне тоже спрятаться у твоей мамы?

Она рассмеялась:

— Вот, что мне в тебе нравится. Ты не боишься признаться в том, что тебе страшно.

— А разве тебе не страшно? Разве не об этом идет речь?

Несколько мгновений она ехала молча, дворники двигались взад-вперед, пока Джейн вглядывалась в шоссе, такое же туманное, как и будущее. Она думала о самолетах, падающих с неба, о пулях, дробящих черепа, и об акулах, поедающих трупы.

— Даже если мы и паникуем, — сказала она, — какой у нас выбор? Когда уже влез по самые уши, остается лишь двигаться вперед и дойти до конца.

К тому времени, как они добрались до окраины Провиденса, туман сгустился до мороси. Фирма «Джарвис и МакКрейн» располагалась в юго-восточной части города, недалеко от доков, в мрачном окружении заброшенных зданий и пустынных улиц. Когда они прибыли по адресу, Джейн уже была готова к тому, что они обнаружили.

Двухэтажный кирпичный склад обрамляли пустынные парковки. Она скользнула взглядом по выцветшим разводам граффити и заколоченным окнам первого этажа, уже зная, что это здание пустовало несколько месяцев, если не лет.

Фрост оглядел осколки стекла на тротуаре.

— Николас Клок заработал денег на семидесятипятифутовую яхту *здесь*?

— Очевидно, это место не было основным источником его дохода. — Она толкнула дверь. — Все равно давай осмотримся.

Они вышли из машины под моросящий дождик, заставивший Джейн застегнуть куртку и поднять воротник. Облака висели так низко, что казалось, само небо давило на них, загоняя во мрак. Они перешли улицу, похрустывая битым стеклом под ногами, и обнаружили, что вход закрыт.

Фрост попятился назад и обвел глазами верхние окна, большинство из которых были разбиты.

— Не вижу ни одной вывески «Джарвис и МакКрейн».

— Я проверила налоговую документацию. Они числятся владельцами этого здания.

— Давай обойдем его сзади.

Они завернули за угол, пройдя мимо разбитых ящиков и переполненного мусорного контейнера. У задней части здания Джейн обнаружила пустую парковку, где через трещины в асфальте пробивались сорняки.

Щеколда на заднем входе была взломана.

Она толкнула дверь ботинком, и та, заскрипев, полуоткрылась, обнажив темное, как в пещере, нутро. Джейн замерла на пороге, ощутив первые иголочки тревоги.

— Ого, — прошептал Фрост, и его голос, раздавший так близко, испугал ее. — Значит, теперь нам надо обыскать жуткое здание.

— Вот почему я и привела тебя. Чтобы ты не пропустил все веселье.

Они переглянулись и одновременно достали оружие. Это была не их юрисдикция, не их штат, но ни один из них не отважился шагнуть в эту тьму безоружным. Джейн включила фонарик и посветила им в темноту. Увидела бетонный пол, смятую газету. Когда она перешагнула через порог, то почувствовала, как ее сердце учащенно забилось.

Внутри оказалось холоднее, чем снаружи, словно эти кирпичные стены много лет укрывали тьму, в которой что-то пряталось. Выжидало. Джейн слышала, как Фрост идет прямо за ней, когда они переместились вглубь здания, лучи их фонариков скользили по балкам и разбитым ящикам. Фрост случайно пнул банку пива, и грохот алюминия по бетону был оглушительным, точно оружейный грохот. Оба застыли и не двигались, пока эхо не стихло.

— Прости, — прошептал Фрост.

Джейн судорожно выдохнула.

— Ну, теперь все тараканы в курсе, что мы здесь. Но не похоже, что тут есть кто-то еще…

Она остановилась, задрав голову к потолку.

Над ними заскрипели половицы.

Чем больше она слушала звук движения наверху, тем чаще колотилось ее сердце. Фрост держался позади, пока она шагала по направлению к металлической лестнице. Подойдя к нижним ступеням, она помедлила, вглядываясь во второй этаж, где сквозь окна просачивался серый свет. Звук, который они слышали, мог ничего и не значить. Просто здание дает осадку. Деревянные половицы усыхают.

Она начала подниматься по металлической лестнице, и каждый шаг сопровождался негромким лязганьем, которое объявляло: *«А вот и мы идем»*. Рядом с верхней ступенькой Джейн присела, ее ладони вспотели, и она медленно приподняла голову, чтобы заглянуть на площадку второго этажа.

Что-то летело в нее из мрака.

Джейн вздрогнула, когда оно просвистело возле ее щеки. Услышала, как позади о стену разбилось стекло, и увидела фигуру, по-крабьи отступающую в темноту.

— Я вижу его, я его вижу! — закричала она Фросту, взбираясь на площадку.

— Полиция! — произнесла Джейн, пристально вглядываясь в темную массивную фигуру в углу, чье лицо скрывала тень.

— Покажите мне руки! — приказала она.

— Я пришел сюда первым, — прорычал голос. — Убирайтесь.

Фигура подняла руку, и Джейн увидела в ней еще одну бутылку.

— Бросьте ее *сейчас же!* — скомандовала она.

— Они сказали, что я могу здесь остаться! Они дали мне разрешение!

— Опустите бутылку. Мы просто хотим поговорить!

— О чем?

— Об этом месте. Об этом здании.

— Оно мое. Они мне его отдали.

— Кто именно?

— Мужчины в черном автомобиле. Сказали, что им оно больше не нужно, и я могу остаться здесь.

— Ладно, — Джейн опустила оружие. — Почему бы нам не начать сначала? Во-первых, как Вас зовут, сэр?

— Дэнзел.

— А фамилия?

— Вашингтон.

— Дэнзел Вашингтон[155]. Ну надо же, — она вздохнула. — Полагаю, это имя вполне сгодится. Дэнзел, как насчет того, чтобы мы оба убрали свое оружие и расслабились?

Джейн засунула пистолет в кобуру и показала ладони.

— Так будет честно?

— А что насчет него? — спросил Дэнзел, показывая на Фроста.

— Уберу сразу же, как Вы опустите бутылку на пол, сэр, — ответил Фрост.

Немного помедлив, Дэнзел поставил бутылку между ног с громким стуком.

— Попробуете меня схватить, и я тут же брошу ее в вас, — произнес он. — Так что вам лучше вести себя хорошо.

— И давно Вы тут живете? — поинтересовалась Джейн.

Дэнзел чиркнул спичкой и наклонился, чтобы зажечь свечу. Пламя осветило мусор, которым был усыпан пол, и обломки расколотого стула. Он уселся возле свечи — всклокоченный афроамериканец, одетый в лохмотья.

— Несколько месяцев, — ответил он.

— А сколько именно?

— Семь-восемь. Что-то вроде этого.

— Кто-нибудь еще приходил, чтобы осмотреть это место?

— Только крысы.

— Вы живете здесь совсем один?

— А зачем тебе это знать?

— Дэнзел, — произнесла Джейн, и ей стало смешно от того, что она произнесла это имя. — Мы пытаемся выяснить, кто настоящий владелец этого здания.

— Я же тебе сказал. Это я.

— Не Джарвис и МакКрейн?

— Кто это?

— А что насчет Николаса Клока? Вы когда-нибудь слышали это имя? Когда-нибудь встречали этого человека?

Дэнзел внезапно повернулся и рявкнул на Фроста:

— Что ты там делаешь? Пытаешься стащить мои вещи?

— Там нечего красть, мужик, — ответил Фрост. — Я просто осматриваюсь. Смотрю, тут много железной стружки на полу. Должно быть, здесь размещалась какая-то старая инструментальная фабрика...

— Слушай, Дэнзел, мы сюда не ругаться с тобой пришли, — сказала Джейн. — Мы всего лишь хотим разузнать о фирме, которая находилась здесь два-три года назад.

— Не было тут никакой фирмы.

— А Вы уже тогда знали это здание?

— Это мой район. У меня же есть глаза.

— А Вы знаете мужчину по имени Николас Клок? Шесть футов два дюйма, светлые волосы, хорошо сложен? Около сорока пяти лет, привлекательная внешность.

— Почему ты спрашиваешь *меня* о симпатичных парнях?

— Я всего лишь спросила, не видели ли Вы здесь Николаса Клока. Этот адрес был указан, как место, где находится его фирма.

Дэнзел фыркнул.

— Должно быть, он и впрямь преуспевал.

Он повернул голову в сторону Фроста и отрезал:

— Ты меня совсем не слушаешь? Я же сказал, чтобы ты перестал шарить по моему дому.

— Что за херня, — произнес Фрост, глядя в разбитое окно. — В нашей машине кто-то есть!

— Что? — Джейн подошла к окну и посмотрела вниз на свой «Субару» Увидела приоткрытую дверь со стороны пассажирского кресла. Она выхватила оружие и гаркнула: — Пошли!

— Никуда вы не пойдете, — произнес Дэнзел, внезапно прижав ствол пистолета к затылку Джейн. — Бросьте оружие. Оба.

Его голос больше не тянул слова с небрежностью, став холодным и отрывистым.

Джейн позволила своему «глоку» упасть на пол.

— Вы тоже, детектив Фрост, — приказал мужчина.

«Он знает наши имена».

Второй пистолет с глухим звуком упал на пол. Дэнзел схватил Джейн за пиджак и швырнул ее на колени. Пистолет все еще был прижат к ее черепу, так плотно прилегая к голове, что казалось, будто сверло пробивает дыру в ее затылке. Кто найдет их тела в этом разрушенном здании? Возможно, пройдут дни, даже недели, прежде, чем кто-то заметит брошенную ею машину. Прежде, чем кто-то догадается отыскать владельца.

Фрост шмякнулся на колени рядом с ней. Она услышала звук клавиш мобильного телефона, на котором набирали номер, затем Дэнзел сказал:

— У нас проблема. Хотите, чтобы я ее устранил?

Она покосилась на Фроста и увидела в его глазах ужас. Если они собираются атаковать, это их последний шанс. Их двое против одного вооруженного мужчины. Один наверняка получит пулю, но у второго может получиться. *Надо действовать сейчас, пока он говорит по телефону и отвлекся*. Мышцы напряглись, она вздохнула, возможно, в последний раз. *Резкий поворот, захват, отбить бросок…*

Шаги зазвенели на лестнице, и ствол внезапно отодвинулся от ее головы, когда Дэнзел отступил в сторону, выйдя из зоны досягаемости. Забрав любую надежду выхватить у него оружие.

Шаги поднялись на последние ступени лестницы и направились к ним, каблуки быстро отстукивали по деревянному полу.

— Ну, *это* проблема, — произнес поразительно знакомый голос. Женский голос. — Можете встать, детективы. Думаю, пришло время отбросить все условности.

Джейн поднялась на ноги и повернулась, встретившись лицом к лицу с Кэрол Микки. Но это была не холеная блондинка, выдававшая себя за коллегу Оливии Яблонски из снабжения больниц «Лейдекер». Эта женщина носила обтягивающие синие джинсы и черные ботинки, а вместо степенного блондинистого пучка, политого лаком для волос, ее светлые волосы были собраны в тугой хвост, подчеркивающий выступающие скулы, как у модели. Когда-то она была потрясающей красавицей, но теперь на этом лице отпечатался средний возраст, оставив складочки, разбегающиеся вокруг глаз.

— Бьюсь об заклад, компании «Снабжение больниц «Лейдекер» не существует, — произнесла Джейн.

— Разумеется, существует, — ответила Кэрол. — Вы же видели наш каталог. Мы продаем новейшие модели инвалидных колясок и сидений для душа.

— Их продают торговые представители, которых никогда не бывает в офисе. Они на самом деле существуют или, как и Оливия Яблонски, выполняют операции по всему миру по приказу ЦРУ?

Кэрол и Дэнзел переглянулись.

— Это слишком уж поспешный вывод, детектив, — наконец, произнесла Кэрол, но эта двухсекундная заминка дала понять, что Джейн попала в точку.

— И на самом деле Ваше имя не Кэрол, верно? — уточнила Джейн. — Потому что я *знаю*, что его зовут не Дэнзел.

— Сейчас мы будем использовать эти имена.

Дэнзел заметил:

— Они расспрашивали меня о Николасе Клоке.

— Естественно. Они же не идиоты, — Кэрол подняла брошенное оружие и протянула его Джейн и Фросту. — Вот почему я решила, что пришло время нам работать вместе. Вы так не считаете?

Джейн забрала свой «глок», и в то мгновение, когда она брала его из рук Кэрол, ей хотелось послать ту ко всем чертям вместе со всем ее дерьмом насчет *«работать вместе»*. Эти люди направили на нее пистолет, поставили ее и Фроста на колени, заставив ждать смерти. Это не тот поступок, после которого можно расцеловаться и обо всем позабыть. Но она подавила свой порыв и засунула пистолет в кобуру.

— Как случилось, что вы здесь оказались?

— Мы знали, что вы вышли на этот след. Мы за вами следили.

— Это вроде компании «Лейдекер», — догадался Фрост. — Еще одна поддельная фирма, которую создали как прикрытие для Николаса Клока.

— И именно сюда они придут его искать, — добавила Кэрол.

— Клок мертв. Он погиб на борту своей яхты.

— *Они* об этом не знают. Несколько недель подряд мы распускали слухи, что Клок жив и изменил внешность при помощи пластической операции.

— Кто его ищет? — спросила Джейн.

Кэрол и Дэнзел переглянулись. Спустя мгновение она, казалось, приняла решение и сказала Дэнзелу:

— Мне нужно, чтобы ты понаблюдал за улицей. Оставь нас.

Отрывисто кивнув, он вышел из комнаты, и они услышали, как его шаги зазвенели вниз по лестнице. Кэрол смотрела в окно, не произнося ни слова, пока не убедилась, что ее напарник вышел наружу.

Она повернулась к Джейн и Фросту.

— Коробки в коробках. Вот как ЦРУ контролирует информацию. Он знает только то, что находится в его маленькой коробке, но не в курсе всего остального. Поэтому сейчас я дам вам двоим собственную коробку. Она принадлежит только вам, и ей не стоит делиться. Вам понятно?

— А кто в курсе всей ситуации? — спросила Джейн. — У кого в руках все коробки?

— Я не могу вам сказать.

— Не можете или не хотите?

— Это не входит в вашу коробку.

— Значит, мы не будем иметь ни малейшего представления о том, какое место Вы занимаете во всей этой иерархии.

— Я знаю достаточно, чтобы запустить эту операцию. Знаю достаточно, чтобы осознать, что вы двое угрожаете всему, над чем я работала.

— ЦРУ запрещено проводить операции на территории США, — заметил Фрост. — Это незаконно.

— А еще это необходимо.

— Почему этим не займется ФБР?

— Это был не их промах. Он наш. Мы просто зачищаем то, что должны были закончить еще несколько лет назад.

— В Риме, — спокойно проговорила Джейн.

Кэрол не ответила, но ее внезапное молчание подтвердило догадку Джейн. Все началось в Риме. Там, где жизни Николаса, Оливии и Эрскина пересеклись в результате какой-то катастрофической ситуации, которая все еще отражалась на жизни их детей.

— Как Вы узнали? — наконец, вымолвила Кэрол.

— Шестнадцать лет назад все они находились в Риме. Эрскин работал сотрудником дипломатической службы. Оливия в так называемом отделе продаж, — Джейн помолчала, выдвинув обоснованное предположение. — И Николас, путешествующий в роли консультанта компании «Джарвис и МакКрейн». Фирмы, существующей только на бумаге.

Выражение лица Кэрол подтвердило ее слова. Женщина посмотрела в окно и вздохнула.

— Они были такими дерзкими. Такими чертовски уверенными в себе. Мы уже проделывали это прежде, что же могло пойти не так?

«Мы».

— Вы тоже там были, — догадалась Джейн. — В Риме.

Кэрол отвернулась от окна, постукивая ботинком по деревянному полу.

— Это была простая операция. Лишь Оливия была новичком в команде. Все остальные прежде уже работали вместе. Мы хорошо знали Рим, особенно Эрскин. Это было его местом проживания, он наладил все контакты со здешними агентами. Подыскал людей из местных. Все, что нам оставалось сделать — организовать нападение, захватить цель и вывезти из страны.

— Вы говорите о... *похищении?*

— Ваш голос звучит весьма осуждающе.

— В разговоре о похищении? Да, так и есть.

— Вы бы так не говорили, если бы знали предмет обсуждения.

— Вы сейчас говорите о своей жертве?

— О преступнике, который как прямо, так и косвенно несет ответственность за гибель сотен людей. Речь идет об американцах, детектив. О наших согражданах, убитых в разных странах. И не только о военных, но и о невинных жертвах. О туристах, бизнесменах, их семьях. Некоторых чудовищ просто необходимо уничтожать ради блага общества. Разумеется, вы оба это понимаете, учитывая специфику вашей работы. Этим, в конце концов, вы и занимаетесь. Выслеживаете чудовищ.

— Но мы делаем это в рамках закона, — уточнил Фрост.

— У закона нет зубов.

— Закон говорит нам, когда мы переходим черту.

Кэрол фыркнула:

— Позвольте угадать, детектив Фрост. Вы были бойскаутом?

Джейн взглянула на своего напарника.

— Ну, *тут* Вы попали в точку.

— Мы делаем то, что требуется, — продолжила Кэрол. — Всем известно, что иногда необходимо прибегать к крайним мерам, но никто не хочет в этом признаваться. Никто не хочет нести за это ответственность.

Она придвинулась к Джейн достаточно близко, чтобы это показалось той пугающим.

— Если хотите жить в безопасном мире, вам потребуется кто-то, чтобы выполнять за вас грязную работу. Кто-то вроде нас. Мы приехали туда, чтобы разыскать чудовище.

— Вы говорите о чрезвычайной передаче[156], — произнес Фрост.

— Эта фраза звучит как диагноз. Но да, это то самое. Шестнадцать лет назад нашей миссией было схватить его, доставить на частную взлетную площадку и отправить в следственный изолятор одной сотрудничающей с нами страны.

— Для допроса? Пыток? — спросила Джейн.

— Это гораздо меньше, чем то, что он сотворил со своими жертвами. Этот человек действовал не из политических или религиозных побуждений. Его заботили только деньги, и на этом он сколотил целое состояние. Заплатите ему достаточно денег, и он организует взрыв ночного клуба на

Бали. Или уничтожит аэробус, летящий из аэропорта Хитроу[157]. Его капитал обеспечил ему неприкосновенность, по крайней мере, через обычные каналы. Мы знали, что он никогда не предстанет перед судом в Италии. Поэтому нам было необходимо осуществить правосудие по-другому. У нас был всего один шанс, единственная возможность, чтобы схватить его. Если мы облажаемся, если Икар ускользнет, он уйдет в подполье. Учитывая его возможности, нам больше никогда не представится шанс выйти на него.

— Икар?

— Всего лишь кодовое имя. Его настоящее имя не имеет значения.

— Рискну предположить, дело обернулось плохо, — сказала Джейн.

Кэрол вновь подошла к окну и выглянула наружу через потрескавшееся стекло.

— О, мы исполнили свою миссию. Ждали снаружи возле его любимого ресторана, где тот обедал с женой, детьми и двумя телохранителями. Когда они вышли, мы были наготове. Одна команда заблокировала машину телохранителей. Другая преследовала автомобиль, в котором ехал Икар со своей семьей.

Она обернулась и посмотрела на них.

— Вы когда-нибудь водили там машину по горной дороге?

— Я никогда не была в Италии, — ответила Джейн.

— А я уже никогда не смогу туда вернуться. Не после того, что произошло.

— Вы же сказали, что выполнили миссию.

— Да. Впечатляюще кровавым способом. Мы бросились в погоню. Нас было четверо, два автомобиля преследовали убийцу на кривых поворотах. Мы почти взяли его, когда из-за поворота выехал грузовик. Икар врезался в ограждение и его занесло. Грузовик протаранил его.

Кэрол покачала головой.

— Это был полный хаос. Его жена и старший сын были раздавлены ударом. Младший сын издавал последние вдохи.

— А Икар? — спросил Фрост.

— О, он был жив. И не просто жив, а еще и дрался с нами. Николас и Эрскин еле удержали его и затолкнули в один из наших автомобилей. Шесть часов спустя он сидел в самолете в наручниках, накачанный успокоительным. Проснулся он уже за решеткой. Знаете, какими были его первые слова, когда он увидел меня? *Вы — покойники. Все вы.*

— Вы убили его семью, — заметила Джейн.

— Это был несчастный случай. Сопутствующий ущерб. Но мы выполнили свою миссию. Водитель грузовика был слишком потрясен, чтобы дать итальянской полиции какие-нибудь полезные сведения о нас. Эрскин продолжил работать на своем посту в посольстве. Николас вернулся к прикрытию в роли финансового консультанта.

— А Оливия вернулась к продаже несуществующих ночных горшков.

Кэрол рассмеялась.

— По крайней мере, Оливия привезла домой сувенир. Она осталась в Италии на несколько недель. Познакомилась с придурковатым туристом по имени Нил Яблонски. При свете свечей в римском ресторане, думаю, даже шизик смотрится неплохо. Год спустя она вышла за него замуж.

— И все вы продолжали жить, как прежде.

— Так *подразумевалось*.

— Так что пошло не так?

— Икар сбежал.

В наступившей тишине Джейн попыталась сложить вместе все кусочки. Найти причину, по которой были убиты все три семьи.

— Месть, — произнесла она.

Кэрол кивнула.

— За то, что мы сделали с ним и его семьей. Тринадцать лет, проведенные в тюрьме, сделали его еще большим чудовищем, чем прежде. Они дали ему возможность выпестовать свою ненависть, выкормить ее, вырастить до таких размеров, пока она не поглотила его. Побег был делом рук кого-то из наших, это единственный способ, объясняющий, как такое могло случиться. Уверена, он предложил царский выкуп тому, кто ему помог. После того, как он ускользнул из вида, мы понятия не имели, куда он пошел, или даже как он сейчас выглядит. Мы никогда не пытались отыскать все его тайные счета,

поэтому в его руках по-прежнему целое состояние. Уверена, что он купил себе новое лицо. И новых друзей на высоких должностях.

— Вы сказали, он тринадцать лет провел в тюрьме, — уточнил Фрост.

— Да.

— Получается, он сбежал три года назад. — Он посмотрел на Джейн. — Вот почему, наверное, Николас Клок и его семья собрали чемоданы и отправились в плавание на яхте.

Кэрол кивнула.

— После побега Икара Николас занервничал. Мы все переживали, но только он был обеспокоен настолько, чтобы сняться с насиженного места и фактически сбежать от ЦРУ. Я не думала, что Икару так легко удастся выследить нас. До тех пор, пока не вмешалось итальянское правительство.

— Зачем? — удивилась Джейн.

— Вините в этом политиков, ВикиЛикс[158], кого угодно. Уорд заявил прессе, что ЦРУ совершило акт чрезвычайной передачи на итальянской земле. Неожиданно итальянцы разозлились. Нарушение суверенитета. Операция ЦРУ, в результате которой были убиты три мирных жителя. Наши имена были вычеркнуты изо всех отчетов, но деньги открывают любые двери. Особенно если этих денег очень много. — Она снова подошла к окну, ее стройный силуэт обрамлял серый свет. — Сначала были убиты Эрскин и его жена. Застрелены в лондонском переулке. Несколько дней спустя были убиты Оливия и ее муж при падении личного самолета. Я пыталась связаться с Николасом, но он не успел получить сообщение. В течение одной недели все трое моих коллег были мертвы.

— Как же Вам повезло остаться в живых? — спросила Джейн.

— Повезло? — Кэрол горько рассмеялась. — Вряд ли это подходящее слово, которым можно описать мою жизнь. «Обречена» подходит больше. Постоянно оглядываюсь. Постоянно сплю вполглаза. Так я живу уже два года, и хотя ЦРУ делает все возможное, чтобы обеспечить мою безопасность, этого все равно недостаточно. И этого недостаточно для того, чтобы эти трое детей остались в живых.

— Икар способен зайти настолько далеко? Способен убить детей?

— А кто бы еще стал на них охотиться? Он убил Николаса, Оливию и Эрскина друг за другом в течение одной недели. Теперь он охотится на их

детей, уничтожая семейные линии до последнего человека. Разве вы не понимаете, в этом и весь смысл. Это сообщение для любого, кто посмеет пойти против него в будущем. *Перейдете мне дорогу, и я убью вас и всех, кого вы любите.* — Она снова подошла к Джейн, и на ее лице читалось глубокая усталость. — Он попытается снова.

Звук автомобиля, проезжающего по улице, заставил Кэрол вернуться к окну. Она наблюдала за тем, как машина проезжала мимо. Еще долгое время после того, как звук двигателя стих, она все еще стояла там, ожидая предстоящего нападения.

Джейн достала мобильник.

— Я собираюсь позвонить в полицию штата Мэн. Попрошу их направить команду…

— Мы не можем им доверять. Мы *никому* не можем доверять.

— Этим детям *сейчас* нужна защита.

— То, о чем я вам рассказала, засекречено. Вы не можете делиться деталями этого дела с правоохранительными органами.

— Или что, Вы нас убьете? — произнесла Джейн и фыркнула.

Кэрол не сделала ни шага по направлению к ней, на ее лице не проявилось ни единого признака юмора.

— Не совершайте ошибки. Если потребуется, да, убью.

— Тогда зачем Вы все это нам рассказали? Если это настолько секретно?

— Потому что вы уже влезли в это дело слишком глубоко. Потому что ваше вмешательство может все испортить.

— А что, собственно, мы можем испортить?

— Мой лучший и, возможно, единственный шанс прижать к ногтю Икара. Так или иначе, это был мой план. Поместить всех троих детей в одно место, чтобы он не смог устоять.

Джейн и Фрост изумленно переглянулись.

— Вы это *спланировали?* — спросила она. — Вы организовали все так, чтобы поместить этих детей в «Ивенсонг»?

— Сначала это было мерой предосторожности, а не планом. Управление считало, что находясь в разных местах, дети в безопасности, но у меня возникли сомнения. Я наблюдала за ними. И когда было совершено первое нападение на девочку…

— *Вы* были той доброй самаритянкой. Загадочной блондинкой, которая волшебным образом появилась на сцене. А затем исчезла.

— Я оставалась с Клэр до тех пор, пока не убедилась, что она в безопасности. Когда приехала полиция, я ускользнула из вида. Направила ее прямо в «Ивенсонг», где уже находился один из наших людей.

— Доктор Уэлливер.

Кэрол кивнула.

— Анна ушла из Управления год назад, после того, как ее муж был убит в Аргентине. Но мы знали, что можем ей доверять. Еще мы знали, что «Ивенсонг» был достаточно отдаленным и безопасным местом для того, чтобы укрыть там девочку. Вот почему мы отправили туда и второго ребенка.

— Уилла Яблонски.

— Мальчику невероятно повезло, что его не было дома, когда взорвалась бомба. Я приехала как раз вовремя, чтобы увезти его оттуда.

— Так почему Вы ничего не предприняли по поводу Тедди Клока? Вы же знали о том, что случится. Знали, что он станет следующей мишенью.

— Этого нападения не должно было произойти. Дом охранялся, имел систему безопасности. Что-то пошло не так.

— И что же? — спросила Джейн.

— Я разместила агентов вокруг резиденции, они находились там круглосуточно. Но в ту ночь им было приказано покинуть свои посты.

— Кто им приказал?

— Они утверждают, что я. Но это неправда.

— Они солгали?

— Все имеет свою цену, детектив. Вы просто должны поднимать ее до тех пор, пока не получите желаемое. — Кэрол беспокойно зашагала по

комнате. — Сейчас я не знаю, кому могу доверять или как высоко в иерархии ЦРУ есть подкупленные люди. Все, что я знаю — за всем этим стоит *он,* и он не закончил. Он хочет этих троих детей. И он хочет меня.

Она остановилась, обернулась и взглянула на Джейн.

— Именно я должна все это прекратить.

— Как? Если Вы не можете доверять собственным людям.

— Вот почему я вышла *за пределы* ЦРУ. Я иду своим собственным путем, привлекая к делу людей, на которых твердо могу рассчитывать.

— И Вы все это говорите, потому что доверяете нам? — Джейн бросила взгляд на Фроста. — Неожиданно.

— По крайней мере, вас двоих не подкупил Икар.

— Откуда Вы знаете?

Кэрол засмеялась.

— Два детектива из убойного отдела, и один из вас бойскаут.

Она взглянула на Фроста.

— О, я изучила всю Вашу подноготную. Я не шутила, когда сказала, что Вы были бойскаутом. — Она посмотрела на Джейн. — А у Вас имеется кое-какая репутация.

— И какая же? — поинтересовалась Джейн.

— Не обижайтесь, если я использую слово *«сука»*. Так они называют женщин вроде нас с Вами. За то, что мы не идем на компромиссы, не останавливаемся на полпути. Мы гоним мяч до самых ворот. — Кэрол слегка поклонилась. — Почту за честь оказаться среди сук.

— Боже, я польщена.

— Я считаю, — продолжила Кэрол, — что пришло время нам поработать вместе. Если вы хотите, чтобы эти дети выжили, вам нужна я, а мне нужны вы.

— У Вас есть какой-то настоящий план или это всего лишь альянс *на словах?*

— Я не выжила бы, если бы не строила планов. Мы заставим Икара раскрыть себя.

— Как?

— Этот план включает в себя детей.

— Ладно, — не выдержал Фрост. — Мне не нравится то, что я слышу.

— Вы еще ничего не слышали.

— Вы упомянули детей. Мы не согласимся подвергнуть их опасности.

— Они *уже* в опасности, вы разве не заметили? — отрезала Кэрол. — Клэр и Уилл живы только благодаря мне. Потому что я оказалась там и спасла их.

— А теперь Вы хотите их использовать? — Фрост уставился на Джейн. — Ты же понимаешь, что она вот так все планирует?

— Дай ей шанс все объяснить, — ответила Джейн, пристально рассматривая Кэрол. Она ничего не знала об этой женщине, не знала даже ее настоящего имени, поэтому Джейн не могла решить, стоит ли ей доверять. *«Почту за честь оказаться среди сук»* работает лишь в случае, когда вы знаете другую суку. Джейн знала только то, что могла видеть: подтянутая блондинка лет сорока, носит дорогие ботинки и еще более дорогие наручные часы. Женщина, которая распространяла вокруг себя легкий привкус отчаяния. Если то, что рассказала им Кэрол, было правдой, то она работала на ЦРУ около двадцати лет. Последние два года она постоянно переезжала, меняя имена, что было бы весьма затруднительно, имей она семью. «Она — одинокий волк, — подумала Джейн. — Выжила, потому что делала все необходимое для того, чтобы остаться в живых».

— Знаю, вы беспокоитесь за детей, — сказала Кэрол. — Но если мы с этим не покончим, они никогда не будут в безопасности. Пока они живы, то олицетворяют собой неудачу Икара. Ему необходимо продемонстрировать миру, что его нельзя одолеть. Если перейдете ему дорогу, он будет беспощаден. Подумайте о том, на что будет похожа их жизнь, если мы его не убьем. Каждый год им необходимо будет менять личность, дом. Убегать, постоянно убегать. Я знаю, что это, и это не жизнь для ребенка. Уж точно не для подростка, который мечтает о друзьях и стабильности. Это их лучший шанс получить нормальную жизнь, и им даже не стоит обо всем этом знать.

— И как Вы собираетесь от них это скрыть?

— Они уже находятся там, где должны быть. В защищенном месте. Подъездная дорога под наблюдением. В школе есть учителя, которые их защитят.

— Постойте. Вы хотите сказать, что Энтони Сансоне в курсе происходящего?

— Он знает, что они в опасности, и им нужна защита. Я попросила доктора Уэлливер поделиться с ним кое-чем, не вдаваясь в подробности.

— Так он не знает об этой операции?

Кэрол отвела глаза.

— Даже доктор Уэлливер не знала.

— А теперь она мертва. Как такое произошло?

— Я не знаю, почему она покончила с собой. Но у меня уже есть агент на месте и еще несколько скоро приедут. Это последние дети моих коллег, кому удалось выжить, и я *сохраню* их безопасность. Я перед ними в долгу.

— Это действительно ради детей? — уточнила Джейн. — Или ради Вас?

Правда читалась на лице Кэрол, в кривом изгибе ее брови, в легком наклоне головы.

— Да, я хочу вернуть назад свою жизнь. Но этого не случится, пока я не возьму его.

— Если Вы хотя бы сможете его узнать, когда увидите.

— Любой вооруженный злоумышленник будет уничтожен. А с телами мы сможем разобраться позднее.

— Откуда Вы знаете, что Икар заявится туда лично?

— Потому что я его понимаю. Эти дети представляют для него особо важные мишени. Так же, как и я. Он хочет получить удовлетворение, лично увидев наши смерти. Если мы все будем находиться в одном месте, он не сможет устоять против такой приманки. — Она посмотрела на часы. — Я впустую трачу здесь свое время. Мне нужно ехать в Мэн.

— Чего Вы ждете от нас? — спросила Джейн.

— Держитесь от всего этого подальше.

— Тедди Клок находится под *моей* ответственностью. И, дамочка, Вы вышли *за пределы* Вашей юрисдикции.

— Последнее, что мне необходимо — это чтобы невежественные копы стреляли по собственным теням.

Она опустила глаза вниз, когда зазвонил ее мобильник. Отвернувшись, она бесцеремонно заявила:

— Рассказывай.

Хотя Джейн не могла видеть лицо женщины, она заметила, как внезапно застыла ее спина, выпрямились плечи.

— Мы уже в пути, — отрезала она и нажала на отбой.

— Что произошло? — спросила Джейн.

— У меня был агент, который находился на месте. В школе.

— Был?

— Только что было найдено его тело. — Кэрол разглядывала Джейн. — Похоже, мы перешли к финальной части.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

— Нам следует начать эвакуацию, — заявил Сансоне, отпирая сейф в комнате диковинок. Он распахнул дверцу и достал пистолет, лежавший внутри. Маура наблюдала, как быстро он зарядил девятимиллиметровыми пулями магазин, пораженная тем, как хорошо Сансоне был знаком с оружием. Прежде она никогда не видела в его руках пистолета, теперь же было понятно, что он не только отлично с ним обращался, но и был готов его использовать.

— Если разбудим детей сейчас, — сказал он, — через десять минут уже будем на дороге.

— И куда мы их повезем? — спросила Маура. — Вне этих ворот мы уязвимы. Ты превратил этот замок в неприступную крепость, Энтони. У тебя есть система безопасности, непробиваемые двери.

«И пистолет», — подумала она, наблюдая за тем, как он задвигает магазин назад.

— Джейн сказала, чтобы мы заперлись и ждали ее приезда. Так нам и следует поступить.

— Каким бы безопасным я не сделал этот замок, мы все так же представляем собой неподвижную мишень.

— Однако внутри безопаснее, чем снаружи. Джейн в телефонном разговоре выразилась предельно ясно. *Оставайтесь в здании. Никому не доверяйте.*

Сансоне засунул пистолет за пояс.

— Давай в последний раз осмотрим периметр, — произнес он и вышел из комнаты диковинок.

С наступлением сумерек воздух стал холоднее, и когда она последовала за ним в холл, температура, казалось, упала еще ниже. Маура обхватила себя руками, наблюдая за тем, как он проверил входную дверь, осмотрел электронную панель системы безопасности и убедился, что все работает, весь замок надежно защищен.

— Детектив Риццоли могла бы дать нам больше информации по телефону, — заметил Сансоне, переходя в обеденный зал, где он осмотрел окна и проверил замки. — Мы не знаем, с чем, черт побери, боремся.

— Она сказала, что не может рассказать нам большего. Нам просто следует поступить так, как она говорит.

— Ее решение не является единственно верным.

— Ну, я ей доверяю.

— А мне ты не доверяешь.

Это был не вопрос, а утверждение, и оба они знали, что это было правдой. Он повернулся к ней лицом, и Маура ощутила тревожную дрожь притяжения. Но в его глазах она видела слишком много тьмы, слишком много секретов. И она подумала о поразительной легкости, с которой Сансоне обращался с оружием: еще одна деталь, которой она о нем не знала.

— Я даже не знаю, кто ты, Энтони, — сказала она.

— Однажды, — произнес он с легкой улыбкой, — возможно, тебе захочется это выяснить.

Они вышли из столовой и прошли в библиотеку. В отсутствие большей части учеников и преподавателей замок казался устрашающе тихим, и в

столь поздний час было легко поверить в то, что они здесь совершенно одни. Последние обитатели заброшенной цитадели.

— Как считаешь, ты смогла бы когда-нибудь научиться доверять мне, Маура? — поинтересовался он, переходя от окна к окну, мрачный стражник, двигающийся во мраке. — Или между нами всегда будет эта напряженность?

— Ты мог бы начать с того, чтобы стать со мной более открытым, — ответила она.

— Нам обоим бы не помешало прислушаться к этому совету. — Он помолчал. — Ты и Даниэль Брофи. Вы все еще вместе?

При упоминании имени Даниэля она застыла, как вкопанная.

— Почему ты спрашиваешь?

— Ты же знаешь ответ.

Он повернулся к ней, тень от выступающей ниши скрывала его глаза.

— Любовь — это не такая вещь, где все ясно и понятно. Она вносит неразбериху и разбивает сердце. Иногда всему этому нет конца.

В полумраке ей удалось разглядеть его понимающую улыбку.

— Еще одно сходство между нами. Помимо наших личных трагедий и работы, которую мы выполняем. Мы оба одиноки, — мягко произнес он.

В тишине библиотеки, внезапный телефонный звонок показался пугающим. Пока Сансоне шел через комнату, чтобы взять трубку, она стояла, как вкопанная, потрясенная тем, что он сказал. И шокированная его искренностью. *Да, мы одиноки. Мы оба.*

— Доктор Айлз здесь, — услышала она его ответ на звонок.

«Джейн звонит», — пронеслось в голове Мауры. Но когда она взяла трубку, оказалось, на линии была судмедэксперт штата Мэн.

— Я решила уточнить, получили ли Вы мое сообщение. Потому что ответа я так и не дождалась, — пояснила доктор Эмма Оуэн.

— Вы звонили? Когда?

— Около полудня. Поговорила с одним из учителей. Какой-то парень, говорящий довольно сварливо.

— Должно быть, это доктор Паскуантонио.

— Да, он назвал это имя. Полагаю, он забыл Вам сообщить. Я собиралась идти спать и решила позвонить еще раз, потому что Вы просили меня сразу же сообщить о результатах.

— Это насчет анализа на токсины?

— Да. Теперь я вынуждена спросить у Вас кое-что. Доктор Уэлливер *на самом деле* была психотерапевтом?

— Она была клиническим психологом.

— Ну, она принимала галлюциногенные препараты. Анализ токсинов выявил содержание диэтиламида лизергиновой кислоты в ее организме.

Маура обернулась и уставилась на Сансоне, произнеся: — Этого не может быть.

— Нам еще необходимо подтвердить это при помощи метода ВЭЖХ с детектированием флюоресценции[159], но, похоже, Ваш доктор Уэлливер была под ЛСД. Теперь я понимаю, что имеют в виду некоторые психотерапевты, говоря о терапевтических методах. О способе открыть свой разум духовному познанию и тому подобной болтовне. Но Бога ради, она же работала в школе. Употребление ЛСД — это уж точно не пример для подражания.

Маура не могла пошелохнуться, телефонная трубка была так плотно прижата к уху, что она могла слышать собственный пульс.

— Так падение с крыши…

— Вполне возможно, стало результатом галлюцинаций. Или острого психоза. Вы помните об эксперименте, который несколько лет назад проводили в ЦРУ? Они дали какому-то бедолаге ЛСД, и тот выпрыгнул из окна. Нельзя предугадать, как субъект отреагирует на наркотики.

Маура подумала о кристаллах на полу ванной комнаты, рассыпавшихся, когда кто-то опрокинул сахарницу в унитаз. *Уничтожение доказательства.*

— …я намерена идентифицировать эту смерть как несчастный случай. Не самоубийство, — заключила доктор Оуэн. — Падение с высоты в результате приема галлюциногенов.

— ЛСД можно синтезировать, — отрезала Маура.

— Хм, можно. Думаю, да. Разве изначально его не выделили из какого-то гриба, паразитирующего на злаковых растениях?

«А кто знает о растениях больше, чем профессор Дэвид Паскуантонио?»

— О, Господи, — прошептала Маура.

— Возникла какая-то проблема?

— Мне надо идти.

Она повесила трубку и повернулась к Сансоне, который стоял подле нее с немым вопросом в глазах.

— Нам нельзя здесь оставаться, — сообщила она. — Мы должны забрать детей и немедленно уйти.

— Почему? Маура, что изменилось?

— Убийца, — сказала она. — Он уже в замке.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

— Где остальные? — спросила Маура.

Джулиан покосился на них из дверей своей комнаты, глаза все еще были полусонными. Он стоял с обнаженным торсом, одетый лишь в трусы, волосы торчали во все стороны. Сонный подросток, явно думающий лишь о том, чтобы заползти обратно в кровать. Зевая, он потер подбородок, на котором пробивалась первая темная щетина.

— Разве они не в своих кроватях?

— Уилла, Тедди и Клэр нет в своих комнатах, — ответил Сансоне.

— Когда я заходил к ним, они были на месте.

— И когда это было?

— Не знаю. В половине одиннадцатого, вроде бы. — Джулиан внезапно заметил пистолет, заправленный за пояс Сансоне. — Что происходит?

— Джулиан, — сказала Маура. — Нам нужно сейчас же их найти. И нам нужно сделать это тихо.

— Подождите, — ответил он, ныряя обратно в свою комнату. Мгновение спустя он вернулся, одетый в синие джинсы и кроссовки. С Медведем, следующим за ним по пятам, он вышел в коридор и направился к комнате Уилла и Тедди.

— Ничего не понимаю, — хмыкнул он, нахмурившись при виде пустых кроватей. — Мальчишки были здесь, оба уже надели пижамы.

— Они ничего не говорили о том, что собираются выйти наружу?

— Они *знают,* что ночью им следует оставаться внутри, особенно сегодня.

Джулиан развернулся и зашагал по коридору. Маура и Сансоне проследовали за ним в комнату Клэр, где все они остановились среди книг, разбросанных по столу, рубашек и грязных носков, лежащих кучей в углу. Никаких тревожных признаков, типичный беспорядок в комнате подростка.

— То, что они ушли, не имеет смысла, — заявил Джулиан. — Они же не тупые.

Внезапно Маура ощутила, насколько глубокой была тишина. Глубокой, как земля, глубокой словно могила. Если другие души и находились в замке, она бы не смогла их услышать. Ее страшила мысль о том, чтобы обыскать каждую комнату, каждую нишу и лестницу в крепости, в которую уже проник убийца.

Собака заскулила, и это испугало Мауру. Она посмотрела на Медведя, который уставился на нее с жутковатым проблеском интеллекта в глазах.

— Он может помочь нам в поисках, — сообразила она. — Ему просто нужен их запах.

— Он же не ищейка, — возразил Джулиан.

— Но он пес, и у него собачье чутье. Он может выследить их, если дать ему понять, что мы ищем.

Она взглянула на ворох разбросанной одежды Клэр.

— Дай ему понюхать какую-нибудь из этих вещей, — приказала она. — Давайте посмотрим, куда он нас приведет.

Джулиан достал из кармана поводок, пристегнул его к ошейнику Медведя и подвел пса к куче грязного белья.

— Сюда, мальчик, — позвал он. — Обнюхай-ка это хорошенько. Это то, как пахнет Клэр. Ты же знаешь Клэр, правда?

Он обхватил огромную голову пса руками и посмотрел Медведю прямо в глаза. Связь между ними была чем-то глубоким, даже священным. Она возникла в горах Вайоминга, где мальчик и собака научились полагаться друг на друга, где выживание подразумевало под собой полной доверие. Маура изумленно наблюдала за тем, как понимание, казалось, загорелось в глазах пса.

— Давай же, — произнес Джулиан. — Давай найдем Клэр.

Медведь натянул поводок, уводя мальчика из комнаты. Но вместо того, чтобы направиться к парадной лестнице, собака помчалась вниз по коридору к заброшенному крылу здания, где тени были глубже, а двери распахнуты, обнажая пустые комнаты с накрытой простынями мебелью. Они прошли мимо портрета женщины в красном, написанного красками. Глаза женщины, казалось, смотрели на Мауру со странным металлическим блеском, словно светились изнутри каким-то тайным знанием.

— Он идет к старой лестнице для прислуги, — пояснил Сансоне.

Медведь остановился и уставился на лестницу, словно раздумывая, стоит ли спускаться по ней в такой темноте. Он оглянулся на Джулиана, тот кивнул. Медведь принялся спускаться по узкой лестнице, клацая когтями по дереву. В отличие от перил парадной лестницы, эти были сделаны из дуба и украшены замысловатой резьбой, дерево было отполировано руками многочисленных слуг, которые десятилетиями бесшумно сновали по замку и потчевали гостей. В воздухе будто повис холод, словно призраки той давно умершей прислуги, которые задержались на этом участке замка, вечно порхают туда-сюда с вениками и подносами с завтраком. Маура почти ощущала, как один из этих призраков прошуршал мимо нее прохладным ветерком, но, оглянувшись через плечо, она увидела лишь пустынную лестницу, спускающуюся во мрак.

Они спустились на два пролета вниз и продолжали шагать по направлению к цокольному этажу. Маура еще никогда не была в этой самой глубокой части «Ивенсонга». Эти ступеньки, казалось, вели в самое сердце замка, в закрытые помещения. Она чувствовала этот запах в воздухе, в сырости.

Они достигли нижних ступеней и вошли во вместительную кухню, где Маура увидела огромные печи из нержавеющей стали, холодильную камеру и потолочные держатели, на которых висели горшки и кастрюли.

Так вот где жарились их утренние яйца и выпекался хлеб. В этот час кухня пустовала, посуда и столовые приборы сложены в ящики до утра.

Медведь внезапно замер, уставившись на дверь подвала. Шерсть на его шее встопорщилась, и он зарычал. Этот звук отозвался мурашками, пробежавшими по позвоночнику Мауры. Что-то находилось за этой дверью, нечто, встревожившее пса и заставившее его присесть на передние лапы, словно готовясь к броску.

Громко звякнул металл, словно брякнули оркестровыми тарелками.

Маура подскочила, сердце застучало, когда эхо разнеслось по кухне. Она почувствовала, что Сансоне держит ее за руку, но не помнила, когда он схватил ее. Рука просто была там, словно он всегда был рядом, чтобы поддержать ее.

— Думаю, я вижу его, — тихо проговорил Сансоне. Спокойно. Он выпустил руку Мауры и пошел через кухню.

— Энтони...

— Все в порядке. Все хорошо.

Он обогнул кухонный стол и опустился на колени, скрывшись из ее поля зрения. Хотя Маура его не видела, но расслышала голос Сансоне, который что-то ласково бормотал.

— Эй, ты в безопасности. Мы здесь, сынок.

Они с Джулианом беспокойно переглянулись, а затем последовали за Сансоне к углу кухни. Там они и обнаружили его, присевшего возле дрожащего Тедди Клока. Мальчик свернулся в клубок, колени прижаты к груди, руками он обхватил себя.

— Кажется, с ним все в порядке, — сказал Сансоне, взглянув на нее.

— Он вовсе не в порядке, — парировала она.

Маура присела рядом с Тедди, взяла его на руки и прижала к груди. Он был ледяной и дрожал так сильно, что слышался скрежет зубов.

— Тихо, тихо, — пробормотала она. — Я с тобой, Тедди.

— Он был здесь, — прошептал мальчик.

— Кто?

— Мне так жаль, мне так жаль, — простонал он. — Мне не стоило бросать их там, но я испугался. Поэтому я убежал…

— Где остальные, Тедди? — спросил Джулиан. — Где Клэр и Уилл?

Мальчик прижался лицом к плечу Мауры, словно пытаясь найти способ укрыться в безопасном месте, где никто бы не смог его отыскать.

— Тедди, ты можешь нам рассказать, — произнесла Маура, отодвигаясь от него. — Где остальные?

— Он загнал их в комнату…

Пальцы ребенка были словно коготки, в отчаянии вцепившиеся в ее руки.

Она разжала его пальцы, заставила мальчика посмотреть ей в глаза.

— Тедди, где они?

— Я не хочу возвращаться в ту комнату!

— Ты должен нам показать. Мы пойдем с тобой. Просто покажи нам это место и все.

Мальчик прерывисто вздохнул.

— А можно… можно я буду держать собаку? Я хочу, чтобы собака была рядом со мной.

— Конечно, приятель, — сказал Джулиан. Опустившись на колени, он передал поводок Тедди. — Держи его, и он защитит тебя. Медведь ничего не боится.

Казалось, это придало Тедди необходимую дозу мужества. Пошатываясь, он встал на ноги, так сильно сжимая собачий поводок, словно это был спасательный круг, и направился через кухню к двери. Глубоко вздохнув, он открыл щеколду. Дверь распахнулась.

— Это старый винный погреб, — сообщил Сансоне.

— Это там, — прошептал Тедди, уставившись в темноту. — Я не хочу идти.

— Все в порядке, Тедди. Ты можешь подождать здесь, — успокоил его Сансоне. Бросив взгляд на Мауру, он пошел вниз по лестнице.

Чем ниже они спускались, тем более густым и затхлым становился воздух. Голые лампочки висели над головой, отбрасывая желтоватые блики на бесконечные ряды пустых винных шкафов, некогда заполненные тысячами бутылок, несомненно, самого лучшего французского марочного вина для железнодорожного магната и его гостей. Вино давно выпито, стеллажи заброшены, эдакий безмолвный мемориал золотого века экстравагантности.

Они подошли к массивной двери, петли которой были прочно вмонтированы в камень. Старый чулан. Маура бросила взгляд на Джулиана.

— Почему бы тебе не пойти на кухню и не подождать там вместе с Тедди?

— С ним Медведь. Он будет в порядке.

— Я не хочу, чтобы ты это видел. Прошу.

Но Джулиан упрямо продолжал стоять рядом с ней, когда Сансоне поднял задвижку. Наверху на кухне Медведь завыл, и этот высокий звук, полный отчаяния, отозвался мурашками на спине Мауры, пока Сансоне открывал дверь. Тогда-то она и почувствовала вонь, исходящую из этой темной комнатушки. Запах пота. Страха. То, чего она больше всего боялась, лежало перед ней в темноте. Четыре тела, прислоненные к стене.

Дети. Господь Всемогущий, это дети.

Сансоне нашел выключатель и щелкнул им.

Одно из тел подняло голову. Клэр уставилась на них широко раскрытыми глазами и издала отчаянный стон, приглушенный клейкой лентой. Остальные зашевелились, Уилл, повар и доктор Паскуантонио, все связанные и старающиеся что-то произнести.

Они живы. Они все живы!

Маура опустилась на колени подле девочки.

— Джулиан, у тебя есть нож?

Собачий вой стал более диким, более безумным, словно умолял их: «Поспешите, поторопитесь!»

Джулиан с эффектным щелчком раскрыл свой перочинный нож и присел.

— Сиди спокойно, Клэр, иначе я не смогу освободить тебя, — приказал он, но девочка продолжала извиваться, панически тараща глаза, словно задыхаясь. Маура сорвала ленту с ее рта.

— Это ловушка! — закричала Клэр. — Он никуда не ушел! Он прямо…

Ее голос оборвался, она пристально смотрела на что-то… кого-то… стоящего позади Мауры.

В ушах застучала кровь, Маура обернулась и увидела мужчину, возвышающегося в дверном проеме. Разглядела широкие плечи и сверкающие глаза на лице с полосами черной краски, но основное внимание приковал к себе пистолет в его руке. Глушитель. Когда он выстрелит, громкого звука не раздастся, смерть придет с приглушенным стуком, который будет слышен лишь в этой каменной комнате, похороненной глубоко внутри горы.

— Бросьте оружие, мистер Сансоне, — приказал он. — *Сейчас же.*

Он знает наши имена.

У Сансоне не было выбора. Он вытащил пистолет из-за пояса и бросил его на пол.

Джулиан, стоящий на коленях рядом с Маурой, потянулся и схватил ее за руку. «Ему всего шестнадцать, такой юный», — думала она, плотно сжимая его руку.

Медведь снова завыл, издав крик ярости. Разочарования.

Джулиан внезапно поднял глаза, и она увидела озадаченное выражение его лица. Маура начала осознавать, так же, как и он, что это не имеет смысла. *Если Медведь все еще жив, почему он нас не защищает?*

— Подтолкните его ко мне, — произнес мужчина.

Сансоне подтолкнул пистолет ботинком, и тот заскользил по полу.

— Теперь встаньте на колени.

«Так вот как все для нас закончится, — подумала Маура. — Все встанут на колени. И каждому пустят пулю в голову».

— Давайте же!

Голова Сансоне безвольно поникла, когда он рухнул на пол. Но это была лишь уловка для последнего отчаянного шага. Словно спринтер,

сорвавшийся со старта, Сансоне прыгнул прямо на вооруженного мужчину.

Оба упали в дверях, отчаянно сражаясь во мраке винного погреба.

Пистолет Сансоне все еще лежал на полу.

Маура поднялась на ноги, но прежде, чем она успела схватить оружие, вокруг рукоятки сомкнулась другая рука. А затем приставила ствол к ее голове.

— Назад! *Назад!* — кричал Тедди Мауре. Его руки дрожали, но палец лежал на спусковом крючке, а пистолет был направлен в голову Мауры. Он выкрикнул через плечо: — Я застрелю ее, мистер Сансоне! Клянусь, что застрелю!

Маура снова опустилась на пол. Она стояла на коленях, совершенно ошеломленная, когда Сансоне затолкнули обратно в комнату и поставили на колени рядом с ней.

— Пес привязан, Тедди? — спросил мужчина.

— Я привязал его к кухонному шкафу. Ему не удастся вырваться.

— Свяжи им руки. Побыстрее, — произнес человек с пистолетом. — Они прибудут в любую минуту, и мы должны быть к этому готовы.

— Предатель! — выплюнула Клэр, пока Тедди отрывал полосы клейкой ленты и связывал ими за спиной запястья Сансоне. — Мы были твоими *друзьями*. Как ты мог сотворить такое с нами?

Мальчик проигнорировал ее и занялся руками Джулиана.

— Тедди обманом привел нас сюда, — сообщила Клэр Мауре. — Сказал нам, что вы ждете нас, но все это было ловушкой.

Она уставилась на мальчишку, ее голос дрожал от отвращения. Даже обреченная, девочка была бесстрашной, даже безрассудной.

— Это был ты. Это *всегда* был ты. Развесил этих *идиотских* кукол из прутьев.

Тедди оторвал очередную полоску скотча и плотно обмотал ее вокруг запястий Джулиана.

— Зачем мне это?

— Чтобы напугать нас. Выбить из колеи.

Тедди посмотрел на нее с неподдельным изумлением.

— Я этого не делал, Клэр. Эти куклы были нужны, чтобы напугать *меня*. Чтобы *мне* пришлось обратиться за помощью.

— А доктор Уэлливер, как ты мог сделать с ней такое?

Вспышка раскаяния промелькнула в глазах Тедди.

— Это не должно было убить ее! Всего лишь запутать. Она работала на *них*. Постоянно наблюдала за мной, выжидая, когда я...

— Тедди, — оборвал его мужчина. — Помнишь, чему я тебя учил? Что сделано, то сделано, и нам надо двигаться дальше. Так что заканчивай свою работу.

— Да, сэр, — ответил мальчик, отрывая еще одну полоску скотча. Он так туго обмотал ею запястья Мауры, что никакие уловки не помогли бы их высвободить.

— Хороший мальчик. — Мужчина протянул Тедди прибор ночного видения. — Теперь отправляйся наружу и осмотри двор. Сообщи, когда они появятся и сколько их.

— Я хочу остаться с тобой.

— Мне нужно, чтобы ты находился за линией огня, Тедди.

— Но я хочу помочь!

— Ты уже достаточно мне помог. — Мужчина положил руку на голову мальчика. — Ты нужен мне на крыше. Чтобы быть моими глазами.

Он бросил взгляд на свой ремень, когда запищал знак тревоги.

— Они подъехали к воротам. Надевай прибор, Тедди. Иди.

Он вытолкнул ребенка из комнаты и последовал за ним.

— Я была твоим *другом,* — прокричала Клэр, когда захлопнулась дверь. — Я доверяла тебе, Тедди!

Они услышала звук запираемого замка. На кухне по-прежнему лаял и скулил Медведь, но дверь приглушала звук, делая его далеким, словно вой койота.

Маура посмотрела на запертую дверь.

— Это был *Тедди,* — пробормотала она. — Все это время, я и подумать не могла...

— Потому что он всего лишь ребенок, — горько заметила Клэр. — Никто не обращает на нас внимания. Никто не принимает нас в расчет. До тех пор, пока мы не удивим вас.

Она уставилась в потолок.

— Они хотят убить детектива Риццоли.

— Она приедет не одна, — сказала Маура. — Она сказала мне, что привезет людей. Людей, которые способны за себя постоять.

— Но они не знают замок так, как этот мужчина. Должно быть, Тедди впустил его после наступления темноты. Он знает каждую комнату, каждую лестницу. И он ждет их.

На кухне перестал выть Медведь. Даже он, вероятно, понял всю безвыходность их положения.

Джейн. Все зависит от тебя.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Замок выглядел заброшенным.

Джейн и Фрост въехали на стоянку «Ивенсонга» и посмотрели на темные окна, на шероховатую крышу, нависающую над зданием под звездным небом. Никто не встретил их у ворот, и никто не ответил на телефонный звонок, который она пыталась совершить по дороге полчаса назад, пока на экране мобильника виднелась последняя полоска сигнала приема. Черный внедорожник остановился рядом с ними, и через стекло Джейн разглядела силуэты Кэрол и двоих ее спутников. Одним из них был Дэнзел, другой оказался молчаливым мужчиной со светло-коричневым цветом кожи и бритой головой. Когда часом ранее все они остановились на заправке, мужчины не произнесли ни слова, из чего стало ясно — этим парадом командует Кэрол.

— Что-то не так, — заметила Джейн. — Наш приезд должны были зафиксировать датчики, установленные на дороге, и Маура бы знала, что мы приехали. Где все?

Фрост посмотрел на внедорожник Кэрол.

— Я бы чувствовал себя намного лучше, если бы с нами прибыло подкрепление в лице полиции штата Мэн. Мы все равно должны были позвонить им. Нахрен ЦРУ.

Дверцы машины лязгнули, Кэрол и ее люди вышли наружу. Джейн отметила, что все они были увешаны оружием с головы до ног. Дэнзел уже двигался к зданию, когда Джейн выбралась из своей машины.

— Что собираетесь делать?

— Нам пора проникнуть в здание, детектив, — пояснила Кэрол, надевая гарнитуру. — Идите к входной двери и позвоните в домофон. Они должны услышать Ваш голос, чтобы убедиться, что все в порядке и впустить нас.

— Мы приехали лишь для того, чтобы забрать детей и увезти их в безопасное место. Вот о чем мы договаривались. К чему вся эта амуниция в стиле Рэмбо?

— Планы изменились.

— С каких пор?

— С тех пор, когда я решила, что сначала нам необходимо обыскать здание. После того, как мы войдем через главный вход, вы подождете в машине, пока мы не дадим знать, что все чисто.

— Вы сказали, что это *всего лишь* эвакуация. Только поэтому мы и согласились помочь вам попасть внутрь. А теперь, похоже, вы планируете штурм.

— Необходимая предосторожность.

— К черту все это. Там *дети*. Я не позволю вам устроить здесь перестрелку.

— Входная дверь, детектив. Сейчас.

— Там не заперто, — сообщил Дэнзел, вернувшись. — Они нам не нужны.

Кэрол повернулась к нему.

— Что?

— Я только что проверил дверь. Мы можем войти.

— Теперь я *уверена,* что-то не так, — сказала Джейн.

Она повернулась в сторону здания, и Кэрол мгновенно преградила ей дорогу.

— Вернитесь в свою машину, детектив.

— Там моя подруга. Я пойду туда.

— Мне так не кажется. — Кэрол подняла пистолет. — Забери у них оружие.

— *Полегче!* — произнес Фрост, когда Дэнзел заставил их с Джейн встать на колени. — Может, нам всем стоит сбавить обороты?

— Ты знаешь, что с ними делать, — рявкнула Кэрол, обращаясь к Дэнзелу. — Если понадобишься внутри, я дам тебе знать.

Джейн смотрела, как Кэрол и бритоголовый мужчина зашагали в сторону здания.

— Дамочка, ты облажалась по-крупному! — прокричала она.

— Можно, подумать, ее это испугает, — рассмеялся Дэнзел. Он приставил ногу к ее спине и дал ей тычка. Джейн упала лицом на булыжники. Он завел ее руки за спину, и она почувствовала, как запястья оцарапали пластиковые наручники.

— Мудак, — выпалила она.

— Ой-ой-ой. Скажи мне еще таких же приятностей.

Он перешел к Фросту, зафиксировав его запястья с поразительной скоростью.

— Вот как вы обычно работаете, ребята? — съязвила она.

— Вот как *она* работает. Снежная Королева.

— И ты не возражаешь?

— Делаем свое дело. Все счастливы. — Он выпрямился и отошел в сторону, проговорив в гарнитуру: — Здесь все в порядке. Да, я наготове. Просто скажи, когда.

Джейн перевернулась вбок, чтобы взглянуть на здание, но Кэрол и второй мужчина уже скрылись внутри. Сейчас они крались по темным залам, адреналин зашкаливал, инстинкты реагировали на каждую тень. Эта миссия не подразумевала под собой спасение жизней, дети являлись

всего лишь пешками в войне, развязанной женщиной, у которой была только одна цель. Женщиной, по венам которой тек лед.

Дэнзел вновь подошел к ней, и Джейн подняла глаза, увидев, что тот стоит у нее над головой. На фоне звездного неба оружие казалось продолжением его руки, черным жезлом смерти. Она подумала о том, что сказала ему Кэрол: *«Ты знаешь, что делать»,* — и эти слова внезапно приобрели новое и пугающее значение. Затем Дэнзел шагнул в сторону от нее. Он вообще не смотрел на Джейн. Его голова повернулась налево, затем направо, сканируя окружающую темноту, и она услышала его шепот: «Какого черта?»

Что-то просвистело в воздухе, будто нож разрезает шелк.

Дэнзел повалился ей на грудь, упав так резко, что вышиб из ее легких воздух. Раздавленная тяжестью его веса, она изо всех сил старалась перевести дыхание. Джейн почувствовала, как его тело дергается в предсмертной агонии, как ее блузка пропитывается чем-то теплым и влажным. Она слышала, как Фрост выкрикивал ее имя, но не могла пошевелиться, пригвожденная к земле весом мертвого тела, не могла сделать ничего, кроме как наблюдать за приближением чьих-то шагов. Неторопливых, осторожных.

Она посмотрела в ночное небо. На звезды, неисчислимое количество звезд. Млечный Путь был ярче, чем когда-либо.

Шаги остановились. Над ней возвышался мужчина, его глаза сверкали на лице с черными полосами краски.

Она знала, что будет дальше. Тело Дэнзела, кровь, капающая на нее, сказали ей все, что нужно знать.

Икар здесь.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Их предупредила собака. Через дверь их клетки Клэр услышала Медведя, который снова начал выть, достаточно громко, чтобы эхо разнесло его голос по винному погребу, а затем вверх по лестнице. Она не знала, почему он снова начал выть. Возможно, понял, что их время истекло, что Смерть в данную минуту пробирается вниз по лестнице, чтобы забрать их.

— Он возвращается, — произнесла Клэр.

В этой душной комнате она ощущала запах страха, резкий и электрический, запах животных, ожидающих на бойне. Уилл прижался к

ней, его тело лоснилось от пота. Наконец, ему удалось сорвать ленту со рта, после чего он наклонился и прошептал ей:

— Спрячься за меня и не вставай, Клэр. Что бы ни случилось, просто притворись мертвой.

— Что ты делаешь?

— Пытаюсь защитить тебя.

— Почему?

— Разве ты этого не знаешь? — он посмотрел на нее, и хотя это было все то же пухлое, прыщавое лицо Уилла, которое так хорошо было ей знакомо, она увидела в его глазах что-то новое, чего не замечала прежде. Оно сверкало так ярко, что не заметить этого было невозможно.

— У меня не будет другого шанса сказать об этом, — прошептал он. — Но я хочу, чтобы ты знала, что…

Лязгнул замок. Они оба замерли, когда дверь, открываясь, взвизгнула, и увидели ствол пистолета, который сжимали руки в перчатках. Оружие обвело дугу по комнате, словно разыскивая цель и не находя ее.

Мужчина с гладко выбритой головой шагнул в комнату и прокричал:

— Его здесь нет! Но тут есть другие.

Теперь вошла женщина, элегантная и изящная, с волосами, спрятанными под кепкой.

— Тот пес выл из-за чего-то, спрятанного здесь, — сказала она.

Они стояли бок о бок, два чужака, одетых во все черное, и рассматривали связанных заключенных в комнате. Взгляд женщины упал на Клэр, и она произнесла:

— Мы раньше встречались. Ты помнишь, Клэр?

Глядя на женщину, Клэр внезапно подумала о свете фар, направленных на нее. Вспомнила ночь аварии, звук бьющегося стекла и выстрелы. И вспомнила ангела-хранителя, который волшебным образом появился, чтобы вытащить ее из разбитого автомобиля.

Возьми мою руку, Клэр. Если хочешь жить.

Женщина обернулась к Уиллу, который уставился на нее с раскрытым ртом.

— С тобой мы тоже встречались, Уилл.

— Вы были там, — пробормотал он. — Вы та самая...

— Кому-то же надо было спасти тебя. — Она вытащила нож. — Теперь мне нужно знать, где этот мужчина.

Она подняла нож, словно предлагая его в качестве награды за сотрудничество.

— Освободите меня, — отрезал Сансоне, — и я помогу вам взять его.

— Простите, но эта игра не для гражданских, — возразила женщина. Она оглядела присутствующих.

— А что насчет Тедди? Кто-нибудь знает, где он?

— Нахрен Тедди, — буркнула Клэр. — Он предатель. Он завел нас в эту ловушку.

— Тедди не знает, что делает, — ответила женщина. Ему солгали, подкупили. Помогите мне спасти его.

— Он не выйдет. Он прячется.

— А ты знаешь, где?

— На крыше, — ответила Клэр. — Он должен ждать там.

Женщина взглянула на своего напарника.

— Тогда нам придется подняться и забрать его.

Вместо того, чтобы освободить Сансоне, женщина опустилась на колени за спиной Клэр и разрезала скотч, стягивающий руки девочки.

— Ты можешь нам помочь, Клэр.

Со вздохом облегчения Клэр потерла запястья, ощутив приятный прилив крови к рукам.

— Как?

— Ты его одноклассница. Он послушает тебя.

— Он не будет слушать никого из нас, — встрял Уилл. — Он помогает тому мужчине.

— *Этот мужчина,* — сказала женщина, обращаясь к Уиллу, — здесь, чтобы убить вас. Чтобы убить всех нас. Я уже три года пытаюсь его поймать.

Она посмотрела на Клэр.

— Как мы сможем пробраться на крышу?

— Через дверь. В башне.

— Отведи нас туда.

Женщина рывком подняла Клэр на ноги.

— А что насчет них? — спросила Клэр, показывая на остальных.

Женщина швырнула нож на пол.

— Они могут освободиться самостоятельно. Но им следует остаться здесь. Так безопаснее.

— Что? — Клэр запротестовала, когда женщина потащила ее прочь из комнаты.

— Я не могу позволить им вертеться у нас под ногами.

Женщина захлопнула дверь.

Внутри ругался и кричал Сансоне.

— Отоприте дверь!

— Это неправильно, — настаивала Клэр. — Бросить их там взаперти.

— Так нужно мне. И так будет лучше для них, для всех нас. Включая Тедди.

— Мне нет никакого дела до Тедди.

— А мне есть. — Женщина как следует встряхнула Клэр. — А теперь веди нас к башне.

Они выбрались из винного погреба на кухню, где Медведь снова принялся лаять, он выглядел задохнувшимся от усилий освободиться от поводка. Клэр хотела отвязать его, но женщина потащила ее прочь в

направлении лестницы для прислуги. Мужчина взобрался наверх первым и охранял периметр, пока они поднимались. Клэр никогда прежде не встречала людей, которые умели двигаться так тихо, как эти двое. Они были словно кошки, шагали бесшумно, глаза постоянно находились в движении. Идя между ними, Клэр не могла видеть ничего впереди и сзади, так что ей пришлось сосредоточиться на ступеньках и на том, чтобы двигаться так же бесшумно, как эти мужчина и женщина. «Они были каким-то секретными агентами, — подумала она, — приехавшими сюда, чтобы спасти их. Спасти даже Тедди, предателя». У Клэр было достаточно времени, чтобы подумать обо всем, пока она сидела в той комнате со связанными руками, слушая хныканье повара и то, как каждый вдох доктора Паскуантонио сопровождается свистом из носа. Она размышляла обо всех уликах, которые упустила. О том, как Тедди никого не подпускал к экрану своего компьютера и сразу же нажимал клавишу «выход», как только она входила в комнату. «Он отправлял сообщения этому мужчине, — подумала она. — Все это время он помогал человеку, который пришел, чтобы убить их».

Она просто не знала, почему.

Сейчас они были уже на третьем этаже. Мужчина остановился и оглянулся на Клэр, ожидая дальнейших указаний.

— Сюда, — прошептала она, указывая на спиральную лестницу, ведущую в башню. В кабинет доктора Уэлливер.

Он направился к каменным ступеням, и Клэр пристроилась сзади него. Лестница была крутой, и все, что она могла видеть — его бедра и десантный нож, болтающийся на поясе. Было так тихо, что Клэр слышала мягкий шорох их одежды, пока они шагали.

Дверь в башню была приоткрыта.

Мужчина толкнул ее и щелкнул выключателем. Они увидели письменный стол доктора Уэлливер, ее картотеку. Диван с обивкой в цветочек и взбитые подушки. Клэр была хорошо знакома с этой комнатой. Сколько часов она провела на этом диване, рассказывая Уэлливер о бессонных ночах, головных болях и кошмарах? В этой комнате, где пахло благовониями, оформленной в пастельных тонах и украшенной магическими кристаллами, Клэр чувствовала себя в достаточной безопасности для того, чтобы раскрыть секреты. А доктор Уэлливер терпеливо слушала, кивая головой с гривой вьющихся серебряных волос, и чашка травяного чая всегда стояла подле нее.

Клэр стояла возле двери, пока мужчина и женщина быстро обыскали кабинет и прилегающую к нему ванную комнату. Они проверили под столом, открыли шкаф. Тедди нигде не было.

Женщина повернулась к двери, ведущей наружу, и вышла на крышу. Через эту дверь вышла Уэлливер, чтобы совершить свое роковое падение. Когда женщина вышла наружу, летний ветер принес теплый и сладкий аромат сосен. Клэр услышала быстрые шаги, затем крик. Через несколько секунд женщина вернулась, волоча за рубашку Тедди, и швырнула мальчишку на пол.

Тедди взглянул на Клэр.

— Ты рассказала им! Ты сдала меня!

— А почему мне не стоило этого делать? — парировала Клэр. — После того, что ты с нами сотворил.

— Ты не знаешь, что это за люди!

— Зато я знаю, кто такой *ты,* Тедди Клок.

Клэр кинулась на него, но женщина схватила ее за плечо и оттащила в угол.

— Постой-ка там, — скомандовала она, а затем повернулась к Тедди. — Где он?

Тедди сжался и помотал головой.

— Какой у него план? Расскажи мне, Тедди.

— Я не знаю, — простонал мальчик.

— Конечно, знаешь. Ты знаешь его лучше, чем кто-либо. Просто расскажи мне, и все будет хорошо.

— Вы его убьете. Вот зачем вы приехали сюда.

— А ты не любишь смотреть на убитых людей. Ведь не любишь?

— Нет, — прошептал Тедди.

— Тогда тебе не захочется увидеть это.

Женщина развернулась и прижала пистолет ко лбу Клэр. Девочка замерла, слишком потрясенная, чтобы вымолвить хотя бы единое слово. Тедди потрясенно замолчал, его глаза расширились от ужаса.

— Расскажи мне, Тедди, — произнесла женщина. — Или я разбрызгаю мозги твоей подружки по всему этому миленькому диванчику.

Напарник женщины казался шокированным подобным поворотом событий.

— Какого хрена ты творишь, Джастин?

— Пытаюсь добиться сотрудничества. Итак, Тедди, что ты надумал? Хочешь посмотреть, как умирает воя подруга?

— Я не знаю, где он!

— Считаю до трех. — Пистолет крепче прижался ко лбу Клэр. — Один…

— Зачем Вы это делаете? — воскликнула Клэр. — Подразумевалось, что вы хорошие ребята!

— Два.

— Вы сказали, что приехали сюда, чтобы помочь нам!

— Три.

Женщина подняла пистолет и выстрелила в стену, осыпав голову Клэр дождем из штукатурки. Презрительно фыркнув, женщина повернулась к Тедди.

Клэр тут же отползла в сторону и, дрожа, забралась под стол. *«Почему такое произошло? Почему они обернулись против нас?»*

— Итак, это не сработало, — процедила женщина. — Может, ты и впрямь не знаешь, где он. Тогда переходим к плану Б.

Она схватила Тедди за руку и потащила его к выходу на крышу.

Ее напарник заявил:

— Это полная жопа. Они всего лишь дети.

— Дело надо довести до конца.

— Мы пришли за Икаром.

— Наша *цель — это* любой, кого я назову.

Она сорвала с головы Тедди прибор ночного видения и гарнитуру, а затем потащила его на крышу.

— А теперь мы подвесим кое-какую приманку, — заявила она и перекинула мальчишку через перила.

Тедди закричал, отчаянно цепляясь за край черепичной крыши. Всем, что удерживало его от падения вниз, была женщина, сжимающая его руку.

Она произнесла в гарнитуру мальчика:

— Нет, это не Тедди с тобой говорит. Угадай, кого я подвесила на крыше? Одного милого мальчика. Все, что мне нужно сделать — отпустить его, и от мальчишки не останется ничего, кроме пятна на земле.

— Парнишка не имеет к этому отношения, — запротестовал ее напарник.

Женщина проигнорировала его и продолжала говорить в гарнитуру Тедди.

— Я знаю, что ты меня слышишь. И ты знаешь, что произойдет. И знаешь, как все это остановить. Я все равно никогда не любила детей, так что это не станет для меня большой проблемой. Ему не поздоровится.

— Это переходит все границы, — проговорил мужчина, направляясь к ней. — Затаскивай парнишку обратно.

— Отойди, — приказала она ему. — И пролаяла в микрофон Тедди: — Тридцать секунд! Это все, что у тебя есть! Покажись или я отпущу его!

— Джастин, — произнес мужчина. — Затаскивай парнишку назад. *Сейчас же*.

— Иисусе.

Женщина одним рывком перекинула Тедди через перила и швырнула на крышу. Затем направила пистолет на своего напарника и выстрелила.

Сила удара пули отбросила его назад. Он рухнул на стол и соскользнул на пол, голова ударилась о пол недалеко от того места, где, съежившись, сидела Клэр. Девочка уставилась на отверстие над его левым глазом. Увидела, как оттуда вытекает кровь, впитываясь в розовый ковер доктора Уэлливер.

Она убила его. Убила своего человека.

Джастин наклонилась, достала оружие своего мертвого коллеги и засунула себе за пояс. Затем отшвырнула в сторону гарнитуру Тедди и заговорила в свою.

— Где ты, черт тебя дери? Цель направляется к башне. Ты нужен мне здесь *немедленно*.

Вверх по лестнице двигались шаги.

Мгновенно женщина подняла Тедди на ноги и поставила перед собой, словно щит, отгородившись от человека, который вошел в дверь. Тот мужчина, которого еще недавно Клэр считала врагом. Но теперь это не имело смысла, потому что Клэр считала эту женщину спасительницей. И думала, что человек с полосками черной краски на лице и в камуфляжной форме пришел сюда, чтобы убить их. *«Кто из них мой друг?»*

Мужчина медленно вышел вперед, направив оружие на женщину. Тедди стоял на линии огня, бледный и дрожащий.

— Отпусти его, Джастин. Это касается только тебя и меня, — сказал он.

— Я знала, что в конце концов доберусь до тебя.

— Эти дети не имеют ни к чему отношения.

— Они были моим козырем, и вот ты здесь. По-прежнему симпатичный, как я погляжу. Хотя твое прежнее лицо нравилось мне куда больше. — Она плотнее прижала дуло пистолета к затылку Тедди. — Ты знаешь, что делать, Ник.

— Ты все равно убьешь его.

— Но всегда есть шанс, что не убью. В отличие от того, на что тебе стоит взглянуть.

Она выстрелила, и Тедди закричал, кровь закапала из его разорванного пулей уха.

— В следующий раз, — заявила она, — это будет подбородок. Поэтому бросай-ка оружие.

Тедди рыдал.

— Мне так жаль, папа. Прости меня.

«Папа?»

Мужчина уронил пистолет и теперь стоял перед ней безоружным.

— Ты и правда думаешь, что я пришел сюда, не подстраховавшись, Джастин? Убьешь меня, и вся правда о тебе выйдет наружу.

Клэр уставилась на мужчину, стараясь найти хоть какое-то сходство с Николасом Клоком, которого она видела на фотографии рядом с отцом. Он был таким же широкоплечим, светловолосым, но нос и подбородок были другими. Пластическая хирургия. Как там сказала Джастин? *Твое прежнее лицо нравилось мне куда больше*.

— Ты вроде как должен быть мертв, — пробормотала Клэр.

— Я считала, после Итаки ты точно объявишься, — хмыкнула Джастин. — Что предпримешь хоть что-нибудь, чтобы спасти ребенка Оливии. Но в итоге, смотрю, ты заботился только о спасении собственной плоти и крови.

Внезапно Клэр осознала, что именно эта женщина приказала убить Боба и Барбару. Она убила тетю и дядю Уилла лишь для того, чтобы Николас Клок вернулся с того света. А теперь эта женщина отправит его обратно. Отправит туда их всех.

«Сделай что-нибудь».

Клэр взглянула на мужчину, которого только что застрелила Джастин. Женщина забрала пистолет, но у него еще оставался нож. Клэр вспомнила, как он свисал из-за пояса, когда она шла за ним по лестнице. Джастин не смотрела на нее, все внимание женщины было сосредоточено на Клоке.

Клэр наклонилась к ремню убитого. Просунула руку под труп и нащупала нож.

— Если убьешь меня, — пояснил Клок, — гарантирую, что ты потонешь. Каждое крупное новостное агентство найдет в своем почтовом ящике видеофайл. Все доказательства, которые я собрал против тебя за последние несколько лет, Джастин. Все, что Эрскину, Оливии и мне удалось раскопать. ЦРУ засунет тебя в такую глубокую яму, что ты забудешь, как выглядит небо.

Джастин продолжала сжимать Тедди, прижав пистолет к его зубам, но сказанное заставило ее колебаться. Убив его, не запустит ли она катастрофическую череду событий?

Клэр ухватила ручку ножа. Попыталась вытащить его из-за пояса, но вес мертвого тела прижал лезвие к полу.

Николас Клок негромко и рассудительно произнес:

— Тебе не стоит этого делать. Позволь забрать моего сына. Позволь нам обоим исчезнуть.

— И мне придется потратить остаток своей жизни на то, чтобы гадать, когда ты решишь вернуться и заговорить.

— Правда непременно всплывет наружу, если я умру, — продолжил Клок. — О том, как ты помогла Икару сбежать из тюрьмы. О том, как опустошила его счета. Единственное, чего я не знаю, куда ты спрятала его тело, после того, как пытками выбила из него коды доступа?

— У тебя нет доказательств.

— У меня их достаточно, для того, чтобы похоронить тебя. Мы втроем все же собрали улики. Ты убила собственных людей, Джастин, только ради денег. Ты знаешь, что произойдет дальше.

На лестнице раздался топот бегущих ног.

«Сделай это сейчас. Это твой последний шанс».

Клэр выдернула нож и ринулась вперед. Направила его на ближайшую доступную цель: в нижнюю часть бедра Джастин. Лезвие пронзило ткань и глубоко вошло в плоть, почти по самую рукоятку.

Джастин вскрикнула и, пошатнувшись, шагнула в сторону, отпустив Тедди. Мгновенно Николас Клок наклонился к полу. За своим брошенным оружием.

Джастин выстрелила первой. Трижды. Кровь оросила стену за спиной Клока ярко-красным спреем, выстрел отбросил его назад. Мужчина рухнул на пол, сознание медленно исчезало из его глаз.

— Папа! — закричал Тедди. — Папа!

С белым от боли и ярости лицом, Джастин повернулась к Клэр, девчонке, которая осмелилась сопротивляться. Девчонке, которая дважды обманула смерть лишь для того, чтобы встретиться с ней здесь и сейчас. Клэр наблюдала за глушителем, придвигающимся к ее голове. За тем, как выпрямились руки Джастин, когда она направила на нее пистолет для выстрела. Это было последним, что увидела Клэр перед тем, как закрыла глаза.

Взрыв отбросил ее назад к столу. На этот раз не просто выстрел, а раскат грома, от которого у нее заложило уши. Она ждала боль. Чего-то болезненного, но все, что она заметила — собственное прерывистое дыхание.

И голос Тедди, в отчаянии кричащий:

— Помогите ему! Прошу, помогите папе!

Она открыла глаза и увидела детектива Риццоли, наклонившуюся над Николасом Клоком. Увидела Джастин, которая лежала на спине с раскрытыми глазами, а вокруг ее головы растекалась лужица крови.

— Фрост! — орала Риццоли. — Тащи Мауру сюда! У нас здесь раненый мужчина.

— Папочка, — умолял Тедди, сжимая руку Клока и не обращая внимания на собственную боль и на кровь, которая по-прежнему капала из его простреленного уха. — Ты не можешь умереть. Пожалуйста, не умирай.

Кровь Джастин продолжала растекаться, двигаясь в сторону Клэр, словно амеба, угрожающая поглотить ее. Содрогнувшись, Клэр вскочила на ноги и, спотыкаясь, отошла в угол, подальше от всех этих тел. Подальше от мертвецов.

Шаги промчались по лестнице, и в комнату ввалилась доктор Айлз.

— Это отец Тедди, — спокойно пояснила Риццоли.

Доктор Айлз упала на колени и прижала пальцы к шее мужчины. Распахнула рубашку, под которой обнаружился кевларовый жилет. Но пуля вошла в плоть чуть выше жилета, и Клэр увидела реку крови, струей вытекающую из раны и образующую озеро под коленями доктора Айлз.

— Вы можете его спасти… — закричал Тедди. — Прошу. Прошу.

Он все еще, всхлипывая, повторял это слово, пока последний проблеск сознания не покинул глаза его отца.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Николас Клок не приходил в сознание.

Сосудистые хирурги из Медицинского Центра Восточного Мэна заштопали его разорванную подключичную вену, откачали гемоторакс[160] из легкого и сочли операцию успешной, однако Клок не пришел в сознание после анестезии. Он дышал самостоятельно,

жизненно важные показатели оставались стабильными, но чем дольше он находился в коме, тем больше пессимизма в голосах врачей слышала Джейн. *Острая кровопотеря, сопровождаемая гипоперфузией головного мозга*[161]. *Необратимые неврологические симптомы*[162]. Они больше не говорили о выздоровлении, вместо этого обсуждая долгосрочный уход и перевод в лечебницу, катетеры Фолея[163], питательные трубки и другую продукцию, которую Джейн видела в поддельном каталоге компании «Обслуживание больниц «Лейдекер».

Даже пребывая в коме, Николас Клок все же нашел способ рассказать миру правду.

Спустя семь дней после перестрелки всплыло видео. «Аль-Джазира» первой показала его, запустив в прямой эфир, после чего скрыть все уже было невозможно. На протяжении следующих сорока восьми часов Николас Клок не сходил с экранов компьютеров и телевизоров по всему миру, спокойно и методично излагая события, произошедшие в Италии шестнадцать лет назад. Он описывал наблюдение и последующий захват террориста-финансиста, чьим кодовым именем было Икар, и его чрезвычайную передачу. Он обнародовал подробности о заточении Икара и усиленных методах допроса, которые к нему применялись. И он рассказывал о побеге Икара из секретной тюрьмы строгого режима, расположенной в Северной Африке. Побеге, организованном продажным агентом ЦРУ по имени Джастин МакКлаллен. Все перечисленное не особо удивило или впечатлило мир, который давно уже стал циничным.

Но страна не оставила незамеченным убийство американских семей на американской земле.

В конференц-зале Департамента Полиции Бостона сидели шесть детективов, расследовавших убийство семьи Акерман, и смотрели трансляцию вечернего выпуска новостей «СиЭнЭн». Телекомпания долго и подробно объясняла, что же на самом деле произошло с Акерманами. Семья не погибла от рук колумбийского иммигранта Андреса Сапаты, их казнили по той же причине, что и две других приемных семьи: чтобы заставить Николаса Клока поверить в то, что его сын Тедди в опасности. Чтобы заставить Клока выйти из укрытия.

Пока Джастин верила в то, что я мертв, Тедди был в безопасности. У нее не было причины нападать на него. Если бы я забрал его, и мы бы сбежали, Джастин никогда не перестала бы на нас охотиться. Нам всегда пришлось бы оглядываться. Тедди знает, что я жив. Он

понимает, почему я решил остаться невидимкой. Это ради него, все только ради него.

Но теперь все изменилось. Джастин, должно быть, перехватила одно из наших сообщений и узнала, что я жив. У меня не так много времени. Возможно, это мой единственный шанс поделиться доказательствами, которые я собирал последние два года. Доказательствами того, что Джастин Элизабет МакКлеллен способствовала побегу террориста, известного как Икар. Того, что она практически наверняка убила Икара после того, как вытянула из него номера счетов и пароли. Что она или ее продажные агенты несут ответственность за убийства Уордов, Яблонски и моей семьи. Все из-за того, что мы стали задавать вопросы о ее внезапном богатстве. Мы начали расследование, и ей пришлось нас остановить. Наши семьи оказались всего лишь невинными свидетелями.

Трое выживших детей — Клэр, Уилл и Тедди, — сейчас только пешки в охоте. Джастин собрала этих детей вместе, как приманку, чтобы выманить меня. Она задействовала все свои ресурсы: как официальные, так и не официальные, а также заставила поверить ЦРУ в то, что Икар жив. Что ее целью был он.

Но тот, кто ей нужен — я.

Если кто-то смотрит это видео, значит, у Джастин все получилось. Значит, я говорю с вами из могилы. Но истина не должна умереть вместе со мной. И я, Николас Клок, клянусь, что все, сказанное мной, на самом деле правда…

Джейн взглянула на остальных детективов, сидящих за столом. Кроу был немногословен и хмур, и неудивительно: его публичный триумф как ведущего следователя по делу Акерманов только что был разбит вдребезги, и каждый репортер криминальной хроники в Бостоне об этом знал. Поспешное заявление о виновности Андреса Сапаты навсегда наложило негативный отпечаток на его карьеру. Кроу заметил, что Джейн смотрит на него, и наградил ее испепеляющим взглядом.

Джейн следовало бы торжествовать победу, инстинкты ее не подвели, но даже выражение лица Кроу не вызвало у нее улыбки. Николас Клок сейчас лежал в коме, и, возможно, это навсегда, а Тедди вновь стал сиротой. Она подумала о том, сколько человек погибло: Клоки, Яблонски, Уорды. Акерманы, Темплы и Бакли. Мертвы, все убиты, потому что одна женщина не смогла устоять перед соблазном получить несметное богатство.

Трансляция завершилась. Пока другие детективы покидали комнату, Джейн продолжала сидеть на стуле, размышляя о правосудии. О том, что мертвым от этого никакого прока. *Для них оно всегда торжествует слишком поздно*.

— Отлично сработано, Риццоли, — произнес лейтенант Маркетт.

Она подняла глаза и увидела, что он стоит в дверном проеме.

— Спасибо.

— Тогда почему ты выглядишь так, словно у тебя только что умер лучший друг?

— Просто не чувствую удовлетворения, понимаете?

— Ты — та, кто поймала Джастин МакКлеллен. Разве может быть большее удовлетворение, чем это?

— Может, если бы я умела возвращать из мертвых.

— Это не в нашей компетенции. Мы всего лишь команда зачистки. — Он нахмурился, услышав звонок своего мобильника. — Похоже, пресса окончательно спятила. Все дело в том, что эта история чертовски сентиментальна.

— Продажный агент? Мертвые американцы? — Она фыркнула. — Еще бы.

— Федералы получили от нас шлепок по морде. Поэтому пока что *без комментариев,* ладно? — Он наклонил голову. — А теперь вали отсюда. Отправляйся домой и выпей пивка. Ты это заслужила.

Это было самой приятной вещью, которую ей когда-либо говорил Маркетт. Пиво звучало неплохо. И она его заслужила. Она собрала свои бумаги, сложила их на стол и вышла из здания.

Но домой она не поехала.

Вместо этого она направилась в Бруклин, к дому кое-кого, кто так же впал в депрессию после этой трансляции. Кого-то, кому не с кем было поделиться. Когда Джейн подъехала к дому, то с облегчением заметила, что фургоны телевизионщиков еще не прибыли, но пресса, несомненно, скоро объявится. Каждый бостонский репортер знал, где жила доктор Маура Айлз.

Внутри горел свет, и Джейн расслышала звуки классической музыки, жалобные напевы скрипки. Ей пришлось дважды нажать на звонок, прежде чем дверь, наконец, открылась.

— Привет! — воскликнула Джейн. — Ты смотрела телевизор? Все уже в Интернете!

Маура устало кивнула.

— Веселье только начинается.

— Именно поэтому я и приехала. Подозревала, что тебе, возможно, понадобится компания.

— Боюсь, моя компания не будет особо веселой. Но я рада, что ты здесь.

Джейн проследовала за Маурой в гостиную, где увидела открытую бутылку красного вина и полупустой бокал на журнальном столике.

— Когда берешь целую бутылку, намечается серьезная попойка.

— Хочешь стаканчик?

— А можно вместо этого достать пивка из твоего холодильника?

— Чувствуй себя как дома. Там должна оставаться бутылочка с твоего последнего визита.

Джейн прошла на кухню и увидела безупречно чистую столешницу без единого грязного блюдца. Здесь все было стерильно, как в операционной, вполне в духе Мауры. Все на своих местах. Джейн внезапно осознала, как мрачно выглядела эта кухня без малейшего намека на беспорядок. Словно на самом деле здесь никто не жил. Будто дочиста отчищая свою жизнь, Маура устраняла из нее любую радость.

Она обнаружила бутылку эля «Адамс»[164], скорее всего, простоявшую там несколько месяцев, и открыла ее. Вернулась в гостиную.

Звуки скрипки все еще звучали, но стали тише. Они уселись на диване. Маура потягивала вино, и Джейн глотнула пива, стараясь не уронить ни капли на безупречную обивку мебели или дорогой персидский ковер.

— Должно быть, после всего этого ты чувствуешь себя полностью реабилитированной, — сказала Маура.

— Точно. Я выгляжу настоящим гением. Особенно приятно было опустить Кроу ниже плинтуса. — Она сделала еще один глоток. — Но этого недостаточно, верно?

— Чего именно?

— Закрыть дело. Осознавать, что мы все сделали правильно. Все это не отменяет того факта, что Николас Клок, скорее всего, никогда не очнется.

— Но дети в безопасности, — возразила Маура. — Это самое главное. Сегодня утром я беседовала с Джулианом, и он сказал, что Клэр и Уилл в полном порядке.

— Но не Тедди. Не уверена, что он когда-нибудь оправится, — ответила Джейн, разглядывая свое пиво. — Прошлым вечером я виделась с его приемной семьей. Мы отвезли его обратно к Иниго, семье, что приглядывала за ним прежде. Он не сказал мне ни единого слова. Думаю, он винит меня.

Она посмотрела на Мауру.

— Он считает виноватыми всех нас. Тебя, меня. Сансоне.

— Тем не менее, Тедди всегда будут рады в «Ивенсонге».

— Ты поговорила об этом с Сансоне?

— Сегодня днем. — Маура потянулась к бокалу с вином, словно пытаясь набраться сил для обсуждения этой темы. — Он сделал мне интересное предложение, Джейн.

— Какого рода предложение?

— Работать на «Мефисто» в качестве консультанта по криминалистике. И присоединиться к «Ивенсонгу», где я могла бы, как он выразился, формировать юные умы.

Джейн приподняла бровь.

— Не считаешь, что на самом деле он предложил тебе кое-что более личное?

— Нет, это именно то, что он сказал. Я сужу Энтони по его словам. Не по моей интерпретации этих слов.

— Иисусе, — вздохнула Джейн. — Вы кругами ходите вокруг друг друга, будто слепые.

— А если бы я не была слепа, что именно бы я увидела?

— Что Сансоне гораздо больше подходит тебе, чем Даниэль.

Маура покачала головой.

— Мне сейчас не до мужчин. Но я обдумываю его предложение.

— Хочешь сказать, ты уйдешь из судмедэкспертизы? Уедешь из Бостона?

— Да, если приму это предложение.

Скрипка взяла высокую печальную ноту. Ноту, что, казалось, пронзила грудь Джейн насквозь.

— Ты всерьез раздумываешь над этим?

Маура потянулась к пульту управления CD-проигрывателем и выключила музыку. Повисла тишина, тяжелая, словно бархатная драпировка. Она обвела глазами гостиную с белым кожаным диваном и полированной мебелью из красного дерева.

— Я не знаю, что случится со мной дальше, Джейн.

В окнах вспыхнули фары, Джейн поднялась и выглянула за занавески.

— К сожалению, *я* знаю, что случится с тобой дальше.

— И что же?

— Только что приехали телевизионщики. Чертовы гиены не могли дождаться пресс-конференции. Они заявились к тебе на порог.

— Я уже сказала, что не намерена с ними разговаривать.

Джейн повернулась, нахмурив лоб.

— С кем ты об этом говорила?

— Полчаса назад мне позвонили. Из офиса губернатора. Вашингтон оказывает на него давление, заставляя держать все в тайне.

— Слишком поздно. Все уже показали по «СиЭнЭн».

— Так я ему и сказала.

— Значит, ты вообще не собираешься говорить с прессой?

— А у нас есть выбор?

— У нас всегда есть выбор, — заявила Джейн. — Как *ты* собираешься поступить?

Маура поднялась с дивана и подошла к окну, встав подле Джейн. Обе они наблюдали за тем, как оператор вытаскивает оборудование из фургона, направляясь в сторону лужайки перед домом Мауры.

— Легкий выбор, — ответила Маура, — просто сказать им *«без комментариев»*.

— Никто не может заставить нас говорить.

Маура обдумывала это, когда они увидели, что к дому подъехал второй телефургон.

— Но разве не так все и происходит? — произнесла она. — Слишком много секретов. Слишком многие не рассказывают правды. Когда ты проливаешь свет, секрет теряет всю свою силу.

«Способ, который выбрал Николас Клок, записав видео, — подумала Джейн. — Сияющий свет истины стоил ему жизни. Но спас его сына».

— Знаешь, Маура, именно в этом ты особенно хороша. Ты проливаешь свет и помогаешь мертвым раскрыть свои секреты.

— Беда в том, что *мертвецы — это* все отношения, которые у меня есть. Мне нужен кто-то, чья температура тела чуть выше. Не думаю, что смогу найти его в этом городе.

— Я возненавижу Сансоне, если ты уедешь из Бостона.

— У тебя здесь семья, Джейн. А у меня никого.

— Если тебе нужна семья, я отдам тебе своих родителей. Пусть они сведут тебя с ума. Я даже добавлю Фрэнки, чтобы тебе было с кем разделить радость.

Маура рассмеялась.

— Эта радость твоя, и только твоя.

— Смысл в том, что семья автоматически не делает нас счастливыми. Разве твоя работа не приносит тебе радости? И… — Она помолчала. Тихо добавила: — И твои друзья?

К дому подъехал еще один фургон телевизионщиков, и они услышали звук открывающейся дверцы.

— Маура, — сказала Джейн, — я была недостаточно хорошим другом. Я об этом знаю. Клянусь, я исправлюсь.

Она забрала с журнального столика бокал Мауры и свою бутылку пива.

— Так давай же выпьем за то, чтобы друзья оставались друзьями.

Улыбаясь, они чокнулись и выпили.

Телефон Джейн зазвонил. Она вытащила его из сумочки и увидела на дисплее код штата Мэн.

— Риццоли, — ответила она.

— Детектив, это доктор Штайн из Медицинского Центра Восточного Мэна. Я — невролог, лечащий врач мистера Клока.

— Да, мы беседовали на днях.

— Я, хм, не совсем уверен, как Вам об этом сообщить, но…

— Он умер, — произнесла Джейн, уже догадавшись о цели этого звонка.

— Нет! В смысле… Я так не *думаю*.

— Как это Вы можете об этом не знать?

На другом конце трубки раздался нерешительный вздох.

— Мы и вправду не можем объяснить, как такое произошло. Но когда во второй половине дня медсестра вошла в его палату, чтобы проверить жизненные показатели, его кровать была пуста, а капельница отсоединена. Последние четыре часа мы обыскивали территорию больницы, но не смогли его найти.

— Четыре *часа?* Он пропал так давно?

— Может, и больше. Мы точно не знаем, когда он покинул палату.

— Доктор, я Вам перезвоню, — перебила Джейн и нажала на отбой. Она быстро набрала номер семьи Иниго. Один гудок. Второй.

— Что происходит, Джейн? — спросила Маура.

— Николас Клок исчез.

— *Что?* — изумленно воззрилась на нее Маура. — Я думала, он в коме.

Нэнси Иниго ответила на звонок:

— Алло?

— Тедди на месте? — спросила Джейн.

— Детектив Риццоли, это Вы?

— Да. И я беспокоюсь о Тедди. Где он?

— В своей комнате. Пришел домой после школы и сразу направился наверх. Я как раз собиралась звать его к ужину.

— Прошу, проверьте, как он. Сейчас же.

Шаги Нэнси заскрипели на лестнице, пока она расспрашивала Джейн:

— Вы можете сказать мне, что происходит?

— Не знаю. Пока не знаю.

Джейн услышала, как Нэнси постучала в дверь и произнесла: — Тедди, могу я войти? Тедди?

Последовала пауза. Затем она встревоженно сообщила:

— Его там нет!

— Обыщите дом, — приказала Джейн.

— Подождите. Постойте, здесь записка, на кровати. Почерк Тедди.

— Что там написано?

В трубке Джейн услышала шорох бумаги.

— Она адресована Вам, детектив, — сказала Нэнси. — Там сказано: *«Спасибо. С нами все будет хорошо»*. Это все.

«Спасибо. С нами все будет хорошо».

Джейн представила Николаса Клока, чудом вышедшего из комы, отсоединяющего капельницу и выходящего из больницы. Она вообразила Тедди, который кладет записку на кровать, прежде чем выскользнуть из дома Иниго и исчезнуть в ночи. Оба точно знали, куда идти, потому что пункт назначения был один: будущее, где они вместе, как отец и сын.

— У Вас есть какие-то идеи по поводу того, что означает эта записка? — спросила Нэнси.

— Да. Думаю, я в точности знаю, что она означает, — мягко ответила Джейн и повесила трубку.

— Значит, Николас Клок жив, — сказала Маура.

— Не просто жив. Наконец-то он вместе с сыном.

Джейн бросила взгляд через окно на фургоны служб теленовостей и все возрастающее количество репортеров и операторов. И, хотя она улыбалась, огни всех этих машин внезапно стали размытыми от слез. Он подняла бутылку и прошептала:

— За тебя, Николас Клок.

Игра окончена.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

«Кровь смывается легче воспоминаний», — подумала Клэр.

Она стояла в кабинете доктора Уэлливер, обставленном совершенно новыми коврами и мебелью. Солнечный свет мерцал на безупречно чистых поверхностях, и комната пахла свежим воздухом и лимонами. Через открытое окно девочка услышала смех учащихся, катающихся на лодке по озеру. Субботние звуки. Глядя на комнату, трудно было поверить, что здесь когда-то произошло нечто ужасное, так тщательно тут все изменили. Но никакая уборка не могла стереть картины, запечатлевшейся в памяти Клэр. Она посмотрела на бледно-зеленый ковер, где были изображены ветви винограда, и увидела мертвого мужчину, смотревшего на нее. Девочка повернулась к стене, которую забрызгала кровь Николаса Клока. Взглянула на стол и представила тело Джастин, упавшее рядом под градом пуль, выпущенных детективом Риццоли. Куда бы Клэр ни бросила взгляд, везде она видела тела. Призрак доктора Уэлливер тоже все еще оставался тут, с улыбкой сидя за столом и потягивая бесконечные чашки чая.

Так много призраков. Когда-нибудь она перестанет их видеть?

— Клэр, ты идешь?

Она повернулась к Уиллу, стоящему в дверном проеме. Клэр больше не видела пухлого, прыщавого Уилла; теперь она видела *своего* Уилла, мальчика, чьим последним импульсом прежде чем, как он думал, им предстояло умереть, было защитить ее. Она не была уверена в том, что это любовь; она даже не была уверена в том, что именно она о *нем* думает. Все, что она знала — он сделал ради нее то, что прежде не делал ни один мальчишка, а это что-то да значило. Возможно, это значило все.

И у него были красивые глаза.

Она бросила последний взгляд на комнату, тихонько попрощалась с призраками и кивнула.

— Иду.

Вместе они спустились по лестнице и вышли наружу, где их одноклассники наслаждались солнечным субботним днем, плескаясь в озере и развалившись на траве. Стреляя из луков по мишеням, которые утром смастерил мистер Роман. Клэр и Уилл зашагали по хорошо знакомой тропинке, которая вывела их к склону и продолжила петлять между деревьями, вокруг покрытых лишайником валунов, мимо невысоких кустов можжевельника. Они вышли к каменным ступеням и поднялись на площадку в круг из тринадцати валунов.

Остальные уже ждали. Она увидела знакомые лица: Джулиан и Бруно, Артур и Лестер. Этим ясным утром птичий хор пел в деревьях, а пес Медведь дремал на нагретой солнцем скале. Клэр подошла к краю площадки и посмотрела на зубчатую крышу замка. Казалось, что он поднимается из долины словно древний горный хребет. «Ивенсонг». *Дом*.

Джулиан объявил:

— Объявляю собрание «Джекелсов» открытым.

Клэр обернулась и присоединилась к остальным.

Послесловие

По прошествии более двух десятилетий в роли писателя, я пришла к выводу, что наибольшей ценностью, которую я приобрела в этом бизнесе является многолетняя дружба. И у писателя не может быть друзей лучше, чем мой потрясающий литературный агент Мэг Рули и мой

превосходный редактор Линда Мэрроу. Несмотря ни на что, вы оставались со мной, и я поднимаю стакан мартини за вас обеих! Также благодарю Джину Сентрелло, Либби МакГвайер и Ларри Финли за то, что верили в меня все эти годы; Шэрон Пропсон, делающую книжные туры таким наслаждением; Джейн Берки и Пэгги Горджин за надежное и точное вождение; и Энджи Хорейси за ее остроумие и мудрость.

При написании книги «Тот, кто умрет последним» я опиралась на достоверные источники информации. Спасибо моему сыну Адаму за его знания об огнестрельном оружии, Пэгги Мэйер, Эниде Сантьяго-Арсе, и их замечательным коллегам из НАСА-Центра космических полетов имени Годдарда за то, что терпеливо отвечали на избитые вопросы треккеров; а также Бобу Глисону и Тому Доэрти за то, что столь любезно провели для меня эту захватывающе интересную экскурсию.

Больше всего благодарю моего мужа Джейкоба. После всех этих лет ты все еще тот самый.

Примечания

1

«Ла Нонна» (La Nonna) — бабушка на итальянском. *(прим. Rovus)*

2

Итака (Ithaca) — город, расположенный на южном побережье озера Каюга, первым по длине и вторым по площади озером из числа ледниковых Пальчиковых озер в центре штата Нью-Йорк. Город наиболее известен тем, что там находится Корнелльский университет, входящий в Лигу плюща, в котором учатся почти 20000 студентов (большая часть из которых — на итакском кампусе) *(прим. Rovus)*.

3

20 футов — чуть более шести метров. *(прим. Rovus)*

4

Форсайтия (или форзиция) — род кустарников и небольших деревьев семейства маслиновые, цветущих красивыми желтыми цветами. *(прим. Rovus)*

5

Сидящие на клейковине веганские мамашки — имеются в виду веганы (приверженцы веганства), которые придерживаются очень

строгого вегетарианства и исключают из рациона любые продукты животного происхождения, даже яйца, молоко и мед. Одним из самых распространенных продуктов питания у веганов является клейковина (глютен) — белки из семян злаковых растений. Смоченная водой клейковина имеет сероватый цвет и представляется в виде сплошной массы, липкой, эластичной, гибкой; в сухом виде она просвечивает и безвкусна. *(прим. Rovus)*

6

Нью-Гемпшир — небольшой штат в регионе Новая Англия на северо-востоке США. *(прим. Rovus)*

7

Зеркало Добсона — имеется в виду самодельный телескоп, монтировку которого изобрел для астрономов-любителей американец Джон Добсон. Одной из его основных составляющих является главное зеркало (линза объектива). Идея Добсона состоит в том, что каждый любитель астрономии сможет построить свой телескоп, используя подручные материалы. *(прим. Rovus)*

8

Зернистость 80 — наждачная бумага делится на несколько видов, в зависимости от зернистости. Каждый из видов предназначен для разных работ. Наждачка с зернистостью 80-120 — бумага со средней зернистостью. Применяется для сглаживания поверхностей и удаления незначительных недостатков и неровностей. *(прим. Rovus)*

9

Альт-азимутальная монтировка — монтировка телескопа, имеющая вертикальную и горизонтальную оси вращения, позволяющие поворачивать телескоп по высоте (*«альт»* от англ. *altitude*) и азимуту и направлять его в нужную точку небесной сферы. *(прим. Rovus)*

10

Окуляр Плессла — окуляр для телескопа, обычно состоит из двух дублетов и был разработан Георгом Симоном Плесслом в 1860 году. Сейчас они очень популярны на рынке товаров для любительской астрономии, где название «Плессл» охватывает окуляры с как минимум четырьмя оптическими элементами. *(прим. Rovus)*

11

Мэриленд — небольшой по территории штат на востоке США, один из так называемых Среднеатлантических штатов и один из 13 штатов, совершивших американскую революцию. *(прим. Rovus)*

12

Зефирный человечек — персонаж в фильме «Охотники за привидениями» и в мультипликационных сериях «The Real Ghostbusters». Он был мультяшным талисманом зефирной корпорации Stay Puft. *(прим. Rovus)*

13

М3 (Мессье 3) — шаровое скопление в созвездии Гончих Псов. Это скопление — одно из самых больших и ярчайших. Оно состоит из более чем 500 тысяч звезд. Скопление находится на расстоянии 33 900 световых лет от Земли. *(прим. Rovus)*

14

Скарлетт О`Хара — главное действующее лицо романа Маргарет Митчелл «Унесенные ветром», написанного в 1936 году, один из наиболее известных женских образов американской литературы, ставший символом предприимчивости, темперамента и умения выживать. *(прим. Rovus)*

15

Гипсофила (или гипсолюбка) — род растений из семейства гвоздичные, трава с сильно разветвленным стеблем, с обилием прикорневых листьев и с мелкими цветами в развилистых полузонтиках, или дихазиях. *(прим. Rovus)*

16

Песня Мадонны — имеется в виду ранний хит певицы Мадонны «Как девственница» (Like a Virgin). *(прим. Rovus)*

17

Бикон-Хилл — аристократический район Бостона. *(прим. Rovus)*

18

Неогреческий стиль — архитектурный стиль, возникший в 1820-х годах, основанный на «возвращении» к классическим греческим образцам. *(прим. Rovus)*

19

«Бостонские брамины» — специфическая социальная прослойка Бостона, восходящая к первым колонистам Новой Англии, для которой характерен замкнутый, квази-аристократический образ жизни. Внешними атрибутами считаются новоанглийский (бостонский) акцент и диплом об окончании Гарвардского университета. *(прим. Rovus)*

20

Перекрестное загрязнение — загрязнение материала или продукта другим материалом или продуктом. *(прим. Rovus)*

21

«Тонкая голубая линия» — термин, использующийся в полицейских кругах. Преобразован из фразы «Тонкая красная линия» (The Thin Red Line) и означает, что полиция является тонкой и единственной гранью, останавливающей цивилизованное общество перед полным хаосом. *(прим. Rovus)*

22

«Брюинз» («Бостон Брюинз») — профессиональный хоккейный клуб, выступающий в Национальной хоккейной лиге. Первая американская команда в истории НХЛ. *(прим. Rovus)*

23

«Патриоты» («Нью-Ингленд Пэтриотс») — профессиональный футбольный клуб из американского города Фоксборо, штат Массачусетс. Команда была основана в 1960 году и изначально называлась «Бостон Пэтриотс», однако в 1971 году владельцы клуба сменили название на нынешнее. *(прим. Rovus)*

24

Сент-Томас — один из Американских Виргинских островов, расположенных в Карибском море. *(прим. Rovus)*

25

Эдемский сад *(в данном случае иносказательно)* — в Библии райский сад, место первоначального обитания людей. *(прим. Rovus)*

26

ОКР — обсессивно-компульсивное расстройство. Психическое расстройство, невроз навязчивых состояний. Может иметь хронический, прогрессирующий или эпизодический характер. При ОКР у больного невольно появляются навязчивые, мешающие или пугающие мысли. *(прим. Rovus)*

27

Дайв-бот — небольшое судно, использующееся для транспортировки аквалангистов к месту погружения. Используются повсеместно в зонах массового отдыха аквалангистов. *(прим. Rovus)*

28

Коэффициент интеллекта (или Ай-Кью) — количественная оценка уровня интеллекта человека: уровень интеллекта относительно уровня интеллекта среднестатистического человека такого же возраста. Определяется с помощью специальных тестов. Тесты IQ рассчитаны на оценку мыслительных способностей, а не уровня знаний (эрудированности). *(прим. Rovus)*

29

Синдром Аспергера — одно из пяти общих (первазивных) нарушений развития, характеризующееся серьезными трудностями в социальном взаимодействии, а также ограниченным, стереотипным, повторяющимся репертуаром интересов и занятий. От аутизма он отличается прежде всего тем, что речевые и когнитивные способности в целом остаются сохранными. Синдром часто характеризуется также выраженной неуклюжестью. *(прим. Rovus)*

30

Семтекс — один из видов пластичной взрывчатки. Действующие взрывчатые вещества — пластифицированный ТЭН и гексоген. Производится в Чехии компанией Explosia. *(прим. Rovus)*

31

«Брунелло ди Монтальчино» — знаменитое итальянское красное сухое вино, производимое в регионе Тоскана, и имеющее региональную категорию «названия, контролируемого и гарантируемого по происхождению» — *Brunello di Montalcino Denominazione di Origine Controllata e Garantita*. Производится из винограда сорта винограда брунелло (местное название сорта санджовезе), собранного с

коммунальных виноградников, расположенных в предместье города Монтальчино, в провинции Сиена. *(прим. Rovus)*

32

Чтобы вино «подышало» — если вино старое красное, то требуется особая осторожность, чтобы не потревожить осадок танина, образующийся в бутылке. Вот почему бутылку с красным вином необходимо заранее, за день или лучше за два до того, как ее откроют, поставить в вертикальное положение. В таком случае осадок опустится на дно, а вкусовой букет максимально раскроется. *(прим. Rovus)*

33

Гольф-кар — небольшой электромобиль, который заряжается от обычной электросети. Несмотря на название, предполагающее использование этих электромобилей исключительно для любителей гольфа в гольф-клубах, они отлично подходят и для перевозки пассажиров на небольшие расстояния — например, на загородных участках, на территории промышленных предприятий или в туристических комплексах. *(прим. Rovus)*

34

Красная белка — вид грызунов семейства беличьих рода, наиболее распространенный и характерный представитель рода красных белок. Распространен практически по всей территории Северной Америки — на Аляске, в Канаде, в США вплоть до пустынь Аризоны и Нью-Мексико на юге и Джорджии на юго-востоке. *(прим. Rovus)*

35

Квебек — столица канадской франкоязычной провинции Квебек и главная городская агломерация на востоке провинции. *(прим. Rovus)*

36

Мегаломания — мания величия, тип самосознания и поведения личности, выражающийся в крайней степени переоценки своей важности, известности, популярности, богатства, власти, гениальности, политического влияния, вплоть до всемогущества. *(прим. Rovus)*

37

«Большая пятерка» — традиционное название пяти видов млекопитающих, являющихся наиболее почетными трофеями африканских охотничьих сафари: слон, носорог, буйвол, лев и леопард.

Про охотника, добывшего хотя бы по одному представителю каждого из видов «большой пятерки», принято говорить, что он собрал «большой шлем». Охота на «большую пятерку» — чрезвычайно дорогостоящее занятие. *(прим. Rovus)*

38

Аманита биспоригера *(Amanita bisporigera)* — гриб рода мухомор порядка агариковых, смертельно ядовит. Растет преимущественно в смешанных лесах на востоке США, также в Канаде. Английское название гриба «destroying angel» переводится как «ангел-разрушитель». После употребления человеком в пищу в абсолютном большинстве случаев возникает летальный исход. *(прим. Rovus)*

39

Слаксы — брюки свободного покроя из хлопка, габардина или других плотных тканей. *(прим. Rovus)*

40

Оксфордская рубашка — классическая рубашка с одним или двумя нагрудными карманами, получившая свое название благодаря материалу, из которого сшита. Оксфорд — приятная на ощупь хлопчатобумажная ткань, которая отлично подходит для повседневной носки. *(прим. Rovus)*

41

Аконит (или Борец) — род многолетних травянистых ядовитых растений семейства лютиковые с прямыми стеблями и с чередующимися дланевидными листьями. *(прим. Rovus)*

42

Aconitum — название аконита на латыни. *(прим. Rovus)*

43

Наперстянка (или дигиталис) — род травянистых растений, принадлежащий, по системе классификации APG II, семейству подорожниковые. Дигиталис, выделенный из наперстянки, долгое время оставался единственным и незаменимым препаратом для лечения хронической сердечной недостаточности; в то же время при передозировках он является опасным ядом. *(прим. Rovus)*

44

Паслен — род растений семейства пасленовые, содержащий до 900 видов, встречающихся в теплом и умеренном климате. Род содержит как сельскохозяйственные культуры (картофель, баклажан, томат), так и лекарственные растения (паслен сладко-горький и паслен черный). *(прим. Rovus)*

45

Ревень — род растений семейства гречишные. *(прим. Rovus)*

46

Олеандр — монотипный род цветковых растений семейства кутровые. Олеандр — ядовитое растение, поэтому при его культивировании требуется осторожность. *(прим. Rovus)*

47

Консоме — осветленный бульон. В классической кухне известны консоме из куриного и говяжьего бульона. Уже в современной кухне консоме преобразовался в крепкий и сильно посоленный бульон с пирожком. *(прим. Rovus)*

48

Говядина Веллингтон — традиционное английское блюдо, названо в честь Артура Уэлсли, Первого герцога Веллингтона. Это подготовленная вырезка, покрытая паштетом из гусиной печени и смесью фарша из грибов, лука-шалот и зелени, обжаренных в масле, которую затем заворачивают в слоеное тесто и запекают. *(прим. Rovus)*

49

Мовреждение позга (Dain Bramaged) — популярное шутливое выражение среди молодежи в Штатах, искаженное сочетание фразы «brain damaged» (повреждение мозга). *(прим. Rovus)*

50

Кометы Когоутека, Галлея, Шумейкер-Леви — крупные кометы, названные в честь их открывателей (правда, все они были обнаружены в обсерватории астрономами, а не любителями). *(прим. Rovus)*

51

Продеть кольцо в нос — кольцо надевают быкам, чтоб управлять и подчинить их, так как нос наиболее чувствительное место у животных.

Клэр подшучивает, намекая, что Уилл хочет пометить комету из тщеславия. *(прим. Rovus)*

52

Нью-Гемпшир (New Hampshire) — небольшой штат в регионе Новая Англия на северо-востоке США. *(прим. Rovus)*

53

Зубная фея — сказочный персонаж, традиционный для современной западной культуры. Зубная фея, как гласит легенда, дает ребенку небольшую сумму денег (или иногда подарок) вместо выпавшего у ребенка молочного зуба, положенного под подушку. Сказку о зубной фее и мышонке Пересе придумал испанский писатель Луис Колома для 8-летнего испанского короля Альфонсо XIII, который потерял первый молочный зуб. С тех пор Зубная фея является очень популярным персонажем среди испанских и латиноамериканских детей, которые, когда у них выпадают зубы, они оставляют их под подушкой. *(прим. Rovus)*

54

Готтфрид Бом — персонаж, впервые появившийся в книге «Клуб Мефисто», член общества, связанный с Интерполом. *(прим. Rovus).*

55

Адреналин, дофамин, окситоцин и серотонин — гормоны и нейромедиаторы, вырабатываемые мозговым веществом надпочечников. *(прим. Rovus)*

56

Общество «Мефисто» — впервые о нем говорится в шестой книге о Джейн Риццоли и Мауре Айлз «Клуб «Мефисто». *(прим. Rovus).*

57

Метафизика — раздел философии, занимающийся исследованиями первоначальной природы реальности, мира и бытия как такового. *(прим. Rovus)*

58

Фрэнк говорит о песне **«It`s 5 o`clock Somewhere»** («Сейчас около пяти») Алана Джексона и **Джимми Баффетта**, в которой поется о

работяге, который в 12:30 уже торчит в баре, жалуется на все вокруг, напивается и ему наплевать. Периодически работяга (Алан Джексон) задается вопросом, что бы сделал на его месте Джимми Баффетт (известный американский певец и композитор), и Джимми отвечает, что надо налить. *(прим. Rovus).*

59

Бимбо — молодая привлекательная, легкодоступная и исключительно глупая женщина. *(прим. Rovus)*

60

«Улица Сезам» — международная детская телевизионная образовательная программа, которая впервые вышла в эфир крупнейшей американской некоммерческой сети PBS 11 ноября 1969 года. *(прим. Rovus)*

61

Лэптоп — широкий термин, применяется как к ноутбукам, так и нетбукам, смартбукам. *(прим. Rovus).*

62

«Глок» — пистолеты «Глок» отличаются небольшим весом и простой конструкцией. Ультра-компактные (сверхмалые) пистолеты этой марки в основном используются в полиции США как запасное оружие или для самозащиты во внеслужебное время, а также как гражданское оружие самообороны. *(прим. Rovus).*

63

Конспирология — попытка исследования и классификации якобы объективно существующих или существовавших заговоров, закрытых групп (элитистских или олигархических), сект, спецслужб и пр., а также обнаружения информации, которую по тем или иным причинам стараются скрыть от широкой общественности. В реальности конспирологи занимаются не сбором фактов, опровергающих или подтверждающих существование того или иного заговора, а интерпретируют любые факты в пользу существования заговора. *(прим. Rovus)*

64

Саугус — небольшой городок в штате Массачусетс в 10 км от Бостона *(прим. Rovus).*

65

Галогеновые фары — очень популярны в автомобильном мире из-за своей долговечности. Они создают яркое освещение и выпускаются в большом размерном ряду для самых различных моделей *(прим. Rovus)*.

66

Киттери — город в округе Йорк, штат Мэн *(прим. Rovus)*.

67

Блочный лук — изобретен в США в 60-х годах XX века. Блочный лук еще называют кампаунд, что в переводе означает «составной лук». Получил свое название из-за конструкции, состоящей из двух эксцентриков, слаженно работающих между собой, или же одного колесика, которое прокручивается сверху и одного моно-эксцентрика снизу. Эксцентрики — это механизмы, фиксирующие положение тетивы в момент, когда она наиболее натянута. Именно эта особенность сделала блочный лук популярным среди охотников и спортсменов *(прим. Rovus)*.

68

Дуэль на банджо — музыкальный поединок кантри-музыкантов, играющих на банджо. Дуэли на банджо стали популярными после выхода фильма «Избавление» 1972 года *(прим. Rovus)*.

69

«Хетчбэк» — название кузова легкового автомобиля с одним или двумя рядами сидений, дверью в задней стенке и укороченным задним свесом *(прим. Rovus)*.

70

Ночной Змей — вымышленный супергерой из Вселенной Marvel Comics. Он был членом Людей Икс и Экскалибура. Мутант немецкого происхождения, Ночной Змей обладает сверхчеловеческой ловкостью и способностью телепортации. Его физическая мутация включает синюю кожу, трехпалые руки и ноги, желтые глаза и подвижный хвост *(прим. Rovus)*.

71

Скребница — жесткая щетка для чистки лошадей *(прим. Rovus)*.

72

Не было гвоздя — подкова пропала (For want of a nail the shoe was lost) — первые строки известной притчи, написанной Бенджамином Франклином. Включена в самый популярный американский сборник для детей «Сказки Матушки Гусыни», переведена на русский Самуилом Маршаком: «Не было гвоздя — подкова пропала, не было подковы — лошадь захромала, лошадь захромала — командир убит, конница разбита, армия бежит. Враг вступает в город, пленных не щадя, потому что в кузнице не было гвоздя» (*прим. Rovus).*

73

Добрые самаритяне — «притча о добром самаритянине» является одной из известных притч Иисуса Христа, упоминаемая в Евангелии от Луки. Она рассказывает о милосердии и бескорыстной помощи попавшему в беду человеку со стороны прохожего самаритянина — представителя этнической группы, которую евреи не признают единоверцами. Иносказательно означает: добрый, отзывчивый человек, помогающий нуждающимся, иногда в ущерб себе (с ироническим подтекстом) *(прим. Rovus).*

74

Ютьюб (YouTube) — сервис, предоставляющий услуги видеохостинга. Пользователи могут добавлять, просматривать и комментировать те или иные видеозаписи. *(прим. Rovus).*

75

НСБТ (NTSB) — Национальный совет по безопасности на транспорте, является независимым американским агентством, расследующим происшествия на транспорте. НСБТ расследует и документирует все аварии в гражданской авиации, определенные виды автомобильных аварий, аварии на морском, железнодорожном и трубопроводном транспорте. *(прим. Rovus).*

76

НАСА (NASA) — Национальное управление по воздухоплаванию и исследованию космического пространства, ведомство, принадлежащее федеральному правительству США, подчиняющееся непосредственно вице-президенту США. Ответственно за гражданскую космическую программу страны. *(прим. Rovus).*

77

Центр космических полетов имени Годдарда — является крупной исследовательской организацией в структуре NASA. Был образован в 1959 году в штате Мэриленд и стал первым центром космических полетов NASA. В центре проводятся исследования Солнечной системы, Земли, всей Вселенной, разрабатываются автоматические космические аппараты, имеются ресурсы для самостоятельной разработки и сборки космического аппарата и т. д. *(прим. Rovus).*

78

Диасхиз — временная утрата рефлекторной активности в стволе головного или спинного мозга, развивающаяся в результате повреждения коры головного мозга. По прошествии некоторого времени это состояние подавленной рефлекторной активности заменяется одним из выраженных слишком сильно рефлексов и спастичностью конечностей *(прим. Rovus).*

79

Цикл сон-бодрствование — смена периодов сна и бодрствования, которая в норме должна составлять 24 часа *(прим. Rovus).*

80

Полмили — чуть меньше километра. *(прим. Rovus).*

81

Си Эс Ай (CSI) — осмотр места преступления (Crime Scene Investigation), в данном случае имеется в виду одноименный популярный сериал о работе сотрудников криминалистической лаборатории. (*прим. Rovus)*

82

Новая Англия — регион на северо-востоке США, включающий в себя следующие штаты: Коннектикут, Мэн, Массачусетс, Нью-Хэмпшир, Род-Айленд, Вермонт, граничит с Атлантическим океаном, Канадой и штатом Нью-Йорк. *(прим. Rovus)*

83

БАНСП (VICAP) — База Арестов за Насильственные Серийные Преступления *(так ее перевели в книге «Клуб «Мефисто», и, на мой взгляд, сделали это совершенно неправильно),* программа изучения и анализа тяжких преступлений (Violent Criminal Apprehension Program), прототип российской программы «Монстр». В США единая сетевая база

данных, предназначенная для отслеживания и сопоставления информации по тяжким преступлениям, в том числе составляет психологический портрет серийного убийцы. *(прим. Rovus)*.

84

Посмертный интервал (Post-mortem interval) — время, прошедшее с момента смерти человека. Если точное время неизвестно, используется ряд медицинских и научных методов, чтобы определить его. Также это возможно выяснить по степени разложения тела. *(прим. Rovus)*

85

Джут — волокно, изготавливаемое из растений одноименного рода. Из этих волокон производят преимущественно мешки и канаты. *(прим. Rovus)*

86

Betula papyrifera — латинское название березы бумажной, русские же названия вида: береза канойская и береза американская белая *(прим. Rovus)*

87

Fraxinus nigra — латинское название черного ясеня. *(прим. Rovus)*

88

Бальзамический тополь — дерево высотой до 30 метров, растет в северных районах США и Канаде, также произрастает в виде небольших кустарников на Чукотке, где внесен в местную Красную Книгу. Произрастает вдоль рек и горных речек, в долинах, по отмелям и по береговым склонам, одиночно или рощами. *(прим. Rovus)*

89

Алмазное плетение — также называется бриллиантовым и славится своей грузоподъемностью; переплетение нитей образует рисунок, состоящий из маленьких ромбиков, оно более сложное и придает веревке оптимальную равномерную эластичность и, в то же время, хорошее натяжение нитей, благодаря чему веревка очень хорошо держит вес и обладает небывалой цепкостью. *(прим. Rovus)*

90

Сантерия — религия, распространенная на Кубе, а также в среде афрокубинских эмигрантов в США и других странах. Представляет собой верования народа йоруба, смешанные с элементами католицизма, имеет множество сходных элементов с вуду и другими африканскими синкретическими религиями. *(прим. Rovus)*

91

Магистр Йода — один из главных персонажей «Звездных войн», мудрейший и самый сильный джедай своего времени. *(прим. Rovus)*

92

Нет, не пробовать. Сделать или нет. Не пробовать (No try. Do or do not. There is no try) — одно из самых известных выражений магистра Йоды, который славится своей необычной речью с перестановкой слов. Я, как поклонница Вселенной «Звездных войн», взяла на себя смелость написать правильную цитату этой фразы: либо Герритсен, либо персонаж Кроу ошибаются, произнося эту фразу в книге как «Не пробовать, сделать». *(прим. Rovus)*

93

«Грин-карта» (green card) — удостоверение личности или так называемая идентификационная карта, подтверждающая наличие вида на жительство у человека, не являющегося гражданином США, но постоянно проживающего на территории США, и предоставляющая право трудоустройства на территории этой страны. Проще говоря, это вид на жительство. *(прим. Rovus)*

94

Роксбери — тауншип (одна из административно-территориальных единиц третьего уровня в США) в округе Пеннингтон, Миннесота, США. *(прим. Rovus)*

95

Генерал МакАртур — Дуглас МакАртур, американский военачальник, обладатель высшего звания — генерал армии (1944), фельдмаршал филиппинской армии, кавалер многих орденов и медалей. *(прим. Rovus)*

96

Валькирия — в переводе с древнеисландского означает «выбирающая убитых», в скандинавской мифологии — дочь славного воина или

конунга (короля, князя), которая реет на крылатом коне над полем битвы и подбирает павших воинов. Погибшие отправляются в небесный чертог — Валгаллу. С гривы ее коня (облака) капает оплодотворяющая роса, а от меча исходит свет. *(прим. Rovus)*

97

Лимская фасоль — американский вид фасоли, которую также называют «лунообразной» из-за приплюснутых с боков семян и серповидных бобов. *(прим. Rovus)*

98

Брюки карго — свободные брюки прямого кроя с широким ремнем и большим количеством карманов, расположенных не только по бокам и на ягодицах. *(прим. Rovus)*

99

«Янки» — полное название «Нью-Йорк Янкиз» (New York Yankees), профессиональный бейсбольный клуб, базирующийся в Бронксе, одном из пяти районов города Нью-Йорка. Команда выступает в Восточном дивизионе Американской лиги Главной лиги бейсбола. *(прим. Rovus)*

100

Крестцовые отверстия — парные отверстия на задней поверхности крестца; место выхода задних ветвей крестцовых спинномозговых нервов. *(прим. Rovus)*

101

Верхняя ветвь лобковой кости — часть лобковой кости, отходящая вперед от ее тела и ограничивающая сверху запирательное отверстие. *(прим. Rovus)*

102

Магистральные сосуды — наиболее крупные артерии, в которых ритмически пульсирующий, изменчивый кровоток превращается в более равномерный и плавный. Кровь в них движется от сердца. *(прим. Rovus)*

103

Бюстгальтер размера D — на очень большой размер груди, в просторечии называемый четвертым. *(прим. Rovus)*

104

Матушка Хаббард — героиня детских стишков. В психологии также матушкой Хаббард называют женщину, не обращающую внимания на внешний вид и полностью посвятившую себя семье. *(прим. Rovus)*

105

Фиброз — разрастание соединительной ткани с появлением рубцовых изменений в различных органах, возникающее, как правило, в результате хронического воспаления. *(прим. Rovus)*

106

Коллаген — фибриллярный белок, составляющий основу соединительной ткани организма (сухожилие, кость, хрящ, дерма и т. п.) и обеспечивающий ее прочность и эластичность. *(прим. Rovus)*

107

Эндостальные изменения — внутренние уплотнения, образующиеся после перелома. *(прим. Rovus)*

108

Фалака — орудие для наказания ударами по босым подошвам ног, традиционное для мусульманского Ближнего Востока и Северной Африки. *(прим. Rovus)*

109

«Панерай» — швейцарские часы, выпускаются с 1860 года, средняя цена — 10 000 долларов. *(прим. Rovus)*

110

Сэндвич «Рубен» — популярный В США горячий сэндвич из ржаного хлеба с начинкой из солонины, швейцарского сыра, квашеной капусты и русского соуса, готовится на гриле. *(прим. Rovus)*

111

Нэнси Грейс — американская телеведущая, журналистка, политический комментатор и прокурор. *(прим. Rovus)*

112

It doesn’t take a rocket scientist — аналог русской поговорки «для этого не надо быть семи пядей во лбу». *(прим. Rovus)*

113

Треккер — фанат сериала «Стар Трек» («Звездный путь»). *(прим. Rovus)*

114

Вулканцы — вымышленная инопланетная раса из научно-фантастического сериала «Звездный путь», обитающая на планете Вулкан. *(прим. Rovus)*

115

«Живи долго и процветай» — приветствие вулканцев: жест рукой, поднятая вперед ладонь с разведенными средним и безымянным пальцем и вытянутым большим. *(прим. Rovus)*

116

Телепортируй меня, Скотти! — известная фраза из сериала «Стар Трек», приписываемая капитану Джеймсу Кирку. *(прим. Rovus)*

117

Трава по другую сторону баррикад — намек на аналог русской поговорки «У соседа и трава зеленее». *(прим. Rovus)*

118

«Четверо амигос» — четыре друга, известная группа начала 20-го века. *(прим. Rovus)*

119

Фритто мисто — традиционное итальянское блюдо, дословно «жареная смесь»: различные ингредиенты в кляре, чаще всего морепродукты. *(прим. Rovus)*

120

Чесапик — независимый город (то есть, не входящий в состав какого-либо округа) в штате Виргиния в США. *(прим. Rovus)*

121

«Сессна» — легкий американский турбовинтовой одномоторный самолет общего применения с шасси. *(прим. Rovus)*

122

Обитаемая зона — условная область в космосе, определенная из расчета, что условия на поверхности находящихся в ней планет будут близки к условиям на Земле и обеспечивать существование воды в жидкой фазе. *(прим. Rovus)*

123

Пояс Златовласки — то же самое, что и обитаемая зона. *(прим. Rovus)*

124

«Да будет свет» — фраза из Библии, Ветхий Завет, Книга Бытия (гл. I, ст. 3): «И сказал Бог: да будет свет. И стал свет». *(прим. Rovus)*

125

Строительные блоки жизни — аминокислоты. *(прим. Rovus)*

126

Колумбия — небольшой город в штате Мэриленд. *(прим. Rovus)*

127

Воскресная школа — занятия для детей по воскресеньям при церкви, где им в доступной, чаще всего игровой форме, рассказываются основы христианской веры и библейские сюжеты. *(прим. Rovus)*

128

Монах-ассасин альбинос — персонаж книги и одноименного фильма «Код да Винчи», член католической организации «Опус Деи», уверенный в том, что исполняет волю Бога, убивая людей, которые могут раскрыть секрет происхождения Иисуса Христа. *(прим. Rovus)*

129

Сноуден Ривер Парквей — одна из центральных улиц города Колумбия, штат Мэриленд. *(прим. Rovus)*

130

Талахасси — столица Флориды, четвертого по количеству проживающего населения штата США. *(прим. Rovus)*

131

Стек-портерхаус — говяжий стейк королевских размеров, вырезается из поясничной части спины в области толстого края вырезки. *(прим. Rovus)*

132

Двадцать унций — около 600 граммов. *(прим. Rovus)*

133

Жидкостная хроматография — метод анализа синтетических и природных высокомолекулярных соединений. *(прим. Rovus)*

134

Масс-спектрометрия — один из наиболее эффективных способов качественной идентификации веществ, допускающий также и количественное определение. *(прим. Rovus)*

135

Гексоген — мощное взрывчатое вещество. *(прим. Rovus)*

136

Семь унций — около 200 граммов. *(прим. Rovus)*

137

«ПиДжей» — известная фирма про производству пижам и нижнего белья. *(прим. Rovus)*

138

Кларк Гейбл — американский актер, кинозвезда и секс-символ 1930–1940-х годов, носивший прозвище «Король Голливуда», лауреат премии «Оскар». В России наиболее известен по роли Рэтта Батлера в фильме «Унесенные ветром». *(прим. Rovus)*

139

Джи-Пи-Эс контроллер — устройство приема-передачи данных для спутникового мониторинга автомобилей, людей или других объектов, к которому оно прикрепляется. *(прим. Rovus)*

140

Эндоморф — тип телосложения или конституции человека, характеризуется крупным телосложением и более широкими бедрами, чем плечами, что в сумме образует грушевидное телосложение. *(прим. Rovus)*

141

Эктоморф — тип телосложения, характеризуется относительно короткой верхней частью тела, длинными конечностями, узкими ступнями и кистями, небольшим корпусом и сравнительно узкими плечами. *(прим. Rovus)*

142

«Пункт назначения» — сверхъестественный фильм ужасов 2000 года режиссера Джеймса Вонга о подростке, который обманывает смерть после того, как его посетило видение смерти себя и своих друзей, которые взрываются в самолете. Ему удается спасти нескольких пассажиров, но смерть тем не менее настигает их, поскольку им было суждено погибнуть на том самолете. *(прим. Rovus)*

143

Диснейуорлд — «Всемирный центр отдыха Уолта Диснея», самый большой по площади и посещаемости центр развлечений в мире, покрывающий площадь в 100 км². В его составе: четыре тематических парка, два аквапарка, 24 тематических отеля, многочисленные магазины, кафе, рестораны и места развлечений. *(прим. Rovus)*

144

«Волшебное Королевство» — самый первый и самый известный тематический парк Диснейуорлда. *(прим. Rovus)*

145

«Желтые страницы» — пришедшее из США название телефонных справочников со сведениями о предприятиях и организациях, преимущественно в сфере обслуживания. *(прим. Rovus)*

146

Хедхантинг — буквально «охота за головами», переманивание специалистов из одной компании в другую, подбор персонала. *(прим. Rovus)*

147

«Докерс» — марка обуви американской компании «Levi Strauss & Co». Обувь этой марки стала культовой, благодаря своей долговечности и удобству носки. *(прим. Rovus)*

148

Орбитальная кость — кость под глазницей. *(прим. Rovus)*

149

51 градус (по Фаренгейту) — 10,5 градусов по Цельсию. *(прим. Rovus)*

150

Шесть футов один дюйм, сто девяносто фунтов — 1 метр 86 сантиметров, 86 килограммов. *(прим. Rovus)*

151

«Рыцарское вооружение» (Knight's Armament) — компактное оружие, рассчитанное на боеприпасы калибра 6 x 35 мм, которое при размерах стандартного пистолета-пулемета, на дистанции до 300 метров, обладает останавливающим действием стандартного армейского карабина. *(прим. Rovus)*

152

Сошка — подставка (упор) для огнестрельного оружия или арбалета. *(прим. Rovus)*

153

3,8 и 7,62 НАТО — калибр и марка патронов. *(прим. Rovus)*

154

Вест-Пойнт — военная академия США, высшее федеральное военное учебное заведение армии США. Является старейшей из пяти военных академий в США — основана в 1802 году. *(прим. Rovus)*

155

Дэнзел Вашингтон — известный американский чернокожий актер, двукратный лауреат премии «Оскар» за фильмы «Слава» и «Тренировочный день». *(прим. Rovus)*

156

Чрезвычайная передача — осуществляется по договоренности стран, в обход предусмотренной международным правом процедуры экстрадиции. *(прим. Rovus)*

157

Хитроу — крупнейший международный аэропорт города Лондон. Считается вторым по загруженности пассажирским аэропортом в мире и первым в Европе. *(прим. Rovus)*

158

ВикиЛикс — международная некоммерческая организация, которая публикует секретную информацию, взятую из анонимных источников или при утечке данной информации. *(прим. Rovus)*

159

Метод ВЭЖХ с детектированием флюоресценции — один из эффективных методов разделения сложных смесей веществ, широко применяемый как в аналитической химии, так и в химической технологии. *(прим. Rovus)*

160

Гемоторакс — скопление крови в плевральной полости. *(прим. Rovus)*

161

Гипоперфузия головного мозга — возникает, когда в результате анатомических вариантов отхождения или случайной канюляции общей сонной артерии значительная часть крови, поступающей из артериальной канюли, направляется непосредственно в головной мозг. *(прим. Rovus)*

162

Необратимые неврологические симптомы — симптомы, диагностирующие смерть головного мозга. *(прим. Rovus)*

163

Катетер Фолея — урологический катетер, устройство для дренажа с баллоном, куда через канал поступает жидкость. *(прим. Rovus)*

164

Эль «Адамс» — бостонское пиво марки «Самуэль Адамс». *(прим. Rovus)*